

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

**Журнал Сибирского
федерального университета
Гуманитарные науки**

**Journal of Siberian
Federal University**

Humanities & Social Sciences

2024 17 (8)

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

2024 17(8)

Издание индексируется Scopus (Elsevier), Российским индексом научного цитирования (НЭБ), представлено в международных и российских информационных базах: Ulrich's periodicals directory, EBSCO (США), Google Scholar, Index Copernicus, Erihplus, КиберЛенинке.

Включено в список Высшей аттестационной комиссии «Рецензируемые научные издания, входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования».

Все статьи находятся в открытом доступе (open access).

ЖУРНАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА Гуманитарные науки

JOURNAL OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY Humanities & Social Sciences

**Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.
Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.**

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (СФУ)

Главный редактор Н.П. Копцева. Редактор О.Ф. Александрова
Корректор Т.Е. Бастрыгина. Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-28723 от 29.06.2007 г.,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия*

№ 8. 28.08.2024. Тираж: 1000 экз.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя: 660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 79, оф. 32-03

*Отпечатано в типографии Издательства БИК СФУ
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82а.*

<http://journal.sfu-kras.ru>

Подписано в печать 13.08.2024. Формат 60x90/8. Усл. печ. л. 16,5.
Уч.-изд. л. 16,0. Бумага тип. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 20999.

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Н. П. Копцева – доктор философских наук, зав. кафедрой культурологии (Сибирский федеральный университет).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Е. Е. Анисимова**, д-р филол. наук, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- О. Ю. Астахов**, д-р культурологии, профессор, Кемеровский государственный институт культуры.
- А. Ю. Ближевский**, д-р пед. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Б. Бухарова**, канд. экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- З. А. Васильева**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Д. Н. Гергилев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- К. В. Григоричев**, д-р социол. наук, профессор, Иркутский государственный университет.
- Д. Григорова**, профессор Софийского университета им. Климента Охридского (Болгария).
- С. В. Девяткин**, канд. филос. наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.
- С. А. Дробышевский**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Егорова**, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина.
- Е. В. Зандер**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Т. Х. Керимов**, д-р филос. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
- А. С. Ковалев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Колеров**, канд. истор. наук, действительный государственный советник РФ 1 класса, Информационное агентство Regnum, г. Москва.
- В. И. Колмаков**, д-р биол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- А. А. Кроник**, профессор, Университет Ховарда, США.
- Л. В. Куликова**, д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- В. Ю. Леденева**, д-р социол. наук, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.
- О. В. Магировская**, д-р филол. наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- П. В. Мандрыка**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. В. Москалюк**, д-р искусствоведения, Сибирский государственный институт искусств им. Д. А. Хворостовского, г. Красноярск.
- В. Г. Немировский**, д-р социол. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва.
- Н. П. Парфентьев**, д-р истор. наук, д-р искусствоведения, профессор истории, заслуженный деятель науки РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. В. Парфентьева**, д-р искусствоведения, профессор, член Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. Н. Петро**, PhD, профессор общественных наук, Университет Род-Айленда, США.
- Р. В. Светлов**, д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
- А. В. Смирнов**, д-р филос. наук, член-корреспондент РАН, Институт философии РАН, г. Москва.
- О. Г. Смолянинова**, д-р пед. наук, профессор, академик РАО, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- А. Н. Тарбагаев**, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист России, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Г. Тарева**, д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет.
- К. Б. Уразаева**, д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Казахстан).
- И. В. Шишко**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

CONTENTS

Aleksei S. Alekhin, Vladimir V. Malyavin and Oleg B. Alekseev The Organizational Reality of an Entrepreneur	1412
Izabella Z. Borisova Historical and Socio-Cultural Basis of Yakutia (the Russian Federation) Ethnological Expertise and Subsoil Use Problems	1422
Mariana A. Borodina, Natalia A. Sergeeva and Anastasia A. Zhigaeva Intertextuality as a Factor in the Formation of Regional Visual Culture	1434
Anna P. Dvoretzkaya, Aleksandr V. Slabukha and Nikita O. Pikov Sacred Space of the Yenisei North in Future Projects	1445
Kseniya A. Degtyarenko and Tikhon K. Ermakov Avant-garde and Technology: Artistic Construction of a Possible Future	1454
Valery S. Efimov and Alla V. Lapteva University 4.0: What Type of Thinking is Coming? (Part I)	1465
Aigul K. Zhumabekova Translating Linguistic Terms from English into Kazakh: Direct and Indirect Ways	1477
Natalia P. Koptseva, Yulia S. Zamaraeva and Yulia N. Menzhurenko Analysis of Project Expert Opinions “The One Hundred Year Study on Artificial Intelligence (AI100) 2021”	1494
Natalya N. Pimenova, Anastasia V. Kistova and Maria I. Bukova Possibilities of Virtual Education in Actual Museum’s Practices on the Examples of the Krasnoyarsk Region Institutions	1504
Maria A. Kolesnik and Anna A. Omelik Implementation of Artificial Intelligence in the Modern Museums Activities	1514
Vladimir I. Kolmakov, Anna I. Kartavtzeva, Lidia V. Kalina and Ivan V. Sostavnev Extended Reality Technologies in Adaptive Sports: Advantages, Risks and Application Prospects	1525
Natalya N. Seredkina, Natalia P. Koptseva, Natalya N. Pimenova and Yulia S. Zamaraeva “Report on the Activities of the Imperial Moscow Technical School for the Academic Year 1878–1879” as a Historical Source on the Development of Scientific and Technical Knowledge in the Russian Empire at the End of the 19 th Century	1536
Anna A. Shpak and Natalia M. Leshchinskaia The Social Implications of Implementing Artificial Intelligence in the Arts	1549
Anna A. Omelik, Natalia A. Sergeeva and Tikhon K. Ermakov Painting of 19 th Century in the Journal “Bulletin of Fine Arts”	1561
Natalya N. Pimenova Conceptual Ideas about Architecture in the G.V.F. Hegel ‘s Aesthetics	1572
Natalya N. Seredkina Artistic Practices of the Yakut Ethnic Group in the Aspect of the Manifestation of Ethno-cultural Identity in Cyberspace	1581
Aleksandra A. Sitnikova Transformation of the Krasnoyarsk Artistic Culture of the “Zeros” under the Influence of Cultural Innovations of the “Nineties”	1592
Nataliia D. Trishchenko and Mikhail I. Makeenko The Impact of Open Access on Citation Counts and Alternative Metrics of Articles in Leading International Scientific Journals on Media and Communication	1602

EDN: LEIAQL
УДК 334.7

The Organizational Reality of an Entrepreneur

Aleksei S. Alekhin, Vladimir V. Malyavin
and Oleg B. Alekseev*

*The Foundation “Center for Strategic Research “North-West”
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 17.06.2024, received in revised form 18.06.2024, accepted 24.06.2024

Abstract. The main purpose of this article is to describe the fundamental mechanism of forming the organizational basis of an enterprise from the origin of an entrepreneurial idea and organizational individuation of the entrepreneur himself to its embodiment and implementation in activity.

Despite the fact that any regular activity known to us is associated with the organizational form in which it is implemented, in fact, with the awareness and development of skills to work with organizational reality, the situation is not so good at all.

The authors develop in this paper the main ideas described earlier in the articles (Alekhin, Alekseev, 2022; Alekhin, 2020; Alekseev, Alekhin, 2020; Alekseev, Alekhin, 2023). The figure of an entrepreneur as the main “hero” of this article was not chosen by chance, because it is the example of the “entrepreneurial cycle” that allows us to most clearly trace the entire problem of mastering organizational reality. However, the relevance of the chosen topic goes far beyond the actual business activity.

The method of cultural and ontological overlap with the ideas of the Chinese tradition used in the article allows us to move away from the organizational patterns and stamps familiar to our language.

Keywords: organization, transformation, balance, method, complementarity, emergence, entropy, feedback complexity, pattern, concept, diagnostics, discourse.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Law.

Citation: [Alekhin A. S.], Malyavin V. V., Alekseev O. B. The organizational reality of an entrepreneur. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(8), 1412–1421. EDN: LEIAQL

Организационная реальность предпринимателя

А.С. Алехин, В.В. Малявин, О.Б. Алексеев

*Центр стратегических разработок «Северо-Запад»
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. Основной целью настоящей статьи является описание принципиального механизма формирования организационной основы предприятия от зарождения предпринимательского замысла и организационной индивидуации самого предпринимателя до его воплощения и реализации в деятельности.

Несмотря на то что любая известная нам регулярная деятельность связана с организационной формой, в которой она реализуется, собственно с осознанием и освоением навыков работы с организационной реальностью, дело обстоит совсем не так благополучно.

Авторы развивают в настоящей работе основные идеи, описанные ранее в статьях (Alekhin, Alekseev, 2022; Alekhin, 2020; Alekseev, Alekhin, 2020; Alekseev, Alekhin, 2023). Фигура предпринимателя в качестве основного «героя» настоящей статьи выбрана не случайно, поскольку именно пример «предпринимательского цикла» позволяет наиболее отчетливо проследить всю проблематику освоения организационной реальности. Однако актуальность выбранной темы выходит далеко за рамки собственно предпринимательской деятельности.

Используемый в статье приём культурной и онтологической «переключки» с идеями китайской традиции позволяет избежать привычных нашему языку организационных шаблонов и штампов.

Ключевые слова: организация, трансформация, баланс, метод, комплементарность, эмерджентность, энтропия, обратная связь, сложность, паттерн, концепт, диагностика, дискурс.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы.

Цитирование: [Алехин А.С.](#), Малявин В.В., Алексеев О.Б. Организационная реальность предпринимателя. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1412–1421. EDN: LEIAQL

Введение

В наших предыдущих публикациях мы неоднократно отмечали, что живем в эпоху, когда внимание к деятельности затмило и удалило из фокуса специального рассмотрения собственно организацию, что, по нашему мнению, явилось источником глубокого непонимания организационных последствий деятельности.

Согласно нашим представлениям, организация и деятельность являются комплементарным единством разнородного. А его части, организация и деятельность,

служат результатом сознательной дифференциации, направленной на выявление как сути самих частей, так и отношений между ними. Чтобы понять суть комплементарных отношений, предлагаем представить, что организация и деятельность заботятся друг о друге и что эта забота повышает жизнестойкость обеих частей (Alekseev, Alekhin, 2020).

Под «организацией» мы понимаем сложившиеся формы, отношения и связи элементов в динамике их становления. Подчеркивая важность внимания к «орга-

низационному аспекту», мы утверждаем, что организация, невидимая и неразличимая для существующих систем управления, постоянно, как и любой объект, высказывается и сообщает нам о себе. Развиваемый нами метод базируется на принципах «регулирования организационного баланса» и позволяет не редуцировать организационную сложность. В общем виде метод описан нами в статье (Alekhin, Alekseev, 2022).

В настоящей статье мы хотим сфокусироваться на весьма значимой для организационной проблематики фигуре Предпринимателя и поразмышлять над тем, что для него означает «организация», зачем ему или руководителю компании отличать организацию от деятельности и оценивать её состояние и степень разбалансированности.

Чтобы отойти от привычных стереотипов, затрудняющих восприятие «организации» и «организационного баланса», расширить возможности языка описания и попытаться начать «чувствовать» организационную реальность, авторы, благодаря плодотворному соавторству с В.В. Малавиным, периодически будут обращаться к пониманию феномена организации в китайской традиции.

Преыдушие исследования феномена организации в его различных модусах выявили два еще непродуманных вопроса организационной теории и практики. Во-первых, вопрос о природе не объективируемого и не просто данного, но всегда уже заданного фона или субстрата, подосновы, источника, условия, внутренней формы и т.д. всякой организации и организационной деятельности. Этот вопрос требует определить характер связи онтологического и практического аспектов организации.

Во-вторых, вопрос о возможностях и способах опознания и регулирования организационного баланса, который, как выясняется, недоступен эмпирическому восприятию и рефлексии, несводим к какому-либо объективному, предметному содержанию, но дается опыту, по сути, в виде спонтанного, досубъектного «первичного видения», с его многочисленными косвенными признаками, симптомами, отчужденными

следами и т.п. Изучение организации неожиданно оказывается созвучным работе психоаналитика, вскрывающего сокрытые и скрываемые самим сознанием глубины душевной жизни.

Таким образом, не кажется удивительным, что в наследии восточных культур с их богатыми традициями медитативной практики и духовного самопознания мы находим суждения и прозрения, которые проливают свет на становление и деятельность организации и в особенности на природу организационного баланса в человеческой практике. Уже в древнейшем китайском каноне «Шан шу» (Чтимая Книга) содержится завет «держаться середины». Патриарх даосизма Лао-цзы объявил основой мудрости, или, говоря шире, стержнем человеческой деятельности, умение «хранить (в себе) середину» (шоу чжун). Речь идет, очевидно, о врожденной способности, которую необходимо «удерживать», а значит, опознавать и развивать, так что естественная способность со временем должна стать также неким умением и даже, возможно, искусством. Скажем сразу, что именно степень развитости этого «чувства середины» определяла в Древнем Китае место индивида в общественной иерархии, ведь она соответствовала умению поддерживать организационный баланс и, следовательно, являлась необходимым условием не просто социализации личности, но также обладания властью и успеха в управлении.

1. Организация как объемлющая идея

В современном мире наступила – согласно Джону Ло (Lo, 2015) – «эпоха множественности», в рамках которой человек получил право на разные способы мышления (без обязательной прежде преэминентности) и возможность строить разнообразные практики исходя из множественной природы мира, его объектов и процессов. Мы не знаем теперь, в отличие от классической эпохи, как именно устроен мир. Человек получил право самому себя создавать и обустривать так, как он считает нужным. В пределе при таком подходе может наступить Хаос, в котором люди не смогут

строить взаимодействий. Но и Порядок уже не понимается как «ordo amoris» у Блаженного Августина, где он равен организации жизни... Проблематика связи взаимодействия Хаоса и Порядка заставляет обратиться и взглянуть по-новому на Организацию, которая и является результатом этого доиндивидуального взаимодействия.

Для предмета нашего рассмотрения в этой статье – предпринимательства, буквально вырастающего из Хаоса (доиндивидуального предпринимателя), особенно важными становятся взаимодействия и коммуникация, ведь именно она (по Э. Морену, Maturana, Varela, 2019) и создаёт искомую организационную связь, которая осуществляется посредством передачи и обмена сигналами, текстами, знаками и т.д. Именно поэтому наиболее адекватной идеей, схватывающей сущность современного предпринимательства, является идея организации.

Джон Ло дал наиболее точное по смыслу определение подобной предпринимательской организации (или самоорганизации) как метода сборки. Мы, пишет Ло, являемся лишь множеством частичных связей и (здесь-внутри) как субъекты, и (там-вовне) как сети значимых материальных отношений. Иными словами, люди – суть «метод-сборки» или формируют его часть (Ло, 2015). Используя представления Джона Ло, мы можем сказать, что предприниматели – это люди, способные за счет собственных умений организовать себя и организовать различные позиции, смыслы, знания, знаковые конструкции в уникальную деятельностьную комбинацию (метод-сборку), реализующую их предпринимательский замысел.

Как уже отмечалось в литературе, в действительности «Секрет предпринимателя или оправдание его деятельности состоит, собственно, не в предметном знании, а в умении двигаться и налаживать связи в мире. ... Это человек, способный постоянно видоизменяться, он внезапно возникает, ... выныривает из океана хаоса, создавая некую сцепку, встречу в нашей жизни» (Simondon, 2022: 103–104). «Предприни-

матель в этом смысле есть одновременно и вестник, и средство, и среда новой социальности, «в пределе являющейся чистой общительностью» (Simondon, 2022: 103).

В китайской традиции существует полная гомология между организацией (в обоих смыслах этого понятия) мироздания, социума и индивидуального жизненного опыта. Китайская мысль оперирует общим основанием всех форм организации и в результате представляет мир как целостный, полный в себе, вечносущий в своей непрерывной изменчивости универсум-социум-личность, или по-китайски «единое великое тело».

Каким образом организация в ее онтологическом и деятельностном аспектах составляет одно целое? Такое возможно благодаря тому, что базовое организационное действие или то, что мы назвали раньше организацией организации или собиранием разнородного, носит характер центростремительного движения по спирали, захватывающее все сущее и влекущее все к отсутствующему фокусу. В таком случае мы должны провести различие (но только, как мы увидим ниже, чисто символическое, организационное) между двумя спонтанными тенденциями в том, что можно назвать самоорганизацией организации: центростремительным движением вовнутрь, преодолевающим все формы, и центробежным движением вовне, порождающим внешние, доступные объективации образы. Эти тенденции внутренне связаны парадоксальной логикой антиномического сопряжения: чем глубже проникает движение вовнутрь, тем более разнообразным и притом внутренне упорядоченным становится внешний мир.

2. Самоорганизация предпринимателя и организация организации

Возникновению предпринимательского замысла обычно предшествует сложная задача критического отношения к собственным способам действия и формам своей организации. Предпринимателю нужно уметь проектировать не только вещи или системы деятельности, но и проектировать и организовывать себя. Современный предприниматель – это уже социальная

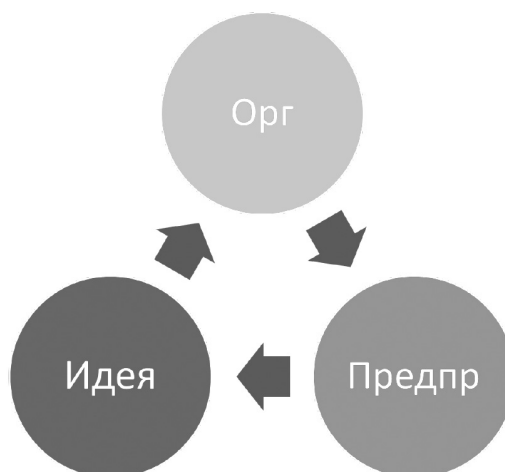

Рис. 1. Предпринимательский цикл: Идея (организация себя) – Организация (организация организации) – Предприятие (организационный баланс)

Fig. 1. The business cycle: Idea (organization of oneself) – Organization (organization of the organization) – Enterprise (organizational balance)

позиция, отражающая определённый способ организации жизни. Эта позиция может собираться как на отдельном человеке, так и на группе людей с различными способами действий и знаниями. Таким образом, процесс организмовывания начинается с самоорганизации предпринимателя и завершается созданием организации – предприятия (enterprise), реализующего предпринимательский замысел.

Самоорганизация предпринимателя в том и состоит, что он создает организационную основу для деятельности, развивает её и переносит на предприятие, которое реализует в своей деятельности его предпринимательский замысел.

3. Предприниматель в оптике организационного баланса

Рассмотрим описанный выше предпринимательский цикл с точки зрения наших представлений об организационном балансе (Alekhin, 2020). Согласно нашим представлениям, любая «организация», в том числе предпринимателя (индивидуального или коллективного), возникает из взаимодействия нескольких фокусов причинности, а именно инфра- (приобретенные умения, навыки, привычки, стереотипы и т.д.), ультра-

(интуиции, инсайты, озарения и пр.) и мета- (поле разнонаправленных мотивов, интересов и целей) структур.

Возникающая за счет взаимодействия столь разнородных причинностей невидимая внутренняя организация предпринимателя описывается в нашей модели через динамическое взаимодействие парадоксальных сторон-свойств, балансирующих друг друга. Результат этой балансировки, описываемый нами как профиль оргбаланса, носит индивидуальный характер и определяет сознание, подсознание и чувственно-эмоциональный фон как индивидуального, так и коллективного предпринимателя.

Когда сознанием предпринимателя за счет озарения, или инсайта, овладевает некая «безумная» идея, баланс его внутренней организации нарушается. Возникает разбалансировка между парадоксальными сторонами-свойствами его внутренней организации (между инфра- и ультраструктурами). Для предпринимателя наиболее подверженными разбалансировке являются линии напряжения (взаимодействия) между статичным и динамичным; уникальным и стереотипным (нормативным); индивидуальным и общепринятым (коллективным). Когда расхождения между ультра- и инфра-

причинностями приобретают характер «несовместимости», они инициируют поиск новой комплементарности и эмерджентности, и тем самым новой «метастабильности». Именно энергия этого поиска, сопровождающегося разрывом ненужных связей, является источником действенных усилий предпринимателя, дающих возможность реализовать свою «безумную» идею в новой деятельности.

Предприниматель сначала «на себе» создает невидимые фокусы причинности будущей организации, а потом ее формализует в соответствии с существующими правилами правового регулирования. Когда в результате его усилий возникает (организуется) новая деятельность (или, по П.Г. Щедровицкому, новая система разделения труда), предпринимательский цикл заканчивается.

4. Организационный баланс: свидетельство китайской традиции

Одно из изречений Лао-цзы гласит («Дао-дэ цзин», глава 37): мудрый «пребывает в недеянии, и все вещи превращаются сами собой». «Превращение» вещей здесь явно относится не только к физическим, но и к духовным переменам: росту духовной чувствительности, открытию новых граней опыта и уже известному нам рождению внешних образов из круговорота бытийного сознания – сознания, которое делает себя, разделявая себя, т.е., сливаясь с пустотной актуальностью практики. Это путь духовного просветления, доступный каждому, но далеко не каждым выбираемый.

На этой основе можно сделать следующие выводы.

1. Организация и как сущность, и как деятельность всегда уже задана в человеческой практике и поэтому не может быть ни установлена, ни подвергнута административному регулированию. Поэтому она может быть только объектом «удержания», и это последнее проявляется как отсутствие проективной деятельности и даже открытого и тем более насильственного вмешательства в актуальное состояние организации.

Учить «искусству организации» – все равно что учить гениальности.

2. Из сказанного не следует, что жизнь организации должна быть пущена на самотек. Как раз наоборот: глава организации (который в мире бизнеса часто занимает это положение в силу естественного течения событий) должен учиться искусству руководителя и понимать, каким образом его индивидуальный характер может отобразиться или, точнее, преломиться в определенный тип организации с ее уникальным духом, атмосферой, «лицом» и в конечном счете в ее жизнеспособный, привлекательный бренд. Члены организации не должны быть подавлены абстрактными правилами и ценностями, но нужно понимать и то, что забвение принципов организационного баланса и упование на самодеятельность индивидов неминуемо приведет корпорацию к расстройству и разложению. Умение пройти между этими крайностями и есть прославляемый в китайской традиции «путь центрированности» (чжун дао).

3. Успешность организации достигается соблюдением баланса ее сплоченности и инициативы ее отдельных членов. Более того, в рамках этого баланса единство коллектива и личная свобода друг друга определяют и укрепляют. В приведенном выше суждении Лао-цзы указанный баланс включает в себя три компонента: «недеяние» руководителя, которое означает в действительности всеобъемлющее радушие руководителя, его готовность и умение принимать (даосы говорили «привечать») таланты и характер каждого подчиненного или, как сказано в даосском каноне «Дао-дэ цзин», «поддерживать таковость каждого существа». Но та же всеобъемлющая благосклонность выступает ограничителем корыстных желаний, обеспечивает приверженность (в основе своей бессознательную) членов корпорации ее «единому телу», если угодно – удостоверяет корпоральность корпорации. Общее «недеяние» организации (в сущности, равнозначное организационному балансу) – есть условие как жизнеспособности организации, так и эффективности действий ее отдельных членов.

4. Секрет действенности организационного баланса состоит не просто в преимущественности покоя и движения, но в совпадении того и другого именно по своему пределу: абсолютный покой оборачивается пределом движения, молниеносным свершением (переменной). Такое наложение крайностей – главный принцип «круговорота Великого Пути», к которому в Китае прилагали эпитет «утонченный», «чудесный» (мяо). «Утонченность – в одном повороте», – гласит китайский афоризм. Мгновенное обретение всего из ничего и в самом деле иначе как чудом не назовешь. Это неизъяснимое и неопределимое совпадение сущего и несущего, действительного и иллюзорного, природы и культуры, сознательного и бессознательного в опыте было глубочайшей тайной китайской традиции, которая так и осталась необъясненной, что привело в конце концов к катастрофическому слову китайского миропорядка. Но в современной информационной цивилизации, поставившей во главу угла мгновение встречи, проблема «сходства несходного» вновь приобрела необычайную остроту.

5. Сопутствующая поддержанию организационного баланса «утонченность» мысли и действия может и должна стать не только предметом всестороннего изучения, но и важной частью образовательных программ и тренингов для руководителей всех видов. Нужно понять, что мир, прямо по Лао-цзы, переживает тот самый момент предельного обострения и, можно сказать, исступления индивидуального сознания, который неожиданно, но, поистине, провиденциальным образом указывает выход из ловушки самосознания в просветленности бессознательного.

6. Учитывая, что в западной теории организации энтропия считается практически неизбежной судьбой последней (что кажется следствием глубоко укорененного дуализма духа и материи), следовало бы подчеркнуть, что восточный взгляд на природу организации как раз отрицает неизбежность энтропии. Инволюционное движение духа в том, кто «удерживает центрированность», можно сказать, обну-

ляет всю прошлую эволюцию и приводит к точке предвосхищения мира, когда мир восстанавливается в полноте его потенций, и все в нем начинается «с чистого листа». В удержании центрированности нечего терять, потому что речь идет не о методике или техническом навыке, а о чувствительности духа, претворяющего «оставление себя» и потому улавливающего негативные (субъективные) тенденции в организации до того, как они проявятся вовне.

5. Сбалансированная организация – источник долгосрочного развития

Основополагающие установки китайской мудрости во многом перекликаются с современными тезисами европейской философии и антропологии.

1) В юбилейном докладе Римского клуба, написанном двумя президентами Клуба – Эрнстом Вайцзеккером и Андерсом Вейкманом при участии тридцати четырёх других членов и представленном в декабре 2017 года, сказано, что до 2050 года наряду с комплементарностью столпами “нового Просвещения” Римский клуб видит синергию – поиск мудрости, через примирение противоположностей, и баланс.

2) Эдгар Морен в статье «Размышление о познании» (Morin, 2013) указывает, что «программа долгосрочного развития должна базироваться на антропологическом принципе. Истинное развитие – это эволюция человека, это человеческое развитие. ... Некоторый дефицит в сфере эмоциональной и психической жизни в большей или меньшей степени имеется во всех цивилизациях, повсюду наблюдается серьезная недоразвитость человеческого духа. Но нужно видеть и духовную нищету богатых государств, недостаток любви в сытых обществах, злобу и страшную агрессию интеллектуалов и университетских профессоров, распространение обобщенных пустых идей и ущербных точек зрения, утрату целостности, основательности и ответственности».

Приведенные тезисы ещё раз подчеркивают, что любая деятельность вырастает из организации и питается её энергией. При этом:

1. Реальность организации не может быть установлена и не будет известна окончательно. Она хаотична, сложна, изменчива, иногда случайна, часто беспорядочна и всегда удивительна.

2. Организация лежит в основании предпринимательского успеха, но она «скрыта» за деятельностью.

3. Воспроизводство (поддержание баланса) организации позволяет её «прошлому» интерпретировать настоящее и «предсказывать» будущее (новую коллективную индивидуацию организации).

Деятельность существует «под приамом» «рационализации, специализации, квантификации, абстракции, безответственности», что порождает этическую недоразвитость». Обретение этической, эмоциональной, психической и моральной целостности возможно через обращение и непрерывную заботу предпринимателя и руководителя о своей организации.

Нам важно разделить два параллельных процесса: 1) управление деятельностью и 2) балансировку организации. Пользуясь метафорой, можно сказать, что управление деятельностью – это «твёрдые» (hard) компетенции руководителя, способность видеть и балансировать организацию относится к «мягким» (soft), но необходимым компетенциям.

Балансировка организации осуществляется не только сознательными усилиями, но и, пользуясь выражением А. Пятигорского, «всем телом» и чувствами.

Понимая теперь важность организационного зренья и чувствования, можем указать предпринимателям и руководителям на ряд практических способов, помогающих этим софтом овладеть:

- Интерпретация своего внутреннего состояния в соответствии с голографическим принципом (каждый является элементом своей познаваемой организации). Каким бы образом в силу действия различных внешних сил, включая властное подчинение и культурное бессознательное, не искажалась и не фальсифицировалась чистая субъективность, это вовсе не означает утрату заложенного природой организационно-

го инстинкта. Нужно постараться «всего лишь» настроить своё организационное зрение.

- Организационное вопрошание из позиции наблюдателя. Это свои, идущие от собственной субъектности вопросы, по которым можно «прочитать» как свою, так и любую внешнюю организацию. Выход в позицию наблюдателя из позиции деятеля связан с преодолением внутренних сознательных и бессознательных барьеров, необходимостью нейтрализации эго в целях проявления опыта и интуиции.

- Освоение навыков духовной гимнастики и медитативных практик для поддержания собственного баланса и приобретения телесного ощущения организационных отклонений.

- Освоение и использование практики «радушного недеяния», способность переключать себя из управленческой позиции в организационную «нирвану».

- Выработка при принятии управленческих решений установки на поддержание баланса между различными полюсами парадоксальных организационных напряжений как альтернативы и ухода от практики поддержки только одного из полюсов организационного конфликта.

- Использование «естественной» организационной энтропии в качестве инструмента для управляемой и контролируемой временной «разбалансировки» предприятия при «лечении организационной атрофии» и поднятия организационного тонуса.

Заключение

Подводя итог написанному, укажем на основные отличия и преимущества (см. табл. 1), которыми, с точки зрения авторов, будет обладать система управления, освоившая организационные компетенции, по сравнению с традиционной:

С самого своего зарождения предпринимательская деятельность была в первую очередь организационной, а не инновационной или изобретательской. Если мы хотим, чтобы социальные процессы носили неслучайный характер, то для этого нуж-

Таблица 1. Сравнение двух систем управления
Table 1. Comparison of two control systems

Система управления с организационными компетенциями	Традиционная система управления
<p>Сдвиг в сторону символистской и постмодерной парадигмы (качественные методы и описания, смысловые и символические интерпретации, эмоциональное и эстетическое оценивание, рекурсия):</p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ Воспринимает сигналы от организации (информация – энергия) ▪ Оценивает состояние организации и степень сбалансированности («тёплая»/ «холодная» энергия) ▪ Оценивает готовность организации к изменениям (к новой стратегии, бизнес-модели) ▪ Работает с воображаемым ▪ Осуществляя организационную трансформацию, «разгадывает» организационные предпочтения ▪ Делает ставку на сложность 	<p>Работает преимущественно в модерной парадигме (количественные методы, причинно-следственные связи, объектная фокусировка):</p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ Воспринимает только видимую часть организации, которую считает производной от деятельности ▪ Считает организационную реальность известной ▪ Игнорирует воображаемое (которое обязательно реализуется) ▪ Считает возможным производить любые операции с символическим ▪ Наводит «порядок» в организации и адаптирует её под задачи деятельности ▪ Работает с организационными редукциями и упрощениями

на система образования, ориентированная на различные организационные форматы: на продвинутую коммуникацию между обучающимися и экспертами, на множественность возможных самореализаций во время обучения, на освоение техники «сборки» разнородных элементов.

Авторы отдают себе отчет, что освоение организационных практик будущими предпринимателями и управленцами не может стать массовым, однако это совсем не означает, что движение по данному пути в любом из предложенных не будет стоить затраченных усилий.

Список литературы / References

Alekhin A. S. Balans poryadka i besporyadka v organizatsii. Organizatsionnyi balans [the balance of order and disorder in an organization. Organizational balance]. In: *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «HR-trend»*, Tomsk, 25–27 iyunya 2020g. [Materials of the scientific and practical conference “HR-trend”, Tomsk, June 25–27, 2020.]. Tomsk. Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2020, 17–19.

Alekseev O. B., Alekhin A. S. Aktualizatsiya temy «Poryadok/Besporyadok. Organizatsiya» [Actualization of the theme “Order/Disorder. Organization”]. In: *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «HR-trend»*, Tomsk, 25–27 iyunya 2020 g. [Materials of the scientific and practical conference “HR-trend”, 27–27 June 2020]. Tomsk. Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2020, 11–16.

Alekseev O. B., Alekhin A. S. Organization of an organization as a condition for the metastability of the symbiosis of organization and activity. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(10), 1801–1818. EDN: KABEDS

Bateson G. Razum i priroda: Neizbezhnoe edinstvo. Per. s angl. [Mind and nature: Inescapable unity]. /ISBN 978–5–9710–8630–7/ Publishing house 4 URSS. 2021. 264.

Bogdanov A. A. Tectology: general organizational science. Alexander Bogdanov International Institute. Book edition “Finance”. 2003, ISBN 5-94513-006-0

Chinese military strategy. Comp. and per. V. V. Malyavin. Moscow: AST, 2004. 431.

Doss Francois. Gilles Dele and Felix Guattari. Cross biography/translated from the French by I. Kushnareva, under the scientific editorship of M. Mayatsky. Moscow: Publishing House "Delo" RANEPA, 2021. 672. (Intellectual biography). – ISBN 978-5-85006-374-4

Edgar Morin O slozhnostnosti [About complexity]./ISBN 978-5-88230-360-9. Moscow: Institute for General Humanitarian Studies. 2019. 272.

Fan Yun. Chuang tzu zuan yao (Collection of basic information about "Chuang Tzu"). Beijing: Xueyuan, 2012. 3.

Freud Z. The psychology of the masses and the analysis of the human "I": A novel. Translated from German. St. Petersburg: Publishing House "ABC classics", 2008. 192.

Gilbert Simondon. The individual and his physico-biological genesis. Moscow, IOI, 2022. 484.

Gilles Deleuze. The fold. Leibniz and the Baroque. Moscow: Logos, 1998. 150.

Prigogine I., Stengers I. Poriadok ikh khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoi. [The order of their chaos: A new dialogue between man and nature.] Per. s angl. / ISBN 978-5-354-01695-2. Moscow: Editorial URSS, 2021. 320.

Lacan Jacques. Iznanka psihoanaliza (Seminar, Kniga XVII (1969–70)) [The underside of psychoanalysis]. Moscow: Publishing house "Logos". 2008. 272.

Lao Tzu, Tao te ching. Lao tzu; trans., comment: V. V. Malyavina. Moscow: Feoria, 2013. 704.

Li Daochun, Zhonghe ji (Collection of information on centering and harmony). Zhonghua daoang. Ed. Zhang Jiyu. 27. Beijing: Huaxia, 2004, 287.

Lo John. After the method: disorder and social science. Translated from English by S. Gavrilenko, A. Pisarev and P. Khanova. Scientific ed. of the translation by S. Gavrilenko. Moscow. Publishing House of the Gaidar Institute, 2015. 352.

Mary Jo Hatch Teoriia organizatsii. Modernistskaia, simvolicheskaia i postmodernistskaia perspektivy. [Organization Theory. Modern, Symbolic, and Postmodern Perspectives]. Per. s angl. / ISBN 978-5-94244-081-7/. Moscow. Izdatel'stvo «Logos». ITDKG «Gnozis», 2022. 512.

Maturana Umberto, Varela Francisco The Tree of knowledge: the biological roots of human understanding. 2nd Ed., Don. Moscow. URSS: LENAND, 2019. 330.

Morin Edgar Metod. Priroda Prirody [Method. nature nature]. Moscow. Publishing house «Kanon+ROOI «Reabilitacija», 2013, 488.

On the philosophy of corporate development: Collection, comp.: O. Alekseev, O. Genisaretsky. Moscow. "Europe", 2006. 224.

Taijiquan: classical texts. Principles. Mastery. V.V. Malyavin. Moscow. KNORUS, 2011. 528. ISBN 978-5-406-01963-4

Alekhin A. S., Alekseev O. B. Organizatsionnyi balans kak klyuch k reorganizatsii predpriyatiya [Organizational balance as a key to enterprise reorganization]. In: *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova* [Bulletin of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov], 2022, 19, 5(125), 190–205.

EDN: LOQQQE
УДК 572.9(571.56)+УДК 553(571.56)

Historical and Socio-Cultural Basis of Yakutia (the Russian Federation) Ethnological Expertise and Subsoil Use Problems

Izabella Z. Borisova*

*North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
The Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation*

Received 18.02.2024, received in revised form 26.02.2024, accepted 24.06.2024

Abstract. The subject of the study is the content of ethnological expertise during the industrial development of the ancestral territories of the local indigenous population of Yakutia. In the Republic of Yakutia the law on ethnological examination was first adopted, which also becomes the subject of interdisciplinary scientific research. The research subject is the study of problems that arise during the difficult situation of industrial development and subsoil development. The specific problem that is discussed concerns the main aspects of ethnological expertise, such as the features of the historical development of the local population, its legal status, the position of the territories, the characteristics of traditional management and the interests of local administrations.

Keywords: Republic of Sakha (Yakutia), territory, subsoil use, ethnological examination.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

Citation: Borisova I. Z. Historical and Socio-Cultural Basis of Yakutia (the Russian Federation) Ethnological Examination and Subsoil Use Problems. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 2024, 17(8), 1422–1433. EDN: LOQQQE

Исторический и социокультурный базис этнологической экспертизы Якутии (Российская Федерация) и проблемы недропользования

И.З. Борисова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
Российская Федерация, Республика Саха (Якутия)

Аннотация. В статье речь идет об историческом, социокультурном аспектах Якутии. Предметом исследования стало содержание этнологической экспертизы при промышленном освоении исконных территорий местного коренного населения. В Республике Саха (Якутия) впервые принят закон об этнологической экспертизе, которая становится также предметом междисциплинарного научного исследования. Тема затрагивает особенности, интересы локального населения в условиях интенсивного освоения территорий их проживания и хозяйствования. Проблема касается основных аспектов этнологической экспертизы, таких как особенности исторического развития местного населения, его правового статуса, положения территорий, особенностей традиционного хозяйствования, интересов местных администраций.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), территория, недропользование, этнологическая экспертиза.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Борисова И.З. Исторический и социокультурный базис этнологической экспертизы Якутии (Российская Федерация) и проблемы недропользования. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1422–1433. EDN: LOQQQE

Introduction

The Republic of Sakha (Yakutia) is a unique subject of the Russian Federation, which occupies 1/6 of Russia. The Yakuts like to repeat that on the territory of Yakutia you can fit 5.5 Frances, 10 Italys, 13 Englands. Yakutia not only has a huge territory, on the vast territory of Yakutia of 3103.2 thousand km², there is the entire periodic table. “The territory of the Republic is unique not only in Russia, but also on a global scale in terms of the diversity and size of mineral deposits. There are known deposits of oil, gas, coal, ores of ferrous, non-ferrous, rare and precious metals, diamonds, various mining and mining chemical raw materials and building materials. To date, about 1,500 deposits of various types of mineral raw materials have been identified, including 150 kimberlite pipes. Deposits

and prospects for expanding the raw material base of the oil and gas industry are associated with the western and central parts of Yakutia (Nepa-Botuobinsky uplift, Vilyui syncline)¹.” The republic has unique socio-cultural characteristics. This multinational region of Russia has regional and ethnic characteristics. The territory of modern Yakutia is home to more than 100 ethnic communities that have found themselves hostage to the region’s countless natural resources. In recent decades, there has been intensive development of the territory of Yakutia. There are large industrial complexes that extract and process mineral resources. The vulnerable northern nature is suffering due to the intensive development of natural resources by large mining companies. Not only nature

¹ http://www.nftn.ru/oilfields/russian_oilfields/jakutija_sakha_respublika/21 Date de référence 21.01.2024

itself suffers, but also the people who live in the areas of rich deposits, the original places of residence of local residents. The peoples living in the northern territories still lead traditional economies. In the conditions of the North, this is simply necessary. However, due to the small local population, problems associated with subsoil use seem insignificant to many companies.

Statement of the problem

The specific problem that is discussed in the article concerns the main aspects of ethnological expertise as features of the historical development of the local population, its legal status, the position of the territories of traditional management of the local population, the characteristics of traditional management, and the interests of local administrations. The problem of ethnological expertise in the development of ancestral territories of compact residence of the local population is one of the key ones in modern society. The Republic of Yakutia is a subject of the Russian Federation; a law on ethnological examination was first adopted here, which also becomes the subject of interdisciplinary scientific research.

Materials and methods

During the study, methods of analysis and study of scientific literature, questionnaires, focus groups, study of reports of mining companies, and analysis of publications on social networks were used.

For ethnological examination of subsoil use territories, it is necessary, first of all, to study the population and ethnic communities living in this territory. Statistical data from the population census of different years, the status of ethnic communities, the presence of places of compact residence, and the features of traditional economic management can become the necessary information for this.

Conceptological basis of the study (theoretical framework)

The conceptual basis of the study is the philosophy of cultural pluralism. In the period from the beginning of the 19th century to the 20th century and later, the theory of plurality in philosophical positions became widespread

and developed in Western Europe and North America. The philosophy of cultural pluralism underlies the concept of a multicultural state, which is the Russian Federation. It was in Yakutia, a subject of the Russian Federation, that the law on ethnological examination was first adopted, which is based on the legal status of ethnic communities living on the territory of Yakutia and shows the features of the traditional way of life, ethnic self-identification, and cultural identity. "Ethnological examination is "a scientific study of the influence of changes in the ancestral habitat of small peoples and the socio-cultural situation on the development of an ethnic group." The formulation is given within the framework of federal law No. 82 "On guarantees of the rights of indigenous peoples of the Russian Federation" of 1999" (Ethnological examination, 2023). According to its status, ethnocultural examination can be a scientific, independent examination carried out both by authorized government bodies and public organizations. The main idea or goal of the ethnocultural examination of bills, in particular subsoil use, is to assess and predict the impact of the normative act on the rights of the local small population and its interests.

Results and discussion

In the territories of traditional nature management, indigenous peoples of the North have been operating for centuries, who, due to the countless natural resources of their lands, found themselves in the zone of environmental and economic risks. The ancestors of the Evenks and Evens have lived in this northern territory since the 1st millennium. In the 13th century, the tribes of the Tungus people lived throughout the Middle Lena, on the Olekma and Vilyui rivers. The process of resettlement of Turkic tribes – the ancestors of the Yakuts to the Lena region forced the aboriginal peoples to move to the north, west and east of the Lena. According to researchers, the Turkic-speaking ancestors of modern Yakuts settled new territories in several stages, in the 14th-15th centuries. The last wave of resettlement occurred. The Yakuts (self-name Sakha, uraanghai Sakha) as a united people began to form precisely on the territory of the Middle Lena. In the formation of the

northern Turkic-speaking Sakha and their formation, the newcomer Mongol-speaking Horos (Khorins) and autochthonous Paleo-Asian tribes played a large role.

The first general population census of the Russian Empire was carried out on January 28, 1897. The Yakut regional census commission was created on January 17, 1896 under the chairmanship of the governor of the Yakut region V.N. Skripitsina. According to the first general census of 1897, the current population of the Yakut region was 269,880 people. It is difficult to judge the national composition of the population of Yakutia from these data, since there was no direct question about nationality in the census, and the national composition was determined indirectly, based on the question about the native language.

In total, during the final processing of the population census materials, 46 separate adverbs (dialects) were identified: Yakuts (82.1 %); Great Russians with Little Russians and Belarusians (11.4 %); Tungus (4.3 %); Tatars (0.5 %); Chukchi (0.6 %); Yukaghirs (0.4 %). According to the 2010 All-Russian Population Census, the permanent population of the Republic of Sakha (Yakutia) was 958.5 thousand people. Sakha – 466,492 (49.9 %), Dolgans – 1906 (1.4 %), Evenks – 21,008 (2.2 %), Evens – 15,071 (1.6 %), Yukaghirs – 1,281 (0.1 %), Russians – 353,649 (37.8 %), Ukrainians – 20,341 (2.2 %), Tatars – 8,122 (0.9 %), others – 46,124 (4.9 %) [9]

The first population census in Soviet Russia began in 1926. The population of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic, according to the census, amounted to 289.1 thousand people. The national composition of this census was studied on the basis of people's self-determination, i.e. What nationality did the person consider himself to be? The most numerous were the following nationalities: Russians (10.4 %); Yakuts (81.6 %); Tungus (4.5 %), Tatars (0.6 %); Chukchi (0.4 %), etc.

The next population censuses took place in 1937, 1959, 1970, 1989, 2002, 2010, 2021, 2023. According to the All-Russian Population Census of 2021, the permanent population of the Republic of Sakha (Yakutia) was 995,686 thousand people, of which 469,348 were Ya-

kuts (Sakha) (47.17 %), 24,334 Evenks (2.44 %), 13,233 Evens (1.33 %), 2,147 Dolgans (0.22 %), 1,510 Yukaghirs (0.15 %).

Intensive development of the subsoil of Yakutia and industrialization lead to an expansion of interaction between cultures and peoples, which makes the issue of preserving cultural identity especially relevant today. This issue can be considered an acute problem in the Republic of Sakha (Yakutia), where five national-ethnic communities of small peoples live: Evenks, Evens, Dolgans, Yukaghirs and Chukchis. If we focus on quantitative data on the number of peoples of Yakutia, we can focus on population census data.

What is the connection between centralization, intensive industrialization, mineral development and the transformation of the ethnic identity of the local population?

The ethnic composition and transformation of the ethnic identity of the local population have always been associated with the development of the subsoil and natural resources of Yakutia. The development of territories attracted a flow of migration and contributed to a change in the number of the local population, its assimilation, transformation of culture and identity. If during the era of tsarism, newcomers were attracted only by furs, then since the 19th century, gold deposits have been discovered in Bodaibo. And the 20th century was marked by the discovery of diamond deposits, gas, oil, coal, etc. Due to the fact that the Yakuts turned out to be the most numerous in number, they remained the unifying and identifying ethnic group of the region. The history of intensive development of the territory of Yakutia during the years of Soviet power was carried out without taking into account the interests of the local population. In the 90s, ideas began to be put forward to conduct an ethnological examination when extracting the natural resources of the territories inhabited by ethnic communities.

What are the legal basis for the status of the local population and the problems of terminology?

First of all, about the legal status of the region itself – the Republic of Sakha (Yakutia) as a subject of the Russian Federation. The legis-

lation of Russia enshrines the legal aspects of the region based on cultural and national characteristics: “Federal Law of June 17, 1996; No. 74-FZ “On National-Cultural Autonomy” is intended to provide conditions for the realization of the rights of minorities to preserve cultural identity and participate in society. The law defines national-cultural autonomy in the Russian Federation. According to Article 1, national-cultural autonomy is a form of national-cultural self-determination, which is an association of citizens of the Russian Federation who consider themselves to be a certain ethnic community, located in the situation of a national minority in the relevant territory, on the basis of their voluntary self-organization in order to independently resolve issues of preservation identity, language development, education, national culture. National-cultural autonomy is a type of public association. The organizational and legal form of national-cultural autonomy is a public organization” (Rights, 2016).

And now about the legal status of the local population and the terms that define this status. Region and regional identity are closely associated with minorities, since in a multicultural nation-state, a region is usually home to ethnic minorities. In today’s world, there are many terms and legally recognized groups, communities into which an individual can join in the process of his identification, among them minorities can be called. V.A. Tishkov and Y.P. Shabaev write that “the majority of minority groups belong to cultural minorities (ethnic, linguistic, racial, religious). In the terminology of ethnic groups related to the status of minorities, there is great diversity, according to V. Mukomel: “The legislation of the subjects of the Federation uses the definitions enshrined in the Constitution of the Russian Federation (national minorities, indigenous peoples, small ethnic communities) and in federal laws (small peoples, indigenous (aboriginal) peoples, small peoples of the North, indigenous small peoples of the North (Far North), national groups and communities, ethnic communities, small ethnic communities of the North, cultural and ethnic communities)” (Minority Rights, 2016). In ethnic regions there are also various terms at the regional level: “In addition, in the legis-

lation of the constituent entities there are definitions that are not used at the federal level: ethnic minorities (Tatarstan, Khakassia), ethnically dispersed minorities (Tomsk region), indigenous national minorities (Buryatia), national communities (Sverdlovsk region), small national communities (Krasnoyarsk Territory), small ethnic groups, indigenous peoples of the North (Yakutia), indigenous nation (Kalmykia), indigenous peoples of this region (Kabardino-Balkaria, Kalmykia, Tatarstan, Khakassia, Altai, Primorsky Territories, Sverdlovsk region), indigenous ethnic group (Khakassia), titular indigenous people (Karelia), indigenous population of the territory (Dagestan, Khakassia, Irkutsk, Tomsk regions), ethnic groups (Komi, Dagestan, Yakutia), ethnic communities (Adygea), ethno-confessional and ethno-cultural groups (Buryatia). Such a variety of definitions in the regions is the result not only of taking into account local characteristics, but also of the lack of clear regulation of the conceptual apparatus in federal legislation” (Mukomel, 2017).

In international law, the system of protecting the rights of minorities originated within the framework of the League of Nations that operated after the First World War and was formalized in 1948, when the UN adopted the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide. In subsequent years, the problem of minorities was reflected in a number of international legal documents. The most significant of them is the UN Declaration on the Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and Linguistic Minorities, adopted in 1992” (Tishkov, 2019: 407).

The term *national minorities* came out of the terminological circulation of the USSR in 1960. In this regard, the term *national minorities* itself is not defined in Russian legislation. Signs of minorities: numbers, non-dominant position, desire to preserve their differences. There is a definition of national minorities, which appears in dictionaries: “A national minority is an ethnic community, the number of which is significantly smaller than the size of the main population, occupying a non-dominant position in the country; preserving its specific ethnic, national, cultural, linguistic

and religious features that distinguish it from the rest of the population; living in the country for a relatively long time; in need of protection; usually consisting of citizens of the state. National minorities are distinguished from indigenous peoples: the latter live in their ancestral territory for many generations” (Silantieva, 2016: 29–42). In the amendments made to the Constitution of the Russian Federation in 2020, there are amendments regarding indigenous small peoples, which will be described below (Amendments, 2020).

The Constitution of the Russian Federation recognizes *minorities* as subjects of state law. Minorities and other groups in the modern Constitution of new Russia have rights that are associated with their original habitat, traditional way of life, and are protected by law: “Chapter 2 of the Constitution guarantees respect for human rights. In particular, Article 19 prohibits any form of restriction of the rights of citizens on the basis of social, racial, national, linguistic or religious affiliation. Article 26 gives everyone the right to freely determine and indicate their nationality. Paragraph 2 of this article establishes the right of everyone to use their native language and freely choose the language of communication, learning and creativity. Articles 71 and 72 relate to the protection of human and civil rights and freedoms, and the protection of the rights of national minorities, and the protection of the original habitat and traditional way of life of small ethnic groups; to the competence of government bodies of the Russian Federation and constituent entities” (Constitution of the Russian Federation, 1993). The rights of indigenous small peoples in the amendments to Article 69 of the Constitution of the Russian Federation are stated as follows: “1. The Russian Federation guarantees the rights of indigenous peoples in accordance with generally accepted principles and norms of international law, and international treaties of the Russian Federation. 2. The state protects the cultural identity of all peoples and ethnic communities of the Russian Federation, guarantees the preservation of ethnocultural and linguistic diversity...” (Amendments, 2020).

The status of *indigenous peoples* in the Russian Federation applies to an ethnic group

that numbers no more than 50,000 representatives on the territory of the state: The northern peoples of Yakutia have the status of indigenous peoples, which is established by Federal Law No. 82-FZ “On Guarantees of the Rights of Indigenous Peoples of the Russian Federation” dated 30 April 1999, No. 104-FZ of July 20, 2000 Republic Law No. 133-Z; No. 269-III dated April 15, 2004 allows us to consider the Russian pioneers (Russko-Ustyintsy and Pokhodchane) as the indigenous peoples of Yakutia.

The concept of “*indigenous peoples*” was introduced by the International Labor Organization Convention, which is recorded as Convention No. 107 of 1957: “For the Protection and Integration of Indigenous and Other Tribal or Semi-Tribal Populations in Independent States” (1957). (Since 1989 – Convention No. 169 “On Indigenous and Tribal Peoples in Independent Countries”) The following communities are considered indigenous peoples: “a) <...> tribal peoples in independent countries, social, cultural and economic whose conditions distinguish them from other groups of the national community and whose situation is regulated wholly or partly by their own customs or traditions, or by special legislation; b) <...> peoples in independent countries who are considered to be indigenous because they are descendants of those who inhabited the country or geographical area of which that country is a part, at the time of its conquest or colonization or at the time of the establishment of existing national boundaries, and which, regardless of their legal status, retain some or all of their social, economic, cultural and political institutions” (Indigenous, 2012).

The Yakuts do not qualify as small peoples, but are recognized as indigenous. In Yakutia, it was recognized that the Yakuts can also be considered an indigenous people under paragraph B of Convention No. 169 “On Indigenous and Tribal Peoples in Independent Countries,” and the Constitutional Court of the Republic, by its decision No. 4-P of October 21, 2016, recognized Yakuts are an indigenous people, and Yakutia is “the native land and historical homeland of the Yakut people, the source of their economic well-being, unique cultural

and linguistic identity” (Yakutia recognized, 2016). If the starting point is the formation of the USSR in 1922 and the Russian Federation in 1991, in both cases the position of Yakutia at that time coincides with the requirements of paragraph B of the Convention.

The Yakuts sought the status of “*indigenous people*” primarily due to the fact that they are not recognized as an indigenous people in Russian legislation. The status is also attractive because, within the framework of the Declaration on the Rights of Indigenous Peoples, adopted on September 13, 2007 by the UN General Assembly, a real opportunity arises to participate in the development of the Declaration on the Rights of Indigenous Peoples: “Russia motivated its refusal to support the Declaration on the Rights of Indigenous Peoples by two main reasons. Firstly, in connection with the disagreement with the text of Article 3 of the Declaration on the Right of Indigenous Peoples to Self-Determination. Secondly, due to disagreement with the texts of articles 26 and 27 of the Declaration on the right of indigenous peoples to lands, territories and natural resources and the right of compensation for the use of resources or seizure (withdrawal) of territories” (In Yakutia, 2016).

Despite the fact that the Russian Federation has not ratified this convention, there is provision No. 224 of February 10, 2016, which states that if international legal acts “have not been signed and ratified by the Russian Federation, it does not exclude the possibility of taking into account and using their provisions when formation of Russian legislation” (Indigenous Peoples, 2012). In other words, in Russia the provisions of the Declaration on the Rights of Indigenous Peoples are indirectly recognized, which is also set out in the amendments to the Constitution in 2020 (Amendments, 2020). However, ethnological examination does not directly concern the Yakut population, since the law deals with small indigenous peoples.

At the same time, in cyberspace and on social networks, pressing issues of environmental disasters related to the activities of large federal-regional companies, such as ALROSA, are discussed. The pollution of the Vilyuy River in 2018 was perceived as damage to the re-

gional ethnic culture and ecology of the large northern region: “The level of pollution of the Vilyuy River in the area of the village of Suntar is twenty times higher than the norm, the Rospotrebnadzor department for Yakutia said on Wednesday. On August 29, 12 samples were examined for sanitary and chemical indicators. “Based on the results of laboratory tests, the level of suspended substances in the village of Suntar was found to be 20 times higher than the natural background,” says a message from the network (Yakovleva, 2018). On August 17, four dams on the Irelyakh reservoir burst in the Mirny district. As a result, clay particles ended up in the Malaya Botuobuya and Vilyuy rivers” (Pollution, 2018). The disaster led to comments and discussions on social networks, open sanctioned and unsanctioned speeches, collective letters, and collections of signatures in defense of the regional ecology. The consequences of the activities of the diamond mining company still cause concern among the population; condemnations, disputes, and accusations do not subside on social networks (Stop, 2018). They write in the forums: “The subject of the offense is the ALROSA company, and not the Ministry of Environment. The company needs to explain itself to people, meet with residents of villages affected by pollution, and give an intelligible answer about the situation. They should also help the Vilyui group of uluses with water treatment facilities, voluntarily compensate for the damage caused to water resources and aquatic biological resources, because this damage is credited to local budgets” (From social networks, 2018). Cultural figures conduct flash mobs about the “disease” of the Vilyuy River, about the grief that befell the people (Makarova I., 2018). This event caused a surge of emotions of an ethnocultural and social nature and influenced the attitude of the population of the Vilyui group of uluses to the general policy of the Russian state. According to surveys conducted over the years, local residents try not to eat fish and game, which is caught at the sites of work on the development of the subsoil of ancestral territories.

What is the position of indigenous peoples, indigenous peoples of the North in the process of developing the subsoil of ancestral territories of traditional environmental management?

In recent years, the problems of interaction between indigenous peoples of the North and mining companies in the Republic of Sakha (Yakutia) have been studied by a number of research teams and individual researchers of the Republic of Sakha (Yakutia) and the Russian Federation as a whole. One of the interesting studies is the project within the framework of the Russian Humanitarian Foundation grant No. 17-02-00214-a “Development of a methodology for damage to indigenous peoples of the North during the industrial development of territories of traditional environmental management” under the scientific supervision of Samsonova I. V., Doctor of Economics, chief researcher of the Academy Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia). “In recent years, various practices of interaction between indigenous peoples and subsoil users have emerged – economic, political, legal and cultural. Mining companies declare policies aimed at preserving the original habitat, traditional environmental management and improving the quality of life of indigenous people. However, it must be stated that the development and development of fuel and energy, mineral raw materials, forest and water resources in the Arctic and northern regions has a negative impact on the way of life of the indigenous peoples of the North, the economic base of which is renewable natural resources” (Samsonova, 2017: 21–37).

Many researchers have analyzed the state of the mining industry in the places of traditional management of indigenous peoples of the North and stated that “in the Republic of Sakha (Yakutia) there are valid licenses for the use of subsoil (geological survey, prospecting and evaluation, exploration and production of diamonds, placer gold, ore gold, hydrocarbon raw materials, rare earth metals, silver, etc.) in the territories of residence, traditional nature management and traditional economic activities of indigenous peoples of the North, there are 179 enterprises on 381 sites in 20 municipal districts of the republic (Report on the observance of rights and legitimate interests, 2015). The territories of five regions of the Republic of Sakha (Yakutia) are subject to the most intensive industrial development: Mirninsky and Olekminsky districts, located in western

Yakutia; Aldansky and Neryungri districts in southern Yakutia; Ust-Maysky district in eastern Yakutia. In these areas, there are such large mineral extraction corporations, forestry and mining enterprises as AK ALROSA (PJSC), AK Transneft, OJSC Mining and Metallurgical Company “Timir”, OJSC “Surgutneftegas”, OJSC “Vostok Engineering”, OJSC NK Rosneft, PJSC Gazprom, etc. Among the industrial projects being implemented in the territory inhabited by indigenous peoples of the North are such large projects as the construction of the Eastern Siberia – Pacific Ocean (ESPO) oil pipeline, the Power of Siberia main gas pipeline, the Tommot-Nizhny Bestyakh railway, the development of the Tazhnoe iron ore deposit, the Gross gold deposit, etc.

Of course, in recent years the number of companies that are developing the subsoil of Yakutia has increased significantly. The activities of all forms of territorial development are based on the legislative framework in force to regulate relationships at the sites of development of territories where indigenous peoples of the North live. “Today in the Russian Federation a legislative framework has been formed that ensures and guarantees the rights of indigenous peoples, which is a complex of legislation at the federal and regional levels. Taken together, these legal acts make it possible to regulate the life activities of the indigenous peoples of the North; they guarantee the rights of the indigenous peoples of the North to preserve and develop their culture, preserve the basic elements of their identity, such as language, traditions and cultural heritage; preservation and promotion of traditional ways of using land and biological resources in accordance with established cultural customs, etc. Regional legislation of the Republic of Sakha (Yakutia) as a subject of the Russian Federation reflects many aspects of the life of the indigenous peoples of the North. It is aimed at comprehensively solving the problems of socio-economic and ethnocultural development of indigenous ethnic groups. In total, the Republic of Sakha (Yakutia) has adopted 10 laws relating to indigenous peoples of the North. Availability of regional legislation regulating the process of interaction between indigenous people and subsoil

users; regional regulatory documents defining the environmental management regime in a given territory make it possible to assess the impact on the original habitat and traditional way of life of indigenous peoples in the Republic of Sakha (Yakutia). Among the significant achievements of the republican legislation, it should be noted the Law of the Republic of Sakha (Yakutia) “On ethnological examination in places of traditional residence and traditional economic activities of indigenous peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia)” dated April 14, 2010 820-Z No. 537-IV (Law, 2023). This is a fundamental republican law aimed at implementing the powers of the constituent entities of the Russian Federation in terms of protecting the rights of indigenous peoples of the North, defined by the federal law “On Subsoil”. The law regulates relations in the field of ethnological expertise for the purpose of socio-economic and cultural development of indigenous peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia), protection of their ancestral habitat, traditional way of life, farming and crafts. It should be noted that in Russia the law on ethnological examination was adopted only in the Republic of Sakha (Yakutia). Today, the experience of conducting ethnological examinations in the Republic of Sakha (Yakutia) is being studied by other constituent entities of the Russian Federation and at the federal level with the aim of normatively establishing mandatory ethnological examination in the Russian Federation. Relations between indigenous peoples and industrial corporations in Russia are regulated by the Federal Law “On Territories of Traditional Natural Resources 2017–927 of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation” No. 49-FZ dated 05/07/2001 (Law of the Republic of Sakha (Yakutia), 2019). Its basic premise is that although indigenous peoples have exclusive rights to these territories, the land itself and its resources belong to the state. According to Art. 14 of the law, in case of seizure of these lands, a commercial company is obliged to pay compensation to local residents” (Samsonova, 2017: 21–37). However, many researchers, including the group led by Samsonova I. V. note that “federal and regional legislation in relation to the

indigenous peoples of the North is currently contradictory and contains many gaps, which impedes the possibility of its implementation and prevents effective interaction between the indigenous peoples of the North and large corporations.” As is known, the indigenous people of the North, including the indigenous peoples of the North, continue to conduct traditional types of farming such as cattle breeding, horse breeding, reindeer herding, collecting wild plants, hunting, fishing, processing and selling fishing and hunting products

Based on the results of many studies, it is stated that “Most hunters noted the negative impact of oil producing companies, the increase in industrial facilities such as drilling rigs, quarries, roads, wells, profiles, survey and exploration work, etc. as the main reason for the decrease in natural resources. (61.9 %). In second place, 35.7 % of hunters named a large number of forest fires that have occurred in recent years <.> reasons such as deforestation, massive cutting of glades by subsoil users, reduction of animal feed, drought, poaching and poor ecology” (Samsonova, 2017: 21–37). “Indigenous indigenous communities have licenses for the long-term right to use wildlife objects – this is the only legal mechanism for influencing large corporations. According to Art. 40 of the Federal Law “On Wildlife”, users of wildlife have the right to bring claims for damage caused to them by unlawful actions of legal entities and citizens, resulting in the death of animals, deterioration of their habitat, and violation of legal rights related to the use of wildlife” (On Animal World, 1995).

Hunting and fishing in traditional hunting and fishing areas cannot be carried out, because along with the pollution of natural resources, violation of silence, deforestation, game, large and small animals are leaving, the centuries-old fishing route is changing, unpunished poaching of industrialists, their theft of prey from nets, traps, destruction of hunting lodges. Such cases go unpunished.

“Hunters are raising questions about new changes in legislation that allow forestry and mining activities on fishing grounds. Now, according to the new law, three organizations are allowed to operate on the same site, i.e. hunt-

ing, oil development and timber industry – on the same site. I prove to them: “Oil production and logging can be combined, but how can this be combined with hunting? The beast runs away, leaves – that’s it.” Powerlessness before public and private companies is often discussed during meetings of representatives of indigenous communities. If in relation to private companies it is still possible to go to court or try to come to an agreement with them, then by state-owned companies attempts to conduct such negotiations are suppressed – with a comment about activities “in the interests of the state...> 73.9 % of respondents noted the real influence of industrial facilities for their hunting, gathering, fishing and haymaking” (Samsonova, 2017: 21–37).

Conclusion

Thus, it can be stated that the activities of public and private companies generally lead to the degradation of traditional economic management and generally have a negative impact on the preservation of the ethnic identity of the indigenous population, including the small peoples of the North. “There are barriers to effective interaction between indigenous peoples of the North in the extractive sector: contradictions and difficulties in the current legislation, undeveloped systems for submitting statements to the public and irresponsible industrial policy. In addition, in Russia there are no important international documents (such as the ILO Convention 169, the UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples of 2007) that could improve relations between indigenous peoples and mining companies” (Samsonova, 2017: 21–37).

The researchers note that despite the existing problems in the relationship between local authorities of the indigenous peoples of the North and large mining companies, there are positive initiatives and activities that are already being successfully practiced: “Large companies declare a policy aimed at preserving the original habitat, traditional use of natural resources and increasing quality of life of indigenous residents of Yakutia. Extractive enterprises operating in the territories inhabited by indigenous peoples establish their contractual relations with them, taking into account their

interests. Bilateral (between the enterprise and the government of the Republic of Sakha (Yakutia), (between the subsoil user, the municipal administration) socio-economic agreements are concluded. With the participation of regional authorities, public hearings, meetings, round tables, conferences with subsoil users of the Republic are held with the mandatory participation of representatives of the Association of Indigenous Peoples small-numbered peoples of the North. In the Republic of Sakha (Yakutia) as a subject of the Russian Federation, processes of interaction between state authorities, local governments and public associations of indigenous peoples to protect their constitutional rights, ancestral habitat and traditional way of life are being significantly increased thanks to the activities of mining companies. revenues to the budget of the municipality. The main budget-forming enterprise not only of the district, but of the entire republic is the joint-stock company ALROSA (AK ALROSA), in addition to the required tax (in the form of personal income tax) and non-tax (dividends on shares, rental). payment for land) payments to the budget of the municipal district, AK ALROSA provides assistance within the framework of separate agreements on socio-economic cooperation. Based on signed agreements, the company annually transfers funds for capital and current repairs of educational and cultural institutions, for the development of physical culture and sports, recreation and health improvement for children, and for career guidance activities” (Samsonova, 2017: 21–37).

But subsoil use is associated with serious problems that lead to the degradation of nature, human resources, health problems, loss and transformation of traditional culture, and the disappearance of languages. In this regard, it is necessary: 1. To improve the regulatory system and the basis of relationships between subsoil users and the local population. 2. Improve legislation in the field of subsoil use to preserve the traditional culture of management, unacceptable for the northern territories, necessary for the further development of the unique culture and originality of the northern civilization of the indigenous peoples of the North. 3. “Pay attention to reforming both federal and region-

al legislation concerning indigenous peoples of the North and strengthen the regulatory implementation of assessments of the impact of industrial development on traditional environmental management (ethnological expertise). 4. Strengthen state and public control. 5. In the event of damage to the conditions for the development of traditional types of economic activity, companies must compensate financially for the damage caused to both individuals and herds, municipal organizations in areas of compact residence of indigenous peoples, and tribal communities of small-numbered peoples of the North. 6. Practice the construction of various facilities that will reduce the negative impact of the consequences of subsoil use. 7. Allocate new areas to fishermen by creating untouchable areas for traditional fisheries. 8. Build healthcare facilities due to the fact that the environmental situation is deteriorating and, as a result of increased background radiation, the number of cancer diseases among the local population is increasing. 9. Conduct regular monitoring of the environmental situation and practice compensation for the harmful effects of environmental destruction on the health of the population and the gene pool of the indigenous peoples of the North. 10. Ensure the participation of local municipalities and communities of small peoples of the North in the work of regulatory authorities. 11. Improve the contractual system with mining companies with local authorities and self-government. 12. Mining companies should develop and improve the system of construction of social facilities to maintain health, education and preserve tra-

ditional culture and languages. 13. Contribute to the creation of jobs and training of indigenous residents of Yakutia in the specialties necessary to obtain jobs. 14. Provide effective assistance to educational structures from kindergartens to higher education institutions. 15. Stop the practice of dominance of mining companies in resolving conflict situations and one-sided relationships in favor of local residents. 16. Strengthen the work of local governments and the public in accurately expressing the interests of the local community to mining companies. 17. Conduct sustainable monitoring and dissemination of positive and negative experiences in the relationship between mining companies and the local indigenous population. 18. Regional authorities should develop strategies for conducting impact assessments, identifying mechanisms for determining compensation for negative environmental impacts and benefits. 19. An increased role for municipal governments in indigenous territories needs further exploration to ensure that indigenous peoples have a strong presence in the political, administrative and territorial structure and contribute to effective decision-making regarding the use of natural resources. 20. Develop a policy of responsibility of managers and employees for the impact of subsoil use activities on the ecology of the North, way of life, preservation of the vulnerable traditional culture of the indigenous peoples of the North from the thoughtless and destructive activities of companies by improving the professional training of workers in the mining sector. 21. Increase the degree of transparency of the activities of mining companies.

References

About the animal world. Law of April 24 1995 No. 52-FZ (with amendments and additions). 1995. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146079. (accessed 2 December 2022).

Amendments to the Constitution of Russia in 2020: full text. 2020. ed <http://constitutionrf.ru/popravki-ot-14-03-2020> (accessed 30 November 2020).

Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (including amendments made by the Laws of the Russian Federation dated December 30, 2008; No. 6-FKZ, dated December 30, 2008; No. 7-FKZ, dated February 5, 2014; No. 2-FKZ) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. No. 15. Art. 5, 71 and amendments to the Constitution of the Russian Federation 2020). 2020.

Ethnological examination: on the way to a federal law. 2023. Available at: <https://arctic-russia.ru/article/etnologicheskaya-ekspertiza-na-puti-k-federalnomu-zakonu-uchenye-na-zashchite-prav-korennykh-narodov/>(accessed 30 November 2020).

Federal Law “On the territories of traditional environmental management of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation” No. 49-FZ of 05/07/2001. 2001. Available at: <http://10.7256/2409-7144.2017.9.23852> Sociodynamics, 2017–9 35 docs.cntd.ru>document/901786770 (accessed 30 mai 2023).

From social networks. The level of pollution of the Vilyui River in the area of the Suntar village was exceeded 20 times (2018) // Portal News.ykt.ru. 2019. Available at: <https://news.ykt.ru/article/76689> (accessed 08 september 2018).

From social networks. No_namenick.Comments // Portal News.ykt.ru. 2018. Available at: https://news.ykt.ru/article/89649?bottom=news_popular (accessed 08 september 2018).

Koptseva N. P. Indigenous peoples of the North and Siberia in the conditions of global transformations (on the materials of the Krasnoyarsk Territory) / Rep. ed. N. P. Koptseva. – Krasnoyarsk: Sib. fed. univ., 2012.

Law of the Republic of Sakha (Yakutia) dated April 14, 2010 820-Z No. 537-IV “On ethnological examination in places of traditional residence and traditional economic activities of indigenous peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia). 2010. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/895252453>. (accessed 28 mai 2024).

Law on ethnological examination. 1999. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/895252453> (accessed 12 february 2017).

Let’s stop the pollution of Yakutia’s water resources. (2018) // Change.org petition creation site. 2018. Available at: <https://www.change.org/p/stop-pollution-of-water-resources-of-Yakutia>. (accessed 10 march 2018).

Makarova I. (2018) Video fact: Singer Igor Egorov joined the flash mob // Portal “Save, Vilyuy!” 2018. Available at: <https://sakhapress.ru/archives/239490> (accessed 09 june 2018).

Minority rights in the Russian Federation Review of the legislative framework. 2016. Available at: http://www/minorityrights.org/wp-content/uploads/2016/03/MRG_PocketA5_June15_CYR_ONLINE.pdf (accessed 12 december 2017).

Mukomel V. Who is considered a national minority? 2017. Available at: http://www.indem.ru/Ceprs/Minorities/Part13.htm#_edn6 (accessed 12 december 2017).

Results of the All-Russian Population Census 2010. Official website of the Federal State Statistics Service. 2010. Available at: <http://www.gks.ru>. (Accessed 11 January 2024).

Report on the observance of the rights and legitimate interests of indigenous peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia) and on the activities of the Commissioner for the Rights of Indigenous Peoples of the North in the Republic of Sakha (Yakutia) for 2015. Available at: <http://www.iu-upkm.sakha.gov.ru>. (Accessed 11 January 2024).

Yakutia. Sakha Republic. 2021. Available at: http://www.nftn.ru/oilfields/russian_oilfields/jakutija_sakha_respublika/21. (Accessed 11 January 2024).

Samsonova I. V., Neustroeva A. B., etc. Problems of interaction between indigenous peoples of the North and mining companies in the Republic of Sakha (Yakutia) // Sociodynamics. 2017, no. 7, p. 21–37.

Silantyeva N. A., Suntsov A. P. On the issue of the concept of “indigenous small peoples”. Education and science: Modern trends: Collective monograph. Ser. “Scientific and methodological library.” Cheboksary: Publishing House LLC “Center for Scientific Cooperation “Interactive Plus””, 2016. P. 29–42.

Statistical reference book of the USSR for 1928. Statistical publishing house of the Central Statistical Office of the USSR. M., 1929. 853 p.

Tishkov V. A., Shabaev Yu. P. Ethnopolitical science: Political functions of ethnicity. M.: Publishing house Mosk. Univ., 2019. P. 407.

Yakovleva A. I. Ecological disaster of Vilyuy through the prism of religion Aar Aiyy // Live Journal. 2018.. Available at: <https://sakhalive.ru/ekologicheskaya-katastrofa-vilyuya-cherez-prizmu-religii-aar-aiyyi/> (accessed 12 september 2018).

Yakutia is recognized as the native land of the Yakut people. 2016. Available at: <http://asiarussia.ru/news/14008/> (accessed 12 december 2017).

EDN: NULSQE
УДК 7.044

Intertextuality as a Factor in the Formation of Regional Visual Culture

Mariana A. Borodina, Natalia A. Sergeeva*
and Anastasia A. Zhigaeva

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 26.05.2024, received in revised form 16.06.2024, accepted 24.06.2024

Abstract. In the first part of the article, the prerequisites for the formation of regional visual culture are considered using the examples of studies of the northern territories in the 15th-19th centuries, the factors of the formation of visual culture are determined, and the ways of composing the visual image of the North of Russia are revealed. The second part of the article presents the concept of intertextuality, which is accepted as one of the components of a literary text. In the third part of the article, intertextual analysis is used as a tool for researching texts of Siberian artistic culture. With the help of a philosophical and art criticism analysis of historical works by Krasnoyarsk artists, the intertextual connections of artistic images of regional painting of the 20th century with the artistic imagery of classical works of European and Russian culture are revealed. Krasnoyarsk artists S.E. Orlov and A.M. Znak turn in their revolutionary historical works to both European and Ancient Russian fine art, comparing local historical events of the 20th century with the events of sacred history. When considering these artistic images, a number of intertextual connections with the images of historical paintings by V.I. Surikov are also revealed, whose work had a significant impact on the artistic thinking of subsequent generations of Krasnoyarsk painters.

Keywords: regional visual culture, intertextuality, historical genre, painting of Krasnoyarsk, S. E. Orlov, A. M. Znak.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

Citation: Borodina M.A., Sergeeva N.A., Zhigaeva A.A. Intertextuality as a factor in the formation of regional visual culture. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(8), 1434–1444. EDN: NULSQE

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: maryana-borodina@yandex.ru; nasergeeva@sfu-kras.ru; zhigaevaastasiya@gmail.com
ORCID: 0009-0003-1885-6798 (Borodina); 0000-0002-5896-6401 (Sergeeva); 0000-0002-1185-8999 (Zhigaeva)

Интертекстуальность как фактор формирования региональной визуальной культуры

М.А. Бородина, Н.А. Сергеева, А.А. Жигаева

Сибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В первой части статьи рассматриваются предпосылки формирования региональной визуальной культуры на примерах исследований северных территорий в XV–XIX столетиях, определяются факторы формирования визуальной культуры, выявляются способы сложения визуального образа Севера России. Вторая часть статьи представляет концепцию интертекстуальности, принимаемой в качестве одной из составляющих художественного текста. В третьей части статьи интертекстуальный анализ используется в качестве инструмента исследования текстов сибирской художественной культуры. С помощью философско-искусствоведческого анализа исторических произведений красноярских художников раскрываются интертекстуальные связи художественных образов региональной живописи XX века с художественной образностью классических произведений европейской и русской культуры. Красноярские художники С. Е. Орлов и А. М. Знак обращаются в своих революционно-исторических произведениях как к европейскому, так и к древнерусскому изобразительному искусству, сопоставляя локальные исторические события XX века с событиями священной истории. При рассмотрении этих художественных образов обнаруживается также ряд интертекстуальных связей с образами исторических картин В. И. Сурикова, чье творчество оказало существенное влияние на художественное мышление последующих поколений красноярских живописцев.

Ключевые слова: региональная визуальная культура, интертекстуальность, исторический жанр, живопись Красноярска, С. Е. Орлов, А. М. Знак.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Бородина М. А., Сергеева Н. А., Жигаева А. А. Интертекстуальность как фактор формирования региональной визуальной культуры. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1434–1444. EDN: NULSQE

Введение

С момента заселения и освоения человеком северных территорий формировалась визуальная культура. С одной стороны, визуальные образы проявлялись в культуре народов, населяющих территорию с суровым климатом и специфическим ландшафтом, проявляясь в образе декоративно-прикладного искусства, одежде, предметах быта, с другой стороны, широкое распространение визуальной культуры получило в условиях освоения

территорий морскими путешественниками, исследователями, учеными. По мере освоения региона складывалась и развивалась визуальная культура, начиная от картографии и до освоения северных территорий современными техническими средствами.

Существует и другая сторона формирования визуальной культуры: автор художественного текста, в том числе текста живописного, находится в постоянном контакте (диалоге) с предшествующими

его творчеству художественными образами не только региональными, но и всей истории искусства. Это взаимодействие визуализируется в произведении разными изобразительными и выразительными художественными средствами и указывает одновременно на его принадлежность к определенной художественной традиции и источник творчества автора. Этот диалог также свидетельствует о процессе авторского переосмысления и интеграции уже существующих художественных образов в новые художественные образы, обретающие статус уникальности. Проблема диалогичности, поставленная М.М. Бахтиным, была интерпретирована теорией постструктурализма и введена в оборот Ю. Кристевой в качестве семиотического понятия интертекстуальности, которое анализируется в настоящей статье на художественном материале советского исторического жанра красносарской школы.

Методология исследования

Методологическим основанием настоящего исследования являются концептуальные положения теории изобразительного искусства В.И. Жуковского, Н.П. Копцевой (Zhukovsky, Koptseva, 2004); философско-искусствоведческий анализ произведений искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой (Zhukovsky, Koptseva, 2004); концепции идеолообразующей функции культуры и визуальной сущности религии, разработанные Д.В. Пивоваровым, В.И. Жуковским, Н.П. Копцевой (Zhukovsky, Koptseva, Pivovarov, 2006); концепция интертекстуальности, разработанная Ю. Кристевой, М. Бахтиным, Р. Бартом (Kristeva, 2013, Bahtin, 1975, Bart, 1989).

Факторы формирования визуальной культуры северных территорий

В связи с развитием визуальной культуры большой интерес проявляется к определению ее особенностей и специфики, в поле интереса исследователей также лежит вопрос, как визуальные формы позволяют выявлять социальные и культурно-антро-

пологические характеристики региона. Так, например, в своем исследовании «Художественные паттерны XX века: визуальная культура как антропологический проект (регион Коми)» (Fadeeva, 2016) автор статьи рассматривает визуальную культуру и говорит о том, что визуальные формы и практики позволяют точно выявить социальные и культурно-антропологические характеристики региона. Исследователь А.П. Забровский в статье «К проблемам визуального регионоведения» считает, что визуализация является одним из источников информации, посредством которого через визуальные образы постигается сущность изучаемого региона (Zabrovsky, 2013), а визуальное восприятие, по мнению автора, является одним из ключевых способов познания. Если обратиться к истории исследования северных территорий, то можно проследить, как формировались визуальные образы на примере исследования северных регионов. Начиная с географических открытий XV–XVI веков визуализация географических пространств становится одним из ключевых ремесел среди картографов и художников. Особый интерес к северным территориям, поискам северного пути способствовал широкому исследованию северных территорий, ландшафта, поселений, населяющего этноса. Этнографические исследования XVII века, направленные на локальные исследования отдельных территорий, представляют собой ценный визуальный материал. Особый информационный интерес представляют дневники воспоминаний и путевые записки иностранцев, которые привлекались на службу в Россию, а также с целью освоения новых земель в XV–XVIII веках. Такая информация носит отрывистый характер, чаще всего посвящена описанию природы, местности, внешних признаков северных народов, их быта и культуры. Так, например, голландский мореплаватель и исследователь Корнелис Най в путевых дневниках описывает встречу с северными обитателями, которые населяли Ямал. Немецкий путешественник, географ, ориенталист Адам Олеария, который является конструктором первого глобуса – планетария, в од-

ном из своих сочинений «Описание путешествия в Московию», в главе «О свойстве северных обитателей и о народе Самоедах» дает подробное описание северных народов и их быта. Интерес представляют записки английского доктора Сэмюэла Коллинза, которые были опубликованы в 1671 г. после его смерти в форме письма «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне, одной значительной особой, в течение девяти лет находившейся при дворе московского царя». В начале XVII века Корнелий де Бруин, голландский художник, этнограф и писатель, во время второго своего путешествия в северную часть России сделал зарисовки городов, людей, животных, растений. Изданная в виде дневника книга «Путешествие в Московию, Персию и Индию» в 1711 г. получила широкий успех, переиздавалась несколько раз и была переведена на несколько языков.

Известный своими изображениями европейских экспедиций художник Теодор де Бри и его сыновья опубликовали книгу, куда вошли все три экспедиции голландского мореплавателя и исследователя Виллема Баренца, а также карту полярного региона под названием «*Deliniatio cartae trium navigationum*» («Чартерное соглашение о трех рейсах»), также де Бри дополнил карту изображениями морской фауны и морских обитателей, сцены с медведями и другими животными. Картографический метод исследования визуальной культуры позволял применять графические и графоаналитические приемы при анализе карт и конструировать образы северных регионов, которые были также дополнены визуальными изображениями, такое преобразование картографического изображения позволяло трансформировать карту, создавая более реалистичный образ северных регионов.

Таким образом, в период географических открытий картографические изображения, путевые дневники с заметками и зарисовками, подробные описания с иллюстрациями, автобиографические записки путешественников, мореплавателей и куп-

цов давали представления о том, как выглядели северные народы, где жили, каким богам поклонялись, как охотились и чем занимались, способствовали развитию представлений о северных территориях. Но следует отметить, что в период начала возможного освоения северных территорий феномен визуальности зависел от субъекта, воспринимающей стороны путешественника, интерпретация и визуализация образа северных территорий могла носить субъективный характер.

Новый этап в исследовании истории культуры наступает в период научных исследований северных территорий. Так, например, из значимых экспедиций в первой половине XVIII века в России стала «Вторая Камчатская экспедиция» 1733–1743 гг., во главе которой стоял Витус Беринг. Эта экспедиция вошла в историю русских географических открытий под названием «Великая Северная». В основу экспедиции лег всесторонний и комплексный подход. Участники экспедиции вели детальные записи по местной географии, минералогии, ботанике, зоологии, сельскому хозяйству, торговле и производствам, а также этнографии и культуре малочисленных народов. Среди известных исследователей можно назвать Петра Симона Палласа, немецкого и русского учёного-энциклопедиста, Никиту Петровича Соколова, российского учёного, академика химии, Николая Петровича Рычкова, русского путешественника и географа, Василия Фёдоровича Зуева, русского учёного-естествоиспытателя, путешественника и этнографа, академика Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. Результатами стали этнографические наблюдения, описание растительного и животного мира, климата. Научный подход в исследованиях способствовал более глубокому изучению территорий и представил более достоверные сведения, которые в дальнейшем были использованы в научных трудах ученых. Безусловно, распространение новых данных о северных территориях способствовало формированию новых образов о Севере и Арктике. В XIX веке интерес ученых

вновь был обращен к географическим исследованиям территорий, которые тщательно изучались в условиях сурового климата и непростого ландшафта. Немецкий путешественник, этнолог и орнитолог Отто Финш и естествоиспытатель, натуралист Альфред Эдмунд Брем в результате экспедиции 1876 г. по Западной Сибири собрали колоссальный материал о природном и животном мире, обычаях коренных жителей центральных и северных районов Западной Сибири, о географии Сибири. Отто Финш с большим интересом исследовал антропологические типы народов Севера, исторические сведения и их нравы, тем самым определял идентичность северных народов. В ходе экспедиции были сделаны эскизы, по которым немецкий художник Гофман создал более 50 оригинальных рисунков.

Позднее, уже в XX в. и по настоящее время, когда визуальная культура становится предметом исследования, в частности исследования визуальных образов отдельных территорий, в том числе арктических и северных, ученые обратились к материалам, накопленным за XV–XIX века. И применяя междисциплинарный подход к исследованию визуальных образов, исследуют специфику визуальных образов Арктики и северных территорий, выявляя сходства формирования визуальных образов в условиях сурового климата и особенностей ландшафта (Leshchinskaya, 2022).

Таким образом, можно заключить, что региональная визуальная культура формируется под воздействием природно-климатических условий, географических, социально-исторических, историко-культурных, этнокультурных и других факторов.

С этой точки зрения исследование интертекстуальных связей в региональной визуальной культуре представляет собой большой интерес. Работы красноярских художников объединяют в себе специфику визуальных образов сибирских территорий, которые задают контекст для воспроизводимого элемента текста, связанного с общеевропейской культурой, что позволяет, с одной стороны, выделить специфику

региональных авторов, а с другой – вписать их в общий контекст истории искусства.

Концепция интертекстуальности

Философско-литературоведческая концепция интертекстуальности берет свое начало в работах М.М. Бахтина, Р. Барта и Ю. Кристевой, которая и ввела впервые этот термин (Kristeva, 2013). Для философии структурализма, постструктурализма, а также для культуры постмодернизма понятие интертекстуальности имеет большое значение. М.М. Бахтин в работе «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924) (Bahtin, 1975) высказал мысль о том, что художник взаимодействует не только с данной ему действительностью, но и со всем предшествующим и современным ему художественным материалом, указывая на «диалог» автора с существующим вне его творчества художественным опытом. Р. Барт утверждал, что любой текст есть интертекст – в той или иной форме известный текст присутствует в новом художественном тексте, и это предполагает неизбежность осознанных и неосознаваемых цитат (Bart, 1989).

Интертекстуальность рассматривается, с одной стороны, как свойство любого вербального текста, выражающееся в наличии явных или неявных ссылок на другие тексты, с другой стороны, эта концепция распространяется по формуле «интер + альность» (Smirnov, 1995) на тексты других медиумов (интерпикториальность, интервизуальность, интериконичность, но термины не устоялись), на связь текстов разных медиумов (интермедийность) и на тексты другого порядка (интеркультуральность, интердискурсивность, интерсемиотичность).

Интертекстуальность является межкультурным, межтекстовым пространственным механизмом, обеспечивающим целостность, преемственность и внутреннюю динамику культур, а также связность частей культуры, например в художественной сфере: высокое искусство и массовую культуру, исключительные по своим свойствам произведения искусства и периферийные работы, по значимости общеми-

рового и локального характера. Важным свойством интертекстуальных связей является их способность устанавливать диахронные отношения между текстами (Smirnov, 1995), что позволяет исследователям сопоставлять произведения искусства из разных эпох и культур.

Интертекстуальные связи в самом широком смысле представляют собой явные или неявные, прямые или косвенные цитаты, которые работают на разных уровнях произведений искусства (Zhigayeva, 2022). А. Варбург назвал такие повторяющиеся мотивы «формулами пафоса» (Mazur, 2023). Цитируемые элементы трансформируются, оставляя узнаваемую структуру, и мигрируют из одной культуры в другую, из эпохи в эпоху, из жанра в жанр, от знаковых произведений к периферийным и наоборот, меняют исторические, религиозные, социальные и другие контексты. Каждая такая «формула» диалектически меняет свое значение (по Варбургу – аполлоническое и дионисическое), и в разных контекстах «формула» выражает более ярко один из полюсов. Согласно концепции интертекстуальности такой «формулой» может быть не только изображение какого-либо предмета, «жеста» или фигуры, но и элементов другого порядка – композиции, колорита, медиума, стиля, концепции и прочего. Определение источника цитаты, её смысловое значение в исходном контексте позволяет исследователям обоснованно расширить границы понимания смысла анализируемого произведения, концептуально его усложнить. С этой точки зрения интертекстуальность тесно связана с исследованиями памяти, поскольку является механизмом, сохраняющим, перерабатывающим, передающим и использующим элементы общей культурной памяти. С другой стороны, интертекстуальность позволяет выявить меру новизны, локальную специфику, то, каким образом переосмысливается старое и становится самобытным.

Одной из значимых проблем в этой теме является понимание меры субъективности читательского/зрительского восприятия в определении интертекстуальных

связей. Ответом на эту проблему являются когнитивные исследования, которые представляют когнитивные процессы человека в виде неосознаваемых статистических моделей. Внутренняя культура читателя/зрителя состоит из сложноорганизованной системы паттернов, повторяющихся структур и норм интерпретации, которые характерны для внешней культуры, окружающей его, и они, при некоторой разности индивидуальных моделей, в общем будут совпадать (Forstall, 2019).

Поэтому можно утверждать, что интертекстуальность представляет собой отношения между текстами, выраженные в повторяющихся паттернах, которые в свернутом виде содержат в себе смыслы предыдущих текстов, а анализ интертекстуальных связей текста позволяет развернуть многоуровневую систему значений, передаваемую через эти паттерны (Mikhailova, 2023; Ivanova, 2023; Shurmanova, 2023).

Метод анализа интертекстуальных связей предполагает, во-первых, поиск и идентификацию цитат, а также определение их типа; во-вторых, установление первоисточников, к которым апеллирует анализируемый текст, и их изучение; в-третьих, сравнение первоисточника и анализируемого текста, их актуально-исторического, религиозного, социального, культурного и других контекстов, установление интертекстуального взаимодействия между текстами и влияние первоисточника; в-четвертых, корректировку интерпретации анализируемого текста с учетом выявленных при помощи анализа интертекстуальных связей смыслов.

Интертекстуальность в красноярском изобразительном искусстве исторического жанра

Значительную долю творческого наследия красноярского художника С.Е. Орлова (1929–2003) составляют произведения исторического жанра, проявленного им в разных видах изобразительного искусства в 1960–1980-е годы.

Обобщенный и строгий художественный образ правой части монументального

мозаичного панно-триптиха «Страницы революционного движения в Красноярске» (1978) соотносим с ранневизантийской мозаикой (Koptseva, 2015). Сходство с раннехристианской мозаичной традицией прослеживается не только в использовании обратной перспективы, плоскостности изображения и технологических характеристиках произведения, но и во вполне очевидной ассоциативной связи образов революционеров в ссылке с сюжетом Тайной вечери и символическом придании конкретному историческому факту особой сакральности и статуса евхаристического таинства (Borodina, 2023b).

В картине «Похороны Ванеева» (1969) С. Е. Орлов берется за решение весьма нетривиальной темы (рис. 2). Однако история мирового искусства знает немало примеров использования в качестве сюжетной основы живописных произведений мотива прощания с умершим. Теме похорон посвящены известные произведения европейского искусства «Погребение графа Оргаса» Эль Греко (1588), «Погребение святого Бонавентуры» Сурбарана (1629), работа «Похороны Марата в старинном храме Кордельеров», выполненная в мастерской Ж.-Л. Давида (Sertakova, 2024), «Похороны в Орнаме» Г. Курбе (1850), а также произведения советского изобразительного искусства «Слава павшим героям!» Ф. Богородского (1945), «Клятва балтийцев» А. Мыльников (1946), «Лена. 1912 год» Ю. Тулина (1957). Согласно православной традиции в житийных иконах клейма нижнего ряда обычно отданы изображениям успения и погребения святых. Для христианского искусства в целом «Оплакивание Христа», «Положение во гроб», «Жены-мироносицы у гроба Господня», «Успение Богородицы» являются ключевыми сюжетами (рис. 1).

Фигуры товарищей, провожающих Ванеева в последний путь, образуют монолитную арку (лесчатку, в православной традиции обладающую символикой духовного восхождения и триумфа святости). Колорит произведения интуитивно понятен каждому носителю русской художественной культуры и визуализирует идею единично-

сти и особенности (божественности) сильных духом людей.

В рамках идеологии многое принимается на веру, а связь идеологии с сакральным знанием обнаруживается в принятии ее ценностей идеологически индоктринированным обществом. Философская концепция визуальной сущности религии, предложенная современными российскими учеными В. И. Жуковским, Н. П. Копцевой и Д. В. Пивоваровым (Zhukovsky, 2006), доказывает необходимость рассмотрения религии и искусства в единой познавательной парадигме (Koptseva, 2020 a). Согласно этой концепции, идеологизированное искусство может проявлять очевидные религиозные коннотации.

Выражаясь художественными категориями исконно русского визуального мышления, художественные образы историко-революционных произведений С. Е. Орлова наделяются не только функцией исторического понимания советской действительности, но и предлагают понимание и переживание таких ценностей большевистской идеологии, как несокрушимая уверенность в высокой идее, готовность к самопожертвованию во имя долга, сострадание горю, дружеское участие, любовь, являющихся одновременно и главными христианскими постулатами (Borodina, 2023b).

Красноярская художественная культура, рассматриваемая на материале анализа живописных произведений исторического жанра (Koptseva, 2020b), обнаруживает региональную самобытность и ряд особенностей, ведущим из которых является влияние традиций творчества и личности В. И. Сурикова (Borodina, 2023a).

В картине «Партизаны армии Щеткина и Кравченко» (1977) А. М. Знак (1939–2002) значительно усложняет композиционную схему произведения, написанного в линейной перспективе, изображая многофигурную группу партизанской армии в обратной перспективе. Ощущение сходящей лавины из их фигур заставляет зрителя ужаснуться мощи и неумолимости этой стихии и невольно вспомнить «Переход Суворова через Альпы» В. И. Сурикова (1899).

Эпический статус противостояния двух стихий обретает масштабная батальная сцена «Кайтымского боя» (1991). Один из ключевых моментов борьбы колчаковцев и тасеевских партизан в 1919 г., изображаемый Знаком, отсылает к художественному образу сражения армии Ермака Тимофеевича с войском хана Кучума В. И. Сурикова (1895). Примечательно, что картины имеют не только очевидные сходства в образной структуре и композиционном построении, но и почти одинаковые размеры.

Антагонизм братьев, оказавшихся по разные стороны чудовищного противостояния, – яркая и насыщенная метафора гражданской войны, охотно используемая авторами произведений на эту тему. А. М. Знак в картине «Братья» (1980) осмысливает этот мотив иначе (рис. 4): фигуры мальчика и склонившего голову безмолвного и обезличенного воина направляют зрительское чутье скорее к образам «Явления отроку Варфоломею» (1890) М. В. Нестерова (рис. 3), повествующим о сакральной роли персонажей в истории России и духовном откровении, нежели к раскрытию их характеров в конкретных исторических обстоятельствах. Возникающий умозрительно образ Сергия Радонежского – величайшего русского подвижника и духовного собирателя русского народа, превращает концепт братства в этом художественном образе из свидетельства кровных связей изображенных персонажей в определение их единства и принадлежности к Родине.

Крестообразная композиционная схема картины о гражданской войне в Сибири А. М. Знака «Конец колчаковщины» (1979), изображение на дальнем плане гор и телеграфных столбов создают очевидные аллюзии к христианскому сюжету несения креста и восхождения на Голгофу. Умозрительно выстраивается символ героического принятия неотвратимой участи, наполняя конкретно-исторический сюжет общечеловеческим духовным содержанием (Borodina, 2022).

Шествие на Голгофу является центральной темой творчества нидерландского художника эпохи Возрождения П. Брейгеля Старшего и его мастерской. Геометри-

ческий центр композиции известной картины Брейгеля Старшего «Путь на Голгофу» (1564) отмечен незаметной на первый взгляд и теряющейся в общем множестве элементов изображения фигурой Христа. Скрытие узлового элемента сюжета и композиции за множеством частных проявлений символически указывает на евангельское «смотреть и не видеть»¹ как на несовершенство человеческих чувств и ума, пороки непрозорливости и недальновидности. Геометрическим центром композиции А. М. Знака является рука, крепко сжимающая штык-винтовку, – один из символов гражданской войны и самое страшное оружие ближнего боя.

Отрицая сюжетные отступления, А. М. Знак выстраивает художественную драматургию в трактовке сибирских событий гражданской войны таким образом, что интеллектуальная и эмоциональная трактовка сюжета представляет итог гражданской войны не как иллюстрацию конкретного исторического идеологически обусловленного события, а в качестве художественного осмысления общечеловеческой трагедии.

Интертекстуальность в качестве универсального инструмента понимания художественных закономерностей в культуре и один из факторов формирования специфики визуальной культуры позволяет увидеть в произведениях регионального советского изобразительного искусства не провинциальный идеологически обусловленный художественный догматизм, а ценность и значимость в контексте общеевропейской художественной парадигмы.

Заключение

Концепция культуры как системы знаков или «текста» позволяет анализировать культурные явления и проследить связь элементов внутри системы. Основным связующим звеном знаков, формирующих общее понимание текста, выступает контекст, определяющий значение знака

¹ «потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают». Евангелие от Матфея 13:13.

в том или ином культурном пространстве. Понимание текста как одной большой знаковой системы культурного пространства, формирующегося из уже существующих, воспринятых и усвоенных художественных образов, воспроизводящихся снова и снова, выдвигает проблему поиска первоисточника, однако более важным видится именно коннотативный аспект таких художественных образов, включающихся в образную структуру нового текста.

Исследование визуальной культуры на протяжении нескольких столетий позволяет сегодня провести анализ системы знаков, представленных в путевых дневниках, картах, полевых исследованиях и других материалах, собранных за несколько веков, и заключить, что региональная визуальная культура формируется под воздействием природно-климатических условий, географических, социально-исторических, историко-культурных, этнокультурных и других факторов.

Рассмотрение интертекстуальности как фактора формирования региональной

визуальной культуры на материале анализа произведений исторического жанра в красноярском изобразительном искусстве советского периода показывает, что вне зависимости от эпохальной, стилистической, жанровой и мировоззренческой принадлежности «переселяющихся образов» (Varburg, 2008) культурная память в качестве своеобразного хранилища знаков и их «мерцающих» значений (Bart, 1989) формирует особые коды. В качестве совокупности (репертуара) сигналов или знаковой системы в составе художественного образа эти коды оказываются распознаваемыми и определенным способом интерпретируемыми носителями культуры.

Приложения / Applications

Список литературы / References

Bahtin M. M. *Sobranie sochinenij v 7 t. T. 5. Raboty 1940-h – nachala 1960-h godov* [Collected works in 7 vols. Vol. 5. Works of the 1940s – early 1960s]. Moscow, Russkie slovari, 1996, 7(5), 159–207.

Bahtin M. M. *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnyh naukah. Opyt filosofskogo analiza. Jestetika slovesnogo tvorcestva* [The problem of text in linguistics, philology and other humanities. The experience of philosophical analysis. Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo, 1979, 281–308.

Bahtin M. M. *Voprosy literatury i jestetiki. Issledovaniya raznyh let* [Questions of literature and aesthetics. Studies of different years]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1975, 504.

Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika; Pojetika* [Selected works: Semiotics; Poetics]. Moscow, Progress, 1989, 413–423.

Borodina M. A. *Rol istoricheskogo zhanra v sisteme hudozhestvennoj kultury*. [The role of the historical genre in the system of artistic culture]. In: *Hudozhestvennaja kul'tura Rossii vchera, segodnja, zavtra: Regional'nyj aspekt. Materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii. Otv. red. N.A. Elovskaja*. [The artistic culture of Russia yesterday, today, tomorrow: The regional aspect]. Krasnojarsk, Krasnojarskij gosudarstvennyj institut iskusstv, 2017, 15–19.

Borodina M. A. *Obraz Grazhdanskoj vojny v Sibiri v tvorcestve A. M. Znaka* [The Image of the Civil War in Siberia in the Works of A. M. Znak]. In: *Severnye arhivy i jekspedicii* [Northern Archives and Expeditions], 2022, 6(1), 154–163.

Borodina M. A. *Fenomen prevrashhenija tematicheskoi i bytovoj kartiny v proizvedenie istoricheskogo zhanra (na primere tvorcestva krasnojarskih hudozhnikov)* [The phenomenon of turning a thematic and everyday painting into a work of historical genre (using the example of the work of Krasnojarsk artists)]. In: *Prospekt Svobodnyj* [Svobodny Avenue], Krasnojarsk, SFU, 2023, 2593–2596.

Borodina M. A. Hudozhestvennyj obraz sibirskoj identichnosti V.I. Surikova kak vizualnyj pattern v izobrazitel'nom iskusstve Krasnojarska [Artistic Image of Siberian Identity by V.I. Surikov as a Visual Pattern in the Fine Arts of Krasnoyarsk]. In: *Sibirskij iskusstvovedcheskij zhurnal [Siberian Art History Magazine]*, 2023, 2(2), 36–45.

Borodina M. A. Religioznaja problematika istoriko-revoljucionnyh proizvedenij «surovogo stilja» [Religious Issues of Historical and Revolutionary Works of the “Severe Style”]. In: *Severnnye arhivy i jekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*, 2023, 7(2), 15–26.

Fadeeva I. P. Hudozhestvennye patterny XX veka: vizual'naya kul'tura kak antropologicheskij proekt (region Komi) [Artistic Patterns of the 20th century: visual Culture as an Anthropological Project (Komi region)]. In: *Voprosy kul'turologii [Questions of cultural studies]*, 2016, 11. URL: <https://panor.ru/articles/khudozhestvennye-patterny-xx-veka-vizualnaya-kultura-kak-antropologicheskij-proekt-region-komi/78870.html#> (date of application: 23.05.2024).

Forstall Ch. W., Scheirer W. J. *Quantitative Intertextuality Analyzing the Markers of Information Re-use*. Switzerland: Springer Nature, 2019, 182.

Ivanova A. A. Filosofsko-iskusstvovedcheskii analiz kartiny «Zhenshchina s rebenkom na beregu morya» Pablo Pikasso [Philosophical and art criticism analysis of the painting “A woman with a child on the seashore” by Pablo Picasso]. In: *Sibirskii iskusstvovedcheskii zhurnal [Siberian Art History Journal]*, 2023, 2(4), 7–22. – DOI 10.31804/2782-4926-2023-2-4-7-22. – EDN OASPQW.

Koptseva N. P., Avdeeva Yu. N., Krupkina K. A. *Metody izucheniya kul'tury [Methods of studying culture]*. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet, 2020. 184. – ISBN 978-5-7638-4350-7. – EDN GEDBOV.

Koptseva N. P., Bralkova A. V., Gerasimova A. A. *Novaya art-kritika na beregakh Eniseya [New art criticism on the banks of the Yenisei]*. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet, 2015, 340. – ISBN 978–5–7638–2537–4. – EDN VIQKIB.

Koptseva N. P., Pimenova N. N. Kul'turnye transformatsii: vozmozhnosti izucheniya [Cultural transformations: possibilities of study]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2020, 4(3), 36–44. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-3-36-44. – EDN ENUIWR.

Kristeva Ju. *Izbrannye trudy: Razrushenie pojetiki [Selected works: The Destruction of poetics]*. Moscow, ROSSPJEN, 2004, 395–593.

Kristeva Ju. *Semiotika: Issledovaniya po semanalizu [Semiotics: Research on semanalysis]*, Moscow, Akademicheskij proekt, 2013, 285.

Leshchinskaya N. M., Sitnikova A. A., Sertakova E. A., Koptseva N. P. Zhurnal Zodchii” kak istochnik po istorii ruskogo moderna kontsa XIX – nachala XX vekov [The magazine “Architect” as a source on the history of Russian Art Nouveau of the late XIX- early XX centuries]. In: *Bylye gody [Bygone years]*, 2022, 17(3), 1237–1249. – DOI 10.13187/bg.2022.3.1237. – EDN BNRZCL.

Mazur N. N. *Abi (Abraham Moritz) Warburg (1866–1929) [Abi (Abraham Moritz) Warburg (1866–1929)] / Mir obrazov. Obrazy mira. Antologiya issledovaniya vizual'noi kul'tury [The World of images. Images of the world. An anthology of visual culture research]*. SPb: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge [Publishing House of the European University in St. Petersburg], 2023, 544.

Mikhailova S. A. Filosofsko-iskusstvovedcheskii analiz kartiny «Paolo i Francheska da Rimini» Dante Gabrielya Rossetti [Philosophical and art criticism analysis of the painting “Paolo and Francesca da Rimini” by Dante Gabriel Rossetti]. In: *Sibirskii iskusstvovedcheskii zhurnal [Siberian Art History Journal]*, 2023, 2(4), 23–35. – DOI 10.31804/2782-4926-2023-2-4-23-35. – EDN PXXASG.

Sergeeva N. A. Ponyatie «vizual'nost'» v sovremennyh teorii i istorii iskusstva [The concept of «visual» in modern theory and history of art]. In: *Severnnye Arhivy i jekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*, 2023a, 7(2), 108–115.

Sergeeva N. A. Metodologicheskie podhody k issledovaniyu vizual'noj kul'tury [Methodological approaches to the study of visual culture: a scientific publication]. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Anthropology]*. 2023b, 7(3), 37–43.

Sertakova E. A. Obraz tvortsa i tvorchestva v zhivopisi klassitsistov: analiz-sravnenie mifologicheskikh proizvedenii «vdokhnovenie poeta» N. Pussena i «Safo i FAON» Zh.-I. Davida [The image of the creator

and creativity in Classicist painting: an analysis and comparison of mythological works “the inspiration of the poet” by N. Poussin and “Sappho and PHAON” by J.L. David]. In: *Sibirskii iskusstvovedcheskii zhurnal [Siberian Art History Journal]*, 2024, 3(1), 7–19. – DOI 10.31804/2782-4926-2024-3-1-7-19. – EDN FXUMUA.

Shidlovskaya E., Mak P. Perekrestki kultur [Crossroads of cultures]. In: *Iskusstvoznanie [Art studies]*, 2013, 3(4), 9–19.

Shurmanova A. A. Filosofsko-iskusstvovedcheskii analiz kartiny «Igroki v karty» Polya Sezanna [Philosophical and art criticism analysis of the painting “Card Players” by Paul Cezanne]. In: *Sibirskii iskusstvovedcheskii zhurnal [Siberian Art History Journal]*, 2023, 2(3), 20–32. – DOI 10.31804/2782-4926-2023-2-3-20-32. – EDN BSLJSR.

Smirnov I. P. Porozhdenie interteksta: Elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B. L. Pasternaka. [*The generation of intertext: Elements of intertextual analysis with examples from the work of B. L. Pasternak*]. St. Petersburg, Yazykovoi tsentr SPbGU, 1995, 189.

Toropygina M. Ju. Ikonologija. Nachalo. Problema simvola u Abi Varburga i v ikonologii ego kruga [*Iconology. Beginning. Abi Warburg's symbol problem is also in the iconology of his circle*]. Moscow, Progress-Tradicija, 2015, 368.

Toropygina M. Ju. Jedgar Vind – uchenik abi Varburga. K voprosu o razvitiu ikonologicheskogo metoda [Edgar Wind is a student of Abi Warburg. On the question of the development of the iconological method]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 5: Voprosy istorii i teorii hristianskogo iskusstva [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 5: Questions of the history and theory of Christian Art]*, 2013, 2(11), 190–202.

Varburg A. Velikoe pereselenie obrazov: issledovanie po istorii i psihologii vozrozhdenija antichnosti [*The Great Migration of Images: a study in the history and psychology of the Renaissance of Antiquity*]. St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2008, 381.

Zabrovsky A. P. K probleme vizual'nogo regionovedeniya [On the problem of visual regional studies]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of the Moscow University]*, 2013, 19(3), 153–162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-vizualnogo-regionovedeniya> (date of application: 23.05.2024).

Zhigaeva A. A., Zhigaev I. G. Klassifikatsiya intertekstual'nykh svyazei proizvedenii izobrazitel'nogo iskusstva otnositel'no statusov khudozhestvennogo obraza [*Classification of intertextual connections of works of fine art relative to the status of an artistic image*]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2022, 6(2), 182–189.

Zhukovsky V. I. Teoriya izobrazitel'nogo iskusstva: teksty lektsiy. CH. 2 Metodologiya istorii iskusstva [*The theory of fine arts: texts of lectures. Part 2 Methodology of the history of art*]. Krasnoyarsk, KGU, 2004, 198.

Zhukovsky V. I., Koptseva N. P., Pivovarov D. V. Vizualnaya sushchnost religii [*The visual essence of religion*]. Krasnoyarsk, KGU, 2006, 460.

Zhukovsky V. I., Koptseva N. P. Propozitsii teorii izobrazitel'nogo iskusstva [*Propositions of the theory of fine arts*]. Krasnoyarsk, Krasnojarskiy gosudarstvennyj universitet, 2004. 266.

EDN: CRKGLZ
УДК 93/94/726

Sacred Space of the Yenisei North in Future Projects

Anna P. Dvoretzkaya*, Aleksandr V. Slabukha
and Nikita O. Pikov

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 03.11.2023, received in revised form 08.11.2023, accepted 24.06.2024

Abstract. Russian old-timers of the Yenisei North left a sacred space filled with many meanings to their descendants. Temple buildings occupy a significant place in the study. The authors analyze the process of restoration of churches in Yeniseysk, which are national level listed buildings, and consider the experience of preserving other cultural monuments of the region. The authors discuss the issue of preserving the heritage of ancestors and including temples in modern settlements. The novelty of the research lies in the fact that the article for the first time reviews projects related to the reconstruction of space, territory branding, the creation of new museum spaces, the formation of tourist routes and the sanctification of restored objects. It is concluded that due to various scenarios, previously lost elements of the sacred space can be formed or recreated.

Keywords: Yenisei North, religious heritage, sacred space, temple-monument, creative industries.

The article uses the results obtained during the implementation of the project (Scientific and methodological support of the Digital Humanities Research Institute and the preparation of databases of historical and cultural heritage for scientific work and publication), with the support of the Development Program of the Siberian Federal University for 2021–2030 as part of the implementation of the strategic academic leadership program “Priority 2030”. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Scientific Foundation No. 22–28–01668 “A comprehensive study of the sacred space of the old-timers of the Yenisei North: a mechanism for conservation and development (based on an interdisciplinary study of historical and architectural monuments)” (A. P. Dvoretzkaya), <https://rscf.ru/project/22–28–01668/>.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies); Theory and History of Architecture, Restoration and Reconstruction of Historical and Architectural Heritage (Architecture).

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: advoreckaya@mail.ru; nikita.pikov@mail.ru; slabuha@mail.ru

Citation: Dvoretckaya A. P., Slabukha A. V., Pikov N. O. Sacred Space of the Yenisei North in Future Projects. In: *Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 2024, 17(8), 1445–1453. EDN: CRKGLZ

Сакральное пространство Енисейского Севера в проектах будущего

А.П. Дворецкая, А.В. Слабуха, Н.О. Пиков

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Русские старожилы Енисейского Севера оставили потомкам сакральное пространство, наполненное множеством смыслов. Значительное место составляют здания храмов. Авторы анализируют процесс восстановления историко-культурных памятников федерального значения – храмов г. Енисейска. Останавливаются на опыте сохранения других памятников культуры региона, демонстрируют свой опыт работы в данной области. Авторы поднимают вопрос о том, как сохранить наследие предков и включить храмы в современное пространство поселений. Новизна исследования заключается в том, что в статье впервые выполнен обзор проектов, связанных с реконструкцией пространства, брендингом территории, созданием новых музейных пространств, формированием туристических маршрутов и сакрализацией отреставрированных объектов. Делается вывод, что благодаря разнообразным сценариям могут быть сформированы или воссозданы ранее утраченные элементы сакрального пространства.

Ключевые слова: Енисейский Север, религиозное наследие, сакральное пространство, храм-памятник, креативные индустрии.

В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта (Научно-методическая поддержка Digital Humanities Research Institute и подготовка баз данных историко-культурного наследия для научной работы и публикации), при поддержке Программы развития Сибирского федерального университета на 2021–2030 гг. в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030». Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда № 22–28–01668 «Комплексное исследование сакрального пространства старожилов Енисейского Севера: механизм сохранения и развития (на основе междисциплинарного исследования памятников истории и архитектуры)» (рук. А. П. Дворецкая), <https://rscf.ru/project/22-28-01668/>.

Научные специальности: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология); 2.1.11. Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия (архитектура).

Цитирование: Дворецкая А. П., Слабуха А. В., Пиков Н. О. Сакральное пространство Енисейского Севера в проектах будущего. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1445–1453. EDN: CRKGLZ

Введение в проблему исследования

Религиозное наследие Енисейского Севера создавалось веками. Вокруг храмов формировалось особое сакральное пространство. Церкви были своеобразными хранилищами капиталов, общей собственностью горожан и местом передачи памяти потомкам. Внутреннее пространство древних храмов отличало наличие особых религиозных ценностей – чудотворных икон, крестных ходов, связанных с этим. Так, в городе Енисейске находились мощи Даниила Ачинского, в Туруханске – Василия Мангазейского, что значительно повышало их статус как религиозных центров и делало центром народной паломнической жизни. Уникальным явлением, связанным с Енисейским Севером, стала и традиция строительства деревянных церквей в Приангарье. Различные по времени возведения, архитектурно-композиционному решению и конструктивным особенностям, они являлись образцами культовой деревянной архитектуры, в которых отражались традиции русских мастеров-плотников – старожилов и переселенцев.

Концептологические аспекты исследования

Сакральное пространство Енисейского Севера начало формироваться вокруг г. Енисейска как главного экономического, административного, ярмарочного, торгово-распределительного пункта и важнейшего базового центра русского освоения восточных территорий Сибири. Культовые объекты города, являясь частью культурной среды, одновременно до революции формировали северное региональное сакральное пространство – продукт религиозной деятельности человека в социуме.

В советскую эпоху были утрачены основные функции храма, существовавшие ранее, – богослужебная, архитектурно-эстетическая, социальная. Сократилось и само сакральное пространство. Эти процессы были тесно связаны с государственной и местной политикой органов власти в различные периоды времени. До наших дней не дошли многие образцы их вну-

треннего убранства, сохранились только отдельные элементы. Буквально по частям пришлось современным реставраторам воссоздавать и внешний облик церквей – памятников храмового зодчества Енисейска и Туруханска.

Постановка проблемы

Актуальность работы обусловлена необходимостью разработки рекомендаций для сохранения и музеефикации религиозных объектов Енисейского Севера – место первичного расселения русских на территории Сибири и Енисейского Севера в XVII–XVIII вв. Для этого требуется выявление механизма наследования и развития традиций и представлений, связанных с сакральным пространством; разработка новых принципов памятниковедения с учетом широкой историко-культурной реконструкции, а также вторичной сакрализации пространства, без которой объекты не вернут, не смогут возродить свои прежние духовные функции.

Методология и источники исследования

Для енисейских церквей – объектов культурного наследия – основными методами современной реставрации послужили работы по воссозданию значительных объемов этих памятников, составляющих до 80 % утрат подлинных исторических конструкций. Так, в ходе подготовки к 400-летию юбилею города Енисейска к 2019 г. были воссозданы основные объемы практически руинированных церквей – собора Богоявления Господня (постройка 1732–1750 гг.), церкви Троицы Живоначальной (1772–1776 гг.), церкви Захарии и Елисаветы в Спасском Енисейском монастыре (1785–1796 гг.).

Историко-культурная среда здесь стала местом памяти. В культурном коде достаточно отчетливо проявлены две основные линии. Первая – это преемственность в интерпретации культурного наследия: то, что выборочно сохраняется и используется из поколения в поколение непрерывно. Вторая линия – отношения к наследию –

дискретная – обрывает преемственность полностью или частично. Она характеризуется фрагментарной утратой памятников истории и архитектуры, что символизирует забвение прошлого (Selezneva, 1990: 10).

В этой ситуации очень важно проследить механизм наследования. При таком подходе выявления «Духа места» можно читать проекцию-карту поселения – города или села, как некий текст, состоящий из многих слоев и дошедших до настоящего времени отдельных следов различных эпох.

На изучение церковных архитектуры и искусства огромное влияние оказала методология тартуско-московской семиотической школы. Ю.М. Лотман, осознавая внутреннюю синтагматическую структуру канонического искусства, указывал, что оно несло определенный скрытый смысл, который считывался как текст и являлся мощным регулятором и строителем человеческой личности и культуры (Lotman, 1973: 16–22). «Дух места» позволяет обеспечить сохранность оставшихся следов сакрального пространства на Енисейском Севере.

В статье использовались периодика, церковная и светская публицистика, фотодокументы, научно-техническая документация памятников историко-культурного наследия. Также в ходе экспедиций авторов была проведена фотофиксация храмов до и после реставрации. Историко-топографические и источниковедческие методы позволили реконструировать следы прошлого.

Результаты и обсуждение.

Восстановление сакральных объектов

В ходе подготовки к 400-летию юбилею города Енисейска к 2019 г. было отреставрировано значительное количество церквей города и возник вопрос: как распорядиться наследием предков и включить храмы в активную жизнь современного городского пространства. Своеобразной стратегией, поддерживающей традиционность символического ряда местной метрополии, является литургическое служение, а также крестные ходы, паломничества, имеющие религиозный смысл почитания,

обеспечивающие установленный миропорядок и защитную функцию небесного покровительства на земле. Взамен ранее разрушенных храмов теперь ставятся кресты, поддерживая память о святых местах. Святыни являлись атрибутами и своеобразными символическими пространственно-временными реперами мировоззренческой картины православных (Mainicheva, 2018: 71–76). Оформляются и новые святыни, как, например, строительство храма на оз. Монастырском (рис. 1) или реставрация и музеефикация комплекса больницы, в которой в годы ссылки служил Владыка Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий) (рис. 2). Формируется почитание св. ключам. Сюда начинают стекаться паломники¹.

Используется тут и глубокая ассоциативная, духовная связь многих символов Енисейска со Святой Землей. Образ «Сибирского Иерусалима», как некий элемент «мироустройства» города, постоянно появляется в высказываниях правящего митрополита, православных журналистов, светской власти². Пространственные сакральные символы, например Небесный Град, Иерусалим, и даже материальные объекты – храмы, часовни, кресты, крестные ходы, являются частью коммуникативной среды настоящего, многие образы переносятся из прошлого в настоящее, а различные факторы – государство, Русская православная церковь, да и сами верующие, их пытаются встроить в новую религиозную среду (Lyubimova, 2005: 64–80; Mainicheva, 2017: 88–91; Fursova, 2001: 146–153).

Многие религиозные объекты являются не только местами отправления духовного культа и формирования церковных традиций, но и частью всего строя жизни верующих, которые их и восстанавливали. Многие из тех, кто возрождал культовые святыни Енисейска, вышли из Успенского прихода протоиерея о. Геннадия Фаста или связаны с приходом паломнической традиции³.

¹ Святыни Красноярского края. Путеводитель. Красноярск: Комсомольская правда, 2020. 72 с.

² Пасхальский Ю. 2019. Енисейску – 400! available at: <https://kerpc.ru/press-tsentr/statii/77005>

³ Ерышева Н. Возрождение православия в Енисейске. 2021 available at: <https://kerpc.ru/press-tsentr/statii/103426>.

Среди инициаторов процесса возрождения храмов в г. Енисейске был краевой архитектор К.Ю. Шумов. В одном из своих интервью он указывал, что для воссоздания места очень важна символика, при реставрации нужно понять его «сущность», в том числе и вероучительную⁴.

На момент начала реставрации сохранилась только храмовая часть Воскресенского храма (утрачена полностью колокольня, которая была самой высокой в городе). Храм так и не был восстановлен полностью. Существует только храмовый объем с полукруглой алтарной апсидой без колокольни⁵.

Богоявленский собор в советское время был приспособлен под городскую котельную. В таком качестве здание существовало долгий период. За эти годы почти полностью был разобран объем главного храма и завершения приделов, купольное со шпилем завершение колокольни заменено шатровым (рис. 3)⁶.

В здании надвратной церкви Захария и Елизаветы Енисейского Спасо-Преображенского монастыря первоначально, в 1930–1940 гг., были разобраны верхние ярусы. Позднее остались только руины (рис. 4)⁷. К настоящему времени монастырь отреставрирован полностью (рис. 5)⁸.

Сохранился только нижний ярус Троицкой церкви – ее пришлось реставрировать и в значительной степени воссоздавать почти с нуля (рис. 6)⁹.

⁴ Пасхальский Ю. 2019. Константин Шумов: Храмы меняют нас всех – и верующих, и неверующих available at: <https://kerpc.ru/press-tsentr/statii/77155>.

⁵ Церковь Воскресения в г. Енисейске по ул. Ленина, 104 available at: <http://naov.ru/objects/cerkov-voskreseniya-v-g-eniseyske-po-ullenina-104.html>.

⁶ Собор Богоявления (Богоявленский) по пер. Пожарный, 1 в г. Енисейске available at: <http://naov.ru/objects/sobor-bogoyavleniya-bogoyavlenskii-po-perpozharnyi-1-v-g-eniseyske.html>.

⁷ Церковь надвратная Захария и Елизаветы по ул. Рабоче-Крестьянской, 101 в г. Енисейске available at: <http://naov.ru/objects/cerkov-nadvratnaya-zahariya-i-elizaveti-po-ulraboche-krestyanskoyi-101-v-g-eniseyske.html>.

⁸ Спасо-Преображенский мужской монастырь по ул. Рабоче-Крестьянской, 101 в г. Енисейске available at: <http://naov.ru/objects/spaso-preobrazhenskii-muzhskoyi-monastir-po-ulraboche-krestyanskoyi-101-v-g-eniseyske.html>.

⁹ Троицкая церковь. Паспорт объекта, 1985–2001. Сост. Ю.И. Гринберг // Текущий архив службы

В отличие от городских енисейских остальных церквям на Енисейском Севере повезло значительно меньше. В настоящее время из старинных построек остался частично только первый этаж храма Туруханского Троицкого монастыря (Shumov, 2017). Полностью утрачена Верхнеимбатская Успенская церковь, остался лишь фрагмент фундамента церкви, сложенного из крупных валунов, и остатки битого кирпича (Shumov, 2016).

Несколько дольше сохранялись церкви в Приангарье. Деревянные храмы в деревнях Савино, Селенгино, Мозговой, Бидея, Яркино и Юрохта Кежемского района сохраняли исторический вид до середины 1980-х гг. Утрачены храмы в 2010-х гг. (Tsarev, 2022).

В руинированном виде сохранились объекты в селах Анциферово и Каменке Енисейского района и с. Чадобском Кежемского района (на сегодняшний момент единственная незатопленная церковь в Приангарье). Один из интереснейших сохранившихся памятников – домовая церковь переселенческой больницы в д. Широково Казачинского района (рис. 7) Здание сохранилось, хоть и в неудовлетворительном состоянии. Долгое время в советские годы здесь располагалась малокомплектная школа. В 1990-е гг. местными жителями были предприняты попытки отремонтировать здание и перефилировать его под клуб¹⁰. В настоящее время большинство этих построек заброшены. Вокруг отсутствуют большие населенные пункты, поэтому возникает вопрос об их дальнейшем содержании.

В настоящее время общественными организациями, музеями, специалистами организаций в области охраны памятников предпринимаются попытки восстановления, реконструкции отдельных элементов сакрального пространства. Важно,

по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края.

¹⁰ Барановский О. Широко раскинулось Широково // Новая жизнь. № 45/47. 17.04.2009. С. 5; Паспорт на памятник истории и культуры СССР (РСФСР) «Здание земской больницы, 1900 г.» (составлен 07 февраля 1988 г.) // Текущий архив службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края.

что многие здания, входящие в сакральное пространство Енисейского Севера, имеют статус объектов культурного наследия и охраняются государством (Ivanova, 2022).

Музеефикация храмов и сакрального пространства

Для храмов как объектов культурно-исторического наследия Енисейска, охраняемых законодательством, возможен еще один сценарий (ныне уже претворяющийся в жизнь) – объекты использовать под музеи. Так, например, отреставрированные Енисейский Богоявленский собор и Енисейская Троицкая церковь как ценные исторические материальные объекты переданы Енисейскому музею-заповеднику.

При данном подходе храмы и иные объекты можно рассматривать как часть не только историко-культурного наследия региона, но и современной культуры, их функции могут расширяться и благодаря музеефикации части пространства за счет формирования и экспонирования коллекций религиозного искусства, воссоздания утраченных объектов. Здесь важно то, что сакральное место позволяет человеку переживать единение с другими людьми и окружающей средой, связывая прошлые и будущие поколения (Bergmann, 2017: 279–305).

Для создания брендинга территории специалисты-архитекторы выбрали символический ряд, связанный с православием: «Енисейск – город веры»; «Енисейск – дивный». Самым первым и наиболее известным памятником культуры общероссийского значения является комплекс Спасского мужского монастыря. Он знаменит не только выдающейся архитектурой, но и возрождением традиционных ремесел: резьбы и росписи по дереву, иконописи, изготовления изделий из кожи и бересты, плетения лозы и многих других. Для символики был выбран в рамках проекта создания брендинга и цвет – «Енисейская глазурь». Он транслирует образ неба, воды и является основным цветом покраски куполов енисейских церквей¹¹.

¹¹ Проктдевелопмент. Научно-исследовательские работы по разработке проекта регенерации центральной части

Часть отреставрированных храмов Енисейска предполагается музеефицировать, например Троицкую церковь или надвратную Захариевскую. Данное решение активно в настоящее время претворяется в жизнь, пока на основе возрожденной Троицкой церкви. Уже год как в стенах церкви разместились иконописная школа, возрождаемая усилиями как музея, так и местных прихожан. Там расположился музей православия в Енисейске¹². В Енисейский музей-заповедник частично переданы картины из сибирской коллекции о. Андрея Юревича, которые готовятся к экспонированию в стенах музея. В настоящее время данная коллекция содержит 206 произведений таких известных авторов, как Александр Тихомиров (Благовещенск), Румяна Внукова (Красноярск), Александр Волокитин (Красноярск) и др. (Barashkov, 2023).

Можно привести примеры Тобольского музея-заповедника, который находится в совместной собственности государства и Церкви, или Зашиверской Спасской церкви, перенесенной из родной среды Якутии в музей под открытым небом под Новосибирск и ставшей частью музея Института археологии и этнографии СО РАН. Примечательно, что на ее родине в Якутии полностью воссоздали деревянную копию церкви (Tishina, 2015: 120–123; Shmakova, 2016: 194–199).

Многие проекты выглядят эклектично и связаны с включением данных сакральных объектов в современное культурное пространство: экспонирование обнаруженных фрагментов храмов, полное восстановление ряда утраченных объектов, в том числе и часовни Даниила Столпника. Последний проект нашел одобрение и местной епархии, так как связан с возрождением традиции почитания.

В этом отношении интересен проект формирования культурной среды Енисейска, представленный проектными институтами Красноярскгражданпроект и Проектдевелопмент¹³. Проектом предполагается

города Енисейска. Эскизный проект available at: <https://proektdevelopment.ru/projects/yeniseysk..>

¹² Ерышева, 2021.

¹³ Проктдевелопмент.

формирование новых общественных пространств. К ним относятся Соборная площадь, площадь перед Богоявленским собором, Гостинодворская площадь.

Высоко значение культовых объектов и для развития туристического брендинга территории. Часовни, храмы, монастырские комплексы, святые источники, а также религиозно-тематические музеи и выставочные проекты охотно посещаются туристами. В качестве сакрального комплексного объекта Енисейск уже давно включен в паломнические туры. В этом случае город может являться центром традиционного паломничества¹⁴.

Одним из таких объектов может также стать, например, домовый храм в с. Широково, который вместе с основным зданием – лечебницей – пытаются перенести местные краеведы в д. Рождественское. При таких обстоятельствах пустующее здание может стать частью туристического бренда Казачинского района – туристического парка под открытым небом. Они в настоящее время активно развиваются и в других регионах Сибири, например в Новосибирской области¹⁵.

Эффективно организованная система сервиса и гостеприимства должна быть ориентирована на очень широкий контингент, объект может быть включен не только в паломнические маршруты, но и тематические туристические – речные круизные, автобусные «По следам предков», «Старожилы Сибири», «Сибирские первопроходцы». К числу важнейших относится и приобщение к традициям русских старожилов путем участия в мастер-классах, мероприятиях по реконструкции обычаев.

Исследователями разработана научно-проектная концепция включения сакрального пространства в туристические маршруты. Так, Е.В. Гевель и З.Ю. Жарников определили 12 достопримечательных мест, которые в дальнейшем смогли бы

составить определенные опорные пункты туристических маршрутов. Одной из точек является, по мнению авторов, Спасо-Преображенский монастырь с Сенной торговой площадью. Далее – Богоявленский собор и воеводский дом, символизирующие государственное управление; Троицкая церковь, окруженная деревянными домами ремесленного посада, так же, как и Нагорная часть с Успенской церковью. Рождественское подворье с Иверской церковью за рекой Мельничной – комплекс храма, каменных келий и хозяйственных строений с будущим воссозданием часовни Даниила Ачинского, артефакты которой (нижние венцы первой деревянной часовни) на территории бывшего Рождественского монастыря обнаружили археологи в раскопе 2014 г. (Nevel, Zharnikov, 2019: 67–70).

Заключение и благодарности

Авторами показан процесс включения сакрального пространства старожилов Приенисейской Сибири – реконструкции, реставрации, преобразования, включения в проекты будущего – в местную общественно-религиозную и культурную жизнь в качестве ресурса социального, экономического и культурного развития территорий Приенисейской Сибири; использование наследия для воспитания и образования, интеграции его в современное пространство. Очевидно, что направления работы могут быть разнообразными и вариативными по форме и содержанию. К числу важнейших направлений относится приобщение к традициям русских старожилов путем участия в мастер-классах, реконструкции обычаев, обучения технологиям будущего подрастающего поколения, музеефикации наследия. В процессе формирования единой системы туристско-краеведческих и образовательных маршрутов крайне важным представляется вовлечение учащихся, студенческой молодежи, краеведов в активную исследовательскую деятельность по изучению сакрального пространства Енисейского Севера.

Следует сделать вывод, что в настоящее время мировая и российская обще-

¹⁴ Святых, 2020.

¹⁵ Сохраним Музей под открытым небом // Библиотека сибирского краеведения [Электронный ресурс] available at: [//bsk.nios.ru/content/sohranim-musey-pod-otkryтым-nebom](http://bsk.nios.ru/content/sohranim-musey-pod-otkryтым-nebom).

ственность осознает ценность религиозных объектов не просто как части религиозного культа, формирующего внутреннее и внешнее сакральные пространства, но и как неотъемлемого элемента культурно-исторической среды той или иной местности, важного условия самоидентификации, стабилизации единения сообщества. Историко-культурная среда становится средой памяти, что ярко проявляется в преобладании в интерпретации культурного наследия: то, что выборочно сохраняется и используется из поколения в поколение непрерывно. В Красноярском крае приложены значительные усилия, в том числе и авторами статьи, для сохранения и описания локальной религиозной культуры. Та-

кой отбор и сохранение знаний о наиболее значимом для социума прошлом являлся неотъемлемой частью самоидентификации, единения членов местного сообщества. Элементы старины и традиций позволяли говорить специалистам о самобытной религиозной культуре сибиряков как части общемирового культурного наследия.

Приложения / Applications

Принятые сокращения

1. ПМА – полевые материалы авторов

Список литературы / References

Barashkov V.V. Kollekcija sovremennogo hristianskogo iskusstva v Enisejskom istoriko-architekturnom muzee-zapovednike im. A. I. Kytmanova: istorija formirovanija i perspektivy razvitija [Collection of contemporary Christian art in the Yenisei Historical and Architectural Museum-Reserve named after A. I. Kytmanova: history of formation and development prospects]. In: *Koncept: filosofija, religija, kul'tura* [Concept: philosophy, religion, culture]. 2023. 7. 1. Available at: <https://concept.mgimo.ru/journal/article/view/739>.

Gevel' E. V., Zharnikov Z. Ju. Dostopamjatnye mesta Enisejgrada [Memorable places of Yenisei-grad]. In: *Enisejskaja Sibir' v istorii Rossii (k 400-letiju g. Enisejska)* [Yenisei Siberia in the history of Russia (to the 400th anniversary of the city of Yeniseisk)]. Elektronnyj dokument. Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma. Krasnojarsk, 23–25 oktjabrja 2019 g. Krasnojarsk: ООО «Laboratorija razvitija». 2019. 67–70.

Ivanova A. S. Struktura kompleksa pamyatnikov arkhitektury Krasnoyarskogo kraja v reestre ob'ektov kul'turnogo naslediya [The structure of the complex of architectural monuments of the Krasnoyarsk Territory in the register of cultural heritage objects]. In: *Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Science, Education and Experimental design: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference], Moskva, 04–08 aprelya 2022 goda. Moscow. Moskovskii arkhitekturnyi institut (gosudarstvennaya akademiya), 2022. 243–245.

Lotman Ju. M. Kanonicheskoe iskusstvo kak informacionnyj paradoks [Canonical art as an information paradox]. In: *Problema kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki: sb. st.* [The problem of the canon in the ancient and medieval art of Asia and Africa: a collection of articles]. Moscow, 1973. 16–22.

Ljubimova G. V. Tradicii pochitanija «svjatyh mest» pravoslavnym naseleniem Sibiri [Traditions of veneration of “holy places” by the Orthodox population of Siberia]. In: *Problemy transmissii i bytovaniya jetnokul'turnyh tradicij slavjanskogo naselenija Sibiri. XVIII–XX vv.* [Problems of transmission and the development of the traditional Slavic settlement of Siberia. XVIII–XX centuries]. Novosibirsk: IAJeT SO RAN, 2005. 64–80.

Majnicheva A. Ju. Nedvizhimye ob#ekty kul'turnogo nasledija sibirskih gorodov v aspekte koncepcii kul'turnogo kapitala (na primere Enisejska) [Real estate objects of cultural heritage of Siberian cities in the aspect of the concept of cultural capital (using the example of Yeniseisk)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Kul'turologija i iskusstvovedenie* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art History series]. 2012. 1(5). 43–58.

Majnicheva A. Ju. Strategii sohraneniya i aktualizacija simboliko-znakovyh sistem v arhitekture i kul'turnom nasledii narodov Sibiri v XVII–XXI vekov: k postanovke problemy [Preservation strategies and actualization of symbolic-sign systems in the architecture and cultural heritage of the peoples of Siberia in the 17th–21st centuries: towards the formulation of the problem]. In: *Balandinskie chteniya* [Balandin readings]. 2017. 12(1). 88–91.

Majnicheva A. Ju. Pravoslavnye svyatyni Enisejskoj eparhii: aktualizacija i strategii sohraneniya. Nachalo XX v. [Orthodox shrines of the Yenisei diocese: actualization and preservation strategies. Beginning of the 20th century]. In: *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 2018. 25(2). 71–76.

Selezneva E. N. Istoriko-kul'turnaja sreda kak sreda pamjati [Historical and cultural environment as an environment of memory]. In: *Pamjatniki i sovremennost'. Pamjatniki v kontekste istoriko-kul'turnoj sredy* [Monuments and modernity. Monuments in the context of the historical and cultural environment]. Moscow, 1990. 91.

Tishina T. P. Vozvrashhenie hrama [Return of the temple]. In: *Sbornik trudov Jakutskoj duhovnoj seminarii. Vyp. 2* [Collection of works of the Yakut Theological Seminary. Issue 2]. Yakutsk: Jakutskij kraj, 2015. 120–123.

Fast G. Enisejsk pravoslavnyj [Yeniseisk Orthodox]. Krasnojarsk: Enisejskij blagovest, 1994. 238.

Fursova E. F. Kul't Svjatitelja Nikolaja v obyčajah i obrjadah vostochnoslavjanskogo naselenija Verhnego Priob'ja (po polevym materialam) [The cult of St. Nicholas in the customs and rituals of the East Slavic population of the Upper Ob region (based on field materials)]. In: *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii* [Archaeology, Geography and Anthropology of Eurasia]. 2001. 4. 146–153.

Shmakova G. V. Vozmozhnosti obrazovatel'nogo turizma v izuchenii kraevedeniya v vuze [Possibilities of educational tourism in the study of local history at a university]. In: *Filosofija obrazovanija* [Philosophy of education]. 2016. 3(66). 194–199.

Shumov K. Ju. Pravoslavnaja kul'tovaja arhitektura Enisejska XVIII – nachala XIX veka [Orthodox religious architecture of Yeniseisk in the 18th – early 19th centuries]. Krasnojarsk, 1995.

Shumov K. Ju. Troickaja cerkov' Turuhanskogo Troickogo monastyrja [Trinity Church of the Turukhansky Trinity Monastery] 2017. Available at: <https://naov.ru/objects/troickaya-cerkov-turuhanskogo-troickogo-monastirya.html>.

Shumov K. Ju. Uspenskaja cerkov' v sele Verhneimbatskom Turuhanskogo rajona Krasnojarskogo kraja [Assumption Church in the village of Verhneimbatskoye, Turukhansk district, Krasnoyarsk region] 2016. Available at: https://naov.ru/articles/67_ustpenskaya-cerkov-v-sele-verhneimbatskom-turuhanskogo-rayiona-krasnoyarskogo-kraja.html.

Tsarev V. I., Tsarev V. V. Arkhitekturnoe nasledie Priangar'ya [Architectural heritage of the Angara region]. Krasnoyarsk: Izd-vo SFU, 2022. 373.

Bergmann S. Der sakrale Ort als kritischer Ort. Skizzen zur befreienden Ästh/Ethik heiliger Räume und Atmosphären. Wandel und Wertschätzung. Synergien für die Zukunft von Kirchenräumen. Hgg. von Albert Gerhards und Kim de Wildt. Regensburg: Schnell & Steiner, 2017. 279–305.

EDN: BYNIVD
УДК 304.5

Avant-garde and Technology: Artistic Construction of a Possible Future

Kseniya A. Degtyarenko and Tikhon K. Ermakov*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 30.05.2024, received in revised form 31.05.2024, accepted 24.06.2024

Abstract. The development of human society is associated with many tasks, which, among other things, are posed to humanitarian knowledge. In particular, it is necessary to understand the various mechanisms for integrating scientific and technological discoveries and inventions into human everyday life. For quite a long time, various models of sociological description of the processes of this integration have been developing. At the same time, it is necessary to build models of such integration, based on the achievements of modern cultural studies. We offer a version of such a study, in which, from a cultural perspective, we describe the mechanisms for constructing a possible future in the practices of the Russian avant-garde of the early 20th century. Based on the analysis of the journal “Modern Architecture”, the following ways of constructing a possible future can be identified: 1. Integration of artistic creativity techniques and scientific models, transformed in the context of aesthetic tasks of creating works of art; 2. An emphasis on the reconstruction of everyday life, which turns imagination about the future into a set of concrete recommendations, rather than into abstract theses.

Keywords: avant-garde, constructivism, possible future, media archaeology.

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23–28–00255, <https://rscf.ru/en/project/23–28–00255/>

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

Citation: Degtyarenko K.A., Ermakov T.K. Avant-garde and technology: artistic construction of a possible future. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(8), 1454–1464. EDN: BYNIVD

Авангард и техника: художественное конструирование возможного будущего

К.А. Дегтяренко, Т.К. Ермаков

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Развитие человеческого общества связано с множеством задач, которые в том числе ставятся и перед гуманитарным знанием. В частности, необходимо понимать различные механизмы встраивания научно-технических открытий и изобретений в повседневную жизнь человека. Достаточно долгое время развиваются различные модели социологического описания процессов этой интеграции. В то же время необходимо выстраивать модели подобной интеграции, опирающиеся на достижения современной культурологии. Мы предлагаем вариант подобного исследования, в котором с культурологических позиций описываются механизмы конструирования возможного будущего в практиках русского авангарда начала XX века. На материале анализа журнала «Современная архитектура» можно вычленил следующие способы конструирования возможного будущего: 1. Интеграция приёмов художественного творчества и научными моделями, преобразуемыми в контексте эстетических задач создания произведений искусства; 2. Акцент на реконструкции повседневной жизни, что превращает воображение о будущем в набор конкретных рекомендаций, а не в абстрактные тезисы.

Ключевые слова: авангард, конструктивизм, возможное будущее, медиаархеология.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 23–28–00255, <https://rscf.ru/project/23–28–00255/>

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Дегтяренко К. А., Ермаков Т. К. Авангард и техника: художественное конструирование возможного будущего. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1454–1464. EDN: BYNIVD

Введение

Проблема технического развития и, более точно, интеграции технических открытий в существующий культурно-социальный контекст является одной из наиболее значимых проблем гуманитарных исследований техники. Проявляется эта проблематика в исследованиях, связанных как с общими вызовами социального и технического развития (Degtyarenko, 2023), так и с множеством частных проблем, например, экономических секторов (Shpak, 2024; Pikov, 2023) и образовательных практик (Koptseva, 2020; Koptseva, 2021). В последнее время, гуманитарные ис-

следования технической проблематики связаны в том числе и с проблемами, связанными с активным внедрением искусственного интеллекта в различные области человеческой деятельности (Belousova, 2023; Shpak, 2023; Shpak, 2023).

Начиная с 1940-х годов активное развитие проблем инноватики приводит к формированию целого спектра различных теоретических моделей, описывающих наиболее существенные факторы, влияющие на формирование научных открытий и их прикладное применение (Zemnuhova, 2018). При этом с ходом развития теоретической

мысли исследователи всё больше приближались к пониманию процесса инноватики как комплексного явления, взаимосвязанного с самыми различными формами и процессами в обществе. Так, наиболее яркими и значимыми становятся модели социального конструирования техники (Vijker, 1987), в которой особое внимание уделяется запросам общества и его явным и скрытым потребностям; многоуровневая модель Р. Кемпа (Kemp, 1994), в которой принимаются во внимание сложные взаимосвязи различных масштабных уровней производства технических инноваций и их применения; акторно-сетевая теория, приложение которой к проблемам инноватики демонстрирует сложный, скорее вероятностный, чем закономерный ход внедрения технического устройства в общество (Laet, 2002; Latour, 1991).

Дальнейшее развитие проблем социологии техники и инновационного технического развития требует учесть ряд новых тенденций в современных гуманитарных науках, в частности, представляется прагматически перспективным использование моделей, связанных с «культурным поворотом» в современной гуманитаристике (Bezuglova, 2010). Все рассмотренные выше модели предлагают обращаться к проблемам технического развития с позиций социологических наук, в которых ключевыми акторами выступают социальные группы и институты, действующие исходя из своих собственных утилитарных интересов. В рамках же культурологического осмысления процессов инновационного развития мы предлагаем обратиться к вопросу о художественной и культурной подготовке общества к возникновению технических средств. Как мы покажем ниже, подобные вопросы уже рассматриваются в рамках современных теоретико-методологических проектов медиаархеологии. Особенностью нашего подхода к рассмотрению данного вопроса является акцент на возможности анализа художественных практик в рамках проблематики исследования науки и техники.

Для культурологического анализа особенностей развития науки и техники ведущей становится концепция «возможного бу-

дущего». На данном этапе можно говорить о существовании нескольких направлений в области исследования роли культурного конструирования будущего.

Во-первых, это исследования художественных произведений (преимущественно фантастических) с позиции их социокультурной роли в конструировании окружающей их культуры, частью которой становятся ожидания от будущего (Demkina, 2022; Fedotova, 2023; Ivanova, 2023). Отличительной чертой таких исследований является их «двойной» фокус, связанный с вниманием одновременно и к художественным особенностям рассматриваемых произведений, и к их социокультурной роли. Как правило, возможное будущее художественных произведений понимается как влияющее на интеллигенцию, которая впоследствии начинает принимать комплексные решения о дальнейшем развитии общества с опорой именно на эти художественно-культурные конструкты. Помимо художественных текстов предмет подобного анализа могут выступать и, например, философские тексты (Agonov, 2022). Ключевой особенностью анализа подобного предметного поля становятся представления о более явной связи между «мыслью» и «действием» в рамках конструирования будущего.

Во-вторых, отдельно можно выделить исследования, в которых особое внимание уделяется самому «конструированию будущего» как необходимому феномену культуры. В этом случае рассматривается не отдельная предметная область, из которой «извлекается» представление о будущем культурной группы, но сам процесс конструирования будущего берётся в аспекте его связей с другими феноменами культуры (De Luna, 2022; Ustinkin, 2022; Rybalkina, 2018). Одним из ключевых сюжетов таких исследований является развитие проблематики культурного конструирования будущего как механизма связывания различных временных аспектов культуры (прошлого, настоящего и, собственно, будущего) в единую линию, результатом чего становится большая консолидация культурной группы, формирование представления о её целост-

ной исторической судьбе. При этом, благодаря культурной обусловленности процесса конструирования, эта связь становится не чисто механической, а подчинённой глобальной идее взаимодействия между различными представителями группы ради некоторой высшей цели.

В-третьих, выделяется группа исследований, которые посвящены отдельным механизмам конструирования возможного будущего в рамках культурных процессов (Ishimskaja, 2022; Fischer, 2021). Ключевым отличием от описанных выше исследовательских подходов является особое внимание к формальным механизмам конструирования образа возможного будущего вообще, в отрыве от его непосредственного выражения в конкретной предметности или функции внутри культуры. Результат подобных исследований – это не только непосредственный образ будущего, но и выводы частично футурологического свойства, связанные с возможностями использования результатов культурологического исследования для научного моделирования векторов развития будущего.

В данном исследовании мы предлагаем вариант развития первого варианта проблематики, связанного с описанием возможного будущего, представленного в художественном творчестве, но с расширением и уточнением проблематики. Опираясь не только на само произведение, но и на теоретико-философские основания творчества авангардистов, мы предлагаем перенести фокус на сам процесс последовательного конструирования будущего, благодаря чему расширяется эвристический потенциал исследования, не просто фиксирующего те или иные инварианты образа будущего в культуре, но и демонстрирующего конкретные механизмы и истоки его формирования.

Культурология возможного: теоретико-методологические основания исследования

Как уже упоминалось выше, на наш взгляд, изучение «возможного будущего» как культурологической категории может быть связано с проблематикой ис-

следования науки и техники, учитывающей культурный поворот в современной гуманитарной науке. Проблематизируя научно-технический прогресс с позиций культурологии, мы можем переформулировать вопрос о причинах появления новых устройств и их интеграции в социальную действительность в контексте культурных предпосылок этих явлений. Культурологическая проблематика ведёт к поиску типического и инновационного в процессе технического творчества. Типическое обуславливает возможность восприятия культурой того или иного инновационного открытия, поскольку полный отрыв от типового ведёт к восприятию инновационного как некоторого аккультурного, противоречащего тенденциям, принимаемым обществом в качестве «нормальных». Отсутствие же инновационного приводит к потере самой сути технического прогресса. Таким образом, потенциальная «культурология возможного» исследует типовые идеалы, эталоны, нормы и ценности, которые в интересующей нас культурной группе потенциально ведут к нормализации технического (или какого бы то ни было другого) открытия.

Определённые тенденции в области исследования возможного как элемента культуры можно обнаружить в ряде современных моделей, предлагаемых медиаархеологией. Особенность медиаархеологического подхода заключается в его внимании к типическим формам культуры, при котором весь процесс исторического развития медиаустройств превращается во множество вариаций вокруг уже известных и культурно одобряемых центральных концепций (Parikka, 2013). Несмотря на привязанность медиаархеологии к концепции «медиа», ряд её наработок может быть использован и за пределами медиатеории, чему способствует, во-первых, опора на теорию медиа М. Маклюэна, в которой сам термин трактуется достаточно широко, как вообще любое расширение человека вовне, что включает в себя и непосредственно технические изобретения (McLuhan, 1966), и, во-вторых, достаточно широкие предметные иссле-

дования самой медиаархеологии, которые в том числе связаны и с переосмыслением других теоретических школ и подходов (Apperley, 2018).

Концепция «воображаемого» для медиаархеологии связана с двумя ключевыми векторами развития, которые можно обозначить как «воображаемые медиа» и «медиавоображения». Отчасти эта развилка связана с существованием различных школ медиаархеологии, развивающих проблематику, связанные либо с технической стороной существования медиаустройств, или же с их наполнением различным видоизменяющимся содержанием (Stepanov, 2014). Второй подход, обычно связанный с англо-американской традицией, как раз развивает проблематику «воображаемых медиа», в то время как первый, связанный с немецкими центрами изучения медиа, больше акцентирует внимание на «медиавоображения».

Проблематика воображаемых медиа представлена в работах Э. Клутенберга (Kluitenberg, 2011). Обращаясь к проблеме исследования воображаемых устройств, Э. Клутенберг опирается на богатую критическую традицию гуманитарных исследований. Предметность несуществовавших устройств может быть изучена, поскольку даже не будучи реализованными в качестве вещественно-существующих объектов, они тем не менее обрели определённое существование в качестве дискурсивных практик. Будучи элементом дискурса, воображаемые медиа подчиняются определённому набору законов и принципов, которые позволяют вписать их в текущий культурный контекст, превращая их в «возможное».

Таким образом, воображаемые медиа – это в первую очередь набор правил описания устройства, следование которым позволяет вписать его в дискурс не просто «фантазирования», которое не имеет под собой никаких оснований, но именно конструирования возможного технического устройства, которое позволит решать задачи, неподвластные текущему технологическому режиму. Сама по себе дискурсивная практика «возможности» связана с повто-

ром практики отбора среди множества вариантов, но если в действительности культура выбирает среди множества вариантов реальных технических устройств, опираясь не только на их непосредственно культурные качества, но и на эффективность, то воображаемые медиа вступают в борьбу за признание, опираясь исключительно на их согласованность с текущим дискурсом, включающим в себя знания о возможном и реальном.

Для Э. Клутенберга проблема воображаемых медиа становится наиболее значимой в связи с конструированием в качестве «возможных» устройств, которые совершенно не вписываются в текущий «научный» ландшафт. Таковыми, например, являются приспособления для связи с душами умерших, воображаемость которых подчёркнута не только их «несуществованием», но, скорее, кажущейся нереальностью их действия. Тем не менее эти устройства становятся «возможными», именно в силу согласования с дискурсом о возможном, который оказывается шире, чем простая рецепция текущей социальной действительности или варианта научного мировоззрения.

Медиавоображения – это тема, встречающаяся, например, в работах З. Цилински (Zielinski, 2006), одного из лидеров немецкой школы медиаархеологии. В этом случае значимым становится опять же процесс перехода некоторого устройства из области простого фантазирования в область, связанную с возможностью его реализации, но если для Э. Клутенберга возможность – это следование дискурсивной практике, то для З. Цилински, возможность – это следование технологическому ландшафту.

Согласно модели З. Цилински, воображаемое становится возможным не столько в силу следования узнаваемым содержательным тропам, сколько в силу активного использования текущего технического режима для продвижения концептуального аппарата. Так, если воображаемое устройство использует медиапространство визуального чертежа, оно становится более «возможным», нежели устройство, суще-

ствующее исключительно в форме описания. Причём необходимый медиаландшафт исторически подвижен, а поэтому воображаемые устройства постоянно становятся «возможными» через различный набор их промежуточных технических реализаций.

Для З. Цилински такая модель возможного определяет и своеобразную «футурологическую» эвристику медиаархеологии, поскольку определённые устройства можно «приближать» к их возможности и реализации, постепенно переводя их в новые технические ландшафты воображаемого. Таким образом, вопрос о «возможности» становится вопросом использования передовых технологий «воображения», обеспечивающих изменение культурно-социального статуса тех или иных устройств.

Таким образом, можно говорить о сочетании в культурологическом аспекте трансформации воображаемого в возможное содержательно-дискурсивного и выразительно-технического аспектов. Проблемы научно-технического прогресса с позиций культурологии – это проблема трансформации обозначенных способов выражения воображаемого устройства, которые приводят к осмыслению культурой предлагаемого нововведения не как пустого фантазирования, но как механизма дальнейшего изменения и развития технологического ландшафта. При этом следует понимать, что многие из обозначенных трансформаций, как правило, скрывают под собой сходные технологические ядра, которые становятся культурно привлекательными вместе с развитием способов их репрезентации. Культурология возможного – это исследование комплекса идеалов, эталонов, норм и ценностей, которое обеспечивает существование воображаемых моделей в качестве потенциально-реализуемых устройств, даже если реализация этих моделей противоречит текущим представлениям о возможностях науки и техники.

Для удобства рассмотрения конструирования моделей возможного уместным является обращение к корпусам текстов, создаваемых группами, наиболее заинтересованными в осмыслении потенциальных

векторов развития. В частности, подобной группой является русский авангард, творческие усилия которого были направлены на формирование художественно-явленного возможного будущего, чья принципиальная осуществимость происходила за счёт сложного сочетания научного и собственно художественного способа создания нового мира.

Новая архитектура Советской России

В качестве примера сообщества, формирующего новые установки в архитектуре Советской России, процессах трансформации сферы градостроения, было рассмотрено Объединение современных архитекторов (далее – ОСА) – архитекторов-конструктивистов, посредством издаваемого ими журнала «Современная архитектура». Помимо обнародования результатов деятельности представителей ОСА журнал был открыт для публикаций материалов всех передовых объединений, работающих над созданием новой архитектуры России (рис. 1).

Журнал начал издаваться в 1926 году (до 1930 года) и насчитывал шесть выпусков ежегодно. Более детально были рассмотрены номера «Современной архитектуры» за 1926 год, ответственные редакторы Александр Александрович Веснин (1883–1959) и Моисей Яковлевич Гинзбург (1892–1946) – основоположники конструктивизма в архитектуре.

Первый выпуск нового журнала начинается со статьи М. Я. Гинзбурга «Новые методы архитектурного мышления» (Ginzburg, 1926, 1: 1–4), где автор постулирует базовые положения нового архитектурного творчества: единство плана, конструкции, внешнего оформления; поиск нового «правильного» метода решения архитектурных задач; отказ от «штампов прошлого» в пользу творческого метода изобретателя, «ибо искания зодчего по существу своему такое же изобретение, как и всякое другое изобретение, ставящее себе целью организовать и сконструировать конкретную практическую задачу, не только диктуемую сегодняшним днем, но и пригодную для

Рис. 1. Призыв к опубликованию материалов в области новой архитектуры. Журнал «Современная архитектура», № 1, 1926

Fig. 1. A call for the publication of materials in the field of new architecture. Modern Architecture Magazine, No. 1, 1926

завтрашнего»; выяснение «особенностей нового потребителя как мощного коллектива, строящего социалистическое государство»; принцип плановости и установление «стандартов архитектуры, организующих новые жилища и города как непрерывное совершенствование этих стандартов, в связи с общими производственными особенностями, с уровнем нашей и международной строительной техники»; создание «нового разумного облика города» на основе новых «рациональных принципов планировки на-

селенных мест и <...> стандартов архитектуры»; нивелирование обособленности архитектурной и инженерной деятельности. Акцент на выдвинутые положения с учетом специфики здания, «его функций, условий и места производства» – все это, по мнению М. Я. Гинзбурга, определяет новый метод архитектурного мышления – *метод функционального творчества*. Особенности функционального метода М. Я. Гинзбург излагает в четвертом выпуске журнала, подчеркивая значение «материального

оформления архитектуры» (особенности используемых материалов и видов технической обработки) и «психофизического воздействия элементов архитектуры»: «в целом ряде отдельных случаев мы обладаем элементами архитектурного целого, которое одновременно является и элементами формы и элементом техники. Это-то и есть, независимо от того, как бы их ни называть, элементы новой архитектуры, которые могут четко кристаллизироваться лишь в результате правильно понимаемого метода функционального мышления» (Ginzburg, 1926, 4: 89–92). Александр Леонидович Пастернак (1893–1982), представитель конструктивизма и член ОСА, утверждал: современное градостроительство должно быть основано на *методе функциональной организации* (Pasternak, 1926, 1: 4–8).

Таким образом, функциональный метод, развиваемый конструктивистами, активно задействуется в области архитектуры, ведущие отечественные теоретики занимаются процессами переустройства принципов градостроительства, организации пространства под задачи советского государства. Г. Вегман поднимает вопрос жилищного строительства, которое началось в 1924 г. по результатам Всесоюзного конкурса 1922 г., а именно подводит итоги строительства жилья по одному выбранному типу и указывает на основные ошибки и слабые стороны процесса (Vegman, 1926, 1: 8–12). А. Г. Мордвинов делает обзор рабоче-поселкового и промышленного строительства в СССР 1920-х гг. (Mordvinov, 1926, 1: 16–17). Отдельно рассматриваются особенности строительства населенных мест Советской России: Харьков, Самарканда, Ленинграда, Одессы, Саратова и др.

В каждом выпуске представлена новостная сводка известий в области зарубежной архитектуры, тезисы передовых инженеров и архитекторов. Обращается внимание на современные технические изобретения, открытия в области оптики, механики и т.д. Редакция журнала включает в содержание номеров анкету, а также публикует ответы на вопросы, резюмируя некоторые обобщающие тезисы. Так, на-

пример, в четвертом и совмещенных пятом и шестом номерах опубликованы ответы известных отечественных и зарубежных архитекторов и ученых, таких как Э. Мендельсон, Л. Гильберсгеймер, П. Беренс, Ван Лагем, Ле Корбюзье, В.М. Чаплин, А. Кузнецов, А. К. Говве, А. Ф. Лолейт и др., на пять вопросов журнала «о плоской крыше»,

Выпуски журнала «Современная архитектура» за 1926 г. наполнены многочисленными архитектурными проектами с описанием и разными видами проекций, выполненными в соответствии с новым функциональным методом архитектурного мышления. Среди них проект здания Московского отделения конторы и редакции газеты «Ленинградская правда» (Москва, архитекторы А.А. и В.А. Веснины, 1924 г.); проект Торгового дома «Арко» (Москва, архитекторы Л.А., В.А., А.А. Веснины, 1924 г.); проекты Дома Текстилей архитекторов И.А. Голосова и Б.Я. Улинич (Москва), М.Я. Гинзбурга (Москва); проект Ночлежного дома (Москва, архитекторы И.А. Голосов, Г.Г. Вегман); проект центрального вокзала (Москва, архитектор А.К. Буров); проект автобусной станции (архитектор Д. Булгаков); проект центральной московской хлебной фабрики (архитектор И.Н. Соболев); проект прядильной фабрики (архитектор В.Г. Калиш); проект чугунно-литейного завода (архитектор А. Фисенко); проект цементного завода (архитектор С.А. Маслих); проект-макет деревенского киоска (конструктивист А. Ган); рабочий клуб (конструктивист А.М. Родченко); проект здания центрального телеграфа и радиоузла (Москва, архитекторы Л.А. и А.А. Веснины); проект здания центрального телеграфа и радиоузла (архитектор А.В. Щусев); проект нового здания универмага в Москве (архитекторы В.А. и А.А. Веснины, 1925); дипломный проект Дворца Труда (Москва, И.Н. Соболев, ВХУТЕМАС); дипломный проект целлюлозного завода (Г. Мовчан, МВТУ); проект облисполкома в городе Свердловске (архитекторы Л.А. и А.А. Веснины, 1926); проект прядильной фабрики для города Иваново-Вознесенска (архитектор Г. Бар-

хин, 1926); дипломный проект городского моста в Ярославле (В. М. Вахуркин, МВТУ) и др.

Помимо функциональных архитектурных сооружений в рамках гражданского, промышленного, транспортного строительства, проектируемых отечественными конструктивистами, отдельное внимание уделяется предметам повседневного быта, проекты которых тоже создаются в рамках единого процесса рационализации окружающего жизненного и рабочего пространства. Речь идет о проектах спальных мест, полок для книг, лотков для уличной торговли, рабочего пространства (столы и стулья), рабочей одежды и т.д.

Таким образом, можно зафиксировать первые шаги теоретического и практического переустройства пространства, нового планирования, процесс формирования материальной культуры настоящего и будущего нового государства – Советской России, на примере теоретических концепций и проектных работ конструктивистов, следующих всецелой рационализации художественного труда.

Заключение

На основании проведенного выше анализа можно говорить о нескольких важных тенденциях в области конструирования возможного будущего.

Во-первых, специфическое для художественного творчества сближение меж-

ду собственно «творческой» и «научно-изобретательской» формами создания произведения. Теоретическая рефлексия такого подхода к созданию произведений является весьма действенным приёмом, способствующим конструированию будущего художественного образа именно как образа возможности. Отчасти такой пафос нового творчества коррелирует с современной установкой на конструирование научного мировоззрения как ведущего способа восприятия действительности.

Во-вторых, конструирование возможного будущего опирается на модели «дискуссии» между авторитетными лицами по поводу отдельных вопросов. С одной стороны – перед нами вновь смешение принципов создания моделей, характерных для научного и художественного способов построения будущего. С другой стороны – сам характер авторитетов, к которым обращается редакция анализируемого журнала, говорит о сохранении специфически художественного подхода к конструированию возможного будущего.

Наконец, в-третьих, интересным становится вмешательство художественно-культурного конструирования в пространство обыденной жизни. Если фантазия о будущем может позволить себе быть отстранённой от повседневности, то конструирование возможного будущего обретает дополнительное основание в его применимости к видоизменению жизни здесь и сейчас.

Список литературы / References

Apperley T., Parikka J. Platform Studies' Epistemic Threshold. In: *Games and Culture*, 2018, 13(4), 349–369.

Aronov D. V. Aronova S. A., Astrahan V. I. “Образ budushhego” v politiko-pravovoj i jekonomicheskoy mysli rossijskogo liberalizma konca XIX – nachala HH v [“The image of the future” in the political, legal and economic thought of Russian liberalism of the late XIX – early XX centuries]. In: *Historia Provinciae – zhurnal regional'noj istorii* [*Historia Provinciae – journal of regional history*], 2022, 6(3), 842–866.

Belousova S. V., Ragimova R. A., Suetina A. S., Sergeeva N. A. Iskusstvennyj intellekt: fantastika iz proshlogo ili real'noe nastojashhee [Artificial intelligence: fiction from the past or the real present]. In: *Sociologija iskusstvennogo intellekta* [*Sociology of artificial intelligence*], 2023, 4(3), 41–55.

Bezuglova N. P. «Kul'turnyj povorot» v zapadnoj kul'turologii [“Cultural turn” in Western cultural studies]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [*Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*], 2010, 6, 21–27.

- Bijker W. B., Hughes T. P., Pinch T. J. *The Social Construction of Technological Systems: New Direction in the Sociology and History of Technology*. London, The MIT Press, 1987, 405.
- De Luna I. B., Van Alphen, F. The imaginative co-construction of past and future in times of crisis. In: *M. Dege & I., Strasser, (Eds.), Global pandemics and epistemic crises in psychology: A socio-philosophical approach*, 2022, 46–56.
- Degtyarenko K. A., Pikov N. O. Nauchnye osnovy upravleniya vyzovami XXI veka [Scientific foundations of managing the challenges of the 21st century]. In: *Severnye Arhivy i Jekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*, 2023, 7(4), 31–45.
- Demkina A. V. Obrazy budushhego v SSSR 1980-h gg.: ustojchivye formuly i intellektual'nye poiski «Eshhe-Ne-Bytija» [Images of the future in the USSR in the 1980s: stable formulas and intellectual searches for “Not-Yet-Being.”]. In: *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo: nauchnyj zhurnal [Humanitarian bulletins of the TSPU named after. L. N. Tolstoy: scientific journal]*, 2022, 1(41), 126–147.
- Fedotova L. A. Politicheskaja filosofija i ideal'nye konstrukty budushhego v proizvedenii A. P. Kazanceva «Sil'nee vremeni» [Political philosophy and ideal constructs of the future in the work of A. P. Kazantseva “Stronger than time”]. In: *Voprosy politologii [Questions of political science]*, 2023, 2(90), 498–504.
- Fischer N., Dannenberg S. The social construction of futures: Proposing plausibility as a semiotic approach for critical futures studies. In: *Futures*, 2021, 129, 102729.
- Ginzburg M. Ya. Funktsional'nyi metod i forma [Functional method and form]. In: *Sovremennaya arkhitektura [Contemporary Architecture]*, 1926, 4, 89–92.
- Ginzburg M. Ya. Novye metody arkhitekturnogo myshleniya [New methods of architectural thinking]. In: *Sovremennaya arkhitektura [Contemporary Architecture]*, 1926, 1, 1–4.
- Ishimskaja E. V. Voobrazhaja budushhee: sociotekhnicheskie mnimosti kak mental'nye konstrukty obraza postcheloveka [Imagining the future: sociotechnical imaginaries as mental constructs of the image of a posthuman]. In: *Kontekst i refleksija: filosofija o mire i cheloveke [Context and reflection: philosophy about the world and man]*, 2022, 11(2A), 130–137.
- Ivanova M. V. Rol' nauchnoj fantastiki v formirovanii mirovozzrenija «kosmicheskikh jelit» [The role of science fiction in shaping the worldview of the “space elites”]. In: *Kul'tura v fokuse nauchnykh paradigm [Culture in the focus of scientific paradigms]*, 2023, 16, 44–49.
- Kemp R. Technology and the transition to environmental sustainability: The problem of technological regime shifts. In: *Futures*, 1994, 26(10), 1023–1046.
- Kluitenberg E. On the Archeology of Imaginary Media. In *Media Archeology: Approaches, Applications and Implications*, Los Angeles, University of California Press, 2011, 48–69.
- Koptseva N. P. Constructivist pedagogy in context of modern philosophy of education. In: *Perspectives of Science and Education*, 2020, 6(48), 40–54.
- Koptseva N. P., Sitnikova A. A., Kolesnik M. A. Issledovanie innovacionnogo potenciala lichnosti sovremennykh studentov (na primere Sibirskogo federal'nogo universiteta) [Study of the innovative potential of the personality of modern students (on the example of the Siberian Federal University)]. In: *Perspektivy nauki i obrazovanija [Perspectives of science and education]*, 2021, 1(49), 141–158.
- Laet de M., Mol A. Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology. In: *Social Studies of Science*, 2000, 30(2), 225–263.
- Latour B. Berlin Key or How to Do Words with Things. In: *Matter, Materiality and Modern Culture*, 1991, 10–22.
- McLuhan, M. *Understandin Media*, New York, Signet, 1966, 320.
- Mordvinov A. G. K voprosam raboche-poselkovogo i promyshlennogo stroitel'stva [On issues of workers' settlements and industrial construction]. In: *Sovremennaya arkhitektura [Contemporary Architecture]*, 1926, 1, 16–17.
- Parikka J. *What is media archaeology?* Hoboken, John Wiley & Sons, 2013, 205.
- Pasternak A. L. Urbanizm [Urbanism]. In: *Sovremennaya arkhitektura [Contemporary Architecture]*, 1926, 1, 4–8.

Pikov N.O., Shpak A.A. Bazovye koncepcii budushhego jenergetiki [Basic concepts of the future of energy]. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2023, 7(4), 24–37.

Rybalkina P.V., Kalinina G.N. Proekt i proektnoe myshlenie v istorii kul'tury [Project and design thinking in the history of culture]. In: *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura [The science. Art. Culture]*, 2018, 4(20), 39–44.

Shpak A.A., Baryshev R.A. Budushhee sfery truda dlja nauchno-tehnologicheskogo razvitija regiona: tendencii, koncepcii, tehnologii, napravlenija issledovanija [The future of the sphere of labor for the scientific and technological development of the region: trends, concepts, technologies, directions of research]. In: *Severnye Arhivy i Jekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*, 2024, 8(1), 9–18.

Shpak A.A., Kirko V.I. Jetika iskusstvennogo intelekta dlja celej ustojchivogo razvitija: koncepcija B.K. Shtalja, D. Shreder i R. Rodriges [Ethics of artificial intelligence for the goals of sustainable development: the concept of B.K. Stahl, D. Schroeder and R. Rodriguez]. In: *Sociologija iskusstvennogo intelekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2023, 4(4), 20–30.

Shpak A.A., Kirko V.I. Koncepcija Vladimira Gerojmenko «Dopolnennaja real'nost' i iskusstvennyj intellekt. Slijanie peredovyh tehnologij» (Springer, 2023) [Concept of Vladimir Heroymenko “Augmented reality and artificial intelligence. Merger of advanced technologies” (Springer, 2023)]. In: *Sociologija iskusstvennogo intelekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2023, 4(3) 22–40.

Stepanov M.A. Jelementy arheologii media [Elements of media archeology]. In: *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury [International Journal of Cultural Research]*, 2014, 1(14), 88–94.

Ustinkin S.V., Lubjanov M.S., Samsonov A.I. Kollektivnaja istoricheskaja pamjat' kak faktor formirovanija obraza budushhego [Collective historical memory as a factor in shaping the image of the future]. In: *Vlast' [Power]*, 2022, 30(6), 151–165.

Vegman G. Rabochee stroitel'stvo v Moskve [Working construction in Moscow]. In: *Sovremennaya arkhitektura [Contemporary Architecture]*, 1926, 1, 8–12.

Zemnuhova L.V. Social'nye issledovanija tehnologij: jevoljucija i vzaimodejstvie podhodov [Social studies of technology: evolution and interaction of approaches]. In: *Jekonomicheskaja sociologija [Economic sociology]*, 2018, 19(5), 113–124.

Zielinski S. *Deep Time of the Media – Toward an Archaeology of Hearing and Seeing by Technical Means*. MIT Press, 2006, 304.

EDN: ELMTVV
УДК 378.4

University 4.0: What Type of Thinking is Coming? (Part I)

Valery S. Efimov and Alla V. Lapteva*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 19.03.2024, received in revised form 21.03.2024, accepted 24.06.2024

Abstract. The study is framed by the concepts of 1) “university – cognitive institute” and 2) “generations of university”. Within different generations, the types of thinking (mindsets) that were generated and used in universities are considered (in pre-industrial society – scholastic, in industrial society – research, in post-industrial society – entrepreneurial). To characterize the mindset, a methodological scheme “object – manner – intention” is used:

Thinking at the University 1.0: object – Divine order, its metaphysical foundations; manner – positing mental entities, constructing reasoning; intention – understanding authoritative texts and creating a consistent doctrine (a common field of meanings).

Thinking in University 2.0: object – Nature (objects, processes, laws); manner – building models, creating ideal objects, mental experimentation, hypothesizing; intention – creating theories (ontologies of nature), setting tasks for observations and experiments, creating foundations for production technologies and projects (industrial civilization).

Thinking in University 3.0: object – Activity (subjects, actions, technologies, environments, opportunities); manner – analyzing possibilities based on multi-subject models, planning of innovations; focusing on entrepreneurial schemes that configure the participants, creating the basis for new social and production practices.

Thinking in University 4.0: object – The world of thinking and practices (subjects, principles, norms, foundations and boundaries of various thoughts and practices); manner – methodological reflection, positing and transforming the foundations of thoughts and practices; focusing on projects and technologies for collective and hybrid intelligences (cognitive civilization), new ways and means of thinking, social relations and institutions, new socio-anthropological experience.

The hypothesis that university of the future (cognitive civilization) will cultivate methodological thinking (“thinking about thinking”), and that its target will be in generating collective and hybrid (with AI participation) intelligence, as well as in developing compliant technologies for their work is substantiated. It will generate a new agenda for the society and create plans and precedents for new practices.

Part I of the article presents the basic research concepts and characteristics of the types of thinking that were generated and reproduced by first-generation universities.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: avlapteva@yandex.ru

Keywords: Future University, generations of university, University 4.0, cognitive institution, methodological thinking, cognitive civilization.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

Citation: Efimov V. S., Lapteva A. V. University 4.0: what type of thinking is coming? (Part I). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 17(8), 1465–1476. EDN: ELMTVV

Университет 4.0: какое мышление будет культивироваться в будущем? (Часть I)

В.С. Ефимов, А.В. Лаптева

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Теоретической базой исследования являются концепты 1) «университет – когнитивный институт» и 2) «поколение университетов». Рассмотрены особенности типов мышления, которые рождались и воспроизводились в университетах разных поколений (университет в доиндустриальном обществе – схоластический, индустриальном – исследовательский, постиндустриальном – предпринимательский). Для характеристики типов мышления используется методологическая схема: «предмет–способ – направленность (интенция) мышления».

Мышление в Университете 1.0: предметность – Божественный порядок, его метафизические основания; способ – полагание мысленных сущностей, построение рассуждений; направленность – понимание авторитетных текстов и создание непротиворечивого учения (общего поля смыслов).

Мышление в Университете 2.0: предметность – Природа (объекты, процессы, законы); способ – построение моделей, создание идеальных объектов, мысленное экспериментирование, выдвижение гипотез; направленность – создание теорий (онтологии природы), постановка задач для наблюдений и экспериментов, создание оснований для производственных технологий и конструкций (базиса индустриальной цивилизации).

Мышление в Университете 3.0: предметность – Мир деятельности (субъекты, активности, технологии, среды, возможности); способ – анализ возможностей на основе полипредметных моделей, замысливание инноваций; направленность – создание предпринимательских схем, конфигурирующих деятельность участников инновации, создание оснований для новых социально-производственных практик.

Мышление в Университете 4.0: предметность – Мир мышления и практик (субъекты, принципы, нормы, основания и границы различных мышлений и практик); способ – методологическая рефлексия, полагание и преобразование оснований мышлений и практик; направленность – создание конструкций и технологий работы коллективных и гибридных интеллектов (базиса когнитивной цивилизации), новых способов и средств мышления, социальных отношений и институтов, новых социально-антропологических практик.

Обосновывается гипотеза: университет будущего (когнитивной цивилизации) будет культивировать методологическое мышление («мышление о мышлении»), его ключевой

задачей будет формирование коллективных и гибридных (с участием AI) интеллектов, разработка технологий их работы. Он будет обеспечивать генерацию новой повестки для общества, создание замыслов и прецедентов новых практик.

Часть I статьи представляет базовые концепты исследования и характеристики типов мышления, которые порождались и воспроизводились университетами первого и второго поколений.

Ключевые слова: университет будущего, поколения университетов, университет 4.0, когнитивный институт, методологическое мышление, когнитивная цивилизация.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Ефимов В. С., Лаптева А. В. Университет 4.0: какое мышление будет культивироваться в будущем? (Часть I). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1465–1476. EDN: ELMTVV

Introduction

University development may pursue different targets and frames. On the one hand, there may be upgrades made to solve current issues or to implement the practices of leading higher education institutions; on the other – certain steps towards the *University of the Future*, which is yet to emerge following wave-like changes in technology and social life. This will call for dramatically innovative shifts in higher schools' system or for a new intellectual institution (*greenfield project*). A new *development assignment* is needed to catch up with such sweeping changes in human activities, society, and mankind type – it will enable universities to be effective in social transformation by integrating new forms of thinking, activity, and social relations.

This article is another part of (Efimov, 2014; 2016; 2017; 2020) – an attempt to describe a future university as one of the key entities in the social system.

J. Le Goff (1993), and P. Yu. Uvarov (2000) understand university as an institutional form of intellectual activity, a result of intellectual men's self-management. Universities as institutionalized “communities of thinkers” (from the Middle Ages to the Modern Times) were capable of intellectual work and training for new generations of professionals (“thinking possessors”). Thus, university means a “body” in the society and culture that creates, devel-

ops, and transmits complex forms of thinking and activity¹.

As a public institution, university settles into a branched population², in which not all members operate as “pioneers”, i.e. expand, or create new areas of reality mastered by thinking. Many of them are more focused on such specific tasks as training, and thus, are likely to fail the “idea of the University.” As to K. Jaspers (2021) this idea reveals in creating living spaces lightened by thinking activities through rationality and concepts (creative thinking that transforms a person). In this work, the main goal is not a diversity of universities; it is important for us to focus on representing the university as an institution of thinking.

To conceive the future of universities, it is necessary to grasp the history of both social changes and the changes in universities, as well. As a rule, such “vector”³ is a result of

¹ The fact that a university not only transfers, but also generates new types/forms/systems of thought is a non-obvious and risk statement. It can be justified by historical-genetic analysis (which was done, in part, in the works of Le Goff (1993) and Uvarov (2000)) and the study of turning points in the development of thinking and universities.

² The term “populous object” was suggested by G.P. Schedrovitsky (2005b)

³ The very presence of such “vector” is a hypothesis. An alternative is possible, in which historical changes are chaotic (or multidirectional in the areas of different civilizations), and progress is relative. Such hypotheses are verified not by facts, but by the entire set of development practices of universities and other institutions, for which they set value and ontological guidelines.

identifying trends or drivers (technological, economic, sociocultural, etc.) that involve universities. Another approach means suggesting several “generations” in the universities’ history, while the future of universities is a birth of another generation (Nikitin, 1991; Wissema, 2009; Shchedrovitsky, 2015). In this term, a generation describes an ideal model, i.e. integrity, coherence of characteristics grounded in a certain way.

Following the idea, there is an original version of university generations (Efimov, 2016; 2017). Their nature is linked to the characteristics of technologies and activities, social structures, and cultural identities in each historical stage. This concept lacks the idea of what types of thinking were cultivated and developed by universities of different generations, and what new type of thinking will be deployed in universities of the next generation (University 4.0), so the article answers this question.

This is a review on an intellectual development within the history of European civilization (from an eidetic cognition to discursive, objective, and further, systemic, and methodological thinking), that links historical types of thinking to universities of different generations. A hypothesis on what type of thinking University 4.0 should form is discussed. This will help to set the “goal” for universities to become a competent institution of thinking.

1. Four Generations of Universities

University 1.0 (scholastic). Universities 1.0 emerged in the medieval Europe as networks of intellectuals who needed a communication environment, a community – for thinking and knowledge acquisition, for transferring knowledge and methodologies to students. Thus, University was an institutionalized form of intellectual work, a “social body” of thinking. In these times, the phenomenon of profession (vocation) arose – a cleric, lawyer, doctor, diplomat, teacher. Universities trained new professionals through lectures, academic debates, libraries, composing and defending academic theses (Le Goff, 1993; Uvarov, 2000).

University 2.0 (research). Universities 2.0 are the result of the industrial revolution, the birth of science and engineering, deter-

mined by the need to educate the national elites, researchers, and engineers. In University 2.0, students, on the one hand, goes through the training “assembling line” of educational programs; on the other – they are involved scientific schools’ life and work in laboratories.

University 3.0 (entrepreneurial). Universities 3.0 emerge as the post-industrial comes – they are the platforms for innovative, project-based work. This generation form an entrepreneurial competence and skills through team-and-network project activities. The Universities aims creating grounds⁴ for new practices (humanitarian and cultural practices, in particular).

University 4.0 (cognitive). This generation results from the digital revolution, intellectual work massification, and changes in management systems (corporate, state, and public) towards a “collective mind.” Students receive education by participating in “thinking machines” creation, developing virtual realities and grounds for new practices (Table 1, Fig. 1).

2. A short excursus to the mindsets’ genesis

A University is treated as an institution of thinking in two senses: 1) it contributes to new mindsets forming; 2) it means a “social body” that spreads new mindsets among the society. We echo the cultural-historical view of thinking, in which orientation, content and forms of thinking travel a complex evolution accompanying the development of civilization and culture. Such historical approach emerged in philosophy (from G. Vico (1984), A. R. Turgot (1999), J. A. Condorcet (1955) to G. Hegel (2000), who discussed the “progress of human mind” (Shchedrovitsky, 2005a), history and methodology of science (Lakatos, 2008; Shchedrovitsky, 2005a; Rozin, 1989; Rozin, 2008); in cultural anthropology and cultural history (Lévy-Bruhl, 2012; Foucault, 2001; Gurevich, 1984); in psychology (Piaget, 1970; Vygotsky, 1983: 25–30; Luria, 1974; Cole, 1998, etc.).

At the same time, in terms of activity theory (A. N. Leontiev, D. B. Elkonin) and activity approach (G. P. Shchedrovitsky, M. V. Rozin), thinking is a part of a complex system – col-

⁴ University’s status as operating at the foundation level is discussed in (Efimov, 2020).

Table 1. Generations of University: activities, mindset, society, and human

		Generations of University			
Units	University 1.0 (pre-industrial society)	University 2.0 (industrial society)	University 3.0 (post-industrial society)	University 4.0 (cognitive society)	
Target activity	Individual mastering; activity relies on patterns, traditions; it creates goods (on the top – significant works/masterpieces)	Standardized, technological action. Studying natural systems (natural science) – observation, experiment, modeling; science for machine engineering and technologies	Project development; designing and implementing entrepreneurial schemes; creating foundations for projects (research in activity paradigm)	Developing principles for new practices (concepts, ontologies, values); technologization and instrumentalization of thinking, creation of collective and hybrid intelligences; virtual realities as “trial bodies” for invoking large-scale changes; developing methods and technologies for maintaining collective and personal “created worlds” (Genisaretsky, 1995).	
Type of thinking	Metaphysical thinking – reflecting the sources and principles of the things existent	Rational, natural scientific thinking – operating by “objects” and “processes”	Multi-subject – uses “objects”, “processes”, “subjects”, “activities”; forms new branches (politics, management, social design, etc.)	Methodological – reflection towards its ontology, objectivity, and tools; consciously operates with values, ontologies, and principles of practice	
Social dimension	Intellectual community: brotherhoods, fellowship of intellectual people, hierarchy in scholastic degrees	Social “machine”, in which relations and interaction are regulated and formalized (“Intellectual brotherhood” remains in the form of unofficial university communities)	A combination of vertical and horizontal relationships, administration and “team” work; flexible regulation and personalization in interactions. The University is organized through “competence centers”, “environments”, “resources” and “users”; included in research and educational networks, in technological ecosystems	“Intellectual meta-community”; University becomes integrated with the society, creating and maintaining intelligent networks and environments. Main type of internal and external interaction – positional conflicts and cooperation synergy	
Idea of a human as the target for education	A divine object, likeness of God, master (in philosophy, rhetoric, polemics); values and beliefs are perfectness in actions, continuity of traditions, “eternity” through works	A researcher (on the frontier of scientific world picture) and, at the same time, a teacher – performs a part within the “assembling line” of training system. His values and attitudes: rationality, individualism, pragmatism, instrumentality, technological effectiveness	A leader, entrepreneur, organizer, and meta-expert; values and targets are innovative approach, open-mindedness, social skills, willingness to learn new activities, to handle challenges and cases.	Person in search activity, “boundaries games”; intentions – implementation of “created worlds”; values and beliefs – creativity, independence, cognitive and volitional concentration, individuality, trust, synergy, integrity	

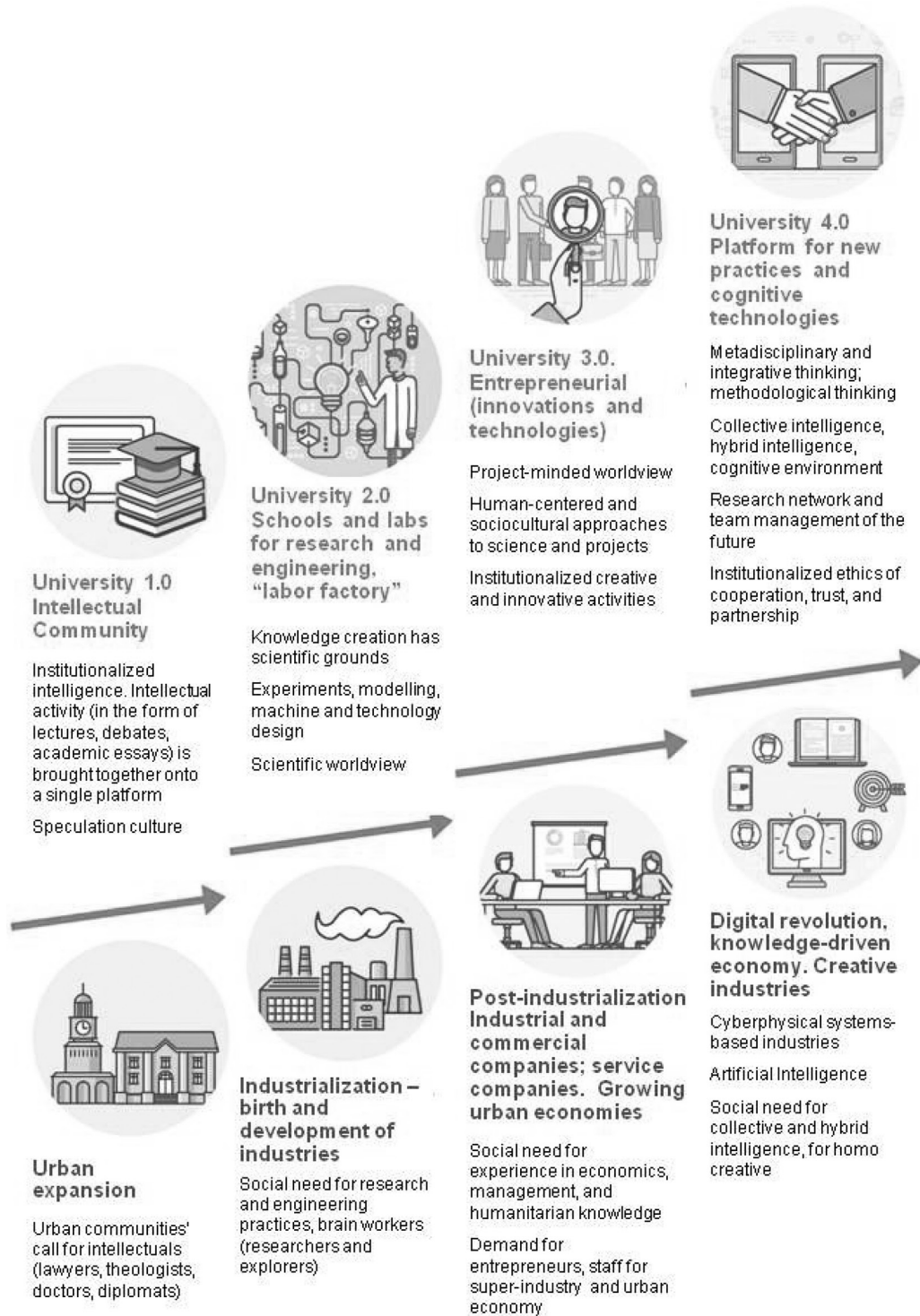

Fig. 1. Generations of University and social development

lective activity, which requires: 1) human interaction, 2) use of symbolic means that replace material objects and can organize activities.

An example is a proposed by V.M. Rozin (1993) pseudogenetic reconstruction of geometry appearance – its ideal objects and operating system. The sign organization of the activity *scope* identifies and structures the *subject* in it. Since the signs (with the abstract, non-active content captured) turn into the functional subject, and, further, there are interactions of the signs (abstract contents) – a “thinking at Large” rises. Pure thinking suggests idealization – bringing the links captured by signs to an extreme, “refined” form – and ideal objects designing. Through these objects, it develops an ideal reality (theory) of mathematics, philosophy, law, physics, etc. Theoretical knowledge can be tried on the “real world” through special procedures (by reflexing the experience, or through experiment, construction, and design), and constitutes various practices⁵ (Rozin, 1989; 2008).

The history of thinking can be seen through its objectified forms – texts, artifacts, and events. Stepping aside the possibilities and limitations of reconstructing bygone mindsets, let’s note that the European history distinguishes such socio-cultural stages as Antiquity, the Middle Ages, Modernity (Modern Times) and Post-Modernity. Considering the production capabilities and socio-economic systems, the last two are also called the Industrial and Post-industrial eras.

Currently, many (philosophical, psychological, “science about science”, interdisciplinary, etc.) “research programs” (in the sense of I. Lakatos (2008)) for the mindsets’ history rebuilding have been suggested, but only par-

⁵ The concept of practice is devalued by its use as a synonym for effective performance. Dating back to the Ancient philosophy, practice meant using of any doctrine, system of ideas, or theory. “Praxis” is an activity of a free person, that is, the freedom to express one’s beliefs and ideas about the beauty. The main result is testing of ideas and practitioner’s self-development. The Young Hegelians and Marxists used the concept of “revolutionary practice,” which meant the transformation of reality. Thus, practice is a system that includes foundations (idea, views, doctrine, theory, etc. and super-tasks formulated on their basis) and the “implementation” of these foundations into activity – adequate goals, tasks, methods, tools, products.

tially implemented. Things are better with the history of ideas created as there is a good heritage in the history of sciences (mathematics, physics, biology, linguistics, etc.). Still, with few exceptions (Akhutin, 1976; Stepin, 2003), the mind that created all these objects remains out of analysis.

Thus, only few episodes have been articulated through hypotheses, which make it possible to see its framework. Philosophical, cultural studies or science about science, can give just a sketchy idea of what the thinking in different periods of European history consisted of.

Thinking has come a long way in its history from practical intelligence to theoretical one, building systems of concepts, mental objects, and models. This is the path from ensuring the “smartness” in certain activities to the cognitive reconstruction of the whole world in its scopes and complexity.

As the history shows, methodological thinking emerges and targets thinking as its research subject. It reflexively operates with the types of thinking, constructively uses the ideas and models born by different grounds. Methodological thinking can identify and present the very paradigm⁶ of thinking as an object – explicit and implicit speculations, categories, concepts, and rules that outline what is possible or impossible, acceptable or unacceptable for a given thinking. Expectedly, the “breakthroughs” and overcoming existing paradigms are not spontaneous, but rather projected.

In the 20th century, computer technology made it possible to teach the machines the operational part of thinking – calculations, or operations with signs. Recent years have witnessed Generative Pre-trained Transformers (GPTs) that can generate user-determined text and images. A task has been set to create a universal artificial intelligence capable of understanding and solving any-type-problems, and of communicating with new meanings generation. Being technologized and machine-enhanced, thinking will give a birth to a new round of civilization development, just as agriculture or metallurgy gave rise to the past civilizations.

⁶ A paradigm and a “scientific revolution” as a change in the paradigm of thinking was introduced by T. Kuhn (1970).

Historical type of thinking are characterized by: 1) initial ontological questions, i.e. a problematic area; 2) new objects and ways of thinking that determine the very space of mental activity and the type of results obtained; 3) vector (intention) of thought, firstly, on “packaging” of all kinds of contents into certain categorical, eidetic and conceptual schemes, i.e. creating a coherent picture of the world; secondly, to justify and equip transformative actions – new socio-productive and socio-anthropological practices.

Each mindset has its own horizon, and what is beyond and cannot be thought, is concerned illogical, absurd, and “nonsense”⁷. In historical transitions, the capabilities of thinking are aimed at overcoming the existing and opening a new horizon of thinking by forming new ontological issues; setting new subjects and ways of thinking; anticipating of different practices.

Thus, there are cultural-historical types of thinking that can be discovered when studying the peaks of civilization development within historical periods. These types are the framework for thinking in certain fields of activity (religion, science, engineering, etc.) or science (if they existed). They can be characterized through their subjects, methods, and vectors.

The object of thinking is universal definitions of *what* is thought in certain era. The ultimate form of objectivity is *what basically* can exist and can be thought; it forms ontology, the ontological basis of the mindset⁸.

The manner of thinking is a set of forms and means that thinking uses to create various contents (for example, modelling, principles, and laws formulating). Extreme forms

⁷ For example, in the Medieval thinking, “nature”, which arose independently of God, is an absurdity; an arbitrary creation of the universe “out of nothing” is something that cannot happen in the natural scientific thinking of the New Age. Operating with infinitesimal quantities was impossible before differential formulas; a chaotic motion of particles was indescribable to thought before the statistical physics appeared.

⁸ “Everything is a game of elements”, “everything is a rational creation and can be understood through the idea of creation (and there is nothing but what is created)”, “everything is things and processes and can be understood as the interaction of things (and there is nothing but things and processes)”, “everything is acting subjects with their realities”.

of conceivability are categories and categorial schemes⁹.

The intention of thinking are tasks solved by thinking peculiar to a certain period: 1) “social-cognitive” means creation of ontologically and logically coherent ideas, in the peak – a holistic picture of the world; 2) social and practical ones create new activity, or technological, social, and production opportunities.

3. Mindsets in Universities of different generations

The proposed overview on the stages of thinking development is based on F. Kh. Kessidi (2003), S.S. Averintsev (1975; 1989; 2010), A. Ya. Gurevich (1984), P.P. Gaidenko (1996), V.S. Stepin (2003), V.S. Bibler (1975), A.V. Akhutin (1976), V.M. Rozin (1989; 2008), T. Kuhn (1970), I. Lakatos (2008) and other Russian and foreign philosophers and cultural scientists.

Background: Classical thinking

Thinking as a special activity with its own tasks and results occurred long before the universities. In European civilization, a move from eidetic and syncretic thinking to a discursive and objective one was in the days of Antiquity. In this time, the basic (classical) reflection (*what is discussed*) gave a way to *noemas* (i.e. units of conceivable content). Unlike the mythological consciousness, for which “everything can be everything,”¹⁰ the objective consciousness accepts *something* that remains itself; *ideas* (i.e. eidos – basic relationships, which are perceived figuratively) are formalized.

In some areas, this work has reached the level of ideal objects, i.e. the units of theoretical thought:

1. Ideal objects are the result of semiotic objects’ transformation into operative objects; they mean a special “reality” with its own laws and content (e.g. ideal objects in geometry (Rozin, 1993)).

2. Ideal objects reflect ontological construction (the “elements” that form every-

⁹ To sample: space – time and casualness in traditional science.

¹⁰ Kessidi (2003).

thing, or “atoms and emptiness” in ancient metaphysics).

The Ancient mindset views the world through measures and forms, values and their relationships, figures, and their conversion. It builds statics (equilibrium configurations of bodies) and regards movement as a time-and-distance traveled ratio. At the same time, eidetic thinking (intuition of mental objects and relationships) evolves into a discursive one, suggesting reasoning and proof. To some extent, reasoning-centered reflection made it possible to “separate” grammar from logic, to establish the rules for logical analysis and argumentation¹¹. There also were first attempt to transform knowledge into a logical system (Euclidean geometry).

Reasoning itself was formed out the discussion and “integrated” in texts – essays and letters¹². Thinking began to exist as a special reality “above” individual mental acts. “Sign bodies” of ancient thinking are oral and written statements, and drawings.

The intention of thought was to create a sound integrality, revealed through temples, poleis, or a harmonious person (i.e. kalokagathia which means combinations of physical, intellectual, and moral perfection).

Next, we will outline the nature of generations of universities through the characteristics of thinking forms peculiar to each era. First, there is a “draft”, an empirical picture of what thinking looked like in different periods of history; the results are pushed through the methodological scheme “object – manner – intention”.

3.1. University 1.0

In the Medieval Europe, advanced thinking was a thing of scholastics (Averintsev, 2010), who were engaged in teaching, philosophy, and specific areas of knowledge. The scholastic scientists discussed the Church Fathers’¹³ essays and translated fragments of Plato and Aristotle. In the 12th century, Aristotle’s

¹¹ In Aristotle’s essays – Analytics, Topics, etc.

¹² To sample: the letters of Archimedes to his friend Dositheus, in which Archimedes explains the relationships he discovered in the field that we today call statics (a branch of physics).

¹³ Outstanding church leaders who were distinguished by orthodoxy of teaching, holiness of life, remarkable scholarship

Categories and *On Interpretation* became also available. The early scholastics “looked at Aristotle’s views through a tiny window”, that was a ground for problems and contradictions which were explained in Aristotle’s system, but in other (unknown) works. Scholastics’ thinking turned out to be focused on trying to put together fragments, resolve contradictions and, moreover, “match” the ancient philosophers with the Church Fathers.

Inevitably, metaphysical questions¹⁴ arose, and scholastics tried to find the answers in various texts, including those that – in current terms – lied at the intersection of logic and linguistics. Scholasticism focuses on definitions, carefully found authoritative quotations, compilation of comprehensive reviews, discussion of similarities and differences in texts, and formally deductive reasoning. At the same time, book-learning was highly valued, while the real experience was not. Knowledge acquisition was available either through divine revelation – the Bible, – or the “natural ability of the mind”, i.e. the logical operations over existing definitions and judgments.

In the 13th century, almost all of Aristotle’s works became available, and scholasticism flourished, preserving its key features – formal rationality and book-learning; “summas” – extensive essays that included the whole written data for a certain area – were created (“Summa Theologica”, “Summa Musica”, etc.). The Middle Ages used a mix of thinking techniques, combining speculations on entities and logical inference with metaphors and analogies¹⁵. The schemes are hierarchy¹⁶, opposition¹⁷, genus-species, etc.

In certain areas (mathematics, mechanics) models and operating systems were developed (as compared to the Ancient Times); thus, im-

(Ambrose of Milan, Gregory the Theologian, Saint Augustine, St. Jerome, etc.).

¹⁴ Issues of first principles.

¹⁵ For example, the human body parts were compared to the elements that form the universe (flesh resembled earth, blood – water, breath – air, heat – fire). Allegorical comparisons served as a means of classifying things and events and relating them to eternity (Gurevich, 1984, 63–65).

¹⁶ Heavenly hierarchy of spiritual entities, earthly hierarchy of classes, occupations, living beings, etc.

¹⁷ Good and evil, righteous and sinners, spiritual and fleshy, pure and dirty, terrible and funny, etc.

plementing Arabic numerals radically improved the understanding and use of numbers; representing the ratio of variables as a value made it possible to model the movement, etc.

The intention of thinking was to comprehend the world as a divine order; to coordinate the human life and activity with this order (righteous life and redemption); to achieve success in different activities (household, family, craft, healing, etc.) through matching the actions with the principles identified by thought or given by tradition.

During this period, the most important thing was to *establish* the objects of thinking, opposed to a sensually determined reality and human activity; to maintain this space of thought without “falling” into a profane consciousness. The symbols and attributes of the university, debate and statement ethics, professors’ appearance – all this and many others have served as a means of collective “keeping oneself within thought” (in speculative reality).

Established in the 13th century, universities became centers and carriers of scholastic knowledge and ways of thinking. Students had to master the methods and techniques of brain work, e.g. defining terms, constructing judgments and conclusions. They had to listen to lectures delivered by professors and read scien-

tific treatises (to understand how scientists argue), participate in debates (develop their own thoughts) and, in the end, write and defend an academic thesis.

• **Object:** The world as a divine order; men and society¹⁸ are seen in the context of divine creation and eschatological perspective; speculative essences are metaphysical foundations of the sensually determined world (matter, form, act, potency, goal, absolute, etc.).

• **Manner:** speculation on “entities”, holding the domain of thought, opposed to the one of experience and activity; thought articulated in speech (argumentation); search for matches and analogies between the intelligible and the experienced.

• **Intention:** 1) “extracting” thoughts (entities and their system) from an authoritative text; linking texts into a coherent mega-text (doctrine); formulating morals; 2) rationalizing practical actions. This work determined¹⁹ the principles of European civilization (Christianity).

¹⁸ In the Medieval thought, semantic dominants are time (of a person’s life), social relations (visible through the prism of “love for one’s neighbor”), labor, wealth and property, law, social status and vocation of a person, personality (persona) (Gurevich, 1984).

¹⁹ Together with the church, monastic orders, diplomats, etc.

References

- Akhutin A. V. *Istoriia printsipov fizicheskogo eksperimenta: Ot Antichnosti do XVII v. [History of the principles of physical experiment: From Antiquity to the 17th century]*. Moscow, Nauka, 1976. 292 p.
- Averintsev S. S. Poriadok kosmosa i poriadok istorii v mirovozzrenii rannego srednevekov’ia [The order of cosmos and the order of history in the worldview of the early Middle Ages]. In: *Antichnost’ i Vizantiia [Antiquity and Byzantium]*, ed. by L. A. Freiberg. Moscow, Nauka, 1975. 266–285.
- Averintsev S. S. Dva rozhdeniia evropeiskogo ratsionalizma [Two births of European rationalism]. In: *Voprosy filosofii [Issues of philosophy]*, 1989, 3, 3–13.
- Averintsev S. S. Skholastika [Scholasticism]. In: *Novaia filosofskaia entsiklopediia v 4 t., 2-e izd. [New Philosophical Encyclopedia: 4 volumes, 2nd ed.]*. Moscow, Mysl’, 2010. 2816 p. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd77bb8e881b4426890ced7>
- Bibler V. S. *Myshlenie kak tvorchestvo. Vvedenie v logiku myslennogo dialoga [Thinking as creativity. An introduction to the logic of mental dialogue]*. Moscow, Politizdat, 1975. 399 p.
- Cole M. *Cultural psychology: A once and future discipline*. The Belknap Press, 1998. 416 p.
- Condorcet. *Sketch for an historical picture of the progress of the human mind. Translated by June Barraclough, with an introduction by Stuart Hampshire*. Weidenfeld and Nicholson, 1955. 202 p.
- Efimov V. S., Lapteva A. V. Kognitivnyi universitet: kontury budushchego [Cognitive University: the contours of the future]. In: *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz [University Management: Practice and Analysis]*, 2014, 6(94), 18–29.

Efimov V.S., Lapteva A.V. Fazovye transformatsii i budushee universitetov: filosofsko-metodologicheskii analiz [Phase transformations and the future of universities: philosophical and methodological analysis]. In: *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz [University Management: Practice and Analysis]*, 2016, 6, 146–158.

Efimov V.S., Lapteva A.V. Universitet 4.0: filosofsko-metodologicheskii analiz [University 4.0: Philosophical and Methodological Analysis]. In: *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz [University Management: Practice and Analysis]*, 2017, 1, 16–29.

Efimov V.S., Lapteva A.V. Universitet kak kognitivnyi institut: zadanie na razvitie [University as a cognitive institution: the target for development]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2020, 461, 64–74.

Foucault M. *The Order of Things. An archaeology of the human sciences*. London, New York, Routledge, 2001. 448 p.

Gaidenko P.P. (ed.) *Istoricheskie tipy ratsional'nosti. T. 2 [Historical types of rationality. Vol. 2]*. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1996. 348 p.

Gaidenko P.P., Smirnov G.A. *Zapadnoevropeiskaya nauka v srednie veka: Obschie printsipy i uchenie o dvizhenii [Western European science in the Middle Ages: General principles and conception of movement]*. Moscow, Nauka, 1989. 352 p.

Genisaretskii O.I. Kul'turno-antropologicheskaya perspektiva [Cultural-anthropological perspective]. In: *Inoe. Khrestomatiia novogo rossiiskogo samosoznaniia [The Otherness. Reader of the new Russian self-awareness]*. Moscow, 1995. Available at: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/index.html>

Gurevich A. Ia. *Kategorii srednevekovoi kultury [Categories of medieval culture]*. Moscow, Iskusstvo, 1984. 350 p.

Hegel G. *Fenomenologiya dukha [Phenomenology of spirit]*. Moscow, Nauka, 2000. 495 p.

Jaspers K. *The Idea of the University*. Creative Media Partners, LLC, 2021. 160 p.

Kessidi F.H. *Ot mifa k logosu: Stanovlenie grecheskoi filosofii [From myth to logos: The formation of Greek philosophy]*. Saint Petersburg, Aletheia, 2003. 360 p.

Kuhn T.S. *The structure of scientific revolutions*. The University of Chicago Press, 1970. 210 p.

Lakatos I. *Izbrannye proizvedeniia po filosofii i metodologii nauki [Selected works on philosophy and methodology of science]*. Moscow, Akademicheskii proekt, Triksta, 2008. 475 p.

Le Goff J. *Intellectuals in the Middle Ages*. Wiley-Blackwell, 1993. 224 p.

Lévy-Bruhl L. *Primitive mentality*. Filiquarian Legacy Publishing, 2012. 458 p.

Lurii A.R. *Ob istoricheskom razvitiu poznavatel'nykh protsessov. Eksperimental'no-psikhologicheskoe issledovanie [On the historical development of cognitive processes. Experimental psychological research]*. Moscow, Nauka, 1974. 172 p.

Nikitin V.A. K predstavleniiu ob istoricheskikh tsiklakh universitetskogo obrazovaniia [Toward an idea of the historical cycles of university education]. In: *Voprosy metodologii [Methodological issues]*, 1991, 2, 67–68.

Piaget J. *Genetic epistemology*. New York, Columbia University Press, 1970. 84 p.

Rozin V.M. *Spetsifika i formirovanie estestvennykh, tekhnicheskikh i gumanitarnykh nauk [Specificity and formation of natural, technical sciences and humanities]*. Krasnoyarsk, Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 1989. 200 p.

Rozin V.M. Logoko-semioticheskii analiz znakovykh sredstv geometrii (k postroeniiu uchebnogo predmeta) [Logical-semiotic analysis of symbolic means of geometry (towards the construction of an academic subject)]. In: *Pedagogika i logika [Pedagogy and logic]*. Moscow, Kastal', 1993. 201–305.

Rozin V.M. *Nauka: proiskhozhdenie, razvitie, tipologiya, novaia kontseptualizatsiia [Science: origin, development, typology, new conceptualization]*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologosotsial'nogo instituta; Voronezh, Izdatel'stvo NPO «MODEK», 2008. 600 p.

Schedrovitskii G.P. Problema istoricheskogo razvitiia myshleniia [The problem of historical development of thinking]. In: *Schedrovitskii, G.P. Myshlenie – Ponimanie – Refleksiiia [Shchedrovitsky, G.P. Thinking – Understanding – Reflection]*. Moscow, Nasledie MMK, 2005a, 227–244.

Schedrovitskii G. P. Problemy postroeniia sistemnoi teorii slozhnogo «populiativnogo» ob'ekta [Problems of building a system theory of a complex «populative» object]. In: *Schedrovitskii, G. P. Myshlenie – Ponimanie – Refleksiiia* [Shchedrovitsky, G. P. Thinking – Understanding – Reflection]. Moscow, Nasledie MMK, 2005b, 245–284.

Schedrovitskii P. G. *Smena pokolenii universitetov kak os' izmeneniia obrazovatel'nykh formatsii. Tezisy lektzii* [The change of generations of universities as an axis of change in educational formations. Lecture abstracts]. Moscow, 2015. 49 p.

Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow, Progress-Traditsiia, 2003. 744 p.

Turgo A. R. Izbrannye filosofskie proizvedeniia. M., 1937. Progress chelovecheskogo razuma [Selected philosophical works. M., 1937. Progress of the human mind]. In: *Filosofia i obschestvo* [Philosophy and society], 1999, 3, 160–167.

Uvarov P. Iu. *Istoriia intellektualov i intellektual'nogo truda v Srednevekovoi Evrope (spetskurs)* [History of intellectuals and intellectual work in Medieval Europe (special course)]. Moscow, Institute of World History RAS, 2000. 98 p.

Vico G., trans. by Bergin T. G. and Fisch M. H. *The New Science of Giambattista Vico: Unabridged Translation of the Third Edition (1744) with the Addition of “Practic of the New Science”*. Cornell University Press, 1984. 496 p.

Vygotskii L. S. *Sobranie sochinenii: v 6-ti t. T. 3. Problemy razvitiia psikhiki* [Collected works: in 6 volumes. Vol. 3. Problems of mental development]. Moscow, Pedagogika, 1983. 368 p.

Wissema J. G. *Towards the Third Generation University: Managing the University in Transition*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2009. 272 p.

EDN: ETKGMX
УДК 81'25

Translating Linguistic Terms from English into Kazakh: Direct and Indirect Ways

Aigul K. Zhumabekova*

*Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty, Kazakhstan*

Received 07.06.2024, received in revised form 18.06.2024, accepted 24.06.2024

Abstract. The research aims to study methods of translating linguistic terms from English into Kazakh based on two newly translated textbooks for translation quality assessment. Linguistic-translation study of the source and translation texts of two linguistic textbooks used comparative and contrastive method, methods of structural and semantic analysis, definitional comparison, contextual analysis, back (reverse) translation, and statistical method. Analysing the translation strategy, it was found that paid less attention to such important stages as pre-translation text analysis and correlation of the original terminology system with the national terminology system. The following factors could have contributed: tight deadlines for translation, involvement of unqualified personnel or lack of experience in teamwork. As a result, the translation process was carried out without regard to the author's intentions, thus ignoring the interests of the target audience. In our analysis of the translation methods used for linguistic terms in Kazakh, particularly those that introduce linguistic gaps, we draw upon the distinction between primary and secondary translation methods. A direct translation of the "Introduction to Linguistics" textbook fails to uphold the crucial principle of maintaining terminological consistency between the glossary and the text itself. In translating terminological gaps within the textbook, the translators effectively employed both single-word and double-word equivalents. In the indirect translation of the textbook on linguistics from English, the translators' choice of techniques was based on Russian version. The translation techniques were made automatically to Kazakh, including transcription, calquing, description, and the selection of equivalents. Literal translation of some linguistic terms from the glossary was made from Russian, which led to factual errors.

Keywords: translation quality assessment, linguistic terms, translation error, translation strategy, direct translation, indirect translation.

The article was published within the framework of grant funding for scientific projects of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–25 titled Evaluation of translation quality: scientific and educational spheres (AR 19680449).

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: aigzhum@gmail.com

Citation: Zhumabekova A. K. Translating linguistic terms from English into Kazakh: Direct and indirect ways. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 2024, 17(8), 1477–1493. EDN: ETKGMX

Перевод терминов лингвистики с английского на казахский язык: прямой и опосредованный

А.К. Жумабекова

*Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Казахстан, Алматы*

Аннотация. Целью исследования стало изучение способов перевода терминов лингвистики с английского на казахский язык на материале двух новых переведенных учебников в аспекте проблемы оценки качества перевода. Для лингвопереводческого исследования текстов оригиналов и переводов двух учебников по лингвистике использовались сравнительно-сопоставительный метод, методы структурно-семантического анализа, сопоставления дефиниций, контекстуального анализа, обратного перевода, статистический метод. При «вскрытии» стратегии переводов установлено, что таким важным его этапам, как предпереводческий анализ текста, а также соотнесение терминосистемы оригинала с национальной терминосистемой, не было уделено достаточно внимания. Причинами могли послужить краткие сроки выполнения перевода, привлечение переводчиков без соответствующей квалификации и опыта командной работы. В итоге процесс перевода был осуществлен без учета как авторских интенций, так и интересов целевой аудитории. При анализе способов перевода на казахский язык лингвистических терминов, представляющих собой лингвистические пробелы, учитывался такой фактор, как первичность/вторичность перевода. В прямом переводе учебника по введению в языкознание не соблюден принцип соответствия терминов глоссария и терминов текста учебника. При переводе терминологических лакун в тексте учебника переводчиками удачно были подобраны однословные и двусловные эквиваленты. В опосредованном переводе с английского языка учебника по лингвистике выбор приемов переводчиков не являлся самостоятельным. На казахский язык приемы перевода были «перенесены» автоматически (транскрипция, калькирование, описание, подбор эквивалентов). Буквальный перевод некоторых лингвистических терминов из глоссария осуществлен с русского языка, что привело к фактическим ошибкам.

Ключевые слова: оценка качества перевода, термины лингвистики, переводческая ошибка, стратегия перевода, прямой перевод, опосредованный перевод.

Статья опубликована в рамках грантового финансирования научных проектов Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на 2023–2025 годы под названием «Оценка качества перевода: научная и учебная сферы» (АР 19680449).

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Жумабекова А. К. Перевод терминов лингвистики с английского на казахский язык: прямой и опосредованный. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1477–1493. EDN: ETKGMX

Introduction

Historically, Translation Studies in Kazakhstan emerged as a practice, followed by the development of a theory of literary translation. Translations from foreign languages were mainly carried out indirectly, via Russian translations.

A certain breakthrough in this field can be the publication of 100 textbooks for universities in humanities (philology, sociology, cultural studies, political science, etc.) from foreign (mainly English) languages by the National Translation Bureau Foundation since 2018. All these textbooks have been handed over to the libraries of Kazakh universities, and their translations in electronic form are available to all readers. A huge corpus of translated texts has appeared, which was not subjected to systematic scientific linguistic-translation analysis, although they passed the stages of reviewing and editing in the process of preparation for publication. They have been implemented in the educational process of all universities of the country since 2018, but the pragmatic effect of the produced translations is still unknown neither to the professional translation community nor to the general public. Meanwhile, in the interests of the target audience, it is important to improve the quality of subsequent textbooks planned for publication in the coming years.

Five textbooks in philology were translated within the framework of the above project: three in linguistics, one in intercultural communication and one in literary studies. Four of them were translated from English (one of them indirectly from a published Russian translation), and one from Russian. Since this material has not yet been the subject of specialized linguistic-translation studies, the novelty of our research is obvious. Two of the five textbooks contain glossaries of linguistic terms, so the original textbooks and their translations (Corpus Materials) became the object of the study.

Research objectives:

- to identify ways of transferring linguistic terms representing lexical gaps into Kazakh on the material of two translated textbooks;
- to compare the ways of translation of linguistic terms in the two translated textbooks with the available equivalents in the Kazakh language

Based on the above, the following research question was addressed in this study:

- Do the ways of translating linguistic terms from English into Kazakh affect the quality of translated textbooks in direct and indirect translation?

Theoretical framework

Of all the branches of translation studies, scientific translation is the youngest and most rapidly developing field. Within the traditional approach of dividing translation types by text genres, it was for a long time considered a part of technical and scientific translation (Newmark, 1988). Therefore, it seems justified to single out the problem of translating humanitarian texts as a separate subsection (Anisimova, 2011).

In linguistics, there is a discussion about differentiation or, on the contrary, unification of academic and scientific style of speech (Khurshid, 2002; Vedyakova, 2016), respectively, different or common goals are set for academic and scientific translation. Taking into account that the material of the study is textbooks for universities, we consider these scientific texts as units of scientific discourse, an important part of which is the didactic component.

It is also worth of noting the ambiguity of opinions about the concepts of ‘translation strategy’ and ‘translation quality assessment’. We attempt to consider them in close interrelation. Many researchers understand the strategies in a narrow sense, as translation methods (Tregubova, Lavrishcheva, 2022), the opposition of free and literal translation, for example, L. Venuti distinguished strategies of domes-

tication and forenization (Venuti, 2008), his concept is widely used by contemporary researchers (Razumovskaya, Valkova, Koptseva, 2023), but they are more applicable to fiction translation. M. Ordudari convincingly points out the difference between the terms if *procedures, strategies and methods of translation* (Ordudari, 2007).

G. Toury contrasted goal-oriented translation and source-oriented translation (Toury, 1995).

H. Krings was one of the first to formulate a definition of translation strategies, understood broadly: they are “potentially conscious plans of the translator aimed at solving a specific translation problem within a specific translation task” (Krings, 1986: 274). Sharing this point of view, in this study, by translation strategy (a concept that is absent in Kazakh translation studies) we mean a consistent plan of translator’s actions aimed at achieving equivalence in the transfer of a scientific text, which involves the following stages:

- preliminary analysis of the original text (identification of objective and subjective components; extralinguistic and intralinguistic characteristics);
- systematization of terms and reasonable selection of their equivalents;
- selection of specific translation methods and techniques for a particular text;
- self-assessment of translation quality.

This study explores how expert evaluation of translated texts may discover the translators’ chosen strategies and analyze their effectiveness in achieving desired results. By reflecting on these stages alongside detailed linguistic analysis of both source and translated texts, we gain deeper insights into the translation process and its outcomes.

While the English-language scientific discourse is described in scientific literature from various aspects (Tognini-Bonelli, 2005; Brand 2008, etc.), the Kazakh-language scientific discourse is characterized only in the most general terms (Sadirova, 2019; Aliszhan, 2015), and is not studied in the comparative aspect and in terms of translation (for the Kazakh-English language pair). Meanwhile, in our opinion, translators should start pre-translation analysis

of a scientific text with understanding the common and distinctive features of these concepts.

The most comprehensive overview of the trends in the field of translation quality assessment (hereinafter referred to as TQA) was made by J. House, who pointed to the need for an interdisciplinary approach and noted the special place of the linguistic model of translation quality assessment as the only theoretically grounded one (House, 2014).

Meanwhile, S. Lauscher stated that there is a gap between theoretical approaches – scientific models – and the practical needs of translators, noting that a reductionist view of translations as products and neglecting the conditions in which translations are produced ultimately leads to evaluation criteria that cannot take into account the individuality of the target texts (Lauscher, 2000).

C. Han substantiates the position that despite the availability of various TQA models and many different evaluation methods tested and used in different contexts, the methodological aspects of TQA practice remain understudied (Han, 2020).

The procedure of internal quality assessment of translation quality of the texts in the above textbooks should include such an important stage as identifying the scope and ways of transferring industry terms into Kazakh.

N.N. Gavrilenko notes among the new specialties demanded in the labour market such as translator-editor, terminologist (Gavrilenko, 2021: 51), V.D. Tabanakova believes that when choosing the strategy and tactics of term translation it is necessary to actualize the professional competencies of a specialist with knowledge in related fields: translator-linguist, translator-terminologist, translator-specialist (Tabanakova, 2014).

The choice of a single methodological concept is somewhat complicated by different approaches to the problem of translation of terms in general, and in particular, the linguistic terms, in the English-, Russian- and Kazakh-language scientific literature. In this sense, it seems preferable to take into account recent work in the field of comparing national and English terminological systems (i.e. on the material of the global language and small lan-

guages) in order to identify common and distinctive features; at the same time, the role of the Russian language in the Eurasian scientific and educational space cannot be ignored.

One of the important objectives of scientific discourse translation is the equivalent translation of terminological units. The main problem here is the mismatch of national terminological systems and different levels of their formation. Therefore, each specific sphere of knowledge requires their preliminary analysis.

The terms of the source language, which are new for the target language and therefore have no correspondences, are labelled by researchers as lexical gaps. Thus, it has been proposed to distinguish *accidental gaps* (words that do not exist but could be reasonably expected to exist) and *systematic gaps* (words that are not even expected to exist since they violate the rules of what is a “good” word is (Chomsky, 1965, Chomsky and Halle (1965).

Different approaches in the definition and typology of lexical gaps are highlighted in the article by S. Rajendran. The author conducted an exploration into the lexical gaps in English and Tamil with reference to their cause and consequence in translation and notes that the non-comparable level of scientific and technical vocabulary of these languages becomes a big challenge for translators. The author has revealed that the appropriate filling of lexical gaps adds fresh expressions to the vocabulary (Rajendran, 2018).

Heshmatifar and Biria, after studying the translation strategies used to translate economic terms from English to Persian found that the most commonly used translation strategies for translating scientific text are literal translation and calque (Heshmatifar, Biria, 2015).

H. Heidari Tabrizi & M. Pezeshki (2015) note that in translating scientific texts to bridge lexical gaps, loan translation has the highest usage rate (68.5 %) among other techniques, and it is widely preferred in scientific contexts. Researchers (Raeisi, Dastjerdi, Raeisi, 2019) come to the same conclusion by analysing the translation of chemical terms from English into Persian.

Traditionally, Kazakh researchers emphasize such ways of translating terms as the

search for equivalents close in meaning, transliteration and transcription, synonymic substitution, and calquing (Kuzar, Kuldeeva, 2023). Studies in recent years have increasingly noted such a trend in Kazakh terminology as hybridization of terms (Nessipbay, 2022; Kulmanov, Kordabay, Yesskendir, Ashimbayeva, Bissengali, 2022).

Kazakh linguistic terminological system due to socio-political factors developed under the influence of the Russian linguistic terminological system, borrowing from other languages was carried out mainly through the Russian language. This is evidenced, for example, by statistical data obtained in the course of analysing the terminological fund of the Kazakh language on the material of the 30-volume terminological Russian-Kazakh dictionary of terms of various branches, published in 2014, namely in the 26th volume, covering terms of linguistics out of 28,536 (100 %) terms 14,542 (50.96 %) were Kazakh-language terms, 13,938 (48.84 %) were borrowed from foreign languages (mainly through Russian), 38 (0.13 %) were borrowed from Russian, and 18 (0.07 %) were hybrid terms (Kulmanov, 2021: 56)

The contrastive study of linguistic terminological systems of English and Kazakh languages is still limited to contrastive description of word formation patterns (Behkkozhanova, 2019).

The available multilingual industry dictionaries (Orynbaev, Shmanova, Sarybaj, 2005; Suleymenova, 1998) only state the presence of correspondences of basic terms borrowed overwhelmingly through the Russian language. Meanwhile, as D. Khvorostin rightly notes in the preface to his English-Russian Dictionary of Linguistic Terms, “in the construction of bilingual specialized dictionaries, the author can start either from the native terminological system or from the foreign one” (Khvorostin, 2007: 6). No English-Kazakh dictionary based on English linguistic terms has been created yet. As a result of this state of affairs, translators of the above-mentioned textbooks, apparently, had to make independent decisions when choosing one or another way of transferring units new to Kazakh terminology.

Methods and Materials

The method of collecting the initial information was a continuous sampling from the actual material (sources) – original texts from textbooks and their translations. The object of the study was linguistic terms excerpted from glossaries and texts of two translated linguistics textbooks:

1) V. Fromkin, R. Rodman, N. Hyams «An Introduction To Language» (hereinafter – the first source text, **ST1**). Its 10th edition, published in 2014, was translated into Kazakh by M. Zhanabekova, B. Mizamkhan, U. Islyamova in 2018 (hereinafter – the first translated text, **TT1**);

2) S. Pinker's *The Language Instinct*, 2007 edition (hereinafter – the original text, **OT2**;) and its translations: into Russian by E. V. Kaidalova in 2004, the source edition of 1994 or 2000 (hereinafter – the second source text, **ST2**), into Kazakh by translators: Sh. Kurmanbayuly, S. Abdrasilov, S. Imanberdiyeva, 2019 (hereinafter – the second translated text, **TT2**).

For the linguistic study of the texts of the originals and translations of these two linguistics textbooks we used the comparative and contrastive method, methods of structural and semantic analysis, definitional comparison, contextual analysis, back (reverse) translation, and statistical method. In doing so, we sought to consistently identify the reflection of the stages of the translation strategy described above in the translated texts, comments, and notes, by revealing the presence or absence of a connection between the stage of choosing ways of translating linguistic terms and other sections of the strategy.

Results and Discussion

The direct translation from English into Kazakh of the textbook ST1 was one of the first to appear in Kazakhstan as part of the above-mentioned state project. The importance of the textbook can hardly be overestimated since the subject Introduction to Linguistics is compulsory in all Kazakh universities at philological faculties and is studied in the first year. Students of Kazakh departments have been widely using textbooks on Introduction to Linguistics

created by famous Kazakh linguists (Akhanov, 2010; Kaliuly 2007), as well as monolingual and multilingual dictionaries of linguistic terms.

As V.V. Sdobnikov points out, «the pivotal aspect in translation is translator's ability to determine the communicative intention of the author and the nature of the communicative impact on the recipient of the source text» (Sdobnikov, 2023: 1157–1158).

ST1 aimed at English-speaking readers (evidenced by quotes and visuals), assumes a specific knowledge base and language proficiency not necessarily shared by target audience students. Notably, the direct translation from English lacks equivalents for many crucial terms, creating additional barriers. Furthermore, the large volume and academic writing style, which even challenge translation students, pose significant difficulties for Kazakh language majors. Therefore, addressing these issues is crucial for effective learning.

The translation of OT2 was most likely made via Russian translation ST2 (although there is no indication of this in the text of the translation). The style of the original can be characterized as popular science (this is evidenced, in particular, by the author's own indication: «This book, then, is intended for everyone who uses language, and that means everyone» (Pinker, 2007: 8), and the inscriptions on the cover of the book: in the original – “national bestseller,” in Russian translation – «world popular science bestseller» (hereinafter the translation from Russian into English is made by us – A. Zh.). Despite the seemingly easier-to-read style of the textbook, its Russian abstract contains a significant note: «To fully understand the book, knowledge of basic English grammar is desirable» (Pinker, 2004: 2). This textbook can be used in teaching different linguistic disciplines throughout the whole cycle of university education. There are several reviews of the Russian translation of the book, which reflect criticism and sometimes polemics of its authors – scholars of different fields: biology (Friedman and Friedman, 2006), psycholinguistics (Naumov, 2012) – with Pinker. Only in the review by linguist M. Krongauz there is a note referring to the quality of the

Russian translation as a whole: «We should note a rather good and professional translation by Y. V. Kaidalova. In many cases the translator finds analogies in the Russian language and sometimes gives necessary explanations to the English language material. Among the shortcomings of the translation, we should note the sometimes controversial transcription of proper names, which violates the already established tradition» (Krongauz, 2005). In the Kazakh translation, the transcription used by the Russian translator has been reproduced in full.

Pinker compiled 448 notes, a glossary, and an index of terms. The Russian translation adds 155 notes made by the translator and editor, reflecting extensive work in pre-translation analysis (all notes are translated into Kazakh without attribution). Two of them refer to terms in the glossary, reflecting the difference in English and Russian terminological systems, while they are absent in the Kazakh translation, although the same difference can be stated in English and Kazakh terminological systems: “In Russian, a *modifier* very often corresponds to a circumstance of time, place or mode of action” (Pinker, 2004: 537); “The term *phrase* often corresponds to the term *word combination*, but may have a broader meaning. For example, in English, a *phrase* would be a combination of an article and a noun: *She is afraid of THE WOLF*” (Pinker, 2004: 539). The Kazakh translation lacks translators’ and editors’ notes.

Thus, we did not find any traces of pre-translation analysis made by Kazakh translators.

Let us proceed to the disclosure of the following stages of translation strategy related to the systematization of terms, reasonable selection of their equivalents; and selection of methods of translation of terms.

Translation of a scientific text begins with the establishment of equivalence of terms, and comparison of national terminologies. Traditionally, scientists distinguish three types of conceptual equivalence of terms (full coincidence, partial coincidence, full mismatch), and two main translation methods are defined, to which translators resort when working with terms: 1) literal translation; 2) indirect (substitution) (Vinay, Darbelnet, 1995). A. G. Ani-

simova notes that when choosing a method of translating terms, it is necessary to comparatively study the terminological systems of two languages rather than to compare individual pairs of terms; in this case, the functional-semantic level of equivalence is fundamental (Anisimova, 2011).

In the analysed translations of the two textbooks into Kazakh, literal translation prevails, while the method of substitution is more complex and requires knowledge of the subject area, as well as significant intellectual effort to identify the structural relationships of terms in the terminological systems of a particular field of knowledge.

When translating terms, translators must identify available equivalents and their absence, i.e. matching and non-matching elements of national terminological systems. The glossary is the most didactically important section of the textbook. Unjustified omission (zero translation) of terms led to the fact that, for example, 451 of 781 terms in the glossary of ST1 are translated into TT1 (some of which are not equivalent to Kazakh linguistic terms), and there is no index of terms at all. The terms in the TT1 glossary are not presented in alphabetical order, but in the sequence in which they were presented in the ST1 glossary, moreover arbitrarily abbreviated by the translator. It is impossible for a reader unfamiliar with the original to understand this. Besides, in TT1 the inter-article references are not taken into account and partially distorted, i.e. the very principle of organization of the author’s glossary is violated. For example, in ST1 the term *acronym* has a synonym *alphabetic abbreviation*, which is indicated, in addition to the definition text, by the reference *See*. In the Kazakh glossary of TT1 we find an indication of an inter-article reference: *acronym ... Әрpinmik аббревиатураларға қараңыз (See the letter abbreviations)*. Meanwhile, there is no terminological article *Әрpinmik аббревиатуралар* in the TT1 glossary.

More examples related to antonymy terms. In the ST1 glossary article *antonyms* (main term) we find references to the related terms *gradable pair*, *complementary pair*, *relational opposites*. The last three term com-

binations have their own articles and mutual references. In the Kazakh glossary of TT1 the terms *антонимдер* (main term), *бөліктелген жұп*, *қосымша жұп* (related terms) seem to correspond to them at first sight. The third term combination is not translated. Meanwhile, there are no definitions of related terms in the Kazakh glossary. In turn, the term combination *complementary pair* (main term) is related to the term combinations *gradable pair*, *relational pair* (related terms). In the Kazakh glossary, a completely different term combination acts as the main term: *салыстырмалы жұп*, and as related terms it mentions *дәйектелген жұп*, *салыстырмалы антоним*. The last two term combinations as the main ones are again absent in the Kazakh glossary of TT1, which indicates the unsystematic nature of the translation. Thus, it becomes clear that the terms in the glossary of TT1 were selected arbitrarily, translated literally, without checking the inter-article references of the original, as a result of which the same term combination *complementary pair* is translated differently: as *қосымша жұп* (*complementary pair*), or as *салыстырмалы жұп* (*comparative pair*), and both translations are incorrect. The term combination *gradable pair* is translated either as *бөліктелген жұп* (*split pair*) or as *дәйектелген жұп* (*proved pair*), both translations are incorrect. In the glossary, the translation of the term combination *relational pair* is *салыстырмалы антоним* (*comparative antonym*) is also incorrect.

Moreover, in the TT1 in question, the glossary, as we show below, is not only a literal translation, which is often erroneous, but the terms in the glossary are not related to the terms and their interpretations in the textbook itself (mostly correctly translated). This is a gross error on the part of the translator who translated the glossary (it is not possible to find out which of the three translators did this work, as there is no information about it in the translated textbook). Some terms in the glossary are transcribed, whereas in the textbook they are given equivalents, and where the glossary uses a translation method, we observe a literal, meaningless translation. As evidence, let us present the terms and their translations in the glossary of TT1, as well as their back transla-

tion from Kazakh to English (hereinafter the back translation is made by us – A. Zh.). For comparison, let us also present the terms we extracted from the textbook text and their back translations (Table 1).

Thus, we found out that we cannot rely on glossary terms in our analysis of TT1, but need to analyse the terms and their interpretation based only on the text of TT1 itself, which requires considerable time and constitutes a separate study. The analysis also shows that the self-assessment of translation quality, which includes the final reconciliation of the source text and the target text as the final stage of translation work, has not been performed.

We have identified terms that have not been previously used in Kazakh linguistic terminology (they are absent in both single- and multilingual dictionaries: Suleimenova, 1998; Kaliyev, 2005; Orynbaev, 2005), in particular, they are phonetics terms denoting English sounds (Table 2).

Thus, out of the eight terms, four are given one-word equivalents, three are described as two-word equivalents, and one is transcribed. In our opinion, the equivalents are well chosen, reflecting the essence of the terms.

As already noted, TT2 was most likely translated not from the original (OT2), but from its Russian translation (ST2). This is evidenced, in particular, by the glossary of TT2 that we analyse. Unlike the glossary of TT1, this glossary, like its Russian original, is organized on the basis of the readers' native language, although it is slightly smaller (141 terms in the original one, the same number in the Russian translation, and 137 in Kazakh). All definitions are made not from the English original, but from the Russian translation, in the vast majority of cases – it is a literal translation from the Russian language. Let us give illustrative examples: in Table 3 we have highlighted those text passages that are not in the original; they are the result of transformations made by the Russian translator (as a rule, additions, explanations, made, in our opinion, reasonably, taking into account the target audience) or the highlighted words are a choice of several variant correspondences in Russian. In the Kazakh translation all of them are translated verbatim.

Table 1. Translation of English terms in the glossary and in the text (TT1)

English glossary term in ST1	Term in the translated Kazakh glossary in TT1	Reverse translation	Term derived from TT1	Reverse translation
<i>maxim of quality</i>	<i>максималды сана</i>	<i>maximum quality</i>	<i>сана постулаты</i>	<i>quality postulate/ premise</i>
<i>maxim of relevance</i>	<i>максималды релеванттылық</i>	<i>maximum relevance</i>	<i>қарым-қатынас постулаты</i>	<i>relationship postulate/ premise</i>
<i>bottom-up processing</i>	<i>бастан-аяқ өңделу</i>	<i>being processed from the beginning to the end</i>	<i>сөйлемді төменнен жоғарыға... қарай талдау</i>	<i>analyse the sentence bottom up</i>
<i>active sentence</i>	<i>негізгі етісті сөйлемдер</i>	<i>basic verbal phrases</i>	<i>ырықты сөйлем</i>	<i>active sentence</i>
<i>aspirated</i>	<i>қырылдан айтылу</i>	<i>hoarse pronunciation</i>	<i>қарқынды</i>	<i>intense</i>
<i>clipping</i>	<i>шертілген</i>	<i>clicked</i>	<i>сөздің қысқаруы</i>	<i>word shortening</i>
<i>loan word</i>	<i>калька сөзі</i>	<i>calque word</i>	<i>кірме сөз</i>	<i>borrowed word</i>
<i>parsing</i>	<i>парсинг</i>	<i>parsing</i>	<i>синтаксистік талдау</i>	<i>syntax analysis</i>
<i>d-structure</i>	<i>д-құрылым</i>	<i>d-structure</i>	<i>күрделі құрылым</i>	<i>complex structure</i>
<i>complementary pair</i>	<i>салыстырмалы жұп</i>	<i>relative pair</i>	<i>бір-бірін толықтыратын жұп</i>	<i>a pair that complements each other</i>

Table 2. Translation of English phonetics terms in the TT1 text

English glossary term in ST1	Equivalent (single or multiword)	Transcription
<i>aspirated</i>	<i>қарқынды</i>	
<i>click</i>	<i>шертпе</i>	
<i>coda</i>		<i>кода</i>
<i>flaps (FLIP)</i>	<i>ызың</i>	
<i>stops</i>	<i>үзілмелі дауыссыз дыбыстар</i>	
<i>glide</i>	<i>жартылай дауысты (жылжымалы)</i>	
<i>liquids</i>	<i>жұмсақ</i>	
<i>trills</i>	<i>дірілді</i>	

Mismatching elements of national terminological systems are presented in Table 4, they reflect the methods of translation from English of terminological lacunas, which is the case for the Kazakh language. As for English-Russian correspondences, due to the genetic proximity of languages and commonality of meta-linguistic description, most of the terms presented in the Table are not lacunas for the Russian language. Thus, the choice of trans-

lation techniques into Kazakh is of secondary nature, i.e. these techniques were chosen not by Kazakh, but by the Russian translator. The translation techniques were automatically ‘transferred’ into Kazakh, for example, the transcription chosen by the Russian translator was also used in Kazakh (since the Kazakh alphabet is Cyrillic, the transcription is the same in ST2 and TT2, therefore after the English term comes the Russian equivalent, and

Table 3. Comparison of definitions of terms in the original (OT2), Russian (ST2) and Kazakh (TT2) translations

definitions of terms in the original OT2	definitions of terms in the Russian translation of ST2	definitions of terms in the Kazakh translation of TT2
<i>deep structure</i> (now d-structure). The tree, formed by phrase structure rules, into which words are plugged, in such a way as to satisfy the demands of the words regarding their neighboring phrases. [...]	<i>глубинная структура</i> (в настоящее время <i>d-структура</i>). Дерево, образованное по правилам структуры непосредственно составляющих , в которое слова загружаются так, чтобы удовлетворить требования слов относительно соседних с ними синтаксических групп [...]	<i>терең құрылым</i> (қазіргі уақытта <i>d-құрылымы</i>) – тікелей құраушылардың ережелері бойынша жасалған ағаш. Онда сөздер көрші синтаксистік топтармен салыстырғанда, сөздердің талаптарын қанағаттандырырлықтай жүктеледі [...]
<i>X-bar theory; X-bar phrase structure</i> . The particular kind of phrase structure rules to be used in human languages, according to which all the phrases in all languages conform to a single plan. In that plan, the properties of the whole phrase are determined by the properties of a single element, the head, inside the phrase.	<i>X-штрих-теория; структура непосредственно составляющих X-штрих синтаксической группы</i> . Правила структуры непосредственно составляющих синтаксических групп определенного вида, которые, как считается , используются в человеческих языках, и согласно которым все синтаксические группы во всех языках соответствуют единому плану. В этом плане свойства всей синтаксической группы в целом определяются свойствами единственного элемента в этой группе – ядра	<i>X-штрих теориясы; синтаксистік топтың X-штрихын тікелей құрайтын құрылым</i> – белгілі бір түрдің синтаксистік тобын тікелей құрайтын құрылым ережелері. Бұл ережелер адам тілінде пайдаланылады деп есептеледі. Соған сәйкес барлық тілдегі синтаксистік топтар бірыңғай жоспарға сай келеді. Бұл жоспарда синтаксистік топтың қасиеттерін, тұтастай алғанда, осы өзек топтағы жалғыз бір элементтің қасиеттерін анықтайды

Table 4. Techniques for translating terminological lacunas in ST2 and TT2

Transcription	Calque, semi-calque	Description	Equivalent (one- or two-word)
<i>adjunct = modifier / адъюнкт= модификатор</i>	<i>specifier – спецификатор/ айрықшалағыш</i>		
<i>axon – аксон</i>	<i>white matter – белое вещество/ ақ зат</i>		<i>gyrus – извилина / қыртыс</i>
<i>argument – аргумент</i>	<i>X-bar – X-штрих</i>		<i>intransitive – непереходный глагол/ ауыспалы емес етістік</i>
			<i>transitive – переходный глагол/ ауыспалы етістік</i>
	<i>AI, artificial intelligence – ИИ, искусственный интеллект/ ЖИ, жасанды интеллект</i>		<i>movement – передвижение/ ауысып қозғалу</i>

Table 4. Continued

Transcription	Calque, semi-calque	Description	Equivalent (one- or two-word)
	top-down –сверху-вниз/ Жоғарыдан төменге		<i>copula</i> – глагол-связка/ байланыстырушы етістік
	<i>bottom-up</i> – снизу-вверх/ төменнен жоғарыға		<i>stop consonant</i> – смычный согласный/ жабысыңқы дауыссыздар
<i>determiner</i> – детерминатор	<i>sexual recombination</i> – половая рекомбинация/ жыныстық кері комбинация		<i>indirect object</i> – косвенное дополнение/ жанама толықтауыш
<i>dislexia</i> – дислексия		<i>finite-state device</i> – устройство с конечным числом состояний=генератор цепочек слов/ жағдайдың соңғы санымен байланысты құрылғы=сөздер тізбегінің генераторы	<i>larynx</i> – гортань/ көмей
<i>listeme</i> – листема	<i>strong verb</i> – сильный глагол/ күшті етістік		<i>auxiliary</i> – вспомогательный глагол/ көмекші етістік
<i>Markov model</i> – модель Маркова/ Марков моделі	<i>surface structure</i> , <i>s-structure</i> – поверхностная структура/ үстіңгі құрылым		<i>concord, agreement</i> – согласование/ келісу
			<i>content words</i> – полнозначные слова/ көп өрістік мағынасы бар сөздер
	<i>ASL, American Sign Language</i> – АЯЖ, Американский язык жестов / АБИТ, Америкалық ым тілі		<i>function word</i> – функциональное слово/ функционалды сөз
<i>Turing machine</i> – машина Тьюринга/ Тьюринг машинасы		<i>clause</i> – элементарное предложение, часть сложного предложения/ қарапайым ғана сөйлем, күрделі сөйлем бөлігі	<i>aspect</i> – вид глагола/ етістіктің түрі
			<i>cortex</i> – кора головного мозга / ми қабығы

Table 4. Continued

Transcription	Calque, semi-calque	Description	Equivalent (one- or two-word)
	<i>mentalese</i> мыслекөд/ Ойтаңба		
	<i>SLI, Specific Language Impairment – СНР, специфическое расстройство речи [более соответствует аббревиатуре СРР – А.Ж.]/ СЕБ, сөйлеудің ерекше бұзылысы</i>		<i>conjunction – сочинительная конструкция / ойдан жасалған құрылым</i>
	<i>natural kind</i> естественный вид/ табиғи түр		<i>relative clause – относительное придаточное предложение/ салыстырмалы бағыныңқы сөйлем</i>
	<i>deep structure, d-structure – глубинная структура (в настоящее время d-структура)/ терең құрылым (қазіргі уақытта d-құрылымы)</i>	<i>perisylvian – околосильвиева область / Сильвиус маңы аймағы</i>	
			<i>parsing – синтаксический анализ/ синтаксистік талдау</i>
			<i>preposition – предлог/ өзалды көмекші сөз</i>
		<i>chain device – генератор цепочек слов/ сөз тізбегінің генераторы</i>	
		<i>finite-state device – устройство с конечным числом составляющих/ құраушылардың түпкілікті саны бар құрылғы</i>	
		<i>INFL – внешняя флексия/ сыртқы флексия</i>	<i>complement – распространенное дополнение/ толықтауыштың таралуы</i>
		<i>phrase structure – грам-тар грамматика непосредственно составляющих/ тікелей құраушылардың грамматикасы</i>	

Table 4. Continued

Transcription	Calque, semi-calque	Description	Equivalent (one- or two-word)
		<i>X-bar phrase structure – структура непосредственно составляющих X-штрих синтаксической группы / синтаксистік топтың X-штрихын тікелей құрайтын құрылым</i>	

then, after the / sign (slash) comes its Kazakh translation or common for Kazakh and Russian languages transcription); and single and multiword equivalents and calques in Russian were literally translated into Kazakh.

A total of 8 (16 %) out of 49 terms (100 %) were transcribed, 13 (27 %) were calqued, 8 (18 %) were described, and 18 (39 %) were given with single or multiword equivalents, as shown in the chart (Fig. 1).

We found in the process of analysing TT2 that the use of literal translation (instead of searching for equivalents) led to errors. Thus, some linguistic terms have equivalents in Kazakh; moreover, they have long been used in scientific and educational literature (Table 5).

The reasons for such errors, in our opinion, were an ill-conceived translation strategy

and insufficient pre-translation analysis of the text. The result was misleading the Kazakh reader, the main audience of which represents students of Kazakh departments of philological faculties.

In TT2, the consistency of terms sometimes was not preserved, reflected both in inter-article references and in definitions. For example, Pinker notes the synonymy of the terms *argument* and *role player* through the inter-article reference *see*, as well as in the text of the definition. The author’s intention is fully preserved in the Russian translation: *ролевой исполнитель. См. аргумент (role player. See argument)*. There is no term *role player* in the Kazakh glossary, although it is mentioned in the article *аргумент: рөл ойнаушы*. There is a case when the Russian translation of the ST2

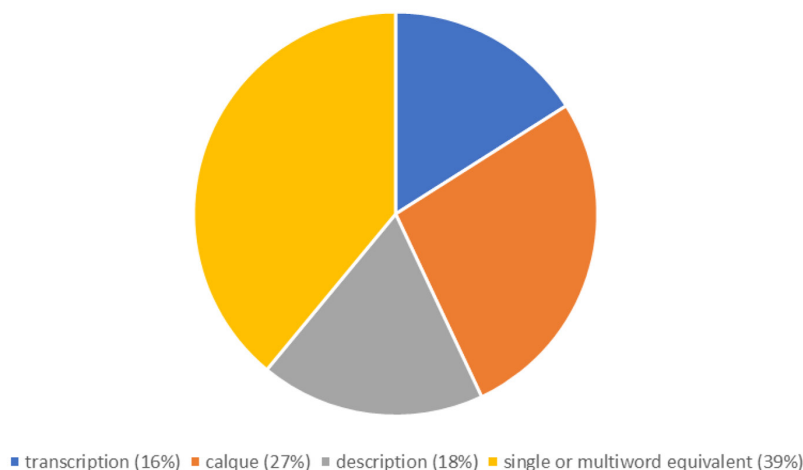

Fig. 1. Quantitative correlation of the ways in which terminological lacunas are conveyed in ST2 and TT2

Table 5. English-Russian-Kazakh terminological equivalents and their reflection in TT2

English term	Russian equivalent	Kazakh equivalent in TT2 and its reverse translation	Available Kazakh equivalent and its reverse translation
<i>complement</i>	<i>распространенное дополнение</i>	<i>толықтауыштың таралуы – expanded distribution of complement clause</i>	<i>үйірлі толықтауыш – object-complement clauses.</i>
<i>conjunction</i>	<i>сочинительная конструкция</i>	<i>ойдан жасалған құрылым – fictional structure</i>	<i>салаласа байланысқан сөйлем құрылысы – compound-complex sentence structure</i>
<i>relative clause</i>	<i>относительное придаточное предложение</i>	<i>салыстырмалы бағыныңқы сөйлем – comparative subordinate clause</i>	<i>қатысты бағыныңқы сөйлем – related subordinate clause</i>
<i>concord, agreement</i>	<i>согласование</i>	<i>келісу – the state of being in accord</i>	<i>қиысу – agreement</i>

Table 6. Selection of terminological equivalences in translated textbooks

ST1 and OT1 term	TT1 term	Reverse translation of the TT1 term	TT2 term	Reverse translation of the TT2 term
<i>determiner</i>	<i>анықтауыш</i>	<i>qualifier</i>	<i>детерминатор</i>	<i>determiner</i>
<i>deep structure, d-structure</i>	<i>күрделі құрылымдар</i>	<i>complex structures</i>	<i>терең құрылым</i>	<i>deep structure</i>
<i>surface structure, s-structure</i>	<i>туынды құрылым</i>	<i>derivative structure</i>	<i>үстіңгі құрылым</i>	<i>upper structure</i>
<i>stops</i>	<i>үзілмелі дауыссыз дыбыстар</i>	<i>interrupted consonant sounds</i>	<i>жабысыңқы дауыссыздар</i>	<i>covered consonants</i>

glossary contains both members of the antonymic terminological pair *актив – пассив* (as in OT2: *active – passive*), while the Kazakh glossary of TT2 contains the *passive* (*белсенді емес құрылым*), the antonymic term *active* (*белсенді құрылым*) is absent.

The analysis revealed English linguistics terms that appear in two textbooks, ST1 and OT1, but they are translated differently (Table 6), mainly because the original texts for them were different: the English-language one for TT1 and the Russian-language one for TT2:

Such translation variants negatively affect the problem of unification of Kazakh terminology, and this should be taken into account by translators who will work on scientific and educational texts in the future.

Conclusion

External evaluation of the quality of the translated text involves ‘unveiling’ the translators’ strategy and tactics.

The strategy of translating a scientific and academic text, in its turn, represents several interrelated stages, the first of which is the pre-translation analysis of the text. We found that this stage was either ignored by the translators of both textbooks or was carried out very carelessly. The main stage of translating a scientific/academic text is related to the establishment of the original terminological system and its correlation with the national terminological system. In our opinion, this stage was neglected by the translators as well. It seems that due to certain factors (short deadlines for transla-

tion, involvement of people with no experience in teamwork, etc.) the main task for the translators was the translation process itself, without taking into account both the author's intentions and the interests of the target audience.

When analysing the ways of translation into Kazakh of linguistic terms that represent linguistic gaps in the material of newly translated textbooks, one should take into account such a factor as primary/secondary translation. In the direct translation of the textbook on Introduction to Linguistics we analysed, the principle of correspondence between glossary terms (arbitrarily selected and translated mostly literally and erroneously) and textbook terms (translated mostly with the help of equivalents and correctly) is not observed. When translating terminological gaps, the translators successfully selected one-word and two-word equivalents.

Special attention should be paid to the problem of reflecting the systematicity of terminology in glossaries, paying attention to inter-article references and authors' instructions.

In the indirect translation of the linguistics textbook from English, the choice of translation techniques was not independent. The translation techniques were 'transferred' to Kazakh language automatically (transcription, calquing, description, selection of equivalents). Lit-

eral translation of some linguistic terms from the glossary was made from Russian, which led to factual errors.

The final stage of the translation strategy is the translator's self-assessment of the quality of the work he/she has done, for which a final reconciliation of the source and the translation is carried out. Given the results of our analysis in the area of translating terminological lacunae, this aspect of the activity, which is important for the final result, should be given a separate place and time.

Taking into account all of the above, we can conclude that the ways of translating linguistic terms from English into Kazakh definitely affect the quality of translated textbooks both in direct and indirect translation. The reasons for the translation errors are considered to be the lack of thought-out translation strategy, unreasonable choice of certain ways of translating linguistic terms.

We hope that our results will be taken into account in the future, it seems relevant in the light of the ongoing campaign to translate works of different genres from foreign languages into Kazakh and back. It is necessary to indicate whether the translation of scientific/academic text is direct or indirect, as well as to reflect the role and amount of work done by each translator if the translation is collective.

Corpus Materials

Fromkin V., Rodman R., Hyams N. *An Introduction To Language*, 10th ed. Wadsworth, Cengage Learning, 2014. 524 p.

Fromkin V., Rodman R., Hyams N. *Til bilimine kipispe* [An Introduction To Language]. Translated by Zhanabekova M., Mizamhan B., Isljamova U. Almaty, Ultyk audarma bjurosy, 2018. 608 p. (*In Kazakh*)

Pinker S. *The Language Instinct*. New York. Harper Perennial Modern Classics, 2007. 576 p.

Pinker S. *Jazyk kak instinkt* [The Language Instinct]/ Translated by Kajdalova, E. V., in Mazo, V. D. (ed.), Moscow, Editorial URSS, 2004. 456 p.

Pinker S. *Til instinkt* [The Language Instinct] Translated by Kurmanbajuly Sh., Abdrasilov S., Imanberdieva S., Yrkinbaev S. Astana, Ultyk audarma bjurosy, 2019. 386 p. (*In Kazakh*)

References

Ahanov K. *Til biliminin negizderi*. [Basics of linguistic]. Almaty, Olke baspasy, 2010. 560 p. (*In Kazakh*)

Alizhan S. Gylymi diskurstagy kognitivtik modelder (metaforalanu) [Cognitive Models of Scientific Discourse (Metaphorization)]. In: *Bulletin of the Eurasian Humanities Institute*, 2015, 3, 133–141. (*In Kazakh*)

- Anisimova A.G. *Metodologija perevoda anglojazychnyh terminov gumanitarnyh i obshhestvenno-politicheskikh nauk* [Methodology for translating English terms in the humanities and sociopolitical sciences]. Berlin, LAP, 2011. 211 p.
- Behkkozhanova G. *Lingvistikalıyq terminologiya: qurilimi, sematikasi, typologiyasi* [Linguistic Terminology: Structure, Semantics, Typology]. Almaty, Qazaq universiteti, 2019. 125 p. (In Kazakh)
- Brand C. *Lexical Processes in Scientific Discourse Popularisation: A corpus-linguistic study of the SARS coverage (English Corpus Linguistics)*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2008. 218 p.
- Chomsky N. *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1965. 495 p.
- Chomsky N., Halle M. Some controversial questions in phonological theory. In: *Journal of Linguistics*, 1965, 1(2), 97–138.
- Fridman M.V., Fridman V.S. Recenzija na knigu Stivena Pinkera. “Jazyk kak instinkt.” [Review of the book ‘The Language as an Instinct’ by Steven Pinker], 2006. available at: <https://ethology.ru/library/?id=240>.
- Gavrilenko N.N. *Osnovy didaktiki perevodcheskoj dejatel'nosti: special'nyj / otraslevoj perevod* [Foundations of Didactics of Translation Activity: Specialized Translation], Moscow, FLINTA, 2021. 560 p.
- Han C. Translation quality assessment: a critical methodological review. In: *The Translator*, 2020, 26(3), 257–273, available at: <https://doi.org/10.1080/13556509.2020.1834751>
- Tabrizi H., Pezeshki M. Strategies used in translation of scientific texts to cope with lexical gaps (Case of Biomass Gasification and Pyrolysis Book). In: *Theory and Practice in Language Study*, 2015, 5(6), 1173–1178.
- Heshmatifar Z., Biria R. Exploring the translation strategies utilized for the rendition of economic terms from English into Persian. In: *Journal of Applied Linguistics and Language Research*, 2015, 2(8), 111–127.
- House J. Translation Quality Assessment: Past and Present. In: J. House (ed.), *Translation: A Multidisciplinary Approach*, Palgrave Macmillan, 2014, 241–264.
- Kaliuly B. *Til bilimine kirispe* [An introduction to language]. Almaty, Mektep, 1997. 102 p. (In Kazakh)
- Kaliyev G. *Til bilimi teriminderdin tysinderme sozdigi* [The Vocabulary of Linguistic Terms]. Almaty, Sozdik-Slovar, 2005. 440 p. (In Kazakh)
- Khurshid A. Scientific texts and the evolution of knowledge: the need for a critical framework? In: *Porta Scientiae I. Lingua specialis*, Vaasa, The University of Vaasa, 2002, 123–134.
- Khvorostin D.V. *Anglo-russkij slovar' lingvisticheskikh terminov* [English-Russian Dictionary Of Linguistic Terms], Cheljabinsk, 2007. 115 p.
- Krings H.P. Translation problems and translation strategies of advanced German learners of French. In: J. House and S. Blum-Kulka (ed.), *Interlingual and Intercultural Communication*, Tübingen, Gunter Narr, 1986, 263–275.
- Krongauz M. Sud'ba bestsellera v Rossii [The Fate of a Bestseller in Russia]. In: *Otechestvennye zapiski*, 2005. Available at: https://elementy.ru/bookclub/review/4074166/Sudba_bestsellera_v_Rossii.
- Kulmanov S., Kordabay B., Yesskendir Zh., Ashimbayeva N. and Bissengali A. Genealogic and grammatical (structural) character of hybrid terms in the Kazakh language. In: *The Scientific Heritage*, 2022, 87, 32–38.
- Kulmanov S. Kazakh tili terminologijalyk korynyn aleueti (sandyk zhane sapalyk korsetkishterdi tal-dau) [The potential of the terminological fund of the Kazakh language (analysis of quantitative and qualitative indicators)]. In: *Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University. Philology Series*, 2021, 3 (136), 50–62 (In Kazakh)
- Kuzar Zh.N., Kuldeeva G.I. Gylymi matindegi teriminder audarma nysany retinde [Terms in scientific text as an object of translation]. In: *Bulletin of the Karaganda University. Philology series*, 2023, 2 (110), 42–47. (In Kazakh)
- Lauscher S. Translation quality assessment: Where can theory and practice meet? In: *Translator*, 2000, 6 (2), 149–168.
- Naumov V.V. Jazyk kak instinkt: pro # contra. [Language as an instinct: pro # contra]. In: *St. Petersburg State Polytechnical University Journal, Humanities and Social Sciences*, 2012, 4, 175–181.

Nessipbay A. Sh. Linguistic Features of Hybrid Terms in Modern Kazakh Language. In: *Bulletin of Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, series «Philological sciences»*, 2022, 2, 142–152. DOI 10.48371/PHILS.2022.65.2.011

Newmark P. *A Textbook of Translation*, New York and London, Prentice Hall Press, 1988. 292 p.

Ordudari M. Translation procedures, strategies and methods. In: *Translation*, 2007, 11 (3). Available at: <http://www.bokorlang.com/journal/41culture.htm>.

Orynbaev A. A., Shmanova A. N., Sarybaj M. Sh. *Qazaqsha-orissha-agilshinsha lingvistikalıyq ter-minder sozdigi* [Kazakh-Russian-English Dictionary of Linguistic Terms]. In: Oralbayev N. O. (ed.), Aqtau, Aqtau memleketik un-ti, 2005. 115 p. (*In Kazakh*)

Raeisi M., Dastjerdi H. V., Raeisi M. (2019). Strategies used in the translation of scientific texts to fill the lexical gap. In: *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2019, 3, 116–123.

Rajendran S. The Cause and the Consequence of Lexical Gaps in Translation. 2018. DOI:10.13140/RG.2.2.30684.44160. Available at: https://www.researchgate.net/publication/329842617_The_Cause_and_the_Consequence_of_Lexical_Gaps_in_Translation

Razumovskaya V. A., Valkova Yu. E., Koptseva N. P. The Translation of the Bible into the languages of the indigenous peoples of the North, Siberia and Far East: Describing the current situation. In *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(4), 662–676.

Sadirova K. Q. *Discursologija maseleleri* [Problems of discursology]. Aqtobe, Kolibri baspasy, 2019. 185 p. (*In Kazakh*)

Sdobnikov V. V. Systemic approach to translator training. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(7), 1153–1164.

Suleymenova E. D. (ed.) *Til bilimi sozdigi* [Dictionary of Linguistics] Almaty, Gilim, 1998. 544 p. (*In Kazakh*)

Tabanakova V. D. Perevodchik-lingvist, perevodchik-terminolog, perevodchik-specialist: strategija i taktika perevoda termina [Linguist-Translator, Terminology Translator, Specialist Translator: Strategy and Tactics of Translating Terminology]. In: *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, 2014, 1, 72–81.

Tognini-Bonelli E., Del Lungo Caniciotti G. (Eds.) *Strategies in Academic Discourse*, John Benjamins Publishing, 2005. Available at: <https://www.jbeplatform.com/content/books/9789027293954#chapters>.

Toury G. Translations as Facts of Target Culture. In *Descriptive Translation Studies and Beyond*, Amsterdam, 1995. 312 p.

Tregubova Yu. A., Lavrishcheva E. V. Jazykovaja metafora v jekonomicheskom mediadiskurse: strategii perevoda [Translating metaphors in economic media discourse: strategy challenges]. In: *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2022, 8 (3), 48–66.

Vedjakova N. A. Uchebnyj tekst – nauchnyj tekst? [Is an educational text a scientific text?]. In: *Lingua mobilis*, 2016, 1 (54), 19–26.

Venuti L. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. 2nd edition, London, Routledge, 2008. 337 p.

Vinay J.-P., Darbelnet, J. *Comparative Stylistics of French and English*, Amsterdam, John Benjamins Publishing, 1995. 358 p.

EDN: YTMRTL
УДК 004.8

Analysis of Project Expert Opinions “The One Hundred Year Study on Artificial Intelligence (AI100) 2021”

Natalia P. Koptseva, Yulia S. Zamaraeva*
and Yulia N. Menzhurenko

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 26.05.2024, received in revised form 16.06.2024, accepted 24.06.2024

Abstract. A critical analysis of the first results of the AI100 project, a long-term study of key events in the field of AI technologies, developing today at Stanford University, has been carried out. The initiator and one of the sponsors of the project is Eric Horwitz, professor of computer science at Stanford. The AI100 project committee forms an expert community that, once every 5 years, provides answers to 12 ongoing questions related to AI technologies and their impact on the basic processes of modern society. To develop Russian AI research, we can recommend the creation of an analog project, since the implementation of AI is proceeding at a rapid pace and in the near future will cause structural changes both in society and in the Russian economy as a whole. Expert support is needed at all stages of AI development in our country; the analog project could become one of such significant expert platforms.

Keywords: artificial intelligence, AI100, systems technology, public policy, culture, longitudinal research.

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23–28–00255, <https://rscf.ru/en/project/23–28–00255/>.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies)

Citation: Koptseva N.P., Zamaraeva Yu. S., Menzhurenko Yu. N. Analysis of project expert opinions “The One hundred year study on artificial intelligence (AI100) 2021”. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(8), 1494–1503. EDN: YTMRTL

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: nkoptseva@sfu-kras.ru, yzamaraeva@sfu-kras.ru, yavdeeva@sfu-kras.ru
ORCID: 0000-0003-3910-7991 (Koptseva); 0000-0003-1299-6741 (Zamaraeva); 0000-0002-0279-9958 (Menzhurenko)

Анализ экспертных мнений проекта «Столетнее исследование искусственного интеллекта (AI100) 2021 г.»

Н.П. Копцева, Ю.С. Замараева, Ю.Н. Менжуренко

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Выполнен критический анализ первых результатов проекта AI100 – длительного исследования ключевых событий в сфере технологий ИИ, развивающегося сегодня в Стэнфордском университете. Инициатором и одним из спонсоров проекта является Эрик Хорвиц, профессор компьютерных наук Стэнфорда. Комитет проекта AI100 формирует экспертное сообщество, которое 1 раз в 5 лет дает ответы на 12 постоянных вопросов, связанных с технологиями ИИ и их влиянием на базовые процессы современного общества. Для развития российских исследований ИИ можно рекомендовать создание аналогового проекта, поскольку внедрение ИИ идет большими темпами и в ближайшее время вызовет структурные сдвиги как в обществе, так и в экономике России в целом. Необходимо экспертное сопровождение на всех этапах развития ИИ в нашей стране, аналоговый проект мог стать одной из таких значимых экспертных площадок.

Ключевые слова: искусственный интеллект, AI100, системная технология, государственная политика, культура, лонгитюдное исследование.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00255, <https://rscf.ru/project/23–28–00255/>.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология)

Цитирование: Копцева Н.П., Замараева Ю.С., Менжуренко Ю.Н. Анализ экспертных мнений проекта «Столетнее исследование искусственного интеллекта (AI100) 2021 г.». *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1494–1503. EDN: YTMRTL

Введение

Государственная политика Российской Федерации в области научно-технологического развития связана с достижениями важнейших целей национального суверенитета и вхождения нашей страны в пятерку наиболее развитых в технологическом, экономическом, социально-политическом и культурном отношении стран мира. Среди ряда важнейших технологий, которые оказывают сегодня системное воздействие на глобальные и национальные процессы, на первом месте стоят технологии искусственного интеллекта. Их системность,

подобная воздействию на человечество энергии пара, электричества, компьютерных и информационных технологий, активно обсуждается и обосновывается (см., напр., Ермаков, 2023; Омелик, 2023; Шпак и Барышев, 2024; Дегтяренко и Пиков, 2023; Саттаров, 2024; Шушпанов, 2024; Хворостов, 2024; Дегтяренко и Кирко, 2023;). Технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) обсуждаются не только в инженерно-технических и информационно-компьютерных науках. Практически с первого момента обсуждения их перспектив и влияния на общество начинаются обширные социальные и культурных

исследования ИИ, которые концентрируются сегодня вокруг этических проблем, но не только (см., напр. Дегтяренко, 2024; Шпак и Кирко, 2023; Колесник, 2023; Лейченко, 2022; Кирко, 2023; Колесник и Замараева, 2023). Будучи системной технологией, внедрение которой поставило вопрос о трансформации Индустрии 4.0 в Индустрию 5.0 в странах Евросоюза, а также о переходе от Общества 4.0 к Обществу 5.0 в Японии (см. Nousala et al., 2024; Омелик, 2024), ИИ вызывает активные публичные дебаты, в которых принимают участие лидеры общественного мнения, государственные деятели, ученые, эксперты и большое количество пользователей, которые стоят на различных позициях: от неолуддизма до технократического футуризма (см. Лещинская и Колесник, 2023; Жигаева, 2022; Колесник и Копцева, 2023; Андрушина, 2024; Копцева и др., 2023; Ситникова и др., 2023).

В настоящее время развивается ряд новых научных дисциплин по направлению «социальные и культурные исследования ИИ и робототехники». Это не одна, а спектр дисциплин, которые связаны с современными социальными и культурными исследованиями, с одной стороны, а с другой стороны, активно привлекают компьютерные и информационные науки, развивая междисциплинарные академические области.

В данном исследовании будут представлены аналитические материалы, связанные с амбициозным проектом «Столетнее исследование ИИ (AI100)» (<https://ai100.stanford.edu/gathering-strength-gathering-storms-one-hundred-year-study-artificial-intelligence-ai100-2021-study>), где сконцентрированы наиболее авторитетные экспертные позиции, связанные с важнейшими вопросами развития технологий ИИ в современном мире. В связи с обширностью проблемного поля данного проекта будет выполнен анализ ряда позиций, связанных с внедрением технологий ИИ в культурную сферу, а также с экспертными мнениями по проблематике влияния ИИ на современную государственную политику во всем мире.

Инициатива проекта, его структура, участники

Проект «Столетнее исследование ИИ» (AI100) начался в 2015 г. на базе Университета Стэнфорда, код проекта – AI100. Главным инициатором проекта является выпускник этого университета, ученый в области компьютерных наук Эрик Хорвиц (2014), экс-президент Ассоциации развития ИИ. Будучи президентом данной Ассоциации, Хорвиц собрал в 2009 г. конференцию, где лидеры исследований в области ИИ выполнили подробный разбор существующих к этому времени достижений в области ИИ в контексте его влияния на общество в целом, на различные сообщества и группы, на отдельные сферы и индивидов. В ходе больших дебатов ученые пришли к выводу о необходимости исследования длительных последствий ИИ. Была создана инициативная группа, лидерами которой стали сам Эрик Хорвиц и профессор биоинженерии и информатики Стэнфордского университета Расс Альман. Сначала был сформирован комитет, который рассмотрел кандидатуры для комиссии, которая должна начать серию периодических исследований влияния ИИ на автоматизацию экономики и общества в целом, национальную безопасность, психологию, этику, право, неприкосновенность частной жизни, демократические процессы и другие важные сферы современной жизни.

Лидеры Стэнфордского университета поддержали данное начинание. По словам тогдашнего президента этого университета, «ИИ – одно из самых глубоких достижений в науке, которое повлияет на все аспекты человеческой жизни. Учитывая новаторскую роль Стэнфорда в области ИИ и наше междисциплинарное мышление, мы чувствуем себя обязанными и квалифицированными для проведения беседы о том, как ИИ повлияет на наших детей и детей наших детей» (<https://ai100.stanford.edu/history>).

У истоков проекта AI100 к Эрику Хорвицу и Рассу Альману присоединились выдающиеся ученые, специалисты в раз-

ных академических сферах: Барбара Гросс, Гарвард, специалист по мультиагентным системам; Дейдра Маллиган, Калифорнийский университет, правовед и специалист в области технического проектирования в политике; Йоав Шохам, Стэнфорд, профессор компьютерных наук; Том Митчелл, Университет Карнеги-Меллона, специалист по компьютерному чтению; Алан Макворт, Университет Британской Колумбии, создатель первого в мире робота, играющего в футбол.

Семь исследователей создали первый постоянный комитет AI100, который определил наиболее актуальные темы в области ИИ, получил право созывать экспертов для изучения поставленных вопросов и составления отчетов. Было предложено, что формулировки вопросов, экспертная сессия, написание и публикация отчета должны быть регулярными, новые темы должны появляться по мере расширения пространства технологий ИИ.

Среди множества оценок этого проекта значение для социальных и культурных исследований ИИ имеет высказывание Барбары Гросс: «Я в восторге от потенциала AI100, позволяющего сосредоточить внимание на способах разработки ИИ для работы с людьми и для них. Мы можем перенести дискуссию о влиянии ИИ на общество с крайностей на позиции, которые учитывают нюансы социальных ценностей, человеческих когнитивных способностей и реальных возможностей ИИ» (цит. по: Копцева, 2022: 11).

Спонсорами проекта AI100 выступили Эрик и Мэри Хорвиц, они предполагали, что данный проект будет находиться в фокусе постоянного внимания различных исследовательских групп и что его разрастающийся цифровой архив действительно будет существовать не менее 100 лет.

В 2016 г. был издан первый отчет проекта AI100 (<https://ai100.stanford.edu/2016-report>), структура которого включала разделы: «Что такое ИИ?», «Области применения ИИ», «Перспективы и рекомендации для государственной политики», «Краткая история ИИ» (см. Копцева, 2022).

В 2021 г., спустя 5 лет, был издан следующий отчет проекта AI100, где были сформулированы так называемые 12 постоянных вопросов и 2 вопроса семинара 2021 г.: Какие примеры изображений отражают важный прогресс в области ИИ и его влияния? Каковы наиболее важные достижения в области ИИ? Каковы наиболее вдохновляющие задачи открытого грандиозного вызова? Насколько мы продвинулись в понимании ключевых загадок человеческого интеллекта? Каковы перспективы общего ИИ? Как менялось общественное мнение по поводу ИИ и как нам следует информировать/просвещать общественность? Как правительствам следует действовать, чтобы обеспечить ответственную разработку и использование ИИ? Какова должна быть роль научных кругов и промышленности в разработке и внедрении технологий ИИ, а также в изучении последствий ИИ? Каковы наиболее многообещающие возможности ИИ? Каковы наиболее серьезные опасности ИИ? Как ИИ повлиял на социально-экономические отношения? Получается ли так, что «встраивание того, как мы думаем», работает в качестве инженерной стратегии в долгосрочной перспективе? Как именно прогнозы на основе ИИ делаются в важных общественных ситуациях и какие социальные, организационные и практические соображения должны учитывать политики при их реализации и управлении? Каковы наиболее актуальные проблемы и значительные возможности в использовании ИИ для оказания физической и эмоциональной помощи нуждающимся людям? (<https://ai100.stanford.edu/gathering-strength-gathering-storms-one-hundred-year-study-artificial-intelligence-ai100-2021-1>; <https://ai100.stanford.edu/gathering-strength-gathering-storms-one-hundred-year-study-artificial-intelligence-ai100-2021-2>).

Ввиду особой значимости как самого лонгитюдного проекта, так и ответов на поставленные вопросы ряд вопросов и ответов будут проанализированы далее в контексте влияния технологий ИИ на сферу культуры и на современную государственную культурную политику.

Экспертные мнения по проблемам внедрения технологий ИИ в культурную сферу

Современные исследователи поднимают различные дискуссионные вопросы, связанные с проблематикой внедрения ИИ в культурную сферу и в соотношения естественного и искусственного интеллектов. Глобальной и вдохновляющей задачей, объединяющей многих исследователей, является создание машин, которые могли бы беспрепятственно взаимодействовать с людьми и принимать решения, соответствующие изменчивым человеческим ценностям и предпочтениям. Эксперты сходятся во мнении, что ИИ нужно постоянно развивать и улучшать, при этом важно проследить, чтобы главной его характеристикой была способность сотрудничать и поддерживать людей, а не имитировать человеческий интеллект. Изучение ИИ стало прежде всего исследованием того, как люди способны адаптироваться к нему и добиться с помощью него успеха, а не просто изучением того, как работает впечатляющая система обработки информации.

Полемику среди экспертов вызывает технология обработки изображений, которая в настоящее время широко распространена и находит применение в самых разных областях: от фонов для видеоконференций до фотореалистичных изображений, известных как «дипфейки». Такие системы широко используются для видеонаблюдения за массами людей и важны для мобильных роботов, в том числе для беспилотных автомобилей.

Еще одним значимым и перспективным проектом, привлекающим внимание современных исследователей и экспертов, является научный и культурный некоммерческий проект по продвижению ИИ и робототехники посредством организации и проведения робототехнических соревнований RoboCup. Это серьезный вызов в области ИИ и робототехники, целью которого является создание полностью автономной команды роботов, способной к 2050 г. победить команду чемпиона мира по футболу FIFA. В этой инициативе участвуют

исследователи из более чем 35 стран, организующие международные и региональные конкурсы, симпозиумы, летние школы и другие мероприятия. RoboCup также способствовал проведению новых соревнований по интеллектуальной робототехнике, включая домашнюю и промышленную робототехнику и робототехнику для реагирования на стихийные бедствия.

Важной областью применения ИИ в культурном пространстве становится базовая помощь в повседневности человека, способствующая изменениям в образе жизни и поведении: появляются различные виртуальные помощники, становятся повседневной реальностью преобразование речи в текст, языковой перевод, GPS-навигация, веб-поиск, фильтрация спама, система рекомендаций на основе просмотров пользователя и многое другое. Внедряются программы ИИ, которые могут обрабатывать и переводить текст с фотографий, позволяя, например, путешественникам читать вывески и меню (<https://support.google.com/translate/answer/6142483>). Кроме того, улучшенные инструменты перевода облегчают взаимодействие людей разных культур.

Современные исследователи выделяют ряд наиболее существенных потенциальных угроз, исходящих от развития ИИ. По мере увеличения возможностей новых технических систем и их более полной интеграции в социальную инфраструктуру последствия потери значимого контроля над ними становятся все более тревожными (Brian Christian, 2020). Новые исследовательские усилия направлены на переосмысление принципов безопасности, чтобы сделать системы ИИ более надежными (<https://humancompatible.ai/app/uploads/2020/11/CHAI-2020-Progress-Report-public-9-30.pdf>).

Одной из опасностей ИИ также является возможное господство убеждений, согласно которым ИИ рассматривается как панацея от всех проблем (<https://knightfoundation.org/philanthropy-solutionism-problem/>). Возникает искушение применить процесс принятия решений ИИ ко всем без исключения нако-

пившимся социальным проблемам. Но технологии сами по себе часто создают более масштабные проблемы в процессе решения несущественных задач (<https://www.theguardian.com/world/2021/jan/12/french-woman-spends-three-years-trying-to-prove-she-is-not-dead>; [https://virginia-eubanks.com/\("Automating inequality"\)](https://virginia-eubanks.com/()). Таким образом, по мнению экспертов, технологии могут создавать «петли обратной связи», которые усиливают предвзятость и дискриминацию, возникшие на тех ступенях общественного развития, когда еще не существовало ИИ.

Эксперты указывают на некоторые социотехнические проблемы, на которые ученым и практикам следует обратить внимание в течение следующего десятилетия. Так, отмечается, что часто используется термин «развертывание» для обозначения реализации системы ИИ в реальном мире. Однако «развертывание» подразумевает внедрение более или менее готовой и целостной технической системы без учета конкретных местных потребностей или условий. Исследователи охарактеризовали этот подход как «включение без контекста». (https://datasociety.net/wp-content/uploads/2019/01/DataandSociety_AIinContext.pdf). Наиболее успешные системы не «встраиваются», а тщательно и осторожно «интегрируются» в существующие социальные и организационные среды и различные, в том числе культурные, практики.

На вопрос «Каковы самые актуальные задачи и возможности в использовании ИИ для оказания физической и эмоциональной помощи нуждающимся людям?» эксперты отвечают, что устройства ИИ теперь проникают в некоторые из наших самых «интимных» сфер, дополняя, а в некоторых случаях заменяя, заботу, оказываемую человеком. Автономные системы улучшают качество обслуживания людей и осуществляют физическую и коммуникационную поддержку пожилых, сохраняя конфиденциальность, но можно ли считать, что техника способна действительно «заботиться» о людях? Вопрос открыт (Despoina Damianidou et al, 2020).

За последние 5 лет область ИИ добилась значительного прогресса и оказывает реальное влияние на людей, организации и культуру. Сегодня в жизни каждого человека системы ИИ выполняют важные социальные, культурные, коммуникативные и этические функции. Общественный интерес представляют разработки ИИ, направленные на улучшение жизни города, логистику, усовершенствование систем безопасности, внедрение автономных транспортных средств и различных роботов, осуществляющих социальную помощь.

По мнению ведущих экспертов, успехи в этой области привели к переломному моменту: необходимо серьезно задуматься о недостатках и рисках, которые несет широкое применение ИИ. Растущая способность автоматизировать решения в больших масштабах – очень противоречивое явление. Преднамеренные «дипфейки» или иные неподотчетные алгоритмы, дающие критически важные рекомендации, могут привести к тому, что люди будут введены в заблуждение, подвергнуты дискриминации и даже получают физический вред, если речь идет о влиянии ИИ на здравоохранение и социальное обеспечение. Алгоритмы, обученные на исторических устаревших данных, склонны усиливать и даже усугублять существующие предубеждения и неравенство.

Для минимизации негативного воздействия на общество и культуру и усиления позитивного воздействия требуется нечто большее, чем просто технологические решения. Поддержание ИИ на пути достижения положительных результатов, важных для общества, требует постоянного участия и внимания со стороны специалистов разных областей, включая сферы этики, права, социальной работы, философии и ряда других гуманитарных дисциплин.

Экспертные мнения по проблемам влияния ИИ на современную государственную политику

Современные исследования в области когнитивной науки позволяют утверждать, что интеллект является свойством не толь-

ко отдельных людей, но и коллективов (см. Sloman et al., 2018; Larrick et al., 2012), он возникает в результате групповой (а не индивидуальной) деятельности (Littman M. L. et al., 2022: 24). В связи с этим ведущие эксперты в области ИИ утверждают, что государственная политика, во многом определяя индивидуальные убеждения и действия граждан, должна усилить контроль за СМИ и обеспечить общественное доверие к ИИ через повышение осведомленности как можно большего количества людей о преимуществах данных технологий. Более всего современные сообщества и группы осведомлены о внедрении ИИ в такие отрасли, как здравоохранение и транспорт, но требуется увеличить информирование об участии ИИ в повседневных технологиях (преобразовании речи в текст, языковом переводе, интерактивной GPS-навигации, веб-поиске и фильтрации спама, например). Надежным способом обеспечения доверия становится инвестирование со стороны правительств, университетов и некоммерческих организаций в новые учебные программы, связанные с ИИ. Так, в учебные планы университетских колледжей вводится изучение дисциплин, включающих науку о данных и этику ИИ. Эксперты отмечают: «Формируется ощущение того, что сегодняшние студенты должны быть готовы жить в мире, основанном на ИИ, и вносить в него свой вклад, а также широко распространены опасения по поводу отсутствия разнообразия в области ИИ и стандартизация его применения» (Littman M. L. et al., 2022: 35). Будущее развитие ИИ возможно только на основе сотрудничества и участия технологий ИИ в поддержке и расширении человеческой деятельности. Для сотрудничества людей и ИИ должно быть снижено напряжение в нарративах о вовлечении ИИ в соревнование с людьми, его доминировании, о будущем технологическом детерминизме, и, наоборот, усилены позиции, раскрывающие возможности более широкого участия общественности в обсуждении будущего ИИ (через форматы совещаний, совместного моделирования), которые волнуют все человечество.

Результаты нынешних исследований уже позволяют утверждать, что за последние годы общественная оценка ИИ улучшилась (при этом фиксируются проблемы предвзятости ИИ, отсутствия прозрачности и подотчетности в применении этих технологий, растущего неравенства в доступе к ИИ). Наиболее оптимистичные эксперты утверждают, что коллективная природа человеческого интеллекта и ИИ может быть сопряжена как одна большая «интеллектуальная машина» для совместного сотрудничества и поддержки друг друга в процессе принятия решений.

Эксперты полагают, что для устранения рисков, связанных с приложениями ИИ, необходима адаптация нормативных и политических систем к новой социотехнической реальности, с одной стороны, для более быстрого реагирования этих систем на стремительные темпы развития технологий, с другой – для разработки алгоритмов и оценки воздействия ИИ на право и государственную политику перед началом внесения изменений в существующую нормативно-правовую базу разных уровней. Например, в 2021 г. было принято предложение Европейского союза о дополнении к законодательству европейских государств, в котором сформулировано требование, чтобы поставщики систем ИИ проектировали и разрабатывали механизмы обязательного информирования людей о том, что они взаимодействуют с ИИ (Littman M. L. et al., 2022: 64). В целом правительства и государственные учреждения стали все больше уделять внимание развитию и внедрению ИИ: «Увеличение внимания международных правительств к проблемам ИИ отражает понимание того, что эта тема сложна и пересекается с другими политическими приоритетами, включая конфиденциальность, справедливость, права человека, безопасность, экономику, а также национальную и международную безопасность» (Littman M. L. et al., 2022: 37).

Отвечая на вопрос «Как правительствам следует действовать, чтобы обеспечить ответственную разработку и использование ИИ?», эксперты фиксируют рост

решений национальных правительств в области ИИ у более чем 60 стран, а также появление новых инициатив, направленных на стимулирование эффективного международного сотрудничества с целью нормативного регулирования ИИ при использовании данных на межгосударственном уровне (см. Zhang D. et al., 2021).

Политическим приоритетом сегодня становится государственное инвестирование исследований и разработок в области технологий, связанных с искусственным интеллектом. В ближайшем будущем технологии ИИ будут становиться сложнее и повсеместно распространяться; будет расти влияние ИИ на занятость, образование, общественную и национальную безопасность, экономику; возрастет количество отраслевых инвестиций в ИИ; со стороны промышленности недополучат инвестирование другие важные области, касающиеся общественного блага; в связи с широким спросом на экспертные знания в области ИИ в разы возрастет потребность на рынке труда в соответствующих специалистах. Эксперты резюмируют: «Правительствам необходимо вкладывать значительные средства в исследования, разработки и регулирование вопросов, связанных с ИИ, а также в междисциплинарные и межотраслевые исследования. Государственные инвестиции должны также включать поддержку образовательных стандартов, чтобы помочь следующему поколению жить в мире, наполненном приложениями ИИ, и регулировать рыночные практики использования ИИ в общественно значимых сферах, таких как здравоохранение» (Littman M. L. et al., 2022: 40).

Заключение

Россия имеет собственную специфику и собственную историю развития технологий ИИ, в том числе и в сфере культуры, и в сфере государственной политики по отношению к ИИ. В связи с этим можно рекомендовать уполномоченным органам, экспертным сообществам, российским университетам, всем заинтересованным лицам очень внимательно отнестись к проекту

А100 и, может быть, продумать вероятные отечественные аналоги. Это позволит как решить ряд научных задач, связанных с преимуществами лонгитюдного академического проекта (можно взять такой же период величиной в 5 лет, как в Стэнфордском проекте), так и сформировать постоянное и квалифицированное экспертное сообщество, отвечающее на запросы государственных и других структур, способствующих развитию технологий ИИ в России, а также проектирующих программы высшего образования, связанные с подготовкой квалифицированных специалистов в сфере ИИ.

В настоящее время подавляющий объем внимания уделяется техническим, компьютерным, информационным аспектам внедрения технологий ИИ, и это справедливо. Однако в современном мире социальные и культурные исследования ИИ развиваются очень быстро, формируя специфическую предметность и методический потенциал. Российские ученые не могут игнорировать мировые научные тенденции, технические исследования ИИ должны сопровождаться гуманитарными и социальными исследованиями, поскольку ИИ – это системная технология, изменяющая радикально все сферы жизнедеятельности современных людей.

Эксперты в области права и государственной политики считают, что успех интеграции ИИ в контекст принятия государственных решений требует сложной работы, всестороннего и междисциплинарного понимания проблемы и ее содержания, развития значимых отношений с практиками и заинтересованными сторонами, а также четкого понимания ограничений технических подходов.

Эксперты в области культуры полагают, что нарастает применение ИИ для осуществления важных социальных, культурных, коммуникативных и этических функций. Однако успехи в этой области привели к переломному моменту: необходимо серьезно обсуждать недостатки и риски, которые сопровождают широкое применение ИИ и неконтролируемое внедрение этих технологий с помощью рыночных механизмов. Для минимизации негативного

воздействия на общество и культуру и усиления позитивного воздействия требуется нечто большее, чем сугубо технологические решения.

Список литературы / References

- <https://ai100.stanford.edu/gathering-strength-gathering-storms-one-hundred-year-study-artificial-intelligence-ai100-2021-study>
<https://ai100.stanford.edu/history>
<https://ai100.stanford.edu/gathering-strength-gathering-storms-one-hundred-year-study-artificial-intelligence-ai100-2021-1>
<https://ai100.stanford.edu/gathering-strength-gathering-storms-one-hundred-year-study-artificial-intelligence-ai100-2021-2>
<https://humanscompatible.ai/app/uploads/2020/11/CHAI-2020-Progress-Report-public-9-30.pdf>
<https://knightfoundation.org/philanthropys-techno-solutionism-problem/>
<https://www.theguardian.com/world/2021/jan/12/french-woman-spends-three-years-trying-to-prove-she-is-not-dead>
<https://virginia-eubanks.com/> ("Automating inequality")
https://datasociety.net/wp-content/uploads/2019/01/DataandSociety_AIinContext.pdf
Brian Christian. *The Alignment Problem: Machine Learning and Human Values*, W. W. Norton & Company, 2020.
- Degtyarenko K. A. *Iskusstvennyy intellekt v oblasti sotsial'noy zashchity: obzor publikatsiy* [Artificial intelligence in the field of social protection: review of publications]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intelekta* [Sociology of artificial intelligence], 2024, 5(1), 49–56. EDN GAWAGY.
- Degtyarenko K. A. *Nauchnye osnovy upravleniya vyzovami XXI veka* [Scientific foundations for managing 21st-century challenges]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions], 2023, 7(4), 31–45. EDN YWKLQC.
- Degtyarenko K. A. *Tsifrovaya politika Kitaya: tsifrovoy obraz natsional'nogo gosudarstva* [China's digital policy: the digital image of the nation-state]. In: *Tsifrovizatsiya* [Digitalization], 2023, 4(4), 8–25. EDN CRZWMF.
- Despoina Damianidou, Ami Eidels, Michael Arthur-Kelly, "The Use of Robots in Social Communications and Interactions for Individuals with ASD: a Systematic Review," *Adv Neurodev Disord* 4, 2020. 357–388.
<https://www.fda.gov/media/145001/download>
- Istoriya nauki i tekhniki Rossiyskoy imperii nachala XX v. v zhurnale «Vestnik Obshchestva sibirskikh inzhenerov» (1916) [History of science and technology of the Russian Empire at the beginning of the 20th century. in the journal "Bulletin of the Society of Siberian Engineers" (1916)]. In: *Bylyye gody* [Bygone years], 2023, 18(2), 1034–1045. DOI 10.13187/bg.2023.2.1034. EDN PXJGYG.
- Khvorostov V. V. *Problemy vzaimodeystviya II i iskusstva i vozmozhnosti ikh resheniya glazami professional'nogo soobshchestva: na materiale G. Krasnoyarska* [Problems of interaction between AI and art and the possibility of solving them through the eyes of the professional community: based on the material of Krasnoyarsk]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intelekta* [Sociology of artificial intelligence], 2024, 5(1), 34–41. EDN UQNFVA.
- Kirko V. I. *Sovremennoe inzhenernoe obrazovanie v Universitete Garvarda* [Modern engineering education at Harvard University]. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost'* [Asia, America and Africa: History and Modernity], 2023, 2(4), 40–67. DOI 10.31804/2782-540X-2023-2-4-40-67. EDN GEGKCS.
- Kolesnik M. A. *Iskusstvennyy intellekt kak sistemnaya tekhnologiya* [Artificial intelligence as a systemic technology]. In: *Tsifrovizatsiya* [Digitalization]. 2023. 4(4). 59–76. – EDN VOFSNL.
- Kolesnik M. A. *Iskusstvennyy intellekt v Kitaye. Obzor 4 Mezhdunarodnoy konferentsii po iskusstvennomu intellektu v Kitaye* (Springer, 2023 G.) [Artificial intelligence in China. Review of the 4th International Conference on Artificial Intelligence in China (Springer, 2023)]. In: *Tsifrovizatsiya* [Digitalization], 2023, 4(3), 41–56. EDN VJHQVI.

Kolesnik M. A. K voprosu o kul'turnoy (afrikanskoj) spetsifike «otvetstvennogo iskusstvennogo intellekta» [On the issue of cultural (African) specificity of "responsible artificial intelligence"]. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost'* [Asia, America and Africa: history and modernity], 2023, 2(1), 43–75. DOI 10.31804/2782-540X-2023-2-1-43-75. EDN YFJNSK.

Koptseva N. P. Sovremennyye issledovaniya v oblasti sotsiologii iskusstvennogo intellekta: bazovyye podkhody. Chast' 5 [Modern research in the field of sociology of artificial intelligence: basic approaches]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta* [Sociology of artificial intelligence], 2022, 3(4), 9–22. DOI 10.31804/2712-939X-2022-3-4-9-22. EDN AAVWZH.

Larrick R. P., Mannes A. E. & Soll J. B. The social psychology of the wisdom of crowds. In J. I. Krueger (Ed.), *Social judgment and decision making* (pp. 227–242). Psychology Press., 2012. <https://psycnet.apa.org/record/2011-26824-013>

Leichenko N. M. Analiticheskiy obzor otechestvennykh praktik primeneniya neyrosetevykh i innovatsionnykh tekhnologiy v sfere iskusstva [Analytical review of domestic practices in the use of neural network and innovative technologies in the field of art]. In: *Tsifrovizatsiya* [Digitalization], 2022, 3(4), 8–19.

Leshchinskaya N. M. Vnedreniye tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v Rossii [Introduction of artificial intelligence technologies in Russia]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta* [Sociology of artificial intelligence], 2023, 4(2), 63–72. EDN LNJOTJ

Littman M. L. et al. Gathering strength, gathering storms: The one-hundred-year study on artificial intelligence (AI100) 2021 study panel report //arXiv preprint arXiv:2210.15767. 2022.

Nauchno-tekhnicheskiy progress v kinematografe i fotografii na materiale rossiyskoy periodiki 1907–1917 gg. [Scientific and technological progress in cinematography and photography based on the material of Russian periodicals of 1907–1917]. In: *Bylye gody* [Bygone years], 2023, 18(1), 420–430. DOI 10.13187/bg.2023.1.420. EDN RGAJPA.

Omelik A. A. Novyye professii v otrasli kul'tury: prikhod II [New professions in the cultural sector: the arrival of AI]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal* [Siberian Anthropological Journal], 2024, 3(1), 49–59.

Omelik A. A. Transformatsii vizual'nogo iskusstva pod vliyaniem iskusstvennogo intellekta [Transformations of visual art under the influence of artificial intelligence]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions], 2023, 7(2), 126–132. EDN KLVCSK.

Sattarov V. D. Problemy yuridicheskoy otvetstvennosti virtual'nykh sub'yektov [Problems of legal liability of virtual subjects]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal* [Siberian Anthropological Journal], 2024, 8(1), 132–134.

Shpak A. A. Budushchee sfery truda dlya nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya regiona: tendentsii, kontseptsii, tekhnologii, napravleniya issledovaniya [The future of the labor sphere for the scientific and technological development of the region: trends, concepts, technologies, directions of research]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions]. 2024. 8(1). 9–18. EDN ROUKGT.

Shpak A. A. Etika iskusstvennogo intellekta dlya tseley ustoychivogo razvitiya: kontseptsiya [Ethics of artificial intelligence for sustainable development: the concept]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta* [Sociology of artificial intelligence], 2023, 4(4), 20–30. EDN FGIVLY.

Shushpanov K. S. VPN, Darknet i neposredstvennaya realizatsiya prava cheloveka na informatsiyu [VPN, Darknet and direct implementation of the human right to information]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal* [Siberian Anthropological Journal], 2024, 8(1), 05–111. EDN CUELTN.

Sloman S., Fernbach P. The knowledge illusion: Why we never think alone. Penguin, 2018.

Yermakov T. K. Teoretiko-metodologicheskiye osnovaniya topologicheskogo analiza videoigr: opyt sravneniya igr dlya konsoly Atari 2600 i Nintendo Entertainment System [Theoretical and methodological foundations of topological analysis of video games: experience of comparing games for Atari 2600 and Nintendo Entertainment System consoles]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions], 2023, 7(2), 116–125. EDN KJSRWD.

Zhang D. et al. The AI index 2021 annual report //arXiv preprint arXiv:2103.06312.– 2021.

EDN: YUFOTX
УДК 379.822

Possibilities of Virtual Education in Actual Museum`s Practices on the Examples of the Krasnoyarsk Region Institutions

Natalya N. Pimenova^{*a}, Anastasia V. Kistova^{a,b}
and Maria I. Bukova^b

^a*Siberian Federal University*

^b*Krasnoyarsk Art Museum named after V.I. Surikov
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 30.05.2024, received in revised form 31.05.2024, accepted 24.06.2024

Abstract. Turning to online education technology in the post-Covid era is no longer a trend, but a reality of the existence of many institutions of culture. The article examines existing forms of educational practices in virtual space, since museums, according to the authors, are spaces for storing and projecting values – both collective and individual. Several projects that have survived in the Krasnoyarsk region are being considered to create a substantive educational effect.

Keywords: virtual education, Krasnoyarsk, educational practice, V. I. Surikov Krasnoyarsk Art Museum, Peace Square Museum Center, Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

Citation: Pimenova N.N., Kistova A. V., Bukova M.I. Possibilities of virtual education in actual museum`s practices on the examples of the Krasnoyarsk region institutions. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(8), 1504–1513. EDN: YUFOTX

Возможности виртуального образования в современных музеях на примере учреждений Красноярского края

Н.Н. Пименова^а, А.В. Кистова^{а,б}, М.И. Букова^б

^аСибирский федеральный университет

^бКрасноярский художественный музей им. В.И. Сурикова
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Обращение к технологии онлайн-образования в постковидную эпоху – уже не тренд, а реальность существования многих институций в области культуры. В статье рассматриваются существующие формы образовательных практик в виртуальном пространстве, поскольку именно музеи, по мнению авторов, являются пространствами хранения и проектирования ценностей – и коллективных, и индивидуальных. Рассматриваются несколько проектов музеев Красноярского края на предмет создаваемого ими образовательного эффекта для разной аудитории.

Ключевые слова: виртуальное образование, Красноярск, образовательная практика, Красноярский художественный музей им. В.И. Сурикова, Музейный центр «Площадь Мира», Красноярский краевой краеведческий музей.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Пименова Н.Н., Кистова А.В., Букова М.И. Возможности виртуального образования в современных музеях на примере учреждений Красноярского края. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1504–1513. EDN: YUFOTX

Введение

В настоящее время представить реальность функционирования какого-либо культурного или образовательного учреждения без наличия виртуального «двойника» крайне сложно. Сегодня это – широкий ассортимент инструментов для общения институции с пользователем: сайты, социальные сети, каналы в мессенджерах, приложения для мобильных телефонов. Они создают гигантское поле возможностей, в том числе персонализированного образования, чья концепция становится особенно актуальной последние несколько лет.

По установлению Международного совета музеев ICOM, а также согласно определению, данному в Федеральном законе «О Музейном фонде Российской Федерации» № 54-ФЗ, музей представляет собой некоммерческую организацию, хранящую, изуча-

ющую и популяризирующую материальное и нематериальное наследие человечества; ключевую роль в осуществлении этих функций играет образовательный потенциал музея, в основе которого лежит как публикация объектов наследия, так и их интерпретация (Rossiyskiy...; Federal'nyu...). Наблюдаемый с 2020 года (начало длительного периода пандемии COVID-19) «музейно-образовательный бум» был спровоцирован не только необходимостью музеев функционировать и выполнять свои задачи в условиях физического отсутствия посетителя в прежнем объеме и качестве, но и обусловлен стремлением актуализироваться в глазах общества – дать возможность глубоко и неспешно погрузиться в содержание хранимых ими ценностей. Стоит отметить и тенденцию к внутренней самоактуализации музейных команд, концепций и подходов – музеи искали новые источники

и возможности для научной и просветительской работы, заново собирали и формулировали концепции собственного развития, комплектования, работы с аудиторией и т.д.

На сегодняшний день актуальны исследования применения информационных технологий в разных гуманитарных сферах – в искусстве (Andryushina, 2024; Ar, 2023; Borodina, 2023; Zhigayeva, 2024; Libakova, 2017; Leshchinskaya, 2021; Lisavina, 2023; Lyu, 2023; Mikhaylova, 2023; Novaya artkritika, 2015; Omelik, 2023; Omelik, 2024a; Khvorostov, 2024; Shurmanova, 2024), урбанистике (Baryshev, 2023; Sertakova, 2014; Sertakova, 2019), культуре (Kolesnik, 2023; Kolesnik, 2024; Kostylev, 2024; Omelik, 2024b; Pikov, 2022a; Smolina, 2023; Shpak, 2024b; Shpak, 2023a; Shpak, 2023b), социальном дизайне (Shpak, 2024a), юриспруденции (Sattarov, 2024; Shubenkova, 2024; Shushpanov, 2024), культурных исследованиях (Asadchikh, 2023; Degtyarenko, 2023; Yermakov, 2023; Mamayeva, 2023; Pikov, 2022b; Seredkina, 2022), образовании. В отечественной практике возможности предлагаемых музеями образовательных программ посредством виртуальной реальности в разных аспектах исследования А.А. Огановым, И.Г. Хангельдиевой, И. Гринько и Т. Щербаковой, В. Гординым, Д. Дзюбой, А. Кистой и Н. Пименовой, В. Лузаном и О. Темниковой, В. Новосельской, И. Сизовой (Oganov, 2019; Grin'ko, 2023; Gordin, 2020; Kistova, 2024; Pimenova, 2023; Pimenova, 2024; Novosel'skaya, 2021; Sizova, 2016; Sizova, 2021). В.Э. Гордин и И.А. Сизова определяют образовательные, а не просветительские онлайн-ресурсы музеев по наличию следующих характеристик: 1) стандартный набор образовательных элементов – видеолекции, тексты, аудиоинформация, список дополнительной литературы; 2) задания – для самопроверки (игры, тесты, квизы) и проверки модератором (презентации, эссе); 3) методические указания и рекомендации по использованию ресурса в образовательном процессе в рамках формального образования (в школе, вузе, колледже); 4) включение ресурса в образовательный процесс как самостоя-

тельно, так и в качестве онлайн-курса в рамках формального или неформального видов образования; 5) возможность получения сертификата или удостоверения (Gordin, 2020). Исследование И. Гринько, Т. Щербаковой, А. Головиной, Н. Жабиной и Г. Гурина (Grin'ko, 2023) показывает, что опыт онлайн-взаимодействия школ с музеем (онлайн-курсы, экскурсии, лекции) располагается на третьем по эффективности месте из возможных предоставляемых музеем образовательных форм.

Отметим и отличие между активно развивающимися виртуальными галереями при музеях и виртуальными образовательными проектами. Виртуальная галерея – это в первую очередь онлайн-каталог музея. С 2020 года у сотрудников музеев появилось время на длительную серьёзную работу (оцифровка музейных коллекций, научно-исследовательская деятельность, в ряде случаев – проектирование соучастных подходов на таких сайтах-каталогах), а у посетителей – возможность из любой точки земли оказаться в любом музейном пространстве.

Обратимся к нескольким наиболее крупным и трендообразующим проектам отечественных музеев.

«Лаврус» – просветительский проект Государственной Третьяковской галереи, – подчёркивает, что ресурс разработан «Для тех, кто учит и учится», основой для изучения мировой культуры становится русское искусство («рассказываем обо всём через призму русского искусства») (Lavrus).

«Эрмитажная Академия» начала работу в апреле 2019 года, т.е. еще в «доковидное» время (Ermitazhnaya...). Уже тогда интерес для «эрмитажной» публики представляли тематически сгруппированные видеоэкскурсии и видеолекции, впоследствии на ресурсе появились pdf-каталоги изданий Эрмитажа к разным выставкам, отдельные статьи и краткие курсы, а также возможности прослушать материалы в формате подкаста или в игровом режиме (вкладка «Игротека»), ознакомиться с коллекцией музея, стилями и эпохами в искусстве. Данный проект ориентирован

на широкую публику, имеющую высокую мотивацию и уже какой-либо сформулированный запрос к обращению к подобным ресурсам и способную самостоятельно ориентироваться в предложенном виртуальном пространстве – считать его логику, осуществлять поиск по четко сформулированному запросу.

Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина также открыл широкую программу онлайн-образования в 2019 году (июль). «Академия Пушкинского» предлагает комплексный продукт (Akademiya...), ориентированный на разную аудиторию – профессионалов в области гуманитарного знания (курсовые программы по периодам в истории мировой культуры, новым медиа, методам интерпретации произведений искусства, и т.п.), молодой аудитории («Пушкин.Ю»), детей («Пушкинский KIDS» – онлайн-версия бесед об искусстве), максимально широкой аудитории (серия популярных в спортивных и лайфстайл-блогах так называемых онлайн-марафонов, но в данном случае по искусству).

Академия «Арзамас» вместе с Государственным музеем изобразительных искусств имени А.С. Пушкина запустила тренд на создание музеями подкастов – тематических аудиоблогов с одним или несколькими ведущими (Arzamas.academy). Один из самых популярных до сих пор подобных подкастов – «Зачем я это увидел?». Он рассказывает об искусстве, актуальных событиях в культуре и выставках, которые обсуждают на доступном широкой публике языке.

Все перечисленные нами примеры иллюстрируют два генеральных методологических подхода, влияющих на современную образовательную практику. Один из подходов основан на традиционной концепции рассмотрения получателя знаний как объекта обучения; такой подход нацелен на формирование «культурного человека» в соответствии с устоявшимися в данном обществе нормами и стандартами. Другой подход предполагает восприятие получателя знаний как активного участника образо-

вательного процесса; цель такого подхода – не только в передаче определенных знаний, но и в поощрении развития творческих способностей субъекта, в раскрытии уникального личностного потенциала и поощрении свобод в поиске новаторских и нетрадиционных подходов к решению актуальных проблем.

Опыт музеев Красноярского края

Культурные учреждения музейного типа в Красноярском крае не стали исключением и так же, как мировые и отечественные коллеги, активно работают над созданием образовательных проектов и программ в онлайн-пространстве – как для широкой, так и для узкопрофессиональной аудитории. Практически каждый музей из более чем 50 имеет сайт, страницу в социальной сети ВКонтакте, некоторые ведут телеграм-каналы. Несколько музеев представлены на федеральной платформе Artefact – «гиду по музеям России», разработанному Министерством культуры Российской Федерации в рамках Национального проекта «Культура».

Рассмотрим наиболее яркие проекты отдельных институций.

Красноярский краевой краеведческий музей является методическим центром для всех музеев Красноярского края, а также первым музеем для множества дошкольников и школьников. Приоритет образовательных проектов именно для школьной аудитории обозначен посредством создания в 2021 году онлайн-проекта «Музейный всеобуч 2.0»: это специально созданный сайт, предоставляющий доступ к экскурсиям, занятиям и музейным программам в онлайн-формате для школьников с 1 по 11 класс (Muzeynyy vseobuch...). Обучение состоит из теории и практики с вопросами и творческими заданиями. На сайте можно выбрать школьную ступень (1–4, 5–8 и 9–11 классы), музейную площадку (отделы музея) и купить лекцию по той или иной теме. Материал доступен зарегистрированному пользователю бессрочно. За прохождение музейной программы учащиеся, как указано на сайте проекта, «получат сертификат,

подписанный директором музея, ректором КГПУ им. В. П. Астафьева и руководителем Главного управления образования Администрации г. Красноярска». Для упрощения принятия решения прописана польза от занятий для трёх ключевых аудиторий – учителей, родителей и школьников. Подобный подход в проекте можно обозначить как классическое содержание в современной подаче, его задача – быть полезным школьному учебному процессу.

В конце 2023 года музей представил нетривиальный образовательный проект – сайт «Путешествие по Красноярску с девочкой-фантомом» (Puteshestviye...). Это спецпроект музея и Союза краеведов Енисейской Сибири, результатом которого стало исследование городской легенды и её связи с историческими зданиями в городе. Проект обращается к модному жанру детективного расследования: классическое краеведческое музейное исследование 2015 года привлекло внимание всего мира, отгадка была найдена лишь в 2022 году, и посетитель сайта в режиме лонгрида погружается от увлекательной истории мифического поначалу персонажа в историю города, фотографии, жизни отдельных людей, зданий, находит маршрут, составленный на основе исследованных авторами проекта фотографий, может прослушать аудиогид, записаться на специальные экскурсии, скачать книгу «Красноярск начала XX века в фотографиях Евгения Архипова». Подобный тип проекта – аттрактивный, апеллирующий к актуальным жанрам и практикам, обращающийся в первую очередь к любопытству пользователя, – в силу своей междисциплинарности (виртуальная выставка, лонгрид) создаёт образовательный эффект, который мы обозначим как смену оптики на историю города, пробуждение, а затем и усиление чувства причастности к особенному знанию о Красноярске, возможность почувствовать себя экспертом в краеведении.

Особенный подход к онлайн-практикам представляет и *Государственный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское»* (Gosudarstvennyu...). Специального раздела с образовательными программами

музея в виртуальной среде нет, они в целом существуют в разделе «Музей ОНЛАЙН», где размещены видеофильмы о музее, виртуальные экскурсии, виртуальные выставки, а также видеорецепты традиционных блюд – это раздел «Гастрономическая мастерская». Таким способом подчёркивается, что наследие – это и нематериальные ценности, в культурную картину мира входят и способы приготовления пищи, связанные с ними обряды, и это становится сегодня одним из трендов в изучении как локальной, так и национальной культуры.

Музейный центр «Площадь Мира», работающий как с наследием и коллекцией советской эпохи, так и с мировым и локальным современным искусством, в качестве виртуальных образовательных проектов предлагает аудиоподкасты и видеоролики с художниками («Не могу не делать», «Явравенашёлжука»), подкасты об истории музея и его коллекциях, повседневности и рабочих процессах (например, ролик о ремонте музея), лонгриды об архитектуре музея, истории ключевых музейных проектов (Muzeynyy tsentr...). В период пандемии музей начал более активно вести Youtube-канал, где сегодня представлены видеолекции о выставках в музее, образовательных офлайн-проектах, репортажные материалы о жизни музея. Этот подход скорее просветительно-развлекательный, призванный не заменить, но спровоцировать реальный визит в музей.

Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова – институция, в которой принципы образовательно-просветительной деятельности лежат в основе Концепции развития музея до 2030 года (Krasnoyarskij...). Согласно Концепции развития Красноярского художественного музея имени В.И. Сурикова на 2016–2030 годы миссия музея сегодня: являться образцом современного классического художественного музея; собирать, хранить, пропагандировать шедевры мирового, российского, сибирского изобразительного искусства; быть источником вдохновения, образования, пространством формирования нравственной,

ответственной, самостоятельно мыслящей и творческой личности; позиционировать посредством выставок, научной работы, мероприятий Красноярский край в России и за рубежом как край высокой культуры. Важное значение в ходе реализации данной миссии имеет электронный ресурс музея – «Музейная академия». «Музейная академия» представляет собой образовательный ресурс музея с лекциями и курсами о культуре и искусстве для всех желающих. Сегодня на платформе представлен материал в следующих форматах:

1. Проект «Инверсия» (Inversiya...). 5 короткометражных лент о шедеврах музея (особняк В.Н. Гадаловой в г. Красноярске; Василий Суриков «Милосердный самарянин»; Казимир Малевич «Дама, играющая на рояле»; икона «Грозный воевода небесных сил Архистратиг Михаил»; Даши Намдаков «Полёт») в формате видеофайлов, продолжительностью от 7 до 17 минут.

2. Образовательный курс «Как читать искусство». 8 занятий о главных теоретических произведениях мастеров живописи от периода Возрождения до середины XX века в формате видеолекций, сопровождаемых текстовым описанием содержания (конспектом).

3. Лекции. 9 видеолекций на темы изобразительного искусства и кинематографа, сопровождаемых текстовым описанием содержания лекций (конспектом).

4. Материалы творческой лаборатории «АРТ. Точка». Это образовательный проект для школьников 14–18 лет по разработке онлайн-проектов и событий в сфере искусства, представлен на платформе в виде презентаций 5 занятий.

5. Раздел «Спецпроекты». Сборник материалов в формате видео разной продолжительности, сгруппированных по одной форме и принципам подачи информации. На сегодняшний день раздел содержит в себе 3 проекта: «Крупным планом» (видеоинтервью с красноярскими художниками об искусстве, источниках вдохновения и творчестве), мастер-классы по скетчингу, «Между мирами. Сказки» (чтение сказок Бурятии в формате видео).

Совсем недавно в набор разных медиа «Академии» добавился музейный «Плюшевый подкаст».

В период пандемии онлайн-образование было концептуально переосмыслено, в разработку было запущено два направления. Первое – уже имеющиеся офлайн-образовательные продукты переводятся в онлайн, используя актуальные технологии (короткие видео, простой понятный язык, наглядность подачи материала, визуальные акценты, что маркировало продукт как именно музейный, имеющий отношение к художественной культуре и ценностям, в отличие от университетских унифицированных подходов к онлайн-образованию). Второе – создание уникальных образовательно-просветительских продуктов, которые работали бы на реализацию майевтической функции (на основе теории В.И. Жуковского) музеев и искусствоведов-специалистов, т.е. в нетипичных условиях (онлайн) решали бы задачу быть посредниками между произведением и зрителем (Koptseva, 2008).

Заключение

Современные образовательные подходы тесно связаны с культурой, в рамках которой они функционируют. Передовые технологии, научные и технические достижения сегодня всё плотнее используются системой образования и взаимообогащают друг друга: содержание влечёт изменение и адаптацию оболочки, а оболочка, в свою очередь, влияет на динамичность, доступность, инклюзивность, уникальность содержания. Музеи Красноярского края реализуют свои проекты через такие формы, как циклы видео, в том числе фильмы, подкасты, образовательные онлайн-курсы. Однако следует отметить, что сегодня достаточно ограничено представлены проекты, работающие с перспективными аудиториями, направлениями и форматами подачи, а именно: создание контента для детей в игровой форме, создание программ, ориентированных на аудиторию 55+, создание онлайн-курсов об истории культуры Сибири и её

включённости в мировую историю культуры; научно-популярная и практическая подача материала, интерактивные каналы с обратной связью через чат. Институты,

выбравшие интеграцию данных методологий в перспективе, будут задавать тренды в образовательных онлайн-практиках в нашем крае.

Список литературы / References

Andryushina YA. D. Neyroseti: pomoshchniki ili protivniki sovremennomu khudozhniku? [Neural networks: assistants or opponents to the modern artist?]. In: *Sibirskiy iskusstvedcheskiy zhurnal [Siberian art history magazine]*, 2024, 3(1), 20–28.

Ar N. A. Kontent sovremennykh khudozhnikov v sotsial'nykh setyakh (po materialam kontent-analiza sotsial'noy seti tiktok) [Content of contemporary artists on social networks (based on content analysis of the social network tiktok)]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2023, 4(1), 18–30.

Asadchikh A. A., Sushinskaya YU. A. Issledovatel'skiye podkhody k provedeniyu tsifrovyykh kul'turnykh issledovaniy: analiticheskiy obzor [Research approaches to conducting digital cultural studies: an analytical review]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2023, 4(4), 26–33.

Baryshev R. A., Koptseva N. P. Tekhnologicheskiye innovatsii dlya dizayna iskusstvennoy sredy [Technological innovations for the design of the built environment]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2023, 7(4), 54–64.

Borodina M. A. Khudozhestvennyy obraz sibirskoy identichnosti V. I. Surikova kak vizual'nyy pattern v izobrazitel'nom iskusstve Krasnoyarska [The artistic image of V. I. Surikov's Siberian identity as a visual pattern in the fine arts of Krasnoyarsk]. In: *Sibirskiy iskusstvedcheskiy zhurnal [Siberian art history magazine]*, 2023, 2(2), 36–45.

Degtyarenko K. A., Pikov N. O. Nauchnyye osnovy upravleniya vyzovami XXI veka [Scientific foundations of managing challenges of the 21st century]. In: *Severnnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2023, 7(4), 31–45.

Federal'nyy zakon ot 26.05.1996 № 54-FZ [Federal Law of May 26, 1996 No. 54-FZ]. – Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/9371abf6b81551d7cf96db61478966ba2fd88505/

Gordin V. E., Sizova I. A. *Muzeynyye obrazovatel'nyye onlayn-produkty: Spravochnik. Vyp. 1 [Online Museum Educational Products: A Handbook. Issue 1]*, 2020, 142.

Gosudarstvennyy istoriko-etnograficheskiy muzey-zapovednik «Shushenskoye». [State Historical and Ethnographic Museum-Reserve «Shushenskoye»]. – Available at: <https://shush.ru/>

Grin'ko I. A., Shcherbakova T. V., Golovina A. V., Zhabina N. G., Gurin G. G. Predstavleniye pedagogov, muzeynykh rabotnikov i roditeley uchashchikhsya, obuchayushchikhsya obrazovatel'nomu potentsialu muzeyev sosednikh Moskvy [Representation of teachers, museum workers and parents of students studying the educational potential of museums neighboring Moscow]. In: *Vestnik MGPU. Seriya «Pedagogika i psikhologiya» [Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Pedagogy and Psychology Series]*, 2023, 135–153.

Inversiya. Fil'm Krasnoyarskogo xudozhestvennogo muzeya imeni V. I. Surikova [Inversion. Film from the Krasnoyarsk Art Museum named after V. I. Surikov]. – Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=VkaoQJZAQAc>

Khvorostov V. V. Problemy vzaimodeystviya II i iskusstva i vozmozhnosti ikh resheniya glazami professional'nogo soobshchestva: na materiale g. Krasnoyarska [Problems of interaction between AI and art and the possibility of solving them through the eyes of the professional community: based on the material of Krasnoyarsk]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2024, 5(1), 34–41.

Kistova A. V., Pimenova N. N., Bukova M. I. Iskusstvedcheskoye obrazovaniye v Krasnoyarske v kontse XX – nachale XXI vv.: obrazovatel'naya praktika [Art history education in Krasnoyarsk at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries: educational practice]. In: *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*, 2024, 17(1), 137–153.

Kolesnik M. A., Koptseva N. P. Iskusstvennyy intellekt kak sistemnaya tekhnologiya [Artificial intelligence as a system technology]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2023, 4(4), 59–76.

Kolesnik M. A., Koptseva N. P. Filosofskiye osnovy tsifrovogo gumanizma [Philosophical foundations of digital humanism]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2024, 5(1), 18–34.

Koptseva N. P., Zhukovskiy V. I. The Artistic Image as a Process and Result of Game Relations between a Work of Visual Art as an Object and its Spectator. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2008, 1(2), 226–244.

Kostylev S. V. Romanova L. N. Strategii modernizatsii uchrezhdeniy kul'tury klubnogo tipa: sovremennyye kul'turnyye praktiki [Strategies for the modernization of club-type cultural institutions: modern cultural practices]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2024, 8(1), 69–75.

Krasnoyarskiy xudozhestvenny'j muzej imeni V. I. Surikova [Krasnoyarsk Art Museum named after V. I. Surikov]. – Available at: <https://www.surikov-museum.ru/>

Leshchinskaya N. M. Kul'turologicheskiye podkhody k analizu proizvedeniy dekorativno-prikladnogo iskusstva [Cultural approaches to the analysis of works of decorative and applied art]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2021, 5(2), 9–15.

Libakova N. M., Kolesnik M. A., Sergeeva N. A., Sertakova Ye. A. Issledovatel'skiye vozmozhnosti antropologii iskusstva na primere kostoreznykh proizvedeniy masterov Sibiri [Research possibilities of the anthropology of art using the example of bone-carving works by Siberian masters]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2017, 1(1), 22–34.

Lisavina Ye. P., Smolina M. G. Izmeneniye kharaktera dialoga zritelya s proizvedeniyem izobrazitel'nogo iskusstva v prostranstve virtual'noy kartinnoy galerei [Changing the nature of the viewer's dialogue with a work of fine art in the space of a virtual art gallery]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2023, 4(3), 27–32.

Lyu D. Sostoyaniye akademicheskikh issledovaniy po V. I. Surikovu v Kitaye [The state of academic research on V. I. Surikov in China]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2023, 7(3), 81–84.

Mamayeva S. D. Iskusstvennyy intellekt v tsifrovyykh kul'turnyykh issledovaniyakh: analiticheskiy obzor nauchnoy literatury [Artificial intelligence in digital cultural studies: an analytical review of scientific literature]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2023, 4(3), 8–16.

Mikhaylova S. A. Proyekt sistemy iskusstvennogo intellekta dlya sokhraneniya muzykal'nogo naslediya korennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiyskoy Federatsii: na primere muzykal'noy kul'tury khantov [Project of an artificial intelligence system for preserving the musical heritage of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation: on the example of the musical culture of the Khanty]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2023, 4(4), 45–55.

Lascaux Cave Museum. – Available at: <https://archeologie.culture.gouv.fr/lascaux/en>

Muzeynyy tsentr «Ploshchad' Mira» [Museum Center «Place of Peace»]. – Available at: https://miral.ru/online-projects/arhitektura_muzeya

The National Museum and Research Centre of Altamira. – Available at: <https://www.cultura.gob.es/mnaltamira/en/home.html>

Novaya art-kritika na beregakh Yeniseya [New art criticism on the banks of the Yenisei]. 2015, 340. – ISBN 978–5–7638–2537–4.

Novosel'skaya V. V. Muzey kak kul'turno-obrazovatel'nyy resurs v usloviyakh tsifrovizatsii sovremennogo obshchestva [Museum as a cultural and educational resource in the context of digitalization of modern society]. In: *Kul'tura i tsivilizatsiya [Culture and Civilization]*, 2021, 11(1A), 83–92.

Oganov A. A., Khangel'diyeva I. G. Preodoleniye kul'turnogo i obrazovatel'nogo konservatizma – put' k novym modelyam obrazovaniya [Overcoming cultural and educational conservatism – the path to new models of education]. In: *Observatoriya kul'tury [Observatory of Culture]*, 2019, 16(2), 128–141.

Omelik A. A. Analiz pozitsii tvorcheskikh deyateley i institutsiy v otnoshenii avtorskogo prava na proizvedeniya, sozdannyye s pomoshch'yu II [Analysis of the position of creative figures and institutions

regarding copyright for works created with the help of AI]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2023, 4(4), 39–44.

Omelik A. A. II v sfere kul'tury i iskusstva: obzor publikatsiy [AI in the field of culture and art: review of publications]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2024, 5(1), 42–48.

Omelik A. A. Novyye professii v otrasli kul'tury: prikhod II [New professions in the cultural sector: the arrival of AI]. In: *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal [Siberian art history magazine]*, 2024, 3(1), 49–59.

Pikov N. O. Rerezentatsiya kul'turnogo naslediya: sovremennyye podkhody [Representation of cultural heritage: modern approaches]. In: *Severnnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2022, 6(1), 174–186.

Pikov N. O. Virtual'naya real'nost' (VR) i sokhraneniye kul'turnogo naslediya [Virtual reality (VR) and the preservation of cultural heritage]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2022, 6(1), 58–68.

Pimenova N. N., Kistova A. V., Bukova M. I. Rol' krasnoyarskogo iskusstvovedcheskogo obrazovaniya v kul'turnoj zhizni i obrazovatel'noj sfere goroda Krasnoyarska kak kraevogo centra v konce XX – nachale XXI vv. [The role of Krasnoyarsk art history education in the cultural life and educational sphere of the city of Krasnoyarsk at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries]. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2024, 17(4), 708–718.

Pimenova N. N., Shpak A. A., Degtyarenko K. A. Tsifrovoye iskusstvoznanie: vozmozhnaya tipologiya baz dannykh po iskusstvu [Digital art history: a possible typology of art databases]. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities*, 2023, 16(12), 2273–2284.

Akademiya Pushkinskogo [Pushkin Academy]. – Available at: 2024. https://www.pushkinmuseum.art/education/virt_academy/

Ermitazhnaya Akademiya [Hermitage Academy] – Available at: <https://academy.hermitagemuseum.org/themes>

Lavrus [Lavrus]. – Available at: <https://lavrus.tretyakov.ru/>

Muzeynyy vseobuch 2.0 [Museum comprehensive education 2.0]. – Available at: <https://vseobuch2-0.kkkm.ru/>

Puteshestviye po Krasnoyarsku s devochkoy-fantomom [Travel to Krasnoyarsk with a phantom girl]. – Available at: <https://girl.kkkm.ru/>

Arzamas.academy [Arzamas.academy]. – Available at: <https://arzamas.academy/>

Rossiyskiy komitet ICOM [Russian ICOM Committee] – Available at: https://icom-russia.com/data/events/perevod-opredeleniya-ponyatiya-muzey/?sphrase_id=1765288

Sattarov V. D. Problemy yuridicheskoy otvetstvennosti virtual'nykh sub'yektov [Problems of legal liability of virtual entities]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*. 2024. 8(1), 132–134.

Seredkina N. N. Antropologicheskiye i etnologicheskiye podkhody k izucheniyu obshcherossiyskoy grazhdanskoy identichnosti [Anthropological and ethnological approaches to the study of all-Russian civic identity]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2022, 6(1), 111–121.

Sertakova Ye. A. Vizualizatsiya obraza goroda i oblika gorozhan v chasovne Paraskevyy Pyatnitsy v Krasnoyarske [Visualization of the image of the city and the appearance of the townspeople in the chapel of Paraskeva Pyatnitsa in Krasnoyarsk]. In: *Urbanistika [Urbanism]*, 2014, 2, 50–64.

Sertakova Ye. A., Krupkina K. A., Kistova A. V. i dr. Transformatsiya gorodskoy sredy Krasnoyarska v 1991–2017 gody [Transformation of the urban environment of Krasnoyarsk in 1991–2017], Krasnoyarsk, 2019, 76. – ISBN 978–5–7638–4177–0.

Shpak A. A. Baryshev R. A. Budushcheye sfery truda dlya nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya regiona: tendentsii, kontseptsii, tekhnologii, napravleniya issledovaniya [The future of the world of work for the scientific and technological development of the region: trends, concepts, technologies, research directions]. In: *Severnnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2024, 8(1), 9–18.

Shpak A. A., Kirko V. I. Etika iskusstvennogo intellekta dlya tseley ustoychivogo razvitiya: kontseptsiya B. K. Shtalya, D. Shreder i R. Rodrigues [The ethics of artificial intelligence for sustainable development goals: a concept by B. K. Stahl, D. Schroeder and R. Rodriguez]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2023, 4(4), 20–30.

Shpak A. A., Kirko V. I. Kontseptsiya Vladimira Geroymenko «Dopolnennaya real'nost' i iskusstvennyy intellekt. Sliyaniye peredovykh tekhnologiy» (Springer, 2023) [Concept of Vladimir Heroimenko "Augmented reality and artificial intelligence. Merging advanced technologies" (Springer, 2023)]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2023, 4(3), 22–40.

Shpak A. A., Kirko V. I. Kontseptsiya «tret'yey kul'tury» Shtefana Brunnkhubera: vliyaniye iskusstvennogo intellekta na obshchestvo i poznaniye v XXI veke [The concept of "third culture" by Stefan Brunnhuber: the influence of artificial intelligence on society and cognition in the 21st century]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2024, 5(1), 21–33.

Shubenkova K. V., Malakhova Ye. P. Sovremennyye tekhnologii i prava cheloveka: vozmozhnosti i riski [Modern technologies and human rights: opportunities and risks]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2024, 8(1), 137–139.

Shurmanova A. A., Mikhaylova S. A., Suetina A. S. i dr. Evolyutsiya tsifrovogo iskusstva: analiz NFT-platform na osnove togovoy ploshchadki «Opensea» [The evolution of digital art: analysis of NFT platforms based on the Opensea trading platform]. In: *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal [Siberian art history magazine]*, 2024, 3(1), 29–48.

Shushpanov K. S. VPN, Darknet i neposredstvennaya realizatsiya prava cheloveka na informatsiyu [VPN, Darknet and the direct implementation of the human right to information]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2024, 8(1), 105–111.

Sizova I. A. Muzey – aktivnyy uchastnik rynka nepreryvnogo obrazovaniya [The museum is an active participant in the continuing education market]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 2021, 464, 225–231.

Smolina M. G. Khudozhestvennyy muzey imeni V. I. Surikova kak prostranstvo dlya art-kritiki [Art Museum named after V. I. Surikov as a space for art criticism]. In: *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal [Siberian art history magazine]*, 2023, 2(4), 59–68.

Yermakov T. K. Iskusstvennyy intellekt kak priyom: metodiko-teoreticheskoye osnovaniye issledovaniya videoigrovogo iskusstvennogo intellekta [Artificial intelligence as a technique: methodological and theoretical basis for the study of video game artificial intelligence]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2023, 4(3), 56–63.

Zhigayeva A. A. Kul'turnyye povoroty: issledovaniye prostranstv vzaimodeystviy sistemy vizual'nogo iskusstva. Posrednicheskyy aspekt [Cultural turns: a study of the interaction spaces of the visual art system. Intermediary aspect]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2024, 8(1), 127–136.

EDN: YIPQQR
УДК 7.011

Implementation of Artificial Intelligence in the Modern Museums Activities

Maria A. Kolesnik and Anna A. Omelik*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 26.05.2024, received in revised form 17.06.2024, accepted 24.06.2024

Abstract. A review of scientific literature on the implementation of artificial intelligence technologies in the activities of modern museums is presented. Information on current developments and projects using AI technologies for museums, experiments conducted at museums using AI, and examples of the implementation of artificial intelligence in Russian and foreign museums are considered. The main ways of using AI in museum practice have been recorded, such as creating conditions for greater accessibility of collections, analytics of reviews and reactions of visitors to improve museum services, forecasting to improve the efficiency of museum operations, etc. Conclusions are drawn about the main directions within which museum practices are being studied using AI technologies, and the prospects for using AI in modern Russian museums are revealed.

Keywords: artificial intelligence, art, culture, modern museum, museum technologies, museum practices, art museum.

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23–28–00255, <https://rscf.ru/project/23–28–00255/>

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

Citation: Kolesnik M. A., Omelik A. A. Implementation of artificial intelligence in the modern museums activities. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 2024, 17(8), 1514–1524. EDN: YIPQQR

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: aomelik@sfu-kras.ru; mkolesnik@sfu-kras.ru
ORCID: 0000-0001-8194-7869 (Kolesnik); 0000-0002-5278-6469 (Omelik)

Внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность современных музеев

М.А. Колесник, А.А. Омелик

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Представлен обзор научной литературы о внедрении технологий искусственного интеллекта в деятельность современных музеев. Проанализирована информация о текущих разработках и проектах с применением ИИ-технологий для музеев, об экспериментах, проводимых на базе музеев с использованием ИИ, рассмотрены примеры внедрения в работу искусственного интеллекта в российских и зарубежных музеях. Зафиксированы основные способы использования ИИ в музейной практике, такие как создание условий для большей доступности коллекций, аналитика отзывов и реакций посетителей для улучшения музейных сервисов, прогнозирование для повышения эффективности работы музея и т.п. Сделаны выводы об основных направлениях, в рамках которых исследуются музейные практики с привлечением ИИ-технологий, раскрыты перспективы применения ИИ в современных российских музеях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, искусство, культура, современный музей, музейные технологии, музейные практики, художественный музей.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00255, <https://rscf.ru/project/23–28–00255/>.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Колесник М. А., Омелик А. А. Внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность современных музеев. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1514–1524. EDN: YIPQQR

Введение

Технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) сегодня уже стали привычной частью сферы искусства и культуры; произведения, созданные с их применением, продаются на аукционах и выставляются в музеях, а параллельно с этим появляется и огромное количество академических исследований на соответствующую тематику. Научные статьи по этой проблематике представляют обзоры публикаций и новостей о внедрении ИИ в различные сферы культуры (Asadchikh, Sushinskaia, 2023; Degtiarenko, 2024; Mamaeva, 2023; Koptseva, Zamaraeva, 2024; Sergeeva, Zamaraeva, 2023), некоторые авторы исследуют сложные вопросы этического и юриди-

ческого характера, связанные с внедрением ИИ в область искусства, его роль в изменении современного искусства (Andriushina, 2024; Lesnichikh, Sergeeva, 2023; Khvorostov, 2023; Khvorostov, 2024; Shurmanova, Mikhailova, Suetina, 2024; Sattarov, 2024; Sirenko, 2023), а также роль ИИ в модернизации учреждений культуры (Kostylev, Romanova, 2024; Lutsik, 2023; Monaikina, 2023), в сохранении культурного наследия (Mikhailova, 2023; Shurmanova, Sergeeva, 2023), ИИ как метод и прием в исследованиях современной культуры (Ernikov, 2023; Kholodkova, 2023). В некоторых статьях взаимосвязь ИИ и культуры представлена в философском контексте (Belousova et al., 2023, Kolesnik, Koptseva, 2023; Kolesnik,

Koptseva, 2024; Sergeeva, 2023; Degtiarenko, Pikov, 2023), либо рассматриваются социальные последствия его включения в те или иные сферы жизни человека (Shpak, Baryshev, 2024; Shpak, Kirko, 2023; Shpak, 2024).

В данной статье мы коснемся только очень узкой и специализированной темы из области культуры в ее связи с ИИ-технологиями, а именно того, какие на сегодняшний день существуют практики внедрения такого типа технологий в работе современных музеев, какие проекты еще только ждут осуществления, с какими проблемами в этой связи сталкиваются специалисты. Необходимость написания статьи на заявленную тему вызвана тем, что на данный момент в российской научной литературе такого рода тематика освещается не в достаточном объеме, существующая информация нуждается в систематизации для определения основных трендов и направлений развития исследований.

Обзор научных источников в русскоязычном сегменте, посвященных проблематике внедрения ИИ-технологий в деятельность современных музеев, показывает, что, во-первых, их количество невелико, во-вторых, ставятся либо общие вопросы, либо узкие специализированные.

Например, статья О. А. Смирнова и В. Б. Терновскова (Smirnov, Ternovskov, 2023) освещает вопрос перспектив использования ИИ-технологий в создании музейных персонифицированных гидов. Или же подробная статья историографического характера авторов Ю. Ю. Юмашевой и Д. Ю. Гук (Iumasheva, Guk, 2022) о развитии инструментов для создания электронных изображений предметов из коллекций музеев, где они касаются также и проблематики в связи с применением ИИ в данной деятельности. Ю. Ю. Юмашева является автором нескольких статей, в которых дается краткая характеристика проектов для музеев с использованием искусственного интеллекта (Iumasheva, 2022; Iumasheva, 2021).

В зарубежной научной литературе проблематика ИИ-технологий в их связи с музейным делом представлена в различных аспектах. Статья В. Сієско (Сієско, 2020) подробно описывает значение машинного

зрения для музеев, автор анализирует существующие технологии и оценивает их эффективность, а также останавливается на вопросах этического характера в связи с их применением на практике.

В статье А. French и Е. Villaespesa (French, Villaespesa, 2019) речь идет о том, как ИИ появился в музеях, какую роль инструменты на его основе сыграли для современных музеев на практике.

В статье «На пути к внедрению платформы чат-ботов с искусственным интеллектом для музеев» (Varitimadiadis et al., 2020) раскрываются подробности работы по внедрению платформы для музейного чата MuBot. Еще одна статья о разработке с использованием ИИ для музея другого авторского коллектива «MIVIABot: когнитивный робот для умного музея» (Saggese, Vento, Vigilante, 2019) знакомит с задачами, которые может выполнить человекоподобный робот в работе с посетителями музеев.

В статье М. Zhao и соавторов (Zhao et al., 2020) констатируется, что к 2020 г. объем исследований ИИ в сфере культурного наследия и музейных приложений находится только на стадии развития, что было показано на основе анализа 206 статей из базы Web of Science (WoS).

В статье «Старое встречается с новым: интеграция искусственного интеллекта в практику управления музеями» (Vidu, Zbucnea, Pinzaru, 2021) представлен обзор распространенных в музейном деле практик, включающих инструменты ИИ, такие, например, как чат-боты, большие данные, машинное обучение и т.п.

Методы

Статья является обзорной, обобщена наиболее полная информация о вариантах внедрения в деятельность современных музеев технологии ИИ, а также включены разделы о текущих разработках, которые также могут войти со временем в сферу музейной деятельности. Информация систематизирована по нескольким разделам: эксперименты по применению ИИ в музее и их возможной пользе для сотрудников и посетителей, а также проекты и разработки на основе

ИИ-технологий для музеев; кейсы зарубежных и российских музеев, использующих в своей работе технологии ИИ; использование ИИ в промоакциях музеев.

В качестве материалов использованы научные статьи и монографии, информация, предоставленная на сайтах музеев и музейных сообществ, материалы конференций и семинаров профильных организаций.

Исследование

В части научных статей можно обнаружить *описания предполагаемых результатов использования инструментов ИИ в решении разнообразных музейных проблем*. Так, в статье авторов F.M. La Russa и C. Santagati (La Russa, Santagati, 2021) обсуждаются возможности ИИ в деле хранения музейных коллекций в исторических зданиях. В исследовании H.J. Kim и H.K. Lee (Kim, Lee, 2022) дано описание экспериментальной системы музейного архивирования на базе ИИ, целью которой является визуализация связи произведений дизайна и эмоций. Исследуются также возможности ИИ в привлечении посетителей в музей (Hettmann et al., 2022).

С начала 2010-х гг. использование ИИ становится тенденцией, транслирующей концепцию перспективного развития институций, компаний и даже частных лиц. Музеи активно внедряют ИИ в свою деятельность для решения различных исследовательских и практических задач, что подтвердила серия семинаров, проведенных в 2019 г. профессиональным сетевым сообществом «Museums+AI». ИИ становится все более актуальной проблемой для многих крупных музеев, которые начинают экспериментировать с его потенциалом, предлагая новые способы взаимодействия с аудиторией, посетителями, искусством и объектами. С другой стороны, технологии ИИ также поднимают важные этические вопросы. В контексте этих противоречий многие музеи с энтузиазмом внедряют работу с ИИ, однако вместе с ростом осведомленности и регулирования использования данных в обществе в целом музеи должны относиться к ИИ с осторожностью. Итогом

работы семинаров стала серия статей о возможностях применения ИИ в музеях, опубликованных в 2020 г. (The Museums + AI Network, 2020).

Сравнительное исследование, проведенное в 2019 и 2020 гг., выявило 120 проектов, использующих те или иные формы технологий искусственного интеллекта в музеях, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, нейронные сети, робототехнику, прогнозную аналитику, машинное обучение и генеративно-состязательные сети (Villaespesa et al., 2021).

Первую часть практики можно определить как приложения, ориентированные на опыт и операции посетителей. Например, Американский музей естественной истории опробовал обработку естественного языка (NPL) для анализа больших объемов данных отзывов посетителей. Вторая часть практики существует в отношении цифровых коллекций, данных коллекций и управления коллекциями. Например, Метрополитен-музей (США) использовал инструменты компьютерного зрения для создания метаданных для цифровых коллекций, чтобы они стали более доступными для поиска и обнаружения.

Эти тематические исследования показывают разнообразие подходов, разрабатываемых в настоящее время в музейном контексте. Они также демонстрируют богатство и разнообразие наборов данных, используемых для разработки проектов в этой области, и именно сбор, обработка и генерация выходных данных имеют решающее значение с этической точки зрения.

На сегодняшний день можно выделить следующие основные способы использования ИИ в музейной практике:

1. Использование технологии компьютерного зрения с целью сделать музейные коллекции доступными для обнаружения;
2. Обработка естественного языка для анализа отзывов посетителей;
3. Использование предиктивной аналитики для прогнозирования количества посетителей, расходов и названий выставок, расписания;

4. Управление инфраструктурой: освещением, отоплением и системами безопасности с целью снижения энергопотребления и повышения безопасности;

5. Анализ художественных произведений и коллекций для определения подлинности и текущего состояния и необходимости реставрации;

6. Анализ данных посетительской статистики, социальных медиапубликаций, оценка маркетинговых кампаний для оптимизации стратегии продвижения;

7. Автоматизация рутинных задач, таких как управление билетами, планирование мероприятий;

8. Создание виртуальных туров по музеям и галереям, создание образовательных курсов в рамках выставки или мероприятия, в том числе посредством использования чат-ботов;

9. Генерация визуального контента для продвижения, пиар-кампаний и других проектов (Villaespesa et al., 2021).

Рассмотрим подробнее некоторые **проекты в музейной практике, которые реализовали возможности использования ИИ.**

Одной из возможностей использования ИИ в качестве инструмента для управления информацией и каталогизации оцифрованных культурных артефактов посредством автоматизированных процессов маркировки является классификация или организация на основе сходств (также называемых кластеризацией в машинном обучении).

Следующий пример касается автоматической разметки оцифрованных произведений. Эксперимент в Метрополитен-музее в Нью-Йорке собрал сотни людей для взаимодействия с автоматизированной системой маркировки, применяемой к коллекции произведений искусства музея. Система использовала игровой интерфейс, чтобы вовлечь посетителей в процесс и сделать его не скучным. Когда произведение искусства было выбрано, алгоритм на основе искусственного интеллекта угадывал, что содержится в конкретном произведении искусства (дом, цветок, дерево, человек), и посетители могли подтвердить или опровер-

гнуть предположение, сделанное системой (Lih, 2019).

Чат-боты являются примером методов, связанных с искусственным интеллектом, используемых для взаимодействия с аудиторией с помощью коллекций. Это интерактивные системы, способные реагировать на ввод текста пользователями, обеспечивая взамен текстовый вывод. Чат-боты могут быть встроены в веб-сайты или использованы через специальные приложения, работающие на мобильных устройствах. Это одно из наиболее распространенных применений алгоритмов ИИ в музейном контексте (French, Villaespesa, 2019).

Одним из примеров является приложение, развернутое Филдовским музеем естественной истории (Чикаго), которое позволяет посетителям напрямую взаимодействовать с предметами из коллекции музея, в том числе общаться с динозавром Максимо, который является одним из центральных экспонатов музея. Посетители могут задать ему вопросы, непосредственно связанные с его историей, средой обитания и рационом питания. Чат-бот имитирует воображаемые ответы динозавра на вопросы, задаваемые публикой, создавая тем самым личные отношения между посетителем и музейным экспонатом (Weinstein, 2024).

Еще один класс возможностей касается способности систем на основе ИИ управлять и потенциально улучшать впечатления посетителей музея. Посетителям музеев предлагается использовать мобильные приложения, разработанные музеями, что позволяет собирать различные типы данных о них и, следовательно, оценивать «успех» выставки в соответствии с выбранными критериями. Одним из примеров такого использования ИИ является создание Национальной галереи Великобритании проекта по прогнозированию будущего количества посетителей данной выставки на основе ее характеристик (Dexibit, 2017).

Еще одним источником данных, используемых музеями для выявления потенциальных посетителей или анализа качества экспонатов, являются оценки пу-

бликаций в социальных сетях или рейтинги туристических сайтов. В отчете «AI Visitor Experience, and Museum Operations: A Closer Look at the Possible» (French, Villaespesa, 2019) сообщается, что некоторые музеи уже оценивают комментарии, публикуемые на таких платформах, как TripAdvisor, с использованием методов анализа настроений и тематического моделирования. Эти методы, которые можно отнести к категории методов ИИ, могут позволить музеям анализировать отзывы тысяч посетителей и получать представление о том, как улучшить экспозиции, опыт посетителей, ориентирование посетителей в музее и их информирование об организованных мероприятиях.

Следующая возможность – использование ИИ в качестве инструмента для создания контента и анализа существующих коллекций данных. Одним из примеров, иллюстрирующих такое возможное использование ИИ, является работа, выполненная по заказу Музея современного искусства в Нью-Йорке, которая включала обучение генеративной модели ИИ на коллекции из 180 000 произведений искусства из коллекции музея. Получившаяся в результате работа художника Рефика Анадолу и его студии стала абстрактным визуальным представлением произведений искусства из коллекции музея (MoMA, 2022).

Одним из самых известных и ярких проектов использования ИИ в музейной практике можно назвать реставрацию картины Рембрандта «Ночной дозор» 1642 г., хранящейся в Художественном музее Амстердама Рейксмузеум (Rijksmuseum. Operation night watch, 2020). На протяжении всего периода работ реставрация картины подробно освещалась на специальном сайте, а по итогам работы были созданы два изображения в очень большом разрешении с использованием методов ИИ для обработки изображения. ИИ в данном проекте был задействован для того, чтобы при помощи алгоритмов объединить 8439 фрагментов картины, снятых на специальную камеру в единое изображение. Применение самых современных информационных технологий в ходе реставрации также позволило реали-

зовать несколько научных разработок: использование макро X-ray флюоресцентного сканера, способного обнаружить наличие на картине разных цветов и пигментов, которые не определяются визуально; виртуальную реконструкцию полотна Рембрандта в высоком разрешении (Kirchner, 2021). Была осуществлена свободная презентация результатов исследований для всех желающих на сайте, что стало возможным благодаря инструментам Международной системы совместимости изображений (ИПИ), которые позволяют виртуально без потери качества объединять и показывать фрагменты изображения, хранящиеся физически удаленно друг от друга, описывать каждый фрагмент, формируя базы данных, и использовать другие инструменты работы с электронными изображениями (Rijksmuseum. Results of the research, 2020).

Кроме этого, Рейксмузеум использовал технику генеративного искусственного интеллекта для восстановления недостающих краев картины Рембрандта «Ночной дозор». Благодаря набору обучающих данных, основанному на картинах художника, техника смогла изучить как цвета, так и мазки, а также использовать их и воссоздать недостающие края картины (Thiel, Bernhardt, 2023).

В 2023 г. Музей Нашера приступил к эксперименту по использованию ИИ для курирования выставки из коллекции музея. Студенты и преподаватели факультета истории искусства и визуальных исследований Университета Дьюка и Исследовательской лаборатории университета начали с создания инструмента для извлечения общедоступной информации из базы данных коллекции музея. Этот набор данных, состоящий из почти 14000 объектов из коллекции музея Нашера, был преобразован в машиночитаемые данные, понятные платформе OpenAI ChatGPT. Команда также дополнительно разработала серию подсказок и инструкций для ChatGPT, в которых предлагалось выбрать произведения искусства для выставки. Аналогичный процесс был использован при создании сопроводительных текстов на стенах и этикетках. Выстав-

ка «Act as if You Are a Curator» («Действуй так, будто ты куратор») проводилась с сентября 2023 по февраль 2024 г. Основными темами выставки стали утопия, дистопия, сны и подсознание (Nasher Museum of Art, 2023).

Можно привести еще пару примеров того, как на практике в музеях используются технологии ИИ. Пандемия COVID-19 внесла значительные коррективы в деятельность музеев, что отразилось и в функционале ИИ. Так, например, в Полковом музее Онтарио (Канада) с посетителями работает виртуальный помощник, способный измерять им температуру, а также задавать ряд вопросов с целью оценки рисков заражения вирусом (Mitchell, 2020). Используется ИИ также и в каталогизации произведений искусства, хранящихся в музеях (Yao, 2018).

Музеи активно используют *инструменты ИИ для продвижения, пиар-кампаний и продвижения институций с социальных сетей и в сети Интернет*. Это вполне объяснимая тенденция как минимум, потому что использование нейросетей традиционными институциями привлекает внимание и создает образ организации прогрессивной и современной.

Одним из заметных проектов использования нейросети для продвижения является проект Бахрушинского музея. В конце 2022 г. музей внедрил в работу нейросеть Midjourney, с помощью которой создал ряд изображений, на основе которых был сделан календарь музея на 2023 г. Главная цель состояла в том, чтобы создать иллюстрации, дающие представления о музейных объектах Бахрушинского музея, но, кроме этого, дополнить их образностью и уникальным настроением. По словам директора музея Кристины Трубиновой, проект с нейросетями способен представить культурное наследие не как застывшие памятники, а как общий современный культурный нарратив (Bakhrushinskii Museum, 2023).

Еще один пример использования нейросетей для пиар-кампаний и привлечения аудитории – проект Музея Фаберже в Санкт-Петербурге. К своему 10-летию музей запустил собственную нейросеть,

которая позволяет создать персональный дизайн яйца. Нейросеть работает на базе популярной социальной сети ВКонтакте и позволяет компании привлечь новых посетителей и повысить свою узнаваемость и присутствие в информационном пространстве (TASS, 2023).

В рамках совместного проекта Русского музея, Университета ИТМО и Цифровой экосистемы МТС была создана выставка генеративного искусства, все произведения которой были созданы школьниками с использованием нейросети (RIA MediaRyazan', 2024).

Заключение

Обзор научных статей, посвященных описанию существующих практик и экспериментов с ИИ в музейном деле, показал, что на практике в российских музеях давно и успешно используются инструменты ИИ в самых разных целях, хотя академические исследования культурной специфики технологий ИИ еще только начинаются.

Экспертов интересуют разнообразные эксперименты, проводимые на базе музеев, с целью определения эффективности ИИ-инструментов для их работы.

В научных и профессиональных сообществах ведутся многочисленные дискуссии, затрагивающие этические проблемы использования ИИ в музеях, потенциал ИИ для улучшения качества их работы и т.п.

Спектр исследований демонстрирует разнообразие подходов к использованию ИИ в музейном контексте, представляет описание различных генеративных моделей и их эффектов для работы музеев, а также классификации основных способов использования ИИ в музейной практике.

Особое внимание было уделено использованию чат-ботов, которые позволяют посетителям музеев оперативно получить ответы на свои вопросы, а также часто используются для создания игровых ситуаций с посетителями, тем самым делая опыт посещения музея позитивным и запоминающимся.

Сбор и анализ информации с помощью ИИ уже помогает сотрудникам музеев улучшить свою работу. Аналитический об-

зор показывает, что новые разработки в области ИИ-технологий стремительно внедряются в культурные музейные практики, следовательно, необходимость в экспертных и научных позициях всех нововведений с использованием ИИ будет повышаться.

Список литературы / References

Andriushina I.A. D. Neyroseti: pomoshchniki ili protivniki sovremennomu khudozhniku? [Neural networks: helpers or opponents to the modern artist?]. In: *Sibirskii iskusstvovedcheskii zhurnal [Siberian art history magazine]*, 2024, 3(1), 20–28. DOI 10.31804/2782-4926-2024-3-1-20-28. EDN PBYXEE.

Asadchikh A. A., Sushinskaia I.U. A. Issledovatel'skie podkhody k provedeniю tsifrovyykh kul'turnykh issledovaniy: analiticheskii obzor [Research approaches to conducting digital cultural studies: an analytical review]. In: *Tsifrovizatsiia [Digitalization]*, 2023, 4(4), 26–33. EDN QGYDDK.

Bakhrushinskii Museum. Bakhrushinskii ukhodit v neyroset': iskusstvennyi intellekt pokazal, kak mogli by vyglyadet' budushchie ekspozitsii krupneyshego v mire teatral'nogo muzeya [Bakhrushinsky goes into the neural network: artificial intelligence showed what future exhibitions of the world's largest theater museum could look like]. 2023. Available at: <https://www.gctm.ru/2023/03/02/bakhrushinskij-ukhodit-v-neyroset-iskusstvennyj-intellekt-pokazal-kak-mogli-by-vyglyadet-budushchie-ekspozitsii-krupneyshego-v-mire-teatralnogo-muzeya/> (accessed 15 May 2024).

Belousova S. V. et al. Iskusstvennyi intellekt: fantastika iz proshlogo ili real'noe nastoyashchee [Artificial intelligence: fiction from the past or the real present]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2023, 4(3), 41–55. EDN CSGOUP.

Ciecko B. AI sees what? The good, the bad, and the ugly of machine vision for museum collections. In: *MW2020: Museums and the Web*. 2020. 5(1), available at: https://static1.squarespace.com/static/578a4d33e4fcb586152bc72d/t/5ea76766c971ba41c7ed4403/1588029296143/TMR_vol5no1_Ciecko.pdf (accessed 15 May 2024).

Degtiarenko K. A. Iskusstvennyi intellekt v oblasti sotsial'noi zashchity: obzor publikatsii [Artificial intelligence in the field of social protection: review of publications]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2024, 5(1), 49–56. EDN GAWAGY.

Degtiarenko K. A., Pikov N. O. Nauchnye osnovy upravleniya vyzovami XXI veka [Scientific foundations of managing the challenges of the 21st century]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2023, 7(4), 31–45. EDN YWKLCQ.

Dexibit. The National Gallery simulates future exhibitions with Dexibit. November 22, 2017. Available at: <https://dexibit.com/resource/national-gallery-predicts-future/> (accessed 15 May 2024).

Ermakov T. K. Iskusstvennyi intellekt kak priem: metodiko-teoreticheskoe osnovanie issledovaniya videoigrovogo iskusstvennogo intellekta [Artificial intelligence as a technique: methodological and theoretical basis for the study of video game artificial intelligence]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2023, 4(3), 56–63. EDN EJPQEZ.

French A., Villaespesa E. AI, visitor experience, and museum operations: a closer look at the possible. In: *Humanizing the Digital: Unproceedings from the MCN 2018 Conference*, 2019. 101–113.

Gabrieli F. et al. Reflectance imaging spectroscopy (Ris) for operation night watch: Challenges and achievements of imaging rembrandt's masterpiece in the glass chamber at the Rijksmuseum. In: *Sensors*, 2021, 21(20), 6855.

Hettmann W. et al. Engaging Museum Visitors with AI-Generated Narration and Gameplay, In *International Conference on ArtsIT, Interactivity and Game Creation*. Cham: Springer Nature Switzerland. 2022, 201–214.

Iumasheva I.U. I.U., Guk D. I.U. Informatsionnye tekhnologii v nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti muzeev: ot elektronnykh katalogov k metodam iskusstvennogo intellekta [Information technologies in the research activities of museums: from electronic catalogs to artificial intelligence methods]. In: *Istoricheskaya informatika [Historical informatics]*, 2022, 3, 114–155, available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38813 DOI: 10.7256/2585-7797.2022.3.38813. EDN: CJBDOV

Iumasheva I.U. Istoricheskaia nauka, arkhivy, biblioteki, muzei i iskusstvennyi intellekt: chto den' gryadushchii nam gotovit? [Historical science, archives, libraries, museums and artificial intelligence: what does the coming day have in store for us?]. In: *Dokument. Arkhiv. Istorii. Sovremennost'. Vyp. 21 [Document. Archive. Story. Modernity. Vol. 21]*, 2021, 21, 247–279.

Iumasheva I.U. Istoricheskaia nauka, arkhivy, biblioteki, muzei i iskusstvennyi intellekt: god spustia [Historical science, archives, libraries, museums and artificial intelligence: a year later]. In: *Dokument. Arkhiv. Istorii. Sovremennost'. Vypusk 22 [Document. Archive. Story. Modernity. Issue 22]*, 2022, 22, 217–241.

Kholodkova L.M. Vozmozhnosti tekhnologii virtual'noi real'nosti dlia sovremennykh kul'turnykh issledovaniy [Possibilities of virtual reality technologies for modern cultural research]. In: *Tsifrovizatsiia [Digitalization]*, 2023, 4(4), 34–40. – EDN NEPSMI.

Khvorostov V.V. Osnovnye problemy vnedreniia II v sferu iskusstva: po materialam publitsistiki 2018–2023 godov [The main problems of introducing AI into the field of art: based on materials from journalism 2018–2023]. In: *Sotsiologiia iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2023, 4(4), 31–38. EDN CIZFEA.

Khvorostov V.V. Problemy vzaimodeystviia II i iskusstva i vozmozhnosti ikh resheniia glazami professional'nogo soobshchestva: na materiale G. Krasnoyarska [Problems of interaction between AI and art and the possibility of solving them through the eyes of the professional community: based on the material of Krasnoyarsk]. In: *Sotsiologiia iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2024, 5(1), 34–41. EDN UQNFVA.

Kim H.J., Lee H.K. Emotions and colors in a design archiving system: applying AI technology for museums. In: *Applied Sciences*, 2022, 12(5), 2467.

Kirchner, E. et al. Exploring the limits of color accuracy in technical photography. In: *Heritage Science*, 2021, 9(1), 57.

Kolesnik M.A., Koptseva N.P. Filosofskie osnovy tsifrovogo gumanizma [Philosophical foundations of digital humanism]. In: *Tsifrovizatsiia [Digitalization]*, 2024, 5(1), 18–34. EDN DOHPLW.

Kolesnik M.A., Koptseva N.P. Iskusstvennyi intellekt kak sistemnaia tekhnologiia [Artificial intelligence as a system technology]. In: *Tsifrovizatsiia [Digitalization]*, 2023, 4(4), 59–76. EDN VOFSNL.

Koptseva N.P., Zamaraeva I.U. S. Sovremennyye issledovaniia v oblasti sotsiologii iskusstvennogo intellekta: bazovye podkhody. Chast' 6.5 [Modern research in the field of sociology of artificial intelligence: basic approaches. Part 6.5]. In: *Sotsiologiia iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2024, 5(1), 8–20. EDN IVJCUH.

Kostylev S.V., Romanova L.N. Strategii modernizatsii uchrezhdeniy kul'tury klubnogo tipa: sovremennyye kul'turnyye praktiki [Strategies for modernizing club-type cultural institutions: modern cultural practices]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2024, 8(1), 69–75. EDN OPLPLO.

La Russa F.M., Santagati C. An AI-based DSS for preventive conservation of museum collections in historic buildings. In: *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2021, 35, 102735.

Lesnichikh A.A., Sergeeva N.A. Tsifrovizatsiia v teatral'nom iskusstve [Digitalization in theatrical art]. In: *Tsifrovizatsiia [Digitalization]*, 2023, 4(3), 33–40. EDN LMQLTC.

Lih A. Combining AI and Human Judgment to Build Knowledge about Art on a Global Scale, In Metropolitan Museum, Blogs, 2019, 4. available at: <https://www.metmuseum.org/ru/articles/wikipedia-art-and-ai> (accessed 15 May 2024).

Lutsik D.N. Analiz videokontenta s pomoshch'yu iskusstvennogo intellekta: issledovaniye voprosa [Analysis of video content using artificial intelligence: research of the issue]. In: *Sibirskii iskusstvovedcheskii zhurnal [Siberian art history journal]*, 2023, 2(2), 46–55. EDN BTFIXJ.

Mikhailova S.A. Proyekt sistemy iskusstvennogo intellekta dlya sokhraneniia muzykal'nogo naslediiia korennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiyskoi Federatsii: na primere muzykal'noi kul'tury khantov [Project of an artificial intelligence system for preserving the musical heritage of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation: on the example of the musical

culture of the Khanty]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 4(4), pp. 45–55. EDN IIXYLI.

Mitchell B. Ontario Regiment Museum reopens with AI-powered virtual assistant. 2020. Available at: <https://blooloop.com/museum/news/ontario-regiment-museum-artificial-intelligence-covid19/> (accessed 15 May 2024).

MoMA. Refik Anadol. Unsupervised. Nov 19, 2022–Oct 29, 2023. Available at: <https://www.moma.org/calendar/exhibitions/5535> (accessed 15 May 2024).

Monaikina M. O. Rol' virtual'nogo muzeya v praktike raboty muzeynykh tse ntrov (na primere Krasnoyarskogo khudozhestvennogo muzeya imeni V.I. Surikova) [The role of the virtual museum in the practice of museum centers (on the example of the Krasnoyarsk Art Museum named after V.I. Surikov)]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2023, 4(3), 17–26. EDN OLFLGG.

Nasher Museum of Art. Act as if you are a curator: an AI-generated exhibition. 2023. Available at: <https://nasher.duke.edu/exhibitions/act-as-if-you-are-a-curator-an-ai-generated-exhibition/> (accessed 15 May 2024).

RIA MediaRyazan'. V Russkom muzee otkrylas' vystavka rabot iunykh khudozhnikov v obrabotke neyroseti proyekta MTS [RIA MediaRyazan. An exhibition of works by young artists using the neural network of the MTS project has opened at the Russian Museum]. 2024. Available at: <https://mediaryazan.ru/news/detail/548302.html> (accessed 15 May 2024).

Rijksmuseum. Operation night watch. Closer than ever before. 2020. Available at: <https://www.rijksmuseum.nl/en/whats-on/exhibitions/operation-night-watch> (accessed 15 May 2024).

Rijksmuseum. Results of the research. 2020. Available at: <https://www.rijksmuseum.nl/en/whats-on/exhibitions/operation-night-watch/story/results-of-the-research> (accessed 15 May 2024).

Rijksmuseum. Ultra high resolution photo. 2020. Available at: <https://www.rijksmuseum.nl/en/stories/operation-night-watch/story/ultra-high-resolution-photo> (accessed 15 May 2024).

Saggese A., Vento M., Vigilante V. MIVIABot: a cognitive robot for smart museum. In: *Computer Analysis of Images and Patterns: 18th International Conference, CAIP 2019, Salerno, Italy, September 3–5, 2019, Proceedings, Part I*. 2019. 18, 15–25.

Sattarov V. D. Problemy yuridicheskoi otvetstvennosti virtual'nykh sub'ektov [Problems of legal liability of virtual subjects]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2024, 8(1), 132–134. EDN VQVASQ.

Sergeeva N. A. Ponyatiye «vizual'nost'» v sovremennykh teorii i istorii iskusstva [The concept of «visuality» in modern theory and history of art / N. A. Sergeeva]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2023, 7(2), 108–115. EDN JZKOFH.

Sergeeva N. A., Zamaraeva I. U. S. Daydzhest novostey v sfere razvitiya iskusstvennogo intellekta [News digest in the field of development of artificial intelligence]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2023, 4(2), 41–51. EDN PHSONT.

Shpak, A. A. Kontseptsia Vladimira Geroyenko «Dopolnennaya real'nost' i iskusstvennyi intellekt. Sliyanie peredovykh tekhnologii» (Springer, 2023) [Concept of Vladimir Heroymenko «Augmented reality and artificial intelligence. Merger of advanced technologies» (Springer, 2023)]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 4(3), 22–40. – EDN BPNIHE.

Shpak A. A. Roboty nastupaiut: razvitie tekhnologii i budushchee bez raboty. Retsenzii na knigu avtora Martina Forda [Robots are coming: technology development and a future without work. Review of the book by the author Martin Ford]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 4(1), 64–70. DOI 10.31804/2712-939X-2023-4-1-64-70. EDN DRQHWW.

Shpak A. A., Baryshev R. A. Budushchee sfery truda dlia nauchno-tekhnologicheskogo razvitiia regiona: tendentsii, kontseptsii, tekhnologii, napravleniia issledovaniia [The future of the sphere of labor for the scientific and technological development of the region: trends, concepts, technologies, directions of research]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2024, 8(1), 9–18. EDN ROUKGT.

Shurmanova A. A., Mikhailova S. A., Suetina A. S. Evolyutsiya tsifrovogo iskusstva: analiz NFT-platforn na osnove torgovoy ploshchadki «Opensea» [The evolution of digital art: analysis of NFT platforms

based on the OpenSea trading platform]. In: *Sibirskii iskusstvovedcheskii zhurnal* [Siberian Art History Journal], 2024, 3(1), 29–48. DOI 10.31804/2782-4926-2024-3-1-29-48. EDN OBULPA.

Shurmanova A. A., Sergeeva N. A. *Iskusstvennyi intellekt i korennye malochislennye narody: prilozheniia po sokhraneniui natsional'nykh iazykov* [Artificial intelligence and indigenous peoples: applications for the preservation of national languages]. In: *Sotsiologiia iskusstvennogo intellekta* [Sociology of artificial intelligence], 2023, 4(2), 73–85. EDN JFABRL.

Sirenko S. O., Zamaraeva I. U. S. *Partitsipatornye praktiki sovremennogo iskusstva (na materiale analiza khudozhestvennykh proizvedenii Tikharu Sioty)* [Participatory practices of contemporary art (based on the analysis of artistic works by Chiharu Shiota)]. In: *Aziia, Amerika i Afrika: istoriia i sovremennost'* [Asia, America and Africa: history and modernity], 2023, 2(2). 56–90. DOI 10.31804/2782-540X-2023-2-2-56-90. EDN VDCWZI.

Smirnov O. A., Ternovskov V. B. *Personifitsirovannye mobil'nye muzeynye gidy kak kul'turologicheskii fenomen: vozmozhnosti primeneniia instrumentov iskusstvennogo intellekta* [Personalized mobile museum guides as a cultural phenomenon: possibilities for using artificial intelligence tools]. In: *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*. [Language. Literature. Culture], 2023, 13(2), 9–15. DOI: 10.34670/AR.2023.49.80.002

TASS. *Muzey Faberzhe zapustil neyroset' vo «VKontakte» k svoemu 10-letiiu* [TASS. The Faberge Museum launched a neural network on VKontakte for its 10th anniversary]. 2024. Available at: <https://tass.ru/kultura/19350579> (accessed 15 May 2024).

The Museums + AI Network. *Developing the conversation around AI, ethics, and museums*. 2020. Available at: <https://themuseumsai.network> (accessed 15 May 2024).

Thiel S., Bernhardt J. C. *AI in Museums: Reflections, Perspectives and Applications*. transcript Verlag, 2023, 320.

Varitimiadis S. et al. *Towards implementing an AI chatbot platform for museums*. In: *International conference on cultural informatics, communication & media studies*. 2020, 1(1). available at: <https://e-proceedings.epublishing.ekt.gr/index.php/cicms/article/view/2732/2669>(accessed 15 May 2024).

Vidu C., Zbucnea A., Pinzaru F. *Old meets new: integrating Artificial Intelligence in museums' management practices*. In: *Strateg. Shap. Future Bus. Econ*, 2021. 830–844. Available at: <https://strategica-conference.ro/wp-content/uploads/2022/04/63-1.pdf> (accessed 15 May 2024).

Villaespesa E., Murphy O., Nade K. *List of AI initiatives in museums*. 2021. Available at: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1A7IVnucQZ0ICxYSOCjqQ1oV3xGgNzDKtIYGrk6smV7w/edit#gid=0> (accessed 15 May 2024).

Weinstein J. *Come face-to-face with the largest dinosaur that ever lived*. 2024. Available at: <https://www.fieldmuseum.org/exhibitions/maximo-titanosaur> (accessed 15 May 2024).

Yao S. X. *A Probe into How Machines See Art*. 2018. Available at: <https://www.thecrimson.com/article/2018/10/30/how-machines-see-art/> (accessed 15 May 2024).

Zhao M. et al. *Exploring research fronts and topics of Big Data and Artificial Intelligence application for cultural heritage and museum research*. In: *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 2020. 806(1). Available at: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/806/1/012036/pdf> (accessed 15 May 2024).

EDN: YOAUBG
УДК 796

Extended Reality Technologies in Adaptive Sports: Advantages, Risks and Application Prospects

Vladimir I. Kolmakov^{*a,b}, Anna I. Kartavtzeva^a,
Lidia V. Kalina^c and Ivan V. Sostavnev^d

^a*Siberian Federal University*

^b*Institute of Biophysics SB RAS*

^c*Sports Training Center*

^d*Regional Sports Training Center for Adaptive Sports
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 26.05.2024, received in revised form 17.06.2024, accepted 24.06.2024

Abstract. Extended reality (XR) is one of the most promising digital solutions of our time. The article presents an analysis of publications in the recent years (2020–2024) devoted to the use of different formats of extended reality (virtual, augmented, mixed) in the interests of the adaptive sports development. The possibilities of using XR in adaptive sports are considered to increase the effectiveness of training activities and the comfort and accessibility of sports, improve sports results as well as the qualifications of coaches, judges and managers, enhance motivation, reduce the level of injuries and potential hazards to the health of athletes and also rehabilitation time after sports injuries.. The advantages, risks, and prospects for using XR technologies in adaptive sports are shown. It was concluded that XR technologies are an effective tool for improving sportsmanship, developing physical activity and gradually involving low-mobility groups in adaptive sports. The information presented in the article can be used in practical work by government social services, public organizations, athletes, coaches, judges, and managers in the field of adaptive sports.

Keywords: extended reality, adaptive sports, virtual reality, augmented reality, mixed reality, digital technologies, training activities, virtual competitions, sports rehabilitation.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Sport.

Citation: Kolmakov V. I., Kartavtzeva A. I., Kalina L. V., Sostavnev I. V. Extended reality technologies in adaptive sports: Advantages, risks and application prospects. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 2024, 17(8), 1525–1535. EDN: YOAUBG

Технологии расширенной реальности в адаптивном спорте: преимущества, риски и перспективы применения

В.И. Колмаков^{а,б}, А.И. Картавцева^а,

Л.В. Калина^в, И.В. Составнев^г

^аСибирский федеральный университет

^бИнститут биофизики СО РАН

^вЦентр спортивной подготовки Министерства спорта Красноярского края

^гРегиональный центр спортивной подготовки по адаптивным видам спорта
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Расширенная реальность (XR) – одна из самых перспективных цифровых решений нашего времени. В статье представлен анализ публикаций последних лет (2020–2024 гг.), посвященных применению разных форматов расширенной реальности (виртуальной, дополненной, смешанной) в интересах развития адаптивного спорта. Рассмотрены возможности использования XR в адаптивном спорте для увеличения эффективности тренировочной деятельности, повышения спортивных результатов, усиления мотивации, повышения комфортности и доступности занятий спортом, понижения уровня травматизма и потенциальных опасностей для здоровья спортсменов, сокращения сроков реабилитации после спортивных травм, повышения квалификации тренеров, судей и менеджеров. Показаны преимущества, риски и перспективы применения технологий XR в адаптивном спорте. Сделано заключение о том, что технологии XR – это эффективный инструмент для повышения спортивного мастерства, развития двигательной активности и постепенного вовлечения маломобильных групп населения в занятия адаптивным спортом. Представленная в статье информация может быть использована в практической работе государственными социальными службами, общественными организациями, спортсменами, тренерами, судьями, менеджерами в области адаптивного спорта.

Ключевые слова: расширенная реальность, адаптивный спорт, виртуальная реальность, дополненная реальность, смешанная реальность, цифровые технологии, тренировочная деятельность, виртуальные соревнования, спортивная реабилитация.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.8.6. Оздоровительная и адаптивная физическая культура.

Цитирование: Колмаков В. И., Картавцева А. И., Калина Л. В., Составнев И. В. Технологии расширенной реальности в адаптивном спорте: преимущества, риски и перспективы применения. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1525–1535. EDN: YOAUBG

В XXI веке человеческое общество вступило в беспрецедентную эпоху искусственно-интеллекта и виртуальной жизни, которая характеризуется коммерциализацией достижений цифровых технологий и их широким применением во многих сферах социально-экономической жизни, в том числе в спор-

те (Cossich et al., 2023; Kaufman et al., 2023). К одному из самых перспективных цифровых решений для спорта принято относить так называемую расширенную реальность (в англоязычной литературе XR, extended reality) (Le Noury et al., 2022). Она создается компьютерными средствами и переносны-

ми устройствами и объединяет виртуальную (VR, virtual reality), дополненную (AR, augmented reality) и смешанную (MR, mixed reality) реальность. Иногда в научной литературе XR рассматривается как всеобщий “зонтичный” термин для разных форматов реальности (Raushnabel et al., 2022). В настоящее время XR становится важнейшей частью тренировочной деятельности (Zhang, Tsai, 2021), крупных спортивных мероприятий (Byers et al., 2021), телевизионных спортивных трансляций (Goebert et al., 2022), программ восстановления спортсменов после травм (Soltanabadi et al., 2023).

Виртуальная реальность – это инструмент воссоздания познавательной и сенсомоторной деятельности через создание иллюзии присутствия в трехмерной среде с помощью программно-аппаратных средств и гарнитуры: от шлемов и очков до виртуальных комнат. Дополненная реальность предполагает наложение цифровой графики на реальную среду с использованием проекций, таких как анимация, текст, изображение. Технология AR получила широкую известность через развлекательные игры, которые способствуют физической активности и даже укреплению здоровья пользователей – участников игры (Kosa, Uysal, 2022). Иногда, как упрощенный вариант AR, отдельно выделяют вспомогательную реальность (assisted reality, AAR), технология которой предполагает добавление только одного слоя данных на реальные объекты (Willis et al., 2024). Смешанная реальность – это гибридная форма реальности, предполагающая совместное применение AR или ARR и объектов дополненной виртуальности (AV, augmented virtuality). Особенность технологии MR заключается в возможности для пользователя наблюдать “точку соприкосновения” и взаимодействие виртуальных и реальных объектов. Наглядным примером использования MR является обучение на симуляторах, применяющееся в различных сферах системы образования (Banjar et al., 2023).

Основная ценность XR заключается в том, что она позволяет осуществлять традиционную деятельность более увлека-

тельно и эффективно или выполнять даже то, что раньше было невыполнимо. Поэтому технологии VR, AR, ARR и MR начинают играть важную роль для улучшения качества жизни людей с ограниченными возможностями (Gaballa et al., 2022). Можно предположить, что XR имеет большой потенциал для использования в интересах развития адаптивного спорта. Однако в литературе имеются работы, в которых представлена информация о потенциальной опасности и рисках применения XR в адаптивном спорте (Pons et al., 2022). Цель настоящей статьи – на основании публикаций последних лет (2020–2024 гг.) провести комплексный анализ и дать описание преимуществ, недостатков и перспектив применения технологий расширенной реальности в интересах развития адаптивного спорта.

Обучение в адаптивном спорте на основе XR

Известно, что оптимизация и правильная последовательность техники выполнения движений в конкретном виде спорта – это путь к улучшению спортивных результатов. С этой целью в тренировочном процессе начали применять технологии XR, которые позволяют создавать цифровых двойников (Zhang Z. et al., 2022) в виде виртуальных соперников, аватаров или “эталонных” помощников. Сформированные на основе XR цифровые интеллектуальные помощники спортсменов применяются для обучения технике движений и повышению спортивного мастерства (Ahir et al., 2020). Кроме этого, виртуальных цифровых двойников можно успешно применять для обучения первичным навыкам в адаптивном спорте, что позволяет не допускать или сокращать число ошибок при выполнении физических упражнений (Lee, Jin, 2023). С помощью XR начинающие спортсмены быстрее и эффективнее осваивают выполнение технических приемов в отдельных видах адаптивного спорта, таких как бочка, следж-хоккей, езда на велосипеде (Benim et al., 2021). В отличие от традиционной тренировочной деятельности, XR-тренировка

не требует обязательного присутствия помощников, спарринг-партнеров и даже тренеров.

Большие перспективы с XR открываются для организации спортивных мероприятий. Виртуальные двойники спортивных мероприятий позволяют без физического пребывания спортсменов на стадионе (площадке, дистанции) создать у них ощущения и эмоции от происходящего действия, в том числе от шумового эффекта, создаваемого зрителями на трибунах (Glebova et al., 2023). Поэтому в настоящее время технологии XR в полном (VR+AR+ARR+MR) или отдельном формате (напр., MR) активно привлекаются для организации соревнований по адаптивному спорту (Yildirim, 2024). Виртуальные соревнования – это фактор социализации для спортсменов с ограниченными возможностями и один из лучших способов психологической подготовки к участию в реальных соревнованиях со зрителями и соперниками.

При выполнении физических упражнений с использованием XR спортсмен имеет возможность получать информацию в реальном времени по принципу биологической обратной связи за счет соматосенсорных ощущений (слуховых, зрительных, тактильных) и использовать полученную информацию для коррекции производимых движений (Pastel et al., 2023). Это особенно востребовано для людей с нарушениями зрения или слуха. Для гольфа, как одного из самых популярных видов спорта для людей с нарушениями зрения, разработано специальное приложение на основе акустической VR (Watanabe et al., 2022). В данном виде спорта используется мяч со встроенными колокольчиками, и применение VR с акустикой на тренировках помогает игрокам в гольф приобретать способность точного определения местонахождения мяча и расстояния до него. В работе Nebutova et al. (2021) показана эффективность использования AR для обучения детей с нарушением слуха технике движений в беге на 100 м и прыжках в длину на начальном этапе спортивной подготовки.

Для игровых видов адаптивного спорта (следж-хоккей, регби на колясках и др.) актуально обучение на тренировочных занятиях командным технико-тактическим приемам. Во всех форматах XR возможно обучение правилам командных спортивных игр, способам и средствам достижения результата, приемам и схемам атакующих и защитных действий, отработке командного ритма игры. В работе Vidal and Rodrigo (2021) представлен баскетбольный симулятор XR (VR+AR+MR) с многопользовательской сетевой поддержкой, который использует жесты рук для точной имитации баскетбольных движений и отработки сложенных защитных и атакующих действий. Подобные симуляторы и тренажеры на основе XR позволяют спортсменам, относящимся к разным нозологическим группам, совместно осуществлять тренировочную деятельность. Следовательно, XR можно рассматривать как средство для общения и сближения спортсменов, представляющих разные направления в адаптивном спорте.

Также XR может способствовать приобретению психологических качеств, необходимых в адаптивном спорте, таких как сила воли для достижения поставленной цели. Например, для молодых людей с дисфункцией нижних конечностей разработано VR-игровое программное и аппаратное обеспечение для скалолазания (Zhang X. et al., 2022). Особенностью данного проектного решения было сочетание выполнения виртуальных целенаправленных спортивных задач (достижение вершины горы) с полезными для здоровья участников физическими упражнениями на развитие мускулатуры верхнего пояса. Одной из целей тренировочной деятельности с XR в адаптивном спорте может стать формирование, развитие и закрепление психологических и поведенческих качеств у спортсменов: психологической гибкости, соревновательной дисциплины, устойчивости к стрессу. Так как тренировочный процесс с XR можно сочетать в режиме онлайн с мониторингом биомеханических и физиологических показателей спортсме-

нов, то имеется возможность исследовать динамику изменений данных параметров по принципу обратной связи (Alekseeva, 2022). По сути, XR позволяет формировать динамичные условия тренировки с целью проведения оценки воздействия выполняемых физических нагрузок на спортивные результаты (Shao, 2024). Дистанционный контроль функциональных показателей спортсменов в течение XR-тренировки позволит тренерам вносить коррективы в процесс спортивной подготовки. Эффект от применения XR усиливается, если данные технологии сочетать с визуализацией статистических данных и искусственным интеллектом (Cossish et al., 2023).

Цифровые технологии XR используются не только в подготовке спортсменов, но и для повышения качества работы спортивных администраторов и судей (Frevell et al., 2022). Например, в литературе приводится описание обучающих программ на основе XR, предназначенных для повышения квалификации спортивных судей и менеджеров (Kittel et al., 2021). Данные программы способствуют не только приобретению знаний о правилах, регламентах, положениях о соревнованиях, но и когнитивных компетенций по этике взаимодействия со спортсменами в адаптивном спорте (Alexander, Bloom, 2023). Очевидно, что знания о нозологических особенностях разных групп населения позволят тренерам и менеджерам корректно вовлекать и мотивировать людей с ограниченными возможностями на регулярные занятия адаптивным спортом (Sicalidis et al., 2023).

Таким образом, привлечение разноформатных технологий XR в адаптивный спорт открывает новые возможности для улучшения спортивных результатов, организации соревнований и тренировочной деятельности, дополнительного обучения спортсменов, тренеров, судей и менеджеров. Наряду с повышением качества тренировочного и соревновательного процесса имеются и другие весомые причины для применения XR в адаптивном спорте, в том числе повышение уровня мотивации и комфорта занятий.

Повышение мотивации и комфорта на основе XR

Технологии XR могут стать эффективной персонализированной средой для развития двигательной активности и постепенного вовлечения маломобильных групп населения в занятия адаптивным спортом. Особенно это актуально для спорта слепых, видов спорта на колясках и с высокотехнологичным оборудованием (Khurana et al., 2021). В научной литературе имеются данные о повышении самооценки, психологического благополучия и степени погруженности в занятия адаптивным спортом на основе VR (McMahon et al., 2020). Например, в статье Winter et al. (2021) показано, что тренировка на беговой дорожке с использованием VR повышает мотивацию людей с ограниченными возможностями на выполнение утомительных повторяющихся движений.

Специальные VR-игры разработаны для спортсменов с расстройствами аутистического спектра, испытывающих трудности при обучении сложным физическим упражнениям, тренировке физической силы и ритмике движений (Kimber et al., 2023). Использование VR-игр помогает пользователям овладеть игровыми навыками, избавиться от чувства неловкости в незнакомых ситуациях. По мнению Lu et al. (2023), VR-игры способствуют постепенному переходу от "...когнитивного процесса сознательной оценки к выполнению интуитивного подсознательного процесса реагирования". То есть VR-игры для спортсменов с расстройствами аутистического спектра – это своеобразный стимулятор повышения интенсивности физических нагрузок и преодоления психологического стресса. В статье Wentzel et al. (2022) отмечается, что пользователи с ограниченными физическими возможностями, относящиеся к разным нозологическим группам, позитивно оценивали опыт использования спортивных VR-игр и VR-тренировок для повышения уровня удовольствия и мотивации к активному образу жизни. Дополнительно процессу вовлечения в спорт новых участников способствует современный и увлека-

тельный дизайн технологических разработок и аппаратуры для XR.

Однако социально-экономические причины могут существенно затруднить вовлечение лиц с ограниченными возможностями в занятия адаптивным спортом (Declerck et al., 2021). Даже мотивированный человек может прекратить тренировки и участие в соревнованиях из-за многочисленных препятствий, мешающих заниматься адаптивным спортом. Расширенная реальность “разрушает” традиционные барьеры, тем самым способствуя привлечению лиц с ограниченными возможностями в занятия адаптивным спортом (Willingham et al., 2024). В пандемию Covid-2019 более 1,6 млн пользователей применяли виртуальные велосипедные платформы, позволяющие в онлайн-режиме с помощью специального оборудования измерять результаты и формировать цифровых двойников в виртуальном мире (Westmattmann et al., 2021a). Кроме применения велосипедных платформ в тренировочной деятельности пользователи имели возможность принимать участие в виртуальных соревнованиях. Так, гонка на велосипедах “Виртуальный Тур де Франс” транслировалась в более чем 130 странах мира, и в ней соревновались как действующие олимпийские чемпионы, так и тысячи спортсменов-любителей, в том числе из адаптивного спорта (Westmattmann et al., 2021b). Также применение VR позволило создать виртуальные беговые и танцевальные платформы, гребные и фитнес-клубы, что способствовало расширению социальной инклюзии и увеличению физической активности населения (Sarupuri et al., 2023).

Следовательно, с помощью XR устраняются два основных препятствия для занятий адаптивным спортом (Yildirim et al., 2024). Первое препятствие – зависимость тренировочного и соревновательного процесса от неблагоприятных погодных факторов: сильный ветер, обильные осадки, низкая или высокая температура воздуха, туман. Обучение в спорте на основе XR может проводиться на идеальных площадках при комфортных погодных условиях.

С другой стороны, для тренировки спортсменов могут создаваться сюжеты с разнообразными сложными погодными условиями за счет моделирования динамично меняющихся ситуаций, например сильный дождь во время забега на стадионе. Второе препятствие связано со сложностями в транспортировке спортсмена до места проведения тренировок, а также с отсутствием или ограничениями в доступности спортивной инфраструктуры. Обучение и тренировки с XR не имеют особых требований и могут проводиться даже в домашних условиях. То есть применение XR обеспечивает контролируемую, безопасную, комфортную, инклюзивную, приближенную к реальности среду для получения первичных навыков или повышения мастерства в отдельных видах адаптивного спорта.

Снижение травматизма и реабилитация после травм на основе XR

Спорт невозможен без травм и болезней. При этом, согласно статистическим данным, в адаптивном спорте уровень травматизма может быть выше, чем в спорте людей с нормативным развитием (Rayes et al., 2022). В первую очередь это относится к травмам верхних конечностей в видах спорта с использованием колясок на ручном приводе (Cug et al., 2022). Существует в адаптивном спорте и проблема профессиональных спортивных заболеваний, таких как посттравматический остеоартроз, проявляющийся в повреждении костных структур или окружающих мягких тканей (Nambi et al., 2020). По данным Schuermans et al. (2022), снижение рисков травматизма и заболеваний в адаптивном спорте возможно на основе применения XR, где спортсмен помещается в потенциально безопасную среду. Важно, что XR предоставляет возможность тренировать двигательную активность с учетом индивидуального биомеханического профиля, что также снижает риск получения распространенных спортивных травм (Edriss et al., 2024).

Как правило, традиционный реабилитационный цикл занимает продолжи-

тельное время и предполагает многократное выполнение монотонных физических упражнений, что часто вызывает психологическое напряжение у травмированного спортсмена (Song, Tuo, 2022). Перспективу решения данной проблемы связывают с применением персональной виртуальной реабилитации, при которой лечебные сеансы адаптированы в соответствие с текущими потребностями конкретного спортсмена (Jeukumar et al., 2022). То есть наряду с восстановлением функциональных показателей виртуальная реабилитация способствует улучшению психологического состояния спортсмена. В статье Nambi et al. (2020) отмечается, что благодаря применению XR в программе реабилитации у спортсменов с остеоартрозом наблюдалось снижение боли, воспалительных процессов, уровня гормонов “стресса” в крови. Механизм влияния XR – это стимуляция центров головного мозга и улучшение нервно-мышечного контроля через сенсорную обратную связь (Guo et al., 2024). Может применяться XR и для моделирования более эффективных комплексов физических упражнений с учетом нозологических особенностей при восстановлении спортсменов после травм (Miah et al., 2020).

Потенциальные риски применения XR

В существующих форматах применение технологий XR, особенно VR и MR, может нести риски для здоровья человека, а также иметь негативные психологические и эмоциональные последствия (Pons et al., 2022). Наибольшее беспокойство вызывают так называемые киберболезни или негативные психофизиологические реакции на иллюзии восприятия виртуальной среды. Киберболезни могут быть разнообразны по проявлениям: тошнота, головокружение, “морская” болезнь, паническая атака, дезориентация в пространстве, перенапряжение глаз, головная боль и др. (Soltani, Morice, 2020). Кроме того, некоторые форматы XR могут создавать дополнительные физиологические и психологические барьеры доступности для спортсменов с ограниченными возможностями. Так, в статье Creed

et al. (2023) отмечается, что пользователи с физическими недостатками имели проблемы при инициализации VR, в том числе при настройке периферических устройств, установке и снятии головных дисплеев.

Вышеуказанные риски и опасности XR могут представлять собой серьезную угрозу для здоровья спортсменов с нейроразнообразием или ментальными нарушениями. Для снижения рисков возникновения усталости, боли, спортивных травм в VR-симуляторах предусматривается автоматическая настройка сложности игр и сюжетов, а также ограничения по времени тренировочного занятия. Возможно, спортсменам с нейроразнообразием или ментальными нарушениями следует ограничиться применением только AR и AAR для обучения в адаптивном спорте и исключить применение VR и MR. Чтобы окончательно ответить на вопрос о существовании вреда (или его отсутствии) для различных нозологических групп населения от некоторых форматов XR, необходимо проведение дополнительных научных исследований.

Одним из потенциальных рисков применения XR в адаптивном спорте может стать сокращение коммуникативного взаимодействия между спортсменами. Это возможно, когда индивидуальное XR-обучение и XR-тренировки осуществляются на симуляторах без выхода в Интернет. В этом случае виртуализация часто проходит через закрытые гарнитуры, что способствует изоляции и ограничивает возможности для речевого общения и невербальных коммуникаций. Продолжительное по времени и глубокое погружение в XR, особенно на симуляторах без выхода в Интернет, может привести к потере связи с реальностью и изоляции от общества (Kenwright, 2023).

Заключение

Основная цель развития адаптивного спорта заключается в социализации и повышении качества жизни человека с ограниченными возможностями. Эффективным инструментом для достижения этой благородной цели могут стать технологии XR, привлекательность применения ко-

торых в интересах развития адаптивного спорта связана со следующими основными причинами. Во-первых, применение XR может существенно облегчить вовлечение в занятия адаптивным спортом лиц с ограниченными возможностями. Во-вторых, обучение на основе XR может повысить мастерство спортсменов, особенно при использовании цифровых двойников для освоения эталонной техники выполнения физических упражнений, индивидуальных и командных тактических действий, а также развития перцептивно-когнитивных навыков. В-третьих, XR позволит осуществлять тренировочный процесс и спортивные соревнования с меньшим риском травматизма для участников, повышенным комфортом и доступностью занятий адаптивным спортом. В-четвертых, XR может сыграть ключевую роль в повышении мотивации, самооценки и формиро-

вании позитивного отношения к тренировочной и соревновательной деятельности. В-пятых, обучение на основе XR может повысить квалификацию тренеров, судей и менеджеров адаптивного спорта.

В ближайшем будущем масштабирование технологий XR (VR, AR, ARR, MR) послужит катализатором формирования новых возможностей в адаптивном спорте, в том числе для увеличения числа занимающихся спортом на постоянной основе, оптимизации тренировочной деятельности, повышения спортивных результатов, расширения социальной инклюзии. При этом адаптивный спорт выступит в качестве “полигона” для совершенствования технологий XR. Однако важно отметить, что технологии XR не рассматриваются как полная замена, а только как эффективное дополнение к традиционной тренировочной и спортивной деятельности в адаптивном спорте.

Список литературы / References

Alekseyeva O. P. Tekhnologicheskiye innovatsii v oblasti adaptivnoy fizicheskoy kul'tury [Technological innovations in the field of adaptive physical culture]. In: *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye [Modern Pedagogical Education]*, 2022, 2, 114–119.

Ahir K., Govani K., Shah M. Application on virtual reality for enhanced education learning, military training and sports. In: *Augmented Human Research*, 2020, 5, article ID 7. <https://doi.org/10.1016/j.cexr.2023.100034>

Alexander D., Bloom G. A. Exploring coaches' experiences and perceptions of a virtual parasport coach mentorship program. In: *Psychology of Sport and Exercise*, 2023, 64, article ID 102303. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2022.102303>

Banjar A., Xu X., Iqbal M. Z., Campbell A. A systematic review of the experimental studies on the effectiveness of mixed reality in higher education between 2017 and 2021. In: *Computers & Education: X Reality*, 2023, 3, article ID 100034. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107564>

Benim S. B., Berkman M. I., Catak G. Design process of a VR sport games trilogy for paraplegic players: VR 4Inclusion case study. In: *Game + Design Education. Proceedings of PUDCAD 2020*. Ed. by O. Cordan, D. A. Dincay, G. Y. Toker, E. B. Oksuz, S. Semizoglu. Cham, Switzerland: Springer, 2021, 181–192. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-65060-5>

Byers T., Hayday E. J., Mason F., Lunga Ph., Headley D. Innovation for positive sustainable legacy from mega sport events: virtual reality as a tool for social inclusion legacy for Paris 2024. In: *Frontiers in Sports and Active Living*, 2021, 3, article ID 625677. <https://doi.org/10.3389/fspor.2021.625677>

Cossich V. R. A., Carlgren D., Holash R. J., Katz L. Technological breakthroughs in sport: current practice and future potential of artificial intelligence, virtual reality, augmented reality, and modern data visualization in performance analysis. In: *Applied Sciences*, 2023, 13(23), article ID 12965. <https://doi.org/10.3390/app132312965>

Creed Ch., Al-Kalbani M., Theil A., Sarcar S., Williams I. Inclusive augmented and virtual reality: A research agenda. In: *International Journal of Human-Computer Interaction*, 2023. <https://doi.org/10.1080/10447318.2023.2247614>

Cyr A.K., Colorado B.S., Uihlein M.J., Garlanger K.L., Tarima S.S., Lee K. Prevalence of lateral epicondylitis in veteran manual wheelchair users participating in adaptive sports. In: *The Journal of Spinal Cord Medicine*, 2022, 45(2), 238–244. <https://doi.org/10.1080/10790268.2020.1771243>

Declerck L., Stoquart G., Lejeune T., Vanderthommen M., Kaux J.-F. Barriers to development and expansion of adaptive physical activity and sports for individuals with a physical disability in sports clubs and centres. In: *Science & Sports*, 2021, 36(3), 202–209. <https://doi.org/10.1016/j.scispo.2020.12.002>

Edriss S., Romagnoli C., Caprioli L., Zanela A., Panichi E., Campoli F., Padua E., Annino G., Bonaiuto V. The role of emergent technologies in the dynamic and kinematic assessment of human movement in sport and clinical applications. In: *Applied Sciences*, 2024, 14(3), article ID 1012. <https://doi.org/10.3390/app14031012>

Frevel N., Beiderbeck D., Schmidt S. The impact of technology on sports – A prospective study. In: *Technological Forecasting and Social Change*, 2022, 188, article ID 121838. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.121838>

Gaballa A., Cavalcante R.S., Lamounier E., Soares A., Cabibihan J.-J. Extended reality “x-reality” for prosthesis training of upper-limb amputees: A review on current and future clinical potential. In: *IEEE Transactions on Neural Systems and Rehabilitation Engineering*, 2022, 30, 1652–1663. <https://doi.org/10.1109/TNSRE.2022.3179327>

Glebova E., Gerke A., Book R. The transformational role of technology in sports events. In: *Sports Management in an Uncertain Environment. Sport Economics, Management and Policy*. Ed. by B. Basu, M. Desbordes, S. Sarkar. Singapore: Springer, 2023, 21, 169–187. https://doi.org/10.1007/978-981-19-7010-8_8

Goebert Ch., Greenhalgh G., Dwyer B. A whole new ball game: Fan perceptions of augmented reality enhanced sport broadcasts. In: *Computers in Human Behavior*, 2022, 137, article ID 107388. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107388>

Guo L., Li Sh., Xie Sh., Bian L., Shaharudin Sh. The impact of digital healthcare systems on pain and body function in patients with knee joint pain: a systematic review and meta-analysis. In: *Scientific Reports*, 2024, 14, article ID 3310. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-53853-z>

Jeykumar V., Sundaman P., Ramapathiran N., Kannan P. Virtual reality-based rehabilitation gaming system. In: *Artificial Intelligence and Machine Learning for Healthcare. V.2: Emerging Methodologies and Trends*. Ed. by Ch. Lim, A. Vaidya, Y.-W. Chen, V. Jain, L.c. Jain. Cham, Switzerland: Springer, 2022, 135–180. https://doi.org/10.1007/978-3-031-11170-9_6

Kaufmann E., Bauersfeld L., Loquercio A., Muller M., Koltun V., Scaramuzza D. Champion-level drone racing using deep reinforcement learning. In: *Nature*, 2023, 620, 982–987. <https://doi.org/10.1038/s41586-023-06419-4>

Kenwright B. Impact of XR on mental health: Are we playing with fire? In: *International Journal of Human-Computer Interaction*, 2023. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2304.01648>

Khurana R., Wang A., Carrington P. Beyond adaptive sports: Challenges and opportunities to improve accessibility and analytics. In: *Proceedings of the 23rd International ACM SIGACCESS Conference on Computers and Accessibility (ASSETS '21), October 18–22, 2021, virtual event, New York, USA*, 1–11. <https://doi.org/10.1145/3441852.3471223>

Kimber A., Burns J., Murphy M. “It’s all about knowing the young person”: Best practice in coaching autistic athletes. In: *Sport Coaching Review*, 2023, 12(2), 166–186. <https://doi.org/10.1080/21640629.2021.1944527>

Kittel A., Cunningham I., Larkin P., Hawkey M., Rix-Lievre G. Decision-making training in sporting officials: Past, present and future. In: *Psychology of Sport and Exercise*, 2021, 56, article ID 102003. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2021.102003>

Kosa M., Uysal A. Effects of presence and physical activity on player well-being in augmented reality games: A diary study. In: *International Journal of Human – Computer Interaction*, 2022, 38(1), 93–101. <https://doi.org/10.1080/10447318.2021.1925437>

Le Noury P.J., Polman R.C., Maloney M.A., Gorman A.D. A narrative review of the current state of extended reality technology and how it can be utilised in sport. In: *Sports Medicine*, 2022, 52, 1473–1489. <https://doi.org/10.1007/s40279-022-01669-0>

- Lee N.K., Jin J. The effect of a virtual reality exergame on motor skills and physical activity levels of children with a developmental disability. In: *Research in Developmental Disabilities*, 2023, 132, article ID 104386. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2022.104386>
- Lu T.W., Yeh M.L., Lu L.C. A flow study on virtual reality games to help autistic youngsters with healthy activities. In: *Cross-Cultural Design. HCII 2023. Lecture Notes in Computer Science, 14024*. Ed. by P.P. Rau. Cham, Switzerland: Springer, 2023, 486–504. https://doi.org/10.1007/978-3-031-35946-0_39
- McMahon D.D., Barrio B., McMahon A.K., Tutt K., Firestone J. Virtual reality exercise games for high school students with intellectual and developmental disabilities. In: *Journal of Special Education Technology*, 2020, 35(2), 87–96. <https://doi.org/10.1177/0162643419836416>
- Miah A., Fenton A., Chadwick S. Virtual reality and sport: the rise of mixed, augmented, immersive, and esports experiences. In: *21st Century Sports. Future of Business and Finance*. Ed. by S.L. Schmidt. Cham, Switzerland: Springer, 2020, 249–262. https://doi.org/10.1007/978-3-030-50801-2_15
- Nambi G., Aldelbasset W.K., Elsayed Sh. H., Khalil M. A., Alrawaili S. M., Alsubaie S. F. Comparative effects of virtual reality training and sensory motor training on bone morphogenic proteins and inflammatory biomarkers in post-traumatic osteoarthritis. In: *Scientific Reports*, 2020, 10, article ID 15864. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-72587-2>
- Nebytova L. A., Katrenko M. V., Savin D. I., Zhuravleva Y. I. Augmented reality in the training process of children with hearing disorders. In: *Distance Learning Technologies*, 2021, 2834, 330–339. <https://ceur-ws.org/Vol-2834/Paper28.pdf>
- Pastel S., Petri K., Chen C. H., Caceres A. M.W., Stirnatis M., Nubel C., Schlotter L., Witte K. Training in virtual reality enables learning of a complex sports movement. In: *Virtual Reality*, 2023, 27, 523–540. <https://doi.org/10.1007/s10055-022-00679-7>
- Pons P., Navas-Medrano S., Soler-Dominguez J.L. Extended reality for mental health: Current trends and future challenges. In: *Frontiers in Computer Science*, 2022, 4, article ID 1034307. <https://doi.org/10.3389/fcomp.2022.1034307>
- Rayes R., Ball C., Lee K., White Ch. Adaptive sports in spinal cord injury: a systematic review. In: *Current Physical Medicine and Rehabilitation Reports*, 2022, 10, 145–153. <https://doi.org/10.1007/s40141-022-00358-3>
- Rauschnabel Ph., Felix R., Hinsch Ch., Shahab H., Alt F. What is XR? Towards a framework for augmented and virtual reality. In: *Computers in Human Behavior*, 2022, 133, article ID 107289. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107289>
- Sarupuri B., Kulpa R., Aristidou A., Multon F. Dancing in virtual reality as an inclusive platform for social and physical fitness activities: a survey. In: *The Visual Computer*, 2023. <https://doi.org/10.1007/s00371-023-03068-6>
- Schuermans J., Van Hootegem A., Van de Bossche M., Van Gendt M., Witvrouw E., Wezenbeek E. Extended reality in musculoskeletal rehabilitation and injury prevention – A systematic review. In: *Physical Therapy in Sport*, 2022, 55, 229–240. <https://doi.org/10.1016/j.ptsp.2022.04.011>
- Shao Q. Virtual reality and ANN-based three-dimensional tactical training model for football players. In: *Soft Computing*, 2024, 28, 3633–3648. <https://doi.org/10.1007/s00500-024-09634-x>
- Sicalidis K. E., Hettinga F. J., Ling F. Ch. Coaching styles and sports motivation in athletes with and without intellectual impairments. In: *PLOS ONE*, 2023, 18(12), article ID 0296164. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0296164>
- Soltanabadi S., Minoonejad H., Bayattork M., Seyedahmadi M. Effect of virtual reality and augmented reality training for injury prevention and accelerating rehabilitation of anterior cruciate ligament injury in athletes: A scoping review. In: *Asian Journal of Sports Medicine*, 2023, 14(4), article ID 139704. <https://doi.org/10.5812/asjms-139704>
- Soltani P., Morice A. H.P. Augmented reality tools education and training. In: *Computers & Education*, 2020, 155, article ID 103923. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2020.103923>
- Song B., Tuo P. Application of artificial intelligence and virtual reality technology in the rehabilitation training of track and field athletes. In: *Wireless Communications and Mobile Computing*, 2022, article ID 9828199, 1–11. <https://doi.org/10.1155/2022/9828199>

Vidal E.C.J.E., Rodrigo M.M.T. VAMR basketball on head-mounted and hand-held devices with hand-gesture-based interactions: In: *Proceedings of 23rd Human-Computer Interaction International Conference, HCI 2021, Games 2021, Virtual Event, July 14–29, 2021. Part 2*. Ed. by C. Stephanidis, M. Antona, S. Ntoa. Cham, Switzerland: Springer, 2021, 337–344. https://doi.org/10.1007/978-3-030-78642-7_46

Watanabe M., Miura T., Matsuo M., Sakajiri M., Onishi J. GoalBaural-II: An acoustic virtual reality training application for goalball players to recognize various game conditions. In: *Lecture Notes in Computers Science. Proceedings International Conference “Computers Helping People with Special Needs”, ICCHP-AAATE-2022, Lecho, Italy, July 11–15, 2022, Part II*. Ed. by K. Miesenberger, G. Kouroupetroglou, K. Mavrou, R. Manduchi, M.C. Rodriguez, P. Penaz. Cham, Switzerland: Springer, 2022, 13342, 79–88. https://doi.org/10.1007/978-3-031-08645-8_10

Wentzel J., Junuzovic S., Devine J., Porter J., Mott M. Understanding how people with limited mobility use multi-modal input. In: *Proceedings of Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '22), 2022, April 29 – May 5, 2022, New Orleans, New York, USA*, article ID 4, 1–17. <https://doi.org/10.1145/3491102.3517548>

Westmattmann D., Grotenhermen J.-G., Sprenger M., Schewe G. The show must go on – virtualization of sport events during the COVID-2019 pandemic. In: *European Journal of Information Systems*, 2021a, 30(2), 119–136. <https://doi.org/10.1080/096085x.2020.1850186>

Westmattmann D., Grotenhermen J.-G., Sprenger M., Rand W., Schewe G. Apart we ride together: The motivations behind users of mixed-reality sports. In: *Journal of Business Research*, 2021b, 134, 316–328. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.05.044>

Willingham T.B., Stowell J., Collier G., Baskus D. Leveraging emerging technologies to expand accessibility and improve precision in rehabilitation and exercise for people with disabilities. In: *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2024, 21(1), article ID 79. <https://doi.org/10.3390/ijerph21010079>

Willis C., Dawe J., Leng C. Creating a smart classroom in intensive care using assisted reality technology. In: *Journal of the Intensive Care Society*. 2024, 25(1), 89–94. <https://doi.org/10.1177/17511437231178207>

Winter C., Kern F., Gall D., Latoschik M.E., Pauli P., Kathner I. Immersive virtual reality during gait rehabilitation increases walking speed and motivation: a usability evaluation with healthy participants and patients with multiple sclerosis and stroke. In: *Journal of NeuroEngineering and Rehabilitation*, 2021, 18, article ID 68. <https://doi.org/10.1186/s12984-021-00848-w>

Yildirim C. Transformative virtual reality games for adaptive sports training: Exploring the perceptions of individuals with mobility impairments. In: *International Journal of Human-Computer Interaction*, 2024, 40(5), 1–34. <https://doi.org/10.1080/10447318.2024.2311970>

Zhang Ya., Tsai S.-B. Application of adaptive virtual reality with ai-enabled techniques in modern sports training. In: *Mobile Information Systems*, 2021, article ID 6067678. <https://doi.org/10.1155/2021/6067678>

Zhang X., Hui L., Li M., Huang J., Chen Ch., Yang Yu., Song F., Hu F., Luh D.-B. Desing to assist better youthhood for adolescents with lower-limb disability through virtual reality sports. In: *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022, 19(7), article ID 3985. <https://doi.org/10.3390/ijerph19073985>

Zhang Z., Wen F., Sun Zh., Guo X., He T., Lee Ch. Artificial intelligence-enabled sensing technologies in the 5G/internet of things era: From virtual reality/augmented reality to the digital twin. In: *Advanced Intelligent Systems*, 2022, 4(7), article ID 2100228. <https://doi.org/10.1002/aisy.202100228>

EDN: XZTEQL
УДК 008; 930.2

“Report on the Activities of the Imperial Moscow Technical School for the Academic Year 1878–1879” as a Historical Source on the Development of Scientific and Technical Knowledge in the Russian Empire at the End of the 19th Century

Natalya N. Seredkina^a, Natalia P. Koptseva^{*a},
Natalya N. Pimenova^a and Yulia S. Zamaraeva^{a,b}

^a*Siberian Federal University*

^b*Dmitry Khvorostovsky Siberian State Academy of Arts
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 17.05.2024, received in revised form 28.05.2024, accepted 24.06.2024

Abstract. The article examines the published “Report on the activities of the Imperial Moscow Technical School for the 1878–79 academic year” as a historical source concerning the development of scientific and technical knowledge in Russia at the end of the 19th century. The Brief Report of the Imperial Moscow Technical School for the 1878–1879 academic year, presented by V.K. Della-Vos, included in it, allows us to evaluate the enormous amount of work of the school’s teaching council to improve engineering education in Russia. This covers the development of a unique training system, and the introduction of tutoring to strengthen theoretical knowledge of students and allow them to gain professional experience in the school’s workshops and laboratories. The report gives an idea of the specifics of the teaching and management of educational activities system adopted at the school, which can be described as advanced one for its time. The report by Ya. Ya. Nikitinsky dealing with the activities of the Polytechnic Society at the Imperial Moscow Technical School shows its great importance for the formation of a connection between scientific and technical aspects and achievements, the creation of a unified scientific and technical community in Russia, the promotion of science in the technical field and the broad education of specialists.

Keywords: Imperial Moscow Technical School, Russian Empire, scientific and technical knowledge, Polytechnic Society at the Imperial Technical School, 1878–1879, V.K. Della-Vos, Ya. Ya. Nikitinsky.

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23–28–00255, <https://rscf.ru/en/project/23–28–00255/>.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: nnevolko@sfu-kras.ru, decanka@mail.ru, pimenovapluzhnik@mail.ru, rybka08@bk.ru

Citation: Seredkina N. N., Koptseva N. P., Pimenova N. N., Zamaraeva Yu. S. "Report on the Activities of the Imperial Moscow Technical School for the Academic Year 1878–1879" as a historical source on the development of scientific and technical knowledge in the Russian empire at the end of the 19th century. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(8), 1536–1548. EDN: XZTEQL

«Отчет о деятельности Императорского Московского технического училища за 1878–1879 академический год» как исторический источник о развитии научно-технического знания в Российской империи в конце XIX века

Н.Н. Середкина^а, Н.П. Копцева^а,
Н.Н. Пименова^а, Ю.С. Замараева^{а,б}

^аСибирский федеральный университет

^бСибирский государственный институт искусств
им. Дмитрия Хворостовского
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья рассматривает опубликованный «Отчет о деятельности Императорского Московского технического училища за 1878–1879 академический год» как исторический источник о развитии научно-технического знания в России конца XIX века. Вошедший в него Краткий отчет Императорского Московского технического училища за 1878–1879 учебный год, представленный В.К. Делла-Восом, позволяет оценить огромный объем работы Преподовательского совета училища по улучшению инженерного образования в России. Это и разработка уникальной системы обучения, и введение репетиторства для укрепления теоретических знаний учащихся, и получение ими профессионального опыта в мастерских и лаборатории училища. Отчет дает представление о специфике принятой в училище системы обучения и руководства учебной деятельностью, которую можно охарактеризовать как передовую для своего времени. Отчет Я.Я. Никитинского о деятельности Политехнического общества при Императорском Московском техническом училище показывает большое ее значение для формирования связи научных и технических сторон и достижений, создания единого научно-технического сообщества в России, продвижения науки в технической сфере и широкого просвещения специалистов.

Ключевые слова: Императорское Московское техническое училище, Российская империя, научно-техническое знание, Политехническое общество при Императорском Техническом училище, 1878–1879 годы, В.К. Делла-Вос, Я.Я. Никитинский.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00255, <https://rscf.ru/project/23–28–00255/>

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Середкина Н. Н., Копцева Н. П., Пименова Н. Н., Замараева Ю. С. «Отчет о деятельности Императорского Московского технического училища за 1878–1879 академический год» как исторический источник о развитии научно-технического знания в Российской империи в конце XIX века. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1536–1548. EDN: XZTEQL

Введение

В настоящее время учебное заведение, отчет о деятельности которого выступил объектом настоящего исследования, известно под названием своего правопреемника как Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана. Шаг учреждения на уровень высшего образования был сделан еще в 1868 году, когда уставом Московское ремесленное учебное заведение (учреждено в 1826 году императрицей Марией Федоровной) было преобразовано в Императорское Московское техническое училище (Shtat Imperatorskogo..., 1869), уже тогда организованное по образцу именно высших специальных учебных заведений. Создано было это учебное заведение, согласно Уставу, с целью «образовывать механиков-строителей, инженеров-механиков и инженеров-технологов». Училище прославило Российскую империю на весь мир, когда в 1873 году «русский метод обучения ремёслам», или «система МТУ» – система обучения, разработанная выпускником училища и изобретателем Д. К. Советкиным, была удостоена Большой золотой медали на Всемирной выставке в Вене (<https://bigenc.ru/c/sovetkin-dmitrii-konstantinovich-0d3f83?ysclid=lvxму3mis8106558053>). Она представляла собой систему практического обучения профессии, совместившую педагогические и технологические требования, и в сочетании с теоретическими курсами составила основу подготовки училищем инженеров (Kuz'michev, 2015).

В кратком отчете о состоянии Императорского Московского технического училища за 1878–1879 академический год представлены итоги четырнадцати заседаний Педагогического совета. Учеными и преподавателями всесторонне обсуждались актуальные вопросы о новом наборе в училище, в связи с этим в течение года шла разработка новых правил приема и но-

вых программ для поступающих, переработка общего учебного плана для учеников и пансионеров. Члены Совета обсуждали вопросы, от решения которых зависело высокопрофессиональное и нравственное значение училища.

1. Материалы и методы

1.1. Материалом для данного исследования послужил Отчет о деятельности Императорского Московского технического училища за 1878–1879 академический год, отпечатанный в Московской университетской типографии в 1880 году. Тематически исследование сфокусировано на двух частях опубликованного отчета: собственно «Краткий отчет о состоянии Императорского технического училища за 1878–1879 учебный год», составленный В. К. Делла-Восом, на тот момент возглавлявшим организацию, а также одно из приложений – «Отчет о деятельности Политехнического общества при Императорском техническом училище за 1878–1879 учебный год», составленный секретарем общества Я. Я. Нитинским.

1.2. Ключевой метод исследования

Ключевым методом выступает источниковедческий анализ. Также исследование методологически опирается на подход к изучению культурных феноменов и тенденций исторических периодов путем анализа периодических изданий (Germizeeva, 2023; Nosova, 2023; Semenchuk, 2023; Zamaraeva et al, 2023; Koptseva, 2022; Koptseva, 2015; Omelik et al., 2024) и других документов определенных эпох (Asylgaraeva, 2023; Sertakova, 2024; Sertakova, 2023a; Sertakova, 2023b; Koptseva, 2023; Koptseva, 2023a; Koptseva, 2023b; Bukova, 2023; Sertakova, 2022; Sitnikova, 2022a; Sitnikova, 2022b; Sitnikova, 2022s; Sitnikova et al., 2023; Pimenova, 2022; Osipova, 2022; Leshchinskaya, 2021; Koptseva, 2017

et al.) в качестве значимых исторических источников.

2. Обсуждение

Императорское Московское техническое училище – его история и связанные с ним документы, регулярно попадает в зону внимания исследователей. Можно представить их по группам в зависимости от рассматриваемых тем. Существенная часть источников обращена к материалу, связанному с училищем, в контексте вопросов становления высшего инженерного образования и обучения техническим специальностям в Российской империи (Smyk, 2014; Brichikova, 2011; Popova, 2015; Egorova, 2007; Zemlin, 2021; Suzdaleva, 2023; Petrov, 2019; Saprykin, 2012). Часть научных источников сосредоточили свое внимание на истории Московского технического училища и разных ее этапах (Volchkevich, 2016; Otrokova, 2023; Nashchokina, 2018), а также на рассмотрении ее в контексте масштабной истории страны (Medvedev, 2021; Lozovskaya, 2017). Имеются научные исследования истории отдельных подразделений и направлений в Императорском Московском техническом училище (Tomashpol'skij, 2013), а также изданий, связанных с ним (Polezhaj, 2004). Ряд работ освещает темы вклада инженерных образовательных учреждений в разные сферы развития страны (Vazanchuk, 2021; Korshunov, 2018). Отдельных исследований, посвященных изучению отчетов о деятельности училища, в том числе исследованию «Отчета о деятельности Императорского Московского технического училища за 1878–1879 академический год», обнаружить не удается.

3. Результаты

3.1. Деятельность Императорского Московского технического училища за 1878–1879 академический год

Краткий отчет о состоянии Императорского Московского технического училища за 1878–1879 учебный год составлен российским ученым, специалистом в области механики Виктором Карловичем Делла-Восом, возглавлявшим организацию с 1867

по 1880 год. Отчет изложен в четырех частях, наибольший объем занимают итоги года о деятельности педагогического совета, а меньший – отчеты со статистической информацией (Kratkiy otchet..., 1880: 3–74).

Деятельность Педагогического совета за 1878–1879 учебный год обсуждалась в работе заседаний (четырнадцать за год), итоги наиболее значимых представлены в годовом отчете. В начале учебного года на заседании от 30 октября 1878 года члены комиссии решали вопрос о будущем наборе в училище в связи с повышением требований к поступающим. Представленный профессором Алексеем Васильевичем Летниковым проект преподавания годичных уроков касался перераспределения объема предметов в третьем подготовительном и с первого по третий общих классов. Изменения не коснулись набора учебных предметов, он для всех классов остался прежним: Закон Божий, русский язык, иностранные языки, история, естественная история, математика, физика, химия, начертательная геометрия, геодезия, минералогия и геогнозия, механика, черчение, рисование. Но было предложено изучать русский язык только в третьем подготовительном классе, в общих классах распределить объем часов на три года вместо двух по предметам чистой математики и механики, перенести изучение физики с первого общего на третий подготовительный, усилить изучение начертательной геометрии, черчения и рисования, и пр. Предложение предполагало достижение трех целей: «1) облегчения и уравнительности учения в общих классах сравнительно с настоящими курсами; 2) пополнения курсов в тех частях, которые до сего времени не могли быть введены в преподавание по недостатку времени, и 3) возможности значительно усилить практические занятия воспитанников в мастерских» (Kratkiy otchet..., 1880: 8). Следующим вопросом было рассмотрено прошение профессора А.В. Летникова к членам комиссии о составлении подробных вступительных программ с включением некоторых разделов по предметам Закона Божьего, русского языка, иностранного

языка, географии, истории, математике, физике, рисованию и черчению для поступления в третий подготовительный класс.

В заседании от 17 ноября 1878 года обсуждалось участие профессоров в качестве депутатов на торжественном собрании Технологического института в честь его пятидесятилетнего юбилея со дня основания. В поздравительном тексте обозначена единая для училища и института цель обучения – образование полезных деятелей для отечественной промышленности, прогресс и успехи которой достигаются в среде промышленного общества под влиянием знаний и профессиональной деятельности выпускников и их руководителей (Kratkiy otchet..., 1880: 10–11).

В зимней декаде заседаний шло обсуждение отдельных параграфов Устава Технического училища на предмет пересмотра прав выпускников училища и изменения правил поступления. На заседании от 5 декабря 1878 года председатель обратил внимание Совета на Устав училища, где определена цель учебного заведения и права лиц, оканчивающих в нем полный курс обучения, а также обозначил особенности созданной системы обучения в училище как специального высшего учебного заведения, состоящие в следующем: а) профессиональная подготовка училищем обучающихся к выполнению специальных строительных работ и сооружений на промышленных заводах и фабриках, на путях сообщения и в благоустройстве городов, чтобы выпускники были готовы занять руководящие посты в управлении заводов и фабричных производств; б) выстроенная уникальная образовательная система училища: высший шестилетний курс, состоящий из трех общих (два отделения – механическое и химическое) и трех специальных классов (три курса – инженерно-механический, инженерно-технологический и механико-строительный); в) строгие требования к поступающим по обладанию знаниями, соответствующими шести классам гимназии или реального училища; при недостаточном объеме знаний для поступления в училище будущему воспитаннику предлагалось

быть зачисленным на подготовительное годичное отделение; г) на шестилетнем курсе преподаются общие знания по техническим предметам и ведется углубленное изучение специальных предметов по строительному делу: инженерное искусство, строительное искусство и архитектура, механическая обработка металлов и дерева, практическая механика, построение машин, железнодорожное дело, составление проектов и смет по устройству мостов, зданий, фабрик, заводов и машин; результаты проверяются в ходе промежуточных и итоговых (переходных) испытаний по всем предметам; д) параллельно с теоретическим изучением предметов на протяжении всего обучения ученики, как и вольные слушатели, знакомятся со свойствами строительных материалов в ходе практической работы, организованной в учебных мастерских и на заводе училища.

Председатель обращает внимание Совета на жалобы от выпускников училища об ущемлении их прав на производство строительных работ и утверждает, что в уставе училища «эти права не выяснены с категорической ясностью», т.е. не поименованы и не разъяснены отдельными параграфами (Kratkiy otchet..., 1880: 12). Прецедентом к появлению жалоб стала публикация Высочайшего повеления о выпускниках, окончивших курс наук в Санкт-Петербургском технологическом институте и их особом праве на производство строительных работ и на преимущественное право поступления на штатные технические должности в Министерстве путей сообщения (текст повеления опубликован в Правительственном вестнике от 16 июля 1878 года). Такое существование преимущество, по мнению Председателя Совета, поставило выпускников Технического училища в исключительные и нравственно подавляющие условия. Получая одинаковую научную подготовку в обучении строительному искусству, архитектуре, инженерному искусству, выпускники двух по предназначению близких русских учреждений имеют неравные права в применении приобретенных научных знаний к практическому делу. В завершение речи

председатель обращается к Совету с просьбой на ходатайство о присвоении окончивших с успехом полный курс в Техническом училище одинаковых прав с окончившими курс в Технологическом институте.

На заседании Совета от 1 февраля 1879 года обсуждался вопрос об изменении правил приема для поступающих, и уже на следующем заседании от 23 февраля был озвучен текст объявления от Педагогического совета училища. Изменения произошли следующие: в связи с нехваткой аудиторий и мастерских новый набор планировался только в третий подготовительный класс училища и по новой программе испытаний, поступление в первый и второй общие классы оставалось доступным только ограниченному числу молодых людей; преимущество к поступлению получили ученики или полупансионеры, которые обеспечены жильем и питанием со стороны их родителей, родственников или попечителей в Москве; в училище на конкурсной основе могли быть приняты дети из бедных семей и сироты, для которых выделено сто мест для поступления.

На весенней декаде заседаний прошли обсуждение вопросы, касающиеся приема пожертвований, введения новой именной стипендии, учреждения инспекции училища. На заседании от 12 марта председатель Совета представил письмо купца Новикова о пожертвовании двух тысяч рублей для физического кабинета Технического училища. На следующем заседании от 13 апреля был рассмотрен вопрос о введении новой именной стипендии, учрежденной в честь Императрицы Марии Федоровны. В заседании от 19 мая Совет одобрил редакцию правил об экзаменах и переэкзаменовках, как для учащихся в Техническом училище, так и для вновь поступающих. Все испытания были запланированы на август месяц и общими требованиями для их прохождения считались следующие: все экзамены и переэкзаменовки будут проведены профессорами и преподавателями строго по расписанию; неявка поступающего в день проведения экзамена будет считаться как «не выдер-

жавшим экзамена»; перенос экзамена на другой день недопустим; именной список лиц, допущенных к переэкзаменовке, будет объявлен 18 июня; «никто из лиц, до которых относится настоящее объявление, не может отговариваться незнанием вышеописанных положений» (Kratkiy otchet..., 1880: 23). Далее в ходе заседания членами Совета был заслушан текст выписки из журнала Московского Присутствия Опекунского Совета. В тексте было изложено отношение исполняющего должность главного управляющего Его Императорского Величества Канцелярией о том, что Государь Император повелел соизволить отмену некоторых статей устава Московского Технического училища. Среди них: а) прием вольных слушателей, при этом предлагается оставить целевые места для приема стипендиатов Министерства народного просвещения, с успехом закончивших курс в любом из русских университетов и готовых к работе учителем в реальном училище; б) закрыть два первых класса подготовительного отделения училища, а в третий подготовительный принимать строго по правилам, которые будут установлены Педагогическим советом и утверждены Главноуправляющим IV Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии; в) приходящих учеников обязать проживать у родителей, родственников или попечителей под контролем инспекции училища; г) предоставить Педагогическому совету правила порядка и поведения обучающихся как руководство для действий инспекции; д) ввести в штат новые должности: помощник инспектора, три воспитателя, четыре репетитора – с жалованием и содержанием, письмоводитель при инспекторе – с окладом за счет средств училища; е) повысить плату за учащихся в пансионе и учеников; из ста бесплатных выделить треть мест с оплатой обучения для стипендиатов различных ведомств и частных лиц.

Инспектору предполагалось поручить наблюдение за ходом преподавания и занятиями учащихся, за их нравственным развитием; помощнику инспектора – за по-

ведением учащихся и их опрятностью; воспитателю – «надзор за исполнением учащимися установленных правил, как по учебной, так и по воспитательной части в пределах установленных особой инструкцией» (Kratkiy otchet..., 1880: 27). Репетитор как штатный сотрудник был определен Советом для работы на технологическом отделении училища, ученикам которого требовалась помощь в репетиции знаний, усвоенных на лекционных занятиях. Члены Совета по согласованию установили график еженедельных репетиций по каждому предмету в течение всего учебного года. К служебным обязанностям классного воспитателя было отнесено составление пофамильных репетиционных списков и ознакомление с ними учеников. Для обеспечения качественной работы репетитора преподаватели училища обязывались после прочитанных лекций записывать содержание своих лекций в журнале.

Таким образом, в кратком отчете Императорского Технического училища за 1878–1879 академический год зафиксирован огромный объем работы Преподавательского совета по тщательной проработке общего учебного плана и программ экзаменов по всем профилям для нового набора, сокращению объема занятий на подготовительном отделении, введению новых штатных сотрудников для укрепления теоретических знаний на ранней стадии обучения, усиление практических занятий для получения профессионального опыта в мастерских и лаборатории училища.

В заключительной части отчета профессор В.К. Делла-Вос упоминает родственное училищу Политическое общество: «Это молодое общество, только что вступившее в жизнь, имеет для училища особенное значение и дорого ему уже потому, что, заключая в себе исключительно молодежь, окончившую у нас полный курс учения, и весь наш учащий персонал, должно проявлять в своей деятельности все то, что присуще самому заведению – его основной принцип, его направление и результат его учебного строя» (Kratkiy otchet..., 1880: 78).

3.2. Деятельность Политехнического общества при Императорском Московском техническом училище за 1878–1879 академический год

Основные направления деятельности Политехнического общества, образованного при Императорском Техническом училище, изложены в отчете о его деятельности за 1878–1879 академический год, составленном ученым секретарем общества Яковом Яковлевичем Никитинским.

Во вступительной части к отчету Я.Я. Никитинский отмечает уникальность Политехнического общества, которое по своим целям и направленности деятельности отличалось от подобных ему других обществ. В отчете он не только обобщил сложившуюся в течение 1878–1879 академического года систему работы данного Общества, но и заложил начало исторической хроники его существования. Согласно отчету Я.Я. Никитинского, главным органом, регулирующим деятельность Общества, был Совет (Otchet o deyatel'nosti..., 1880). Его работа регламентировалась утвержденной общим собранием инструкцией, в соответствии с которой Совет осуществлял не только общее планирование деятельности Общества, но и выполнял функции контролирующего органа.

Одной из важнейших форм деятельности членов Общества были регулярно проводимые собрания, на которых обсуждались и решались все значимые для Общества вопросы. Первое собрание состоялось 18 октября 1877 года, в ходе которого была официально открыта деятельность Политехнического общества. Несколько ранее, 14 мая 1877 года, был утвержден устав Общества, который определял его цели и задачи.

В отчете Я.Я. Никитинский приводит приветственное слово священника отца Славского, а также приветственные доклады ведущих идеологов, сыгравших большую роль в создании Политехнического общества. Первым стал доклад Сергея Ивановича Баршева, «почетного опекуна

и управляющего техническим училищем» (Otchet o deyatel'nosti..., 1880: 210). В нем он отметил наступление нового этапа в развитии училища в связи с открытием Общества, главное предназначение которого – поддержка научной деятельности училища, а также молодых ученых, что имело большое значение для развития российской науки в целом.

Следующий в отчете доклад – речь директора Императорского Технического училища и президента Общества Виктора Карловича Делла-Воса, который определил главную цель деятельности Общества, его особенность и уникальность по сравнению с другими обществами (Otchet o deyatel'nosti..., 1880). Развитие науки, согласно В.К. Делла-Восу, требует соблюдения двух условий: наличие высших учебных заведений, где должны освещаться научные знания, и реализация исследовательской работы молодых ученых. Также в докладе отмечены проблемы, препятствующие развитию технической науки в России. Среди них разобщенность специалистов, отсутствие возможности продолжения занятий наукой для выпускников учебных заведений. Молодежь, по замечанию В.К. Делла-Воса, предпочитает заниматься практической деятельностью, а не наукой. Создание Политехнического общества поможет изменить ситуацию, объединив «изолированных деятелей в легально организованную корпорацию, в которой соревнование и критическая оценка деятельности каждого представляют самые надежные стимулы к возбуждению научного труда» (Otchet o deyatel'nosti..., 1880: 213). Особенно значимыми виделись им научные разработки в области технических наук, которые требовали своего «обогащения новыми научными фактами и исследованиями» (Otchet o deyatel'nosti..., 1880: 214). Ядро Политехнического общества должны составить компетентные «специалисты-техники», ученые высшего заведения (Otchet o deyatel'nosti..., 1880: 214), тогда технические вопросы будут решаться исключительно с позиции науки и обеспечится преемственность в развитии научного технического знания. Этим

Общество будет отлично от других существующих на тот момент политехнических обществ, в которых членами были главным образом практики.

Следующий доклад инженера-механика, общественного деятеля Николая Петровича Зимина посвящен условиям осуществления деятельности членами Общества. С целью объединения в рамках Общества выпускников технического училища, в том числе с целью помощи в трудоустройстве, Н.П. Зимин предложил организовать при Обществе справочное бюро, в которое «стекались бы сведения о местонахождении и положении бывших воспитанников Технического училища о спросе и предложении работы, а также все справки, касающиеся деятельности этих лиц со времени окончания ими курса в училище» (Otchet o deyatel'nosti..., 1880: 216).

В отчете представлен план деятельности Политехнического общества на 1878–1879 учебный год, утвержденный в годичном собрании 4 января 1878 года. В соответствии с ним установлено четыре постоянных отдела Общества: инженерно-механический, инженерно-технологический, редакционный и отдел справок. Каждый отдел разрабатывал программу своей внутренней организации и деятельности, утверждая ее на общем собрании.

19 февраля 1878 года был утвержден план организации деятельности этих отделов, согласно которому в их задачи входила подготовка материалов для заседаний и тем для обсуждения, выбор актуальных научных журналов, которые выписывались на средства Общества, и подготовка периодического сборника Общества.

План деятельности Общества предусматривал проведение регулярных заседаний для заслушивания докладов, посвященных результатам научной деятельности членов Общества. Особый интерес вызывали сообщения, представляющие собой обзор содержания современных технических журналов, имеющихся в библиотеке училища, с более подробным анализом отдельных наиболее интересных статей. Члены Общества занимались также переводами

известных за границей сочинений и руководств по техническим вопросам.

Развитие издательской деятельности Общества обусловлено рядом причин. Например, так решалась проблема территориальной разрозненности членов Общества: издание трудов позволило образовать некое единое для всех информационное поле. Кроме того, издательская деятельность позволила сделать общедоступными имеющиеся материалы членов Общества. Русская техническая литература издавалась в России на тот момент в крайне небольшом количестве, а те издания, которые были опубликованы, не удовлетворяли потребностям «компетентных в технике лиц» (*Otchet o deyatel'nosti...*, 1880: 238). Общество взяло на себя ответственность изменить данную ситуацию и восполнить дефицит технической литературы путем предоставления своим членам возможности публиковать результаты своих исследований. На собрании Общества 19 апреля 1878 года было принято решение «открыть подписку на образование фонда для издания технических сочинений, а для выработки правил сбора фонда и его расходования избрать комиссию» (*Otchet o deyatel'nosti...*, 1880: 236).

С 1879 года было решено издавать не отдельные работы, а сборники или, как указано в отчете, труды Политехнического общества. Оптимальной для издания трудов Общества была признана форма непериодических выпусков, издаваемых по мере накопления материала, что позво-

лило качественно подойти к отбору материалов для публикации, а затраты свести до минимума.

Выбор статей для издания трудов осуществлял инженерно-механический и технологический отделы. Недостатка в материалах редакция в первый год своего существования не испытывала. Авторами преимущественно были члены Общества, демонстрирующие своими рукописями значительный научный задел Общества.

4. Заключение

Деятельность Императорского Московского технического училища за 1878–1879 академический год, изложенная в виде краткого отчета, во многом предопределила будущее развитие научно-технического знания Российской империи. Руководство и преподаватели всего за один учебный год продемонстрировали возможности преобразования сложившихся практик обучения для укрепления систематического преподавания ремесел в профессиональном образовании и обеспечения российской промышленности высокопрофессиональными мастерами и инженерами.

С целью сохранения преемственности в развитии научного технического знания в 1878 году было образовано Политехническое общество при Техническом училище, что укрепило не только значимость данного учебного заведения в плане его научной составляющей, но и способствовало развитию технической науки и промышленности России в целом.

Список литературы / References

Asylgaraeva A. I. Cennostnye sostavlyayushchie kartiny mira nencev: analiz mifologicheskikh tekstov [The value components of the German Worldview: an analysis of mythological texts]. In: *Cifrovizaciya [Digitalization]*, 2023, 4(2), 26–33. EDN UQSUAC.

Bazanchuk G. A., Kuz'michev A. D. Raboty Imperatorskogo Moskovskogo tekhnicheskogo uchilishcha na oboronu [Works of the Imperial Moscow Technical School for defense]. In: *Russkaya sistema obucheniya remeslam. Istoki i traditsii. Al'manakh [Russian system of teaching crafts. Origins and traditions. Almanac]*, 2021, VII, 75–108.

Brichikova Ye. A., Brichikov A. I. Kak uchilis' v tekhnicheskikh vuzakh Rossii v XIX veke [How they studied at technical universities in Russia in the 19th century]. In: *Nauka – obrazovaniye, proizvodstvo, ekonomika: materialy Devyatoy Mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii [Science – education, production, economics: materials of the Ninth International Scientific and Technical Conference]*, 2011, 3, 278.

Bukova M. I., Pimenova N. N., Zamarayeva Yu. S., Kistova A. V. Regional'noye svoeobrazie bol'shogo stilya: sibirskiy modern [Regional originality of the great style: Siberian Art Nouveau]. In: *Journal of the Siberian Federal University. Humanitarian sciences*, 2023, 16(11), 1956–1973.

Germizyeva V. V., Glazunova T. V. Povsednevnyaya zhizn' Omska v nachale XX veka na stranitsakh mestnykh periodicheskikh izdaniy [Everyday life of Omsk at the beginning of the twentieth century on the pages of local periodicals]. In: *Vestnik Nizhnevarovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Nizhnevarovsk State University]*, 2023, 1, 37–46.

Gomonov I. S. Principy vorkshopa v obrazovatel'noy praktike [Principles of the workshop in educational practice]. In: *Cifrovizatsiya [Digitalization]*, 2024, 5(1), 46–55. EDN UBIQPQ.

Kolesnik M. A., Sitnikova, A. A., Andryushina, Ya. D. Iskusstvennyy intellekt kak instrument i soavtor v tvorchestve sovremennykh hudozhnikov: primery hudozhestvennykh praktik i analiz proizvedeniy vizual'nogo iskusstva [Artificial intelligence as a tool and co-author in the work of modern artists: examples of artistic practices and analysis of works of visual art]. In: *Sociologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2023, 4(1), 37–51. DOI 10.31804/2712-939X-2023-4-1-37-51. EDN UOQRVI.

Koptseva N. P., Reznikova K. V. Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai. In: *Bylye Gody*, 2015, 38(4), 1028–1038.

Koptseva N. P., Luzan V. S., Razumovskaya V. A., Kirko V. I. The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy. In: *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*, 2017, 30, 23–50.

Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Pchelkina D. S., Menzhurenko Yu. N. The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century. In: *Bylye Gody [The old years]*, 2022, 17(2), 867–875.

Koptseva N. P., Zamarayeva Yu. S. Sovremennyye issledovaniya v oblasti sotsiologii iskusstvennogo intellekta: bazovyye podkhody. Chast' 6.4 [Modern research in the field of sociology of artificial intelligence: basic approaches. Part 6.4]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2023, 4(4), 8–19.

Koptseva N. P., Zamarayeva Yu. S. Sovremennyye issledovaniya v oblasti sotsiologii iskusstvennogo intellekta: bazovyye podkhody. Chast' 6.4 [Modern research in the field of sociology of artificial intelligence: basic approaches. Part 6.4]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2023, 4(3), 8–21.

Koptseva N. P. Effektivnyye strategii obucheniya v XXI veke: koncepciya A. A. Ozdogru [Effective learning strategies in the XXI century: the concept of A. A. Ozdogru]. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost' [Asia, America and Africa: History and modernity]*, 2023, 2(2), 28–55. DOI 10.31804/2782-540X-2023-2-2-28-55. EDN PICNSD.

Koptseva N. P. Teoriya smeshannogo obucheniya v sovremennom Kitae: tendencii budushchego razvitiya. CHast' 1 [Theory of blended learning in modern China: trends in future development. Part 1]. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost' [Asia, America and Africa: History and modernity]*, 2023, 2(4), 6–39. DOI 10.31804/2782-540X-2023-2-4-6-39. EDN UNTKPL.

Koptseva N. P. Teoriya smeshannogo obucheniya v sovremennom Kitae: tendencii budushchego razvitiya. CHast' 2 [Theory of blended learning in modern China: trends in future development. part 2]. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost' [Asia, America and Africa: History and modernity]*, 2024, 3(1), 43–78. DOI 10.31804/2782-540X-2024-3-1-43-78. EDN NPAESE.

Korshunov S. V. O roli MGTU im. NE Baumana v nauchno-metodicheskom obespechenii vysshey shkoly Rossii (k 30-letiyu sozdaniya UMO) [On the role of MSTU named after. NE Bauman in scientific and methodological support of higher education in Russia (to the 30th anniversary of the creation of the UMO)]. In: *Vyssheye obrazovaniye v Rossii [Higher education in Russia]*, 2018, 6, 152–167.

Kratkiy otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tekhnicheskogo Uchilishcha za 1878–79 uchebnyy god [Brief report on the state of the Imperial Technical School for the 1878–79 academic year]. In: *Otchet o deyatel'nosti Imperatorskogo Moskovskogo tekhnicheskogo uchilishcha [Report on the activities of the Imperial Moscow Technical School]*, 1880, 3–74.

Kupriyanova A. A. Sovremennyye obrazovatel'nye tekhnologii v prepodavanii horovogo fol'klornogo peniya [Modern educational technologies in teaching choral folklore singing]. In: *Cifrovizaciya [Digitalization]*, 2024, 5(1), 35–45. EDN MUYNQU.

Kuzmichev A. D. Eydos tekhn: k voprosu o sozdaniy russkoy sistemy obucheniya remeslu [Eidos techno: on the issue of creating a Russian system of teaching crafts]. In: *Rossiyskaya sistema obucheniya remeslam [Russian system of teaching crafts]*, 2015, 1, 83–103.

Lozovskaya D. S. Rossiyskaya tekhnicheskaya intelligentsiya v nachale XX veka [Russian technical intelligentsia at the beginning of the 20th century]. In: *Velikaya rossiyskaya revolyutsiya 1917 goda v istorii i sud' bakh narodov i regionov Rossii, Belorussii, Yevropy i mira v kontekste istoricheskikh realiy KHKH – nachala XXI vv. [The Great Russian Revolution of 1917 in the history and destinies of the peoples and regions of Russia, Belarus, Europe and the world in the context of the historical realities of the 20th – early 21st centuries]*, 2017, 136–139.

Medvedev S. V., Tantsevova A. V. Sotsial'no-politicheskaya situatsiya v Rossiyskoy imperii nachala XX veka v zerkale zhurnalov Sovetov Imperatorskikh moskovskikh tekhnicheskikh uchilishch (1908–1916 gg.) [The socio-political situation in the Russian Empire at the beginning of the 20th century in the mirror of the journals of the Councils of the Imperial Moscow Technical Schools (1908–1916)]. In: *Politika. Sotsial'naya nauka. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura [Politics. Social Science. Art. Sociology. Culture]*, 2021, 3, 79–90.

Nashchokina M. V. Raboty L'va Kekusheva dlya Imperatorskogo Moskovskogo tekhnicheskogo uchilishcha: novyye materialy [Works by Lev Kekushev for the Imperial Moscow Technical School: new materials]. In: *Arkhitekturnoye nasledie [Architectural heritage]*, 2018, 68, 239–251.

Nosova M. S. Zhurnal «Znaniye – sila» kak istoricheskiy istochnik po izucheniyu sovetskikh popularizatorskikh praktik [Journal «Knowledge is Power» as a historical source for the study of Soviet popularization practices]. In: *Aktual'nyye problemy istochnikovedeniya: materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Vitebsk, 27–29 aprelya [Current problems of source study: materials of the VII International Scientific and Practical Conference, Vitebsk, April 27–29]*, 2023, 2, 216–218.

Omelik A. A., Kistova A. V., Sergeeva N. A., Ermakov T. K. «Russkiy stil'» v iskusstve na primere analiza arhitekturnogo i hudozhestvenno-tekhnicheskogo zhurnala «Zodchij». In: *Bylye gody [The old years]*, 2024, 19(1), 238–248. DOI 10.13187/bg.2024.1.238. EDN NQJUOC.

Osipova E. V., Pimenova N. N. Amerikanskaya kul'tura 1960–1980-kh godov cherez prizmu nezavisimogo kinematografa [American culture of the 1960s-1980s through the prism of independent cinema]. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost' [Asia, America and Africa: history and modernity]*, 2022, 1(1), 1–14.

Otchet o deyatelnosti Politeknicheskogo Obschestva pri Imperatorskom Tekhnicheskome Uchilishche za 1878–79 god, sostavlennyy Sekretarem Obschestva Ya. Ya. Nikitinskim [Report on the activities of the Polytechnic Society at the Imperial Technical College for 1878–79, compiled by the Secretary of the Society Ya. Ya. Nikitinsky]. In: *Otchet o deyatelnosti Imperatorskogo Moskovskogo tekhnicheskogo uchilishcha [Report on the activities of the Imperial Moscow Technical School]*, 1880, 206–252.

Otrokova O. Yu., Shcherbakova O. M. Imperatorskoye Moskovskoye tekhnicheskoye uchilishche v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1918): obzor istoricheskikh istochnikov MGTU im. N. E. Baumana. [Imperial Moscow Technical School during the First World War (1914–1918): review of historical sources of MSTU. N. E. Bauman]. In: *Gumanitarnyy byulleten' [Humanitarian Bulletin]*, 2023, 5(103), 1–11.

Pashova E. V. Tendentsii i praktiki vzaimodeystviya s korennyimi i korennyimi malochislennymi narodami v oblasti obrazovaniya [Trends and practices of interaction with indigenous and small indigenous peoples in the field of education]. In: *Sibirskiy antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2021, 5(1), 39–51. DOI 10.31804/2542–1816–2021–5–1–39–51. EDN VQVNH. H.

Petrov Yu. I. Transformatsiya Imperatorskogo Moskovskogo inzhenernogo uchilishcha v vyssheye uchebnoye zavedeniye [ransformation of the Imperial Moscow Engineering School into a higher education institution]. In: *Vestnik Yuridicheskogo instituta MIIT [Bulletin of the Law Institute MIIT]*, 2019, 4 (28), 136.

Pimenova N.N. Istoriya formirovaniya arkhitekturnogo oblika Krasnoyarska do 90-kh godov XX veka: etapy i klyuchevyye tendentsii [History of the formation of the architectural appearance of Krasnoyarsk until the 90s of the twentieth century: stages and key trends]. In: *Sibirskiy antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2022, 6(1), 69–80.

Pimenova N.N. Social'no-kul'turnaya deyatelnost' v Krasnoyarske: podhody i sub'ekty (na materiale issledovaniya praktik Novoj hudozhestvennoj shkoly im. A. G. Pozdeeva) [Socio-cultural activities in Krasnoyarsk: approaches and subjects (based on the research of the practices of the New Art School named after A. G. Pozdeev)]. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Anthropology]*, 2023, 7(1), 17–26. EDN GPLXOS.

Polezhay V.G. *Periodicheskiye izdaniya tekhnicheskikh organizatsiy Rossii kontsa XIX-nachala XX veka: tipologiya i funktsional'no-soderzhatel'nyye osobennosti: Dis. ... kand. filol. nauk [Periodicals of technical organizations in Russia at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries: typology and functional and content features: Dis. ...cand. philol. sci.]*. Moscow, Moscow State University, 2004, 246.

Popova T. V., Kushner V. G., Borod'ko V. N. Zametki ob otechestvennom tekhnicheskome obrazovanii ot istokov do sovremennosti: XIX vek [Notes on domestic technical education from origins to the present: XIX century]. In: *Innovatsionnaya nauka [Innovative science]*, 2015, (11–2), 224–228.

Saprykin D. L. Inzhenernoye obrazovaniye v Rossii: istoriya, kontseptsiya, perspektivy [Engineering education in Russia: history, concept, prospects]. In: *Vyssheye obrazovaniye v Rossii [Higher education in Russia]*, 2012, 1, 125–137.

Semenchuk K. A. Tserkovnaya periodicheskaya pechat' rubezha XIX–XX vv. ob inorodtsakh Sibiri i Dal'nego Vostoka [Church periodicals at the turn of the 19th–20th centuries. about foreigners of Siberia and the Far East]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 2023, 489, 143–152.

Sertakova Ye. A., Sitnikova A. A. Ustav ob «Upravlenii inorodtsev», sostavlennyy M. M. Speranskim, i osobennosti yego realizatsii po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam yeniseyskoy gubernii v XIX – nachale XX [The Charter on the «Management of Foreigners», drawn up by M. M. Speransky, and the features of its implementation in relation to the indigenous peoples of the Yenisei province in the 19th – early 20th years]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2022, 6(2), 94–106.

Sertakova E. A. Obraz tvortsa i tvorchestva v zhivopisi klassitsistov: analiz-sravneniye mifologicheskikh proizvedeniy «Vdokhnoveniye poeta» N. Pussena i «Safo i Faon» Zh.-L. Davida [The image of the creator and creativity in the painting of the classicists: analysis and comparison of the mythological works «The Inspiration of the Poet» by N. Poussin and «Sappho and Phaon» by J.-L. David]. In: *Sibirskiy iskusstvedcheskiy zhurnal [Siberian art history magazine]*, 2024, 3(1), 7–19.

Shtat Imperatorskogo Moskovskogo tekhnicheskogo uchilishcha; Ustav Imperatorskogo Moskovskogo tekhnicheskogo uchilishcha: Utv. 1 iyunya 1868 g. [Staff of the Imperial Moscow Technical School; Charter of the Imperial Moscow Technical School: Approved. June 1, 1868], St. Petersburg, 1869, 16, 24.

Sitnikova A. A. Fil'm «Letyat zhuravli»: opyt sistemnogo kinoanaliza [The film «The Cranes Are Flying»: an experience in systemic film analysis]. In: *Sibirskiy iskusstvedcheskiy zhurnal [Siberian art history magazine]*, 2022, 1(4), 1–17.

Sitnikova A. A. Severnyye ekspeditsii i obraz Arktiki v zarubezhnoy zhivopisi XIX veka [Northern expeditions and the image of the Arctic in foreign painting of the 19th century]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2022, 6(1), 240–249.

Sitnikova A. A., Pimenova N. N., Kolesnik M. A., Zamaraeva Y. S., Sertakova E. A. Istoriofografiya issledovaniy ketskoy kul'tury [Historiography of Ket culture research]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2022, 6(3), pp. 20–39.

Sitnikova A. A., Leshchinskaya N. M., Sertakova E. A., Kolesnik M. A. Nauchno-tekhnicheskij progress v kinematografii i fotografii na materiale rossijskoj periodiki 1907–1917 gg [Scientific and technical progress in cinematography and photography based on the material of the Russian periodicals of 1907–1917]. In: *Bylye gody [The old years]*, 2023, 18(1), 420–430. DOI 10.13187/bg.2023.1.420. EDN RGAJPA.

Smyk A. F. Ot imperatorskogo inzhenernogo uchilishcha k otraslevym transportnym institutam (1810–1930) [From the Imperial Engineering School to industrial transport institutes (1810–1930)]. In: *Vestnik Moskovskogo avtomobil'no-dorozhnogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (MADI) [Bulletin of the Moscow Automobile and Highway State Technical University (MADI)]*, 2014, 2, 3–14.

Sovetkin Dmitry Konstantinovich. *Great Soviet Encyclopedia (official resource)*. Available at: <https://bigenc.ru/c/sovetkin-dmitrii-konstantinovich-0d3f83?ysclid=lvxmy3mis8106558053>

Suzdaleva T. R., Fedorov K. V. Iz istorii inzhenernogo obrazovaniya v Rossii. Gumanitarnyy vestnik [From the history of engineering education in Russia]. In: *Gumanitarnyy byulleten' [Humanitarian Bulletin]*, 2023, 3 (101), 1.

Tarasova M. V., Nechaeva P. R. Obrazovatel'nye vozmozhnosti proizvedeniya iskusstva stilevogo prostanstva areaklassicizm (na materiale analiza proizvedenij iskusstva vtoroj poloviny XX veka) [Educational opportunities of works of art of the areaclassicism style space (based on the analysis of works of art of the second half of the XX century)]. In: *Sibirskij iskusstvovedcheskij zhurnal [Siberian Art History Journal]*, 2022, 1(1), 1–17. DOI 10.31804/2782-4926-2022-1-1-01-17. EDN SEZEVJ.

Tomashpol'skiy V. Ya. Stanovleniye i razvitiye nauchnoy shkoly matematiki Imperatorskogo Moskovskogo tekhnicheskogo uchilishcha [Formation and development of the scientific school of mathematics at the Imperial Moscow Technical School]. In: *Inzhenernyy zhurnal: Nauka i innovatsii [Engineering Journal: Science and Innovation]*, 2013, 5(17), 1.

Volchkevich I. L. *Ocherki istorii Moskovskogo Vysshego Tekhnicheskogo Uchilishcha [Essays on the history of the Moscow Higher Technical School]*, Moscow, 2016, 328.

Yegorova O. V. K istorii formirovaniya vysshego tekhnicheskogo obrazovaniya v Rossii [On the history of the formation of higher technical education in Russia]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]*, 2007, 2(8), 91–98.

Zamaraeva Yu. S., Seredkina, N. N., Pchelkina D. S., Pimenova, N. N. Nauchno-tekhnicheskij progress nachala XX veka v periodicheskoj pechati Rossijskoj imperii (zhurnal “Zodchij”, 1902 g.) [Scientific and technical progress of the early twentieth century in the periodical press of the Russian Empire (magazine “Architect”, 1902)]. In: *Bylye gody [The old years]*, 2023, 18(1), 390–401. DOI 10.13187/bg.2023.1.390. EDN SYMSSL.

Zemlin A. I., Petrov Yu. I. Opyt pravovogo regulirovaniya i organizatsii podgotovki spetsialistov transporta v Imperatorskom moskovskom inzhenernom uchilishche. 1896–1913 gg. [Experience in legal regulation and organization of training of transport specialists at the Imperial Moscow Engineering School. 1896–1913]. In: *Vestnik arkhivariusa [Archivist's Bulletin]*, 2021, 1, 248–258.

EDN: ZLBMVR
УДК 316.42

The Social Implications of Implementing Artificial Intelligence in the Arts

Anna A. Shpak and Natalia M. Leshchinskaia*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 25.05.2024, received in revised form 26.05.2024, accepted 24.06.2024

Abstract. The introduction of digital technologies is a complex and ambiguous process. In addition to the obvious positive aspects and opportunities offered by artificial intelligence, the questions arise about the risks and complexities that are also associated with it. Researchers consider risks both technological and those related to ethical aspects, philosophical, attitudinal, social. The present article is devoted to the study of social consequences arising from the introduction of artificial intelligence in the field of art. In the course of the analysis, both negative and positive consequences highlighted by contemporary researchers were considered, ambiguity in assessments was noted. Also, the peculiarities of the introduction of digital technologies were studied on the example of the Harvard Art Museum and the Cleveland Museum of Art, which practice of AI implementation was considered as representative.

Keywords: artificial intelligence, art, social implications of artificial intelligence, creative industries, copyright, media theory.

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23–28–00255, <https://rscf.ru/en/project/23–28–00255/>

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

Citation: Shpak A. A., Leshchinskaia N. M. The social implications of implementing artificial intelligence in the arts. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(8), 1549–1560. EDN: ZLBMVR

Социальные последствия внедрения искусственного интеллекта в области искусства

А.А. Шпак, Н.М. Лещинская

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Внедрение цифровых технологий сложный и неоднозначный процесс. Помимо очевидных положительных моментов, возможностей, которые дает искусственный интеллект, возникают вопросы о рисках и сложностях, которые также с этим связаны. Исследователи рассматривают риски как технологические, так и связанные с этическими аспектами, философскими, мировоззренческими, социальными. Настоящая статья посвящена изучению социальных последствий, возникающих ввиду внедрения искусственного интеллекта в области искусства. В ходе анализа были рассмотрены как негативные, так и позитивные последствия, выделяемые современными исследователями, отмечена неоднозначность в оценках. А также были изучены особенности внедрения цифровых технологий на примере деятельности Гарвардского художественного музея и Художественного музея Кливленда, чья практика внедрения ИИ рассмотрена как репрезентативная.

Ключевые слова: искусственный интеллект, искусство, социальные последствия искусственного интеллекта, креативные индустрии, авторские права, теория медиа.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23–28–00255, <https://rscf.ru/en/project/23–28–00255/>

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Шпак А. А., Лещинская Н. М. Социальные последствия внедрения искусственного интеллекта в области искусства. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1549–1560. EDN: ZLBMVR

Введение

Искусственный интеллект (далее ИИ) активно проникает во все сферы человеческой деятельности, в том числе и в искусство. Технологии ИИ используются для создания произведений искусства, анализа художественных работ, реставрации, сохранения культурного наследия, для формирования новых рынков и образовательных платформ. Целью настоящего исследования является анализ социальных последствий внедрения ИИ в искусстве, а также механизмов влияния ИИ в сфере искусства на разных стадиях его использования, в том числе и при оценке этических аспектов применения данных технологий

Социальные последствия внедрения искусственного интеллекта (ИИ), цифровых технологий в общем представлении имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Теоретический и концептуальный компонент исследования социальных последствий внедрения ИИ в области искусства охватывает различные теоретические рамки и концепции, которые помогают анализировать и интерпретировать влияние технологий на культурные и социальные процессы. Также необходимо рассмотреть и некоторые ИИ-технологии, уже внедренные в сферу искусства. Поскольку именно они непосредственно влияют на социальные процессы (Kholodkova,

2023; Khvorostov, 2023; Khvorostov, 2024; Sirenko, Zamarayeva, 2023; Sergeyeva, 2024; Sergeyeva, Zamarayeva, 2023; Sattarov, 2024; Mikhaylova, 2023; Mamayeva, 2023; Lutsik, 2023; Belousova, Ragimova, Suetina, Sergeyeva, 2023).

Также для систематизации полученных данных авторами настоящей статьи в качестве методологического основания взята теория искусства В.И. Жуковского, Н.П. Копцевой, согласно которой произведение искусства является ключевым элементом такой сложной и многогранной области культуры, как искусство. Все процессы в сфере искусства выстраиваются вокруг произведения искусства: от его создания автором и до момента восприятия зрителем при участии посредников: искусствоведов, галеристов, музейщиков и прочих.

Сфера создания произведений искусства включает множество платформ: Big Painter demo, Dream Thief, StableDiffusion, Midjourney, NovelAI, Dalle2, NightCafeCreator, Tiamat, OpenAI's MuseNet, Google's Magenta Cubase, Adobe Sensei, Autodesk's Project Refinery, Unity's ML-Agents и др. (Fan, Liang 2023). Инструменты по генерации изображений порождают новые направления и концепции в генеративном, цифровом искусстве. Позволяют сосредоточиться художнику на концепции, вовлечь зрителя в создание произведений (Shurmanova, Mikhaylova, Suetina, Ivanova, Belousova, 2024; Lesnichikh, Sergeyeva, 2023; Kostylev, Romanova, 2024; Yermakov, 2023; Degtyarenko, Pikov, 2023; Andryushina, 2024).

Анализ памятников искусства (в основном формальный): AI art generators, Virtual reality (VR) (Hutson, 2024), Google Arts, ArtPI, CLIP, Dexibit.

Анализ и описание памятников искусства находятся в непосредственной близости с функциями сохранения и экспозиции памятников, а именно организациями культуры (галереи, музеи, выставочные залы и пр.): IBM Watson, Harvard Art Museums AI Explorer, Creative AI Lab.

Основные методы ИИ, применимые в сфере искусства: глубокие сверточные нейронные сети, алгоритмы машинного об-

учения, алгоритмы извлечения признаков, кластеризация, визуальное восстановление связей, система поиска визуальных ссылок, контекстные знания, мультимодальный поиск, аннотирование изображений, социальные технологии, алгоритмы рекомендаций (Castellano, Vessio 2021; Asadchikh, Sushinskaya, 2023).

Для изучения заявленной темы необходимо обратиться также к теории медиа и теории развития креативных индустрий, так как они лежат в основе развития современных культурных институтов и непосредственно влияют на социальные изменения в данной сфере.

Теория медиа, в частности работы Маршалла Маклюэна и его концепция «среда как сообщение» (McLuhan, 2021), является инструментом для анализа посреднической функции ИИ в изменении способа создания, восприятия и распространения искусства (Koptseva, Zamaraeva, 2023; Pimenova et al., 2023). ИИ не просто инструмент или платформа, так как активно формирует контент и контекст культурного производства за счет построения определенных алгоритмов и моделей.

Концепции воздействия ИИ на искусство включают блок исследований культурных индустрий (Sitnikova, 2024), где рассматриваются экономические и культурные аспекты создания произведений искусства. В данном контексте отмечается, как ИИ влияет на производственные процессы, распределение и потребление культурных товаров.

Предметом современных исследований также являются социальные технологии и влияние ИИ на социальные структуры и их изменения в рамках культурных институтов, что, в свою очередь, непосредственно связано с проблемами этики, интерактивности, агентности, социальной динамики, цифрового гуманизма и др. (Kolesnik, Koptseva, 2023; Kolesnik, Koptseva, 2024; Koptseva, 2024; Shurmanova, Sergeyeva, 2023; Shpak, 2023; Shpak, Kirko, 2023; Shpak, Baryshev, 2024).

Аспекты, связанные с вопросами социальных последствий в гуманитарных сфе-

рах, в значительной степени затрагивают такие темы, как: авторство и конфиденциальность, концептуальные основания произведений (аспекты кода и создания ИИ-моделей), ИИ-технологии при формальном или стилистическом анализе произведений искусства (помощь и ограниченные возможности, точность данных, прозрачность алгоритмов, стандартизация), междисциплинарность области.

Структурные социальные и этические изменения в искусстве из-за ИИ-технологий рассматриваются у авторов С. Huang, Z. Zhang, B. Mao and X. Yao (Huang, 2023), Дегтяренко (Degtyarenko, 2024), социальные коммуникативные аспекты изменений языка у Hohenstein, J., Kizilcec, R. F., DiFranzo, D., Aghajari, Z., Mieczkowski, H., Levy, K., Naaman, M., Hancock, J., Jung, M. F. (Hohenstein, et al. 2023) Guzman, A. L., Lewis (Guzman, Lewis, 2020), S. C., цифровая этика – Ashok, M., Madan, R., Joha, A., Sivarajah, U. (Ashok, et al., 2022), автоматизация труда в сфере искусства и робототехника Voella, G., Mori, M. (Voella, Mori, 2021), узконаправленный ИИ, учитывающий культурный и религиозный аспекты, у Berberich, N., Nishida, T., Suzuki, S. (Berberich, et al., 2020), Исследователи Luna Vanhaecke и Amanda Wasielewski изучают этические и социальные последствия использования ИИ, разделяя их по уровням. Авторы рассматривают три уровня: индивидуальный, куда входит влияние на безопасность, конфиденциальность, принятие самостоятельных решений; групповой, сюда относятся отражение предвзятости к некоторым социальным группам, ответственность за действия ИИ, прозрачность алгоритмов, хранение и обработка персональных данных, автоматизация труда – временный кризис за счет потери мест, появления их в других сферах и необходимость междисциплинарных направлений в образовании, оценка моральных компетенций ИИ; экологический, куда входит влияние ИИ-систем на энергопотребление и окружающую среду (Dahlgren, Wasielewski, 2021). Подобные последствия можно отметить и в работах таких исследователей, как: Whittlestone, J.,

Nyrup, R., Alexandrova, A., Dihal, K., Cave, S. (Whittlestone, et al., 2019).

Концепция создания «социального искусственного интеллекта» как основы для развития технологий представлена в трудах Pedreschi D., Dignum F., Morini V., Pansanella V., Cornacchia G. (Pedreschi, 2021) и Stahl, B. C. (Stahl, 2021). Авторы отмечают, что гуманизация и права человека в основе технологии обеспечивают универсальность моральных и юридических норм. Логика исследования опирается на развитие стимулов, формируемых искусственно за счет ИИ-технологий, что приводит к максимизации прибыли и может иметь негативные этические последствия.

В работе «The Oxford Handbook of Ethics of AI» под редакцией M.D. Dubber, F. Pasquale, S. Das (Dubber, 2020) раскрываются социальные последствия как «общего» ИИ, так и его отдельных инструментов. Обсуждение концептуальных и практических вопросов этики ИИ охватывает широкий спектр тем: индивидуальное и общественное благосостояние, демократические решения, моральная свобода действий, предотвращение вреда человеку и др. Уделяется внимание уже работающим ИИ-технологиям. Эта работа охватывает широкий спектр вопросов, связанных с внедрением ИИ: от исследования нормативных ограничений на конкретные применения алгоритмов машинного обучения сегодня до размышлений о статусе ИИ как формы сознания с сопутствующими правами и обязанностями, в более общем смысле – понимания ИИ.

Использование ИИ-технологий в искусстве разнообразно, вопросы социальных последствий возникают у авторов Pisoni, G., Díaz-Rodríguez, N., Gijlers, H., Tonolli, L. (Pisoni, 2021), в статье «Human-Centered Artificial Intelligence for Designing Accessible Cultural Heritage», где исследуется применение ИИ для создания интерактивных сред. Ученые поднимают вопрос о противоречии этики и производительности, который должен базироваться на человеческих правах, поскольку позволит избежать некоторых проблемы, таких как дискриминация, а так-

же анализируют доступность просветительских ресурсов, преодоление социальной изоляции и др. Описанные механизмы в статье указывают на работу в основном над инклюзивными доступами к произведениям искусства: мобильное, удаленное присутствие, робототехника.

Исследователи Brey, A. (Brey, 2021), Zylinska, J. (Zylinska, 2020) указывают на связь с культурной индустрией, а именно с онлайн-платформами, сферой анализа данных, прозрачности ИИ-методов, анализ ИИ-технологий как инструментария с исторических позиций и др. Социальные последствия в сфере культурных индустрий рассматриваются с позиций образования новых рабочих мест и необходимости в специалистах, новых междисциплинарных областей. Помимо этого, Zylinska (Zylinska, 2020) указывает на интересный аспект использования сетей генерации изображений для визуального удовольствия и взаимосвязи его с новыми культурными значениями.

Cetinic Eva и She James в статье «Understanding and Creating Art with AI: Review and Outlook» выделяют два аспекта соотношения искусства и ИИ-технологий: ИИ используется для формального анализа коллекций, включая, например, оцифровку и т.д., и как непосредственный инструмент при создании нового произведения искусства художником (Cetinic, She, 2022). Схожая позиция прослеживается и у других авторов: G. Mazzola, M. Carapezza, A. Chella, D. Mantoan, (Mazzola, et al., 2024),

Wasielewski Amanda в своих работах занимается изучением создания формальных классификаций с помощью метода машинного обучения, а также и попытками создания моделей, способных провести содержательный анализ произведений искусства. Содержательный анализ опирается на стилистическую определенность и попытки классификации в соответствии с ней (Wasielewski, 2023). Стилистическая определенность, а также ошибки в классификации рассматриваются в работе авторов Srinivasan, R., & Uchino, K. (Srinivasan, Uchino, 2021).

Прогнозирование с использованием ИИ в экономической сфере занимает нишу

культурных индустрий. Маркетинговые стратегии и зависимое (искусственное) формирование рынка, в которых автоматизация и оптимизация процессов, целевая реклама и новые каналы распространения искусства занимают ведущие роли, стало возможно открытие междисциплинарных позиций, требующих больших навыков, в сфере технических и гуманитарных наук.

Теория креативных индустрий подчеркивает, что ИИ-технологии способствуют появлению новых форм культурного производства и изменяют структуру трудовых отношений в креативных индустриях (Božić, 2024). В сфере образования создаются независимые проекты, платформы и другие образовательные порталы, которые сотрудничают с музеями, галереями, представляя онлайн-платформы, включающие образовательный и развлекательный контент.

Методы

Методологической основой настоящего исследования являются ключевые положения теории искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой, используемой эффективно современными авторами для изучения различных граней искусства (Koptseva, 2022; Koptseva, Reznikova, 2015; Avdeeva, Degtyarenko 2021; Borodina, 2023; Reznikova, Sitnikova, Zamaraeva, 2019; Pimenova, Shpak, Ermakov, 2023; Sertakova, Kolesnik, Omelik, 2023; Leshchinskaia, Tarasova, Kolesnik, 2023). Также в настоящей работе социальные последствия влияния искусственного интеллекта (ИИ) в сфере искусства рассматриваются с позиций теории медиа, трансляции знаков и символов в медиа, а также с позиции этики и развития технологий ИИ, социальных последствий технологий в сфере искусств, учета социальных факторов в моделях ИИ. Ключевыми методами стали анализ исследовательской литературы, посвященной осмыслению существующего прогресса в области Digital Humanities, связанного с развитием ИИ-моделей в сфере искусства. В качестве репрезентантов реализации практики внедрения технологий ИИ были выбраны музеи как платформа, связывающая искусство и социум.

Исследование

Анализ передовых технологий, применяемых в музеях, показывает, что в основном ИИ-технологии используются в адаптации контента и работы с цифровыми коллекциями (Monauskina, 2023). Данное утверждение подтверждается анализом деятельности следующих музеев, выбранных в качестве репрезентантов, – Harvard Art Museum (Гарвардский художественный музей), где широко представлена практика работы с цифровыми коллекциями, и Cleveland Art Museum (Кливлендский художественный музей), где внедрены практики создания интерактивных моделей и адаптации контента, использующие ИИ-технологии. Выбор данных музейных пространств в качестве репрезентантов обусловлен тем, что на этих площадках осуществляется активная, продолжительная работа с технологиями, используется более одной ИИ-платформы, обращаются к новым технологиям, задействуют их в разных сферах работы культурного учреждения.

Гарвардский художественный музей – Harvard Art Museum (Harvard Art Museum, 2024) – примечательно посмотреть с позиции ИИ-технологий. Данные о произведениях искусства составляются при помощи шести различных ИИ-платформ: AI Explorer, Amazon Rekognition, Clarifai, Imagga, Google Vision, Microsoft Cognitive Services, Azure OpenAI и Anthropic’s Claude.

Базу составляют более 377818 произведений, используя ИИ-платформы, Harvard Art Museum собрал 28374003 сгенерированные аннотации о своей коллекции.

Модели ИИ помогают дополнительно в описаниях с созданием тегов, подписей, автоматического распознавания объектов, лица и текста на произведениях искусства. С позиции взаимодействия зрителя с произведением искусства ИИ-инструменты Harvard Art Museum упрощают поиск и работу с коллекцией, позволяя определять важные закономерности на разных статусах художественного образа произведения в пределах направления, творчества художника или эпохи.

Помимо этого, создаются игры на базе коллекции музея искусства, развивающие и вовлекающие зрителей в арт-пространство через медиапространство мобильных приложений. ИИ-модель представляет скорее обобщенное описание произведений (трансляция именно социальных знаков и символов из анализа текстовой информации из баз данных, перечисленных ранее, нежели экспертная оценка). Для более содержательного анализа не хватает экспертных оценок, сгенерированных с использованием ИИ-технологий, по описанию коллекции.

Использование ИИ-технологий расширяет возможности Harvard Art Museum по исследованию, сохранению и популяризации искусства. Интеграция ИИ помогает лучше понимать и изучать коллекции музея, а также предоставляет новые инструменты для взаимодействия с миром искусства для широкой аудитории.

Деятельность Кливлендского художественного музея (Cleveland Art Museum, 2024) позволяет изучить практику внедрения ИИ-технологий с позиции адаптации общения зрителя и произведения искусства. В новых медиаформатах Cleveland Art Museum обращается к использованию следующих платформ: CArt fun facts, Artlens, Sculpture Lens, Art Explorer. В медиапространстве зрителю предлагается одна из наиболее популярных сегодня технологий ИИ в музейной сфере – это чат-боты (List of Artificial Intelligence (AI) initiatives in museums, 2024). Главная его задача – генерация развлекательного контента, где при анализе открытых данных Cleveland Art Museum о художниках и произведениях и опять же визуальных совпадениях ИИ-инструменты обратного поиска изображений создают сопоставления фотоизображений с произведениями искусства из коллекции.

В отличие от Гарвардского музея, в Кливлендском художественном музее создается интерактивное пространство ARTLENS, где используются экраны большого размера (152,5*1219,2 см), в каждом из которых 150 панелей, которые позволяют посетителям, в том числе и совместно,

виртуально изучать произведения искусства, погружаясь в них, создавать свои собственные сочетания произведений, наложенный и любой другой работы с коллекцией, а также работать с таким форматом, как голография, ответы которой используют языковые ИИ-модели. Данные модели ориентированы скорее на интуитивное восприятие информации и работы с коллекцией произведений, помимо этого, развивается и 3D-моделирование объектов из коллекции.

Специфика взаимодействия с произведениями искусства в случае с функцией адаптации для зрителя включает в себя ряд составляющих:

- вовлечение в разговор с произведением через поиск совпадений с конкретными, индивидуальными чертами зрителя;
- интерактивная помощь и сопровождение как в медиапространстве, так и непосредственно в музее;
- организация интерактивной работы с произведениями из коллекции для качественного анализа произведений и обеспечение комплексного подхода к взаимодействию зрителя и произведения.

Таким образом, при сравнении использования технологий искусственного интеллекта в музеях можно отметить следующее:

1. ИИ-технологии и вовлечение зрителя в общение с произведением искусства;
2. Использование ИИ-инструментов для дополненной реальности – совпадение портретной фотографии зрителя и персонажа произведения из коллекции, оживление художественного материала;
3. Адаптация визуального контента для анализа, доступ к виртуальным галереям;
4. Аннотация и механическая работа с коллекциями.

Новые технологии позволяют обозначить значимость музея как центра, где возникают креативные идеи, культура и социум в целом, а не просто демонстрируются произведения. Долгосрочный успех применения ИИ в музейной практике зависит от способности специалистов внедрять и адаптировать технологии для выполнения более широких задач. Развитие ИИ-техно-

логий имеет положительные социальные последствия для музеев, поскольку предоставляет новые возможности в работе со зрителем, новыми медиапространствами, адаптацией, аннотацией и категоризацией произведений искусств.

Также следует перечислить социальные последствия, которые можно оценить как негативные, они выражаются в динамичном переходе культурных учреждений в медиапространство, в преобладании развлекательного характера, в генерации через ИИ культурных символов с неоднозначным контекстом, без разработки социального ИИ.

Значимость музея – как места, центра, где возникают креативные идеи, культура и социум в целом, а не просто демонстрируются произведения.

Результаты

Результатом исследования, представленного в настоящей статье, является фиксация наличия разнообразных социальных последствий в сфере искусства, каждое из которых касается таких процессов, как создание произведения искусства, анализ (изучение) и сохранение произведений искусства, экспозиция произведения искусства (в том числе и в дистанционном формате), продажа и вопросы авторского права, а именно опасения по поводу авторских прав, прав собственности и коммерциализации произведений искусства, созданных с помощью ИИ, созданных с участием зрителя.

Анализ исследований, посвященных изучению практики и последствий внедрения ИИ, позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, необходимо отметить, что основными концептуальными положениями для обсуждения социальных последствий ИИ-технологий в сфере искусств выступают теория медиа, понятие и сфера креативных индустрий, социальные технологии, этика ИИ-технологий (авторство, ответственность), качественный технический анализ культурных и социальных аспектов. Далее нужно подчеркнуть, что помимо областей работы в индустриях культуры

и сферы искусства в целом социальные последствия ученые стремятся систематизировать и рассматривать на разных уровнях: общем, групповом, индивидуальном, а также выделяют экологический уровень.

Внедрение искусственного интеллекта влечет за собой необходимость осмысления последствий. На основе анализа исследований, посвященный данной проблематике, можно заключить, что в целом социальные последствия внедрения ИИ схожи во всех сферах, где это происходит. Например, вопрос замены человека искусственным интеллектом – автоматизация и, как следствие, утрата человеком рабочего места. Но с другой стороны, это можно рассматривать как импульс к росту и развитию, как появление новых возможностей и новых видов деятельности в связи с развитием ИИ.

Социальные последствия внедрения искусственного интеллекта в сфере искусства можно осмыслить и структурировать посредством соотнесения с процессом создания произведения искусства, которое является ключевым элементом сферы искусства. Здесь можно выделить также ключевых участников: создателей произведений искусства, потребителей-реципиентов, а также посредников (менеджеров, арт-критиков, искусствоведов, кураторов галерей и музеев), помогающих выстраивать взаимодействие с произведениями искусства.

В настоящей работе музеи были выбраны для изучения социальных последствий в сфере искусства в качестве репрезентативного пространства, где наиболее явно заметны трансформации сферы искусства вследствие внедрения ИИ, а также возни-

кающие социальные изменения от развития технологий, отражающиеся на разных социальных группах. Музеи как культурные организации наиболее плотно связаны со всеми этапами взаимодействия с производением искусства, и прежде всего с процессом представления произведения искусства зрителю.

На основе анализа практик внедрения технологий ИИ в работе Гарвардского и Кливлендского художественных музеев было обнаружено подтверждение идей, выявленных в ходе изучения исследовательской литературы. Есть как положительные тенденции: повышение доступности культурных продуктов и услуг через цифровые платформы, рост интереса к культурным мероприятиям благодаря интерактивным форматам, развитие технологий, способствующих оцифровке и сохранению культурного наследия, возможность создания новых форм искусства и культурного производства с использованием ИИ. Так и отрицательные, такие как: нехватка рабочих мест, перекавалификация, необходимость дополнительного образования, автоматизация процессов, усиление цифрового неравенства среди различных социальных групп, потенциальное нарушение авторских прав и конфиденциальности данных, экологические последствия. При этом необходимо подчеркнуть, что анализ социальных последствий внедрения ИИ на данном этапе скорее предстает как проблематизация и постановка вопроса, так как зачастую одновременно сочетаются и негативные, и позитивные аспекты в одном факте применения ИИ.

Список литературы / References

Andryushina YA.D. Neyroseti: pomoshchniki ili protivniki sovremennomu khudozhniku?[Neural networks: helpers or opponents to the modern artist?]. In: *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal [Siberian art history magazine]*, 2024, 3(1), 20–28. – DOI 10.31804/2782-4926-2024-3-1-20-28. EDN PBYXEE.

Asadchikh A. A., Sushinskaya YU.A. Issledovatel'skiye podkhody k provedeniyu tsifrovyykh kul'turnyykh issledovaniy: analiticheskiy obzor [Research approaches to conducting digital cultural studies: an analytical review]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2023, 4(4), 26–33. EDN QGYDDK.

Ashok M., Madan R., Joha A., & Sivarajah U. Ethical framework for Artificial Intelligence and Digital technologies. In: *International Journal of Information Management*, 2022, 62, 102433. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2021.102433>

- Avdeeva Y. N., Degtyarenko K. A. Vizualizaciya obraza ketov kak sovremennaya kul'turnaya praktika [Visualization of the image of the Kets as a modern cultural practice]. In: *Severnye arhivy i ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 2021, 5(2), 16–31. DOI:10.31806/2542-1158-2021-5-2-16-31
- Belousova S. V., Ragimova R. A., Suetina A. S., Sergeeva N. A. Iskusstvennyy intellekt: fantastika iz proshlogo ili real'noye nastoyashcheye [Artificial intelligence: fiction from the past or the real present]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intelekta [Sociology of artificial intelligence.]*, 2023, 4(3), 41–55. EDN CSGOUP
- Berberich N., Nishida T. & Suzuki S. Harmonizing artificial intelligence for social good. In: *Philosophy & Technology*, 2020, 33(4), 613–637. <https://doi.org/10.1007/s13347-020-00421-8>
- Boella G., Mori M. Ethics of Artificial Intelligence and Robotics. In: *Springer*, 2021, 320. DOI: 10.1007/978-3-030-32015-7.
- Borodina M. A. Religioznaya problematika istoriko-revolucionnykh proizvedenij «surovogo stilya» [Religious issues of historical and revolutionary works of the “severe style”]. In: *Severnye arhivy i ekspedicii [Northern archives and expeditions]*. 2023, 7(2). 15–26.
- Božić V. Creative industries: The future of innovation and impact. In: *ResearchGate*. 2024. <https://www.researchgate.net/publication/377768310>
- Brey A. Digital art history in 2021. In: *History Compass*, 2021, e12678. <https://doi.org/10.1111/hic3.12678>
- Castellano G., & Vessio G. Understanding Art with AI: Our Research Experience. In: *CEUR Workshop Proceedings*. 2021. Retrieved from <http://ceur-ws.org>.
- Cetinic E., She J. Understanding and Creating Art with AI: Review and Outlook. In: *ACM Transactions on Multimedia Computing, Communications, and Applications (TOMM)*, 2022, 18.2, 1–22 <https://doi.org/10.1145/3475799>
- Cleveland Art Museum. 2024. Available at: <https://www.clevelandart.org/> (accessed 23 May 2024).
- Dahlgren A. N. & Wasielewski A. The Digital U-Turn in Art History. In: *Konsthistorisk Tidskrift. Journal of Art History*, 2021, 90(4), 249–266. <https://doi.org/10.1080/00233609.2021.2006774>
- Degtyarenko K. A. Iskusstvennyy intellekt v oblasti sotsial'noy zashchity: obzor publikatsiy [Artificial intelligence in the field of social protection: review of publications]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intelekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2024, 5(1), 49–56. EDN GAWAGY.
- Degtyarenko K. A., Pikov N. O. Nauchnyye osnovy upravleniya vyzovami XXI veka [Scientific foundations of managing the challenges of the 21st century]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions.]*, 2023, 7(4), 31–45. EDN YWKLCQ.
- Dubber M. D., Pasquale F. & Das S. (Eds.). *The Oxford handbook of ethics of AI*. Oxford University Press, 2020, 624.
- Fan X. & Liang Y. The research on the characteristics of AI application in art field and its value. In: *4th International Conference on Language, Art and Cultural Exchange (ICLACE 2023)*, 2023, 146–160 https://doi.org/10.2991/978-2-38476-094-7_18
- Guzman A. L. & Lewis S. C. Artificial intelligence and communication: A Human-Machine Communication research agenda. In: *New Media & Society*, 2020, 22(1), 70–86. <https://doi.org/10.1177/1461444819858691>
- Harvard Art Museum. 2024. Available at: <https://harvardartmuseums.org/> (accessed 23 May 2024).
- Hohenstein J., Kizilcec R. F., DiFranzo D., Aghajari Z., Mieczkowski H., Levy K., Naaman M., Hancock J. & Jung M. F. Artificial intelligence in communication impacts language and social relationships. In: *Scientific Reports*, 2023, 13, 5487. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-30938-9>
- Huang C., Zhang Z., Mao B, Yao X. An Overview of Artificial Intelligence Ethics. In: *IEEE Transactions on Artificial Intelligence*, 2023, 4(4), 799–819, doi: 10.1109/TAI.2022.3194503.
- Hutson J. Integrating art and AI: Evaluating the educational impact of AI tools in digital art history learning. In: *Forum for Art Studies*, 2024, 1(1), 393. <https://doi.org/10.59400/fas.v1i1.393>
- Kholodkova L. M. Vozmozhnosti tekhnologiy virtual'noy real'nosti dlya sovremennykh kul'turnykh issledovaniy [Possibilities of virtual reality technologies for modern cultural research]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2023, 4(4), 34–40. – EDN NEPSMI.

Khvorostov V.V. Osnovnyye problemy vnedreniya II v sferu iskusstva: po materialam publitsistiki 2018–2023 godov [The main problems of introducing AI into the field of art: based on materials from journalism 2018–2023]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*. 2023, 4(4), 31–38. EDN CIZFEA.

Khvorostov V.V. Problemy vzaimodeystviya II i iskusstva i vozmozhnosti ikh resheniya glazami professional'nogo soobshchestva: na materiale Krasnoyarska [Problems of interaction between AI and art and the possibility of solving them through the eyes of the professional community: based on the material of Krasnoyarsk]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*. 2024, 5(1), 34–41. EDN UQNFVA.

Kolesnik M. A., Koptseva N. P. Filosofskiye osnovy tsifrovogo gumanizma [Philosophical foundations of digital humanism]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*. 2024, 5(1), 18–34. EDN DOHPLW.

Kolesnik M. A., Koptseva N. P. Iskusstvennyy intellekt kak sistemnaya tekhnologiya [Artificial intelligence as a system technology]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*. 2023, 4(4), 59–76. EDN VOFSNL.

Koptseva N. P., Reznikova K. V. Utochneniye prichin etnicheskoy migratsii severnykh sel'kupov na osnove istoricheskoy pamyati korennykh etnicheskikh grupp Turukhanskogo rayona Krasnoyarskogo kraya [Refinement of the causes of ethnic migration North Selkups based on the historical memory of indigenous ethnic groups Turukhansk district of Krasnoyarsk Krai]. In: *Bylye gody [Bylye years]*. 2015, 38. 1028–1038.

Koptseva N. P. et al. The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy. In: *International Journal for the Semiotics of Law*. 2016, 29(2). 1–28. DOI 10.1007/s11196-016-9479-4.

Koptseva N. P. et al. Obraz Severa v periodicheskikh izdaniyakh Rossiyskoy imperii kontsa XIX veka [The image of the North in periodicals of the Russian Empire at the end of the 19th century]. In: *Bylye gody [Bylye years]*, 2022, 17(2), 867. DOI: 10.13187/bg.2022.2.867

Koptseva N. P., Zamarayeva YU.S. Tekhno-futurizm v sovremennykh sotsial'nykh issledovaniyakh [Techno-futurism in modern social research]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities]*, 2023, 16(3), 494–504. – EDN PPWTQU.

Koptseva N. P., Zamarayeva YU.S. Sovremennyye issledovaniya v oblasti sotsiologii iskusstvennogo intellekta: bazovyye podkhody. Chast' 6.5 [Modern research in the field of sociology of artificial intelligence: basic approaches. Part 6.5]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2024, 5(1), 8–20. – EDN IVJCUH.

Kostylev S. V., Romanova L. N. Strategii modernizatsii uchrezhdeniy kul'tury klubnogo tipa: sovremennyye kul'turnyye praktiki [Strategies for modernizing club-type cultural institutions: modern cultural practices]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2024, 8(1), 69–75. EDN OPLPLO.

Leshchinskaya N.M., Tarasova M. V., Kolesnik M. A. Kartiny Borisa Mikhaylovicha Kustodiyeva perioda 1917–1922 godov: filosofsko-iskusstvovedcheskiy analiz [Paintings of Boris Mikhailovich Kustodiev from the period 1917–1922: philosophical and art analysis]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. [Journal of the Siberian Federal University. Humanitarian sciences]*, 2023, 16(4), 536–550.

Lesnichikh A. A., Sergeyeva N. A. Tsifrovizatsiya v teatral'nom iskusstve [Digitalization in theatrical art]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2023, 4(3). 33–40. EDN LMQLTC.

List of Artificial Intelligence (AI) initiatives in museums. 2024. Available at: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1A7IVnucQZ0ICxYSOCjqQ1oV3xGgNzDKtIYGrk6smV7w/edit#gid=0> (accessed 23 May 2024).

Lutsik D.N. Analiz videokontenta s pomoshch'yu iskusstvennogo intellekta: issledovaniye voprosa [Analysis of video content using artificial intelligence: research of the issue]. In: *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal [Siberian art history journal]*. 2023, 2(2), 46–55. EDN BTFIXJ.

Mamayeva S.D. Iskusstvennyy intellekt v tsifrovyykh kul'turnyykh issledovaniyakh: analiticheskiy obzor nauchnoy literatury [Artificial intelligence in digital cultural research: an analytical review of scientific literature]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2023, 4(3), 8–16. EDN RZIENT.

Mazzola G., Carapezza M., Chella A., Mantoan D. Artificial Intelligence in Art Generation: An Open Issue. In *International Conference on Image Analysis and Processing*. 2024. 258–269 https://doi.org/10.1007/978-3-031-51026-7_23

McLuhan E. Marshall McLuhan's Theory of Communication: The Yegg. H-ermes. In: *Journal of Communication*, 2021, 2021(20), 195–216.

Mikhaylova S. A. Projekt sistemy iskusstvennogo intellekta dlya sokhraneniya muzykal'nogo naslediya korennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiyskoy Federatsii: na primere muzykal'noy kul'tury khantov [Project of an artificial intelligence system for preserving the musical heritage of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation: on the example of the musical culture of the Khanty]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2023, 4(4), 45–55. EDN IIXYLI.

Monaykina M. O. Rol' virtual'nogo muzeya v praktike raboty muzeynykh tsentrov (na primere Krasnoyarskogo khudozhestvennogo muzeya imeni V. I. Surikova) [The role of the virtual museum in the practice of museum centers (on the example of the Krasnoyarsk Art Museum named after V. I. Surikov)]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2023, 4(3), 17–26. EDN OLFLGG.

Pedreschi D., Dignum F., Morini V., Pansanella V., Cornacchia G. Towards a Social Artificial Intelligence. 2021. In: *Lecture Notes in Computer Science*, 2023, 13500. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-24349-3_21

Pimenova N. N., Shpak A. A., Ermakov T. K. Zhanr sovetskogo plakata v izobrazitel'nom iskusstve 1917–1922 gg. [The Genre of the Soviet Poster in the Fine Arts of 1917–1922]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. [Journal of the Siberian Federal University. Humanitarian sciences]*, 2023, 16(4), 580–593.

Pimenova N. N., Shpak A. A., Degtyarenko K. A. Tsifrovoye iskusstvoznaniye: vozmozhnaya tipologiya baz dannykh po iskusstvu [Digital art history: a possible typology of art databases]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities]*, 2023, 16(12), 2273–2284. – EDN AAYGXA.

Pisoni G., Diaz-Rodríguez N., Gijlers H. & Tonolli L. Human-Centered Artificial Intelligence for Designing Accessible Cultural Heritage. In: *Applied Sciences*, 2021, 11(2), 870. <https://doi.org/10.3390/app11020870>

Reznikova K. V., Sitnikova A. A., Zamaraeva Y. S. Filosofiya iskusstva v tvorchestve Egona Shile [Philosophy of art in the works of Egon Schiele]. In: *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*. 2019, 3(4), 38–48.

Sattarov V. D. Problemy yuridicheskoy otvetstvennosti virtual'nykh sub'yektov [Problems of legal liability of virtual subjects]. In: *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*. 2024, 8(1), 132–134. EDN VQVASQ

Sergeyeva N. A. Ponyatiye «vizual'nost'» v sovremennykh teorii i istorii iskusstva [The concept of “visuality” in modern theory and history of art]. In: *Severnnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2023. 7(2), 108–115. EDN JZKOFH.

Sergeyeva N. A., Zamarayeva Y. U. S. Dayzhest novostey v sfere razvitiya iskusstvennogo intellekta [News digest in the field of development of artificial intelligence]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*. 2023, 4(2), 41–51. EDN PHSONT.

Sertakova E. A., Kolesnik M. A., Omelik A. A. Obraz nauchno-tekhnicheskogo progressa v izobrazitel'nom iskusstve Pavla Nikolayevicha Filonova [The image of scientific and technological progress in the fine arts of Pavel Nikolaevich Filonov]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. [Journal of the Siberian Federal University. Humanitarian sciences]*, 2023, 16(4), 594–607.

Shpak A. A. Roboty nastupayut: razvitiye tekhnologiy i budushcheye bez raboty. Retsenziya na knigu avtora Martina Forda [Robots are coming: technology development and a future without work. Review of the book by the author Martin Ford]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*. 2023, 4(1), 64–70. DOI 10.31804/2712-939X-2023-4-1-64-70. EDN DRQHW.

Shpak A. A., Baryshev R. A. Budushcheye sfery truda dlya nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya regiona: tendentsii, kontseptsii, tekhnologii, napravleniya issledovaniya [the future of the sphere of labor

for the scientific and technological development of the region: trends, concepts, technologies, directions of research]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*. 2024, 8(1) 9–18. EDN ROUKGT.

Shpak A. A., Kirko V. I. Kontseptsiya Vladimira Geroymenko «Dopolnennaya real'nost' i iskusstvennyy intellekt. Sliyaniye peredovykh tekhnologiy» (Springer, 2023) [Concept of Vladimir Heroymenko “Augmented reality and artificial intelligence. Merger of advanced technologies” (Springer, 2023)]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*. 2023, 4(3), 22–40. EDN BPNIHE.

Shurmanova A. A., Sergeyeva N. A. Iskusstvennyy intellekt i korennyye malochislennyye narody: prilozheniya po sokhraneniuyu natsional'nykh yazykov [Artificial intelligence and indigenous peoples: applications for the preservation of national languages]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*. 2023, 4(2), 73–85. EDN JFABRL.

Shurmanova A. A., Mikhaylova S. A., Suetina A. S., Ivanova A. A., Belousova S. V. Evolyutsiya tsifrovogo iskusstva: analiz NFT-platform na osnove togovoy ploshchadki «Opensea» [The evolution of digital art: analysis of NFT platforms based on the Opensea trading platform]. In: *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal [Siberian Art History Journal]*, 2024, 3(1). 29–48. DOI 10.31804/2782-4926-2024-3-1-29-48. EDN OBULPA.

Sirenko S. O., Zamarayeva YU.S. Partitsipatornyye praktiki sovremennogo iskusstva (na materiale analiza khudozhestvennykh proizvedeniy Tikharu Sioty) [Participatory practices of contemporary art (based on the analysis of artistic works by Chiharu Shiota)]. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost' [Asia, America and Africa: history and modernity]*, 2023, 2(2), 56–90. DOI 10.31804/2782-540X-2023-2-2-56-90. EDN VDCWZI.

Sitnikova A. A. *Krasnoyarskaya khudozhestvennaya kul'tura kontsa XX – nachala XXI vv.* Krasnoyarsk: Krasnoyarskaya regional'naya obshchestvennaya organizatsiya Sodruzhestvo, 2024, 214. – ISBN 978–5–605–07713–8. – EDN KXCRLH.

Srinivasan R. & Uchino K. Biases in Generative Art. In: *Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*, 2021, 41–51. doi:10.1145/3442188.3445869

Stahl B. C. Artificial Intelligence for a Better Future. In: *SpringerBriefs in Research and Innovation Governance*, 2021, 124. doi:10.1007/978-3-030-69978-9

Wasielewski A. *Computational Formalism: Art History and Machine Learning*. Cambridge, MA, MIT Press, 2023, 235.

Whittlestone J., Nyrup R., Alexandrova A., Dihal K., Cave S. *Ethical and societal implications of algorithms, data, and artificial intelligence: A roadmap for research*. Nuffield Foundation, 2019, 59. <https://www.nuffieldfoundation.org/wp-content/uploads/2019/02/Ethical-and-Societal-Implications-of-Data-and-AI-report-Nuffield-Foundation.pdf>

Yermakov T. K. Iskusstvennyy intellekt kak priyom: metodiko-teoreticheskoye osnovaniye issledovaniya videoigrovogo iskusstvennogo intellekta [Artificial intelligence as a technique: methodological and theoretical basis for the study of video game artificial intelligence]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2023, 4(3), 56–63. EDN EJPQEZ.

Zylinska J. *AI art: machine visions and warped dreams*. Open Humanities Press, 2020, 181. <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/40042>.

EDN: QGXYGC
УДК 75.011.2

Painting of 19th Century in the Journal “Bulletin of Fine Arts”

Anna A. Omelik^{*a}, Natalia A. Sergeeva^{a,b}
and Tikhon K. Ermakov^a

^a*Siberian Federal University*

^b*Siberian State Institute of Arts named after Dmitry Hvorostovsky
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 26.05.2024, received in revised form 17.06.2024, accepted 24.06.2024

Abstract. This article analyzed two articles on 19th-century painting, published in the periodical “Bulletin of Fine Arts”, published by the Imperial Academy of Arts, in the period from 1897 to 1890. An article by M. P. Solovyov “Painting of the 19th Century” published in parts in 1889 and 1890 was selected for analysis and the article “Sternberg’s Painting” by V. V. Stasov published in 1887. The selection of articles for analysis allowed us to explore the different methodological approaches of the authors. M. P. Solovyov focused on the development of 19th-century painting through the prism of social and socio-political processes. At the same time, the scrupulous approach of the author made it possible to describe in detail the work of many artists of the 19th century, relying on locality, narratives, plots, artistic techniques and academic traditions. As a result of the study, it was possible to establish the methodological and conceptual framework of Solovyov’s research approach, as well as provide a brief analysis of the main trends and narratives of 19th century painting in France, Germany, and Belgium. The value of V. V. Stasov’s article on the art of painting of the 19th century lies in the analysis of periodicals, letters, and memoirs of contemporaries. The critic, on the one hand, gives an artistic description of the work of V. I. Sternberg, on the other hand, reveals its value as a source of information that the artist presented in his letters about the life and everyday life of domestic artists. The research method is qualitative content analysis, historiographical analysis, as well as a methodological approach to the study of periodicals.

Keywords: fine arts, 19th century painting, art criticism, Bulletin of Fine Arts, artist, periodicals.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

Citation: Omelik A. A., Sergeeva N. A., Ermakov T. K. Painting of 19th century in the Journal “Bulletin of Fine Arts”. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(8), 1561–1571. EDN: QGXYGC

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: aomelik@sfu-kras.ru

ORCID: 0000-0002-5278-6469 (Omelik)

Живопись XIX века в журнале «Вестник изящных искусств»

А.А. Омелик^а, Н.А. Сергеева^{а,б}, Т.К. Ермаков^а

^аСибирский федеральный университет

^бСибирский государственный институт искусств

имени Дмитрия Хворостовского

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В данной статье был проведен анализ двух статей, посвященных живописи XIX века, опубликованных в периодическом издании «Вестник изящных искусств», издаваемом при Императорской Академии художеств, в период с 1897 по 1890 год. Для анализа были выбраны обширная статья М. П. Соловьева «Живопись XIX столетия», которая была опубликована по частям в 1889 и 1890 годах, и статья «Живопись Штернберга» В. В. Стасова, опубликованная в 1887 году. Выбор статей для анализа позволил провести исследование разных методологических подходов авторов. М. П. Соловьев сосредоточил внимание на развитии живописи XIX века через призму общественных и социально-политических процессов. При этом скрупулезность подхода автора позволила подробно описать творчество большого количества художников XIX века, опираясь на локальность, нарративы, сюжеты, художественные приемы и академические традиции. В результате исследования удалось установить методологические и концептуальные рамки исследовательского подхода Соловьева, а также дать краткий анализ основных тенденций и нарративов живописи XIX века во Франции, Германии и Бельгии. Ценность статьи В. В. Стасова об искусстве живописи XIX века заключается в анализе периодических изданий, писем, воспоминаний современников. Критик, с одной стороны, дает художественную характеристику творчества В. И. Штернберга, с другой стороны, раскрывает его ценность в качестве источника информации, которую художник излагал в своих письмах о жизни и быте отечественных деятелей искусства. Методом исследования выступает качественный контент-анализ, историографический анализ, а также методологический подход к исследованию периодических изданий.

Ключевые слова: изобразительное искусство, живопись XIX века, искусствоведение, Вестник изящных искусств, художник, периодика.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Омелик А. А., Сергеева Н. А., Ермаков Т. К. Живопись XIX века в журнале «Вестник изящных искусств». *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1561–1571. EDN: QGXYGC

Введение

В данной статье рассмотрены взгляды М. П. Соловьева и В. В. Стасова на живопись XIX столетия. В. В. Стасов – художественный критик и искусствовед, который активно за-

нимался исследованиями искусства разных периодов, тогда как М. П. Соловьев – государственный деятель, увлеченный вопросами теории и практики искусства. Эти факты наложили отпечаток на работы авторов. Ста-

сов в своих критических заметках активно использует анализ периодических изданий, писем, воспоминаний современников. Критик, с одной стороны дает художественную характеристику творчества В. И. Штернберга, с другой стороны, раскрывает его ценность в качестве источника информации, которую художник излагал в своих письмах о жизни и быте отечественных деятелей искусства, пребывающих за границей, в частности в Италии. Тогда как Соловьев, будучи погруженным в социально-политическую жизнь, в анализе искусства активно использует этот подход – анализ живописи в связи с общественными и политическими процессами в жизни государства.

Статья построена на анализе работ «Живопись XIX столетия», опубликованной в журнале «Вестник изящных искусств» в 1889 и 1890 годах, и «Живопись Штернберга», опубликованной в 1887 году в этом же периодическом издании.

В ходе проведения исследования были выявлены основные методы исследования, примененные М. П. Соловьевым и В. В. Стасовым для анализа живописи XIX века и путей ее эволюционного развития в течение века.

Материалы и методы

Методом исследования выступает качественный контент-анализ статей Соловьева, объединенных общим названием «Живопись XIX столетия», а также источниковедческий анализ. В своей работе «Живопись Штернберга», том 5, выпуск 5, опубликованной в «Вестнике изящных искусств», издаваемом при Императорской Академии художеств, В. В. Стасов анализирует периодические издания, такие как российский журнал «Иллюстрации», еженедельное издание «Иллюстрированная газета», сборник «Российский художественный листок», приводит анализ около 30 писем самого автора Штернберга, воспоминания современников мира искусства.

Методологически исследование опирается на исследовательский подход к периодическим изданиям (Koptseva, 2022; Koptseva, 2015; Koptseva et al., 2024; Koptseva

et al., 2023), который также взят за основу в исследованиях таких авторов, как Н. М. Лещинская (Leshchinskaya et al., 2024), Ю. С. Замараева (Zamaraeva et al., 2024) и др.

Обсуждение

Тема живописи XIX века в научных публикациях регулярно поднимается и развивается, а значит, не теряет своей актуальности. Н. Н. Калитина еще в 1990 году исследует тему связи французской живописи XIX века с искусством итальянского Возрождения, проводя параллели и анализируя влияние, оказанное на французскую живопись (Kalitina, 1990).

Однако интерес к искусству XIX века актуален и сейчас, например, Даренская К. А. (Darenskaya, 2022) в статье «Искусство романтизма во французской живописи и его влияние на общество» рассматривает влияние политической обстановки во Франции и последствия Великой французской революции как основную причину изменений в национальной живописи.

Также исследователей интересует влияние западной живописи на становление российского искусства и развитие собственно русского искусства в конце XIX – начале XX века, так как этот период считается переломным для развития искусства в целом. Так, в статье «Отклик русской общественности на выставку французской живописи в 1896 году» Ю. В. Власова (Vlasova, 2023) анализирует отклик русской общественности на первую в России выставку французских художников в конце XIX века. А Д. Н. Поленкова в статье «Эволюция русской живописи конца XIX – начала XX века на примере творчества С. А. Виноградова» (Polenkova, 2022) рассматривает эволюцию русской живописи этого периода в свете социально-политических процессов.

«Живопись в XIX столетии»

в трудах М. П. Соловьева, опубликованных в журнале «Вестник изящных искусств» в 1889 и 1890 годах

В первом номере журнала «Вестник изящных искусств» за 1889 год опубликована первая половина большой статьи

М.П. Соловьёва «Живопись в XIX столетии» (Soloviev, 1889), вторая часть статьи опубликована в первом и втором выпусках журнала за 1890 год (Soloviev, 1890, 1890a).

В данном исследовании мы обращаем внимание на некоторые особенности самого автора исследования. Согласно «Альманху современных русских государственных деятелей» (Goldberg 1897: 1063–1064) Михаил Петрович Соловьёв родился 30 октября 1842 года. Изначально получил юридическое образование и стал известен благодаря активному участию в решении вопросов, связанных с регулированием политической ситуации в Польше (в частности, там же были написаны первые теоретические статьи юридического толка). На момент издания статьи состоял в должности старшего помощника юрисконсульта военного дела. К этому времени же относятся и первые работы М.П. Соловьёва по истории искусства (Rozanov, 2007), которые были преимущественно посвящены истории зарубежного искусства и рецензиям на исторические работы других российских искусствоведов. При этом М.П. Соловьёв не был исключительно теоретиком, активно занимался изготовлением книжных миниатюр, на почве чего также сыскал определённую известность.

Таким образом, приступая к анализу текста, мы должны иметь в виду, что представленный в нём взгляд – это взгляд со стороны профессионального гуманитария, но не профессионального искусствоведа. По сути – это работа, созданная высококвалифицированным любителем искусства, чья основная деятельность тесно связана с более «прикладными» областями гуманитарных исследований XIX века. В ситуации, когда профессиональное искусствоведение только начинает своё активное становление, такая позиция не является редкостью, поэтому нельзя считать М.П. Соловьёва исключительным деятелем, но, скорее, одним из типовых примеров историка искусства XIX века в Российской империи.

Первый ключевой нарратив связан с особенностями той или иной школы имен-

но как «национальной». Начиная рассматривать особенности Германии как центра развития искусства, М.П. Соловьёв подчёркивает, что сама по себе страна, по сути дела, всегда синтезировала тенденции, получавшие развитие в других областях. Например, искусство XVII–XVIII веков оценивается исследователем как последовательное развитие итальянских и французских традиций. В этом же смысле М.П. Соловьёв оценивает и влияние античных традиций на немецкую живопись, однако подчёркивает, что именно античное наследие в качестве своеобразного фундамента начинает трактоваться немецкими художниками в особом ключе.

Второй нарратив логически вытекает из первого. Связан он с географическими передвижениями художника-лидера школы, влекущими за собой изменения в его творческом подходе и, соответственно, в направленности развития всего искусства. В частности, выделяется единая узловая точка – Рим, работа в котором даёт своеобразный старт двум из вышеперечисленных школ. При этом одна и та же географическая позиция влияет на художников различными способами. Например, пребывание в Риме Карстенса привело к тому, что художник приобщился к античному наследию и впитал в себя общемировые традиции живописи, в то время как Корнелиус, напротив, находясь в Риме, активно развивал собственный художественный язык, в котором ярко проявляется именно немецкое живописное наследие.

Третий нарратив связан с теоретическими основаниями развития живописи. Говоря о первых двух школах, М.П. Соловьёв определяет их источник не столько как художественный, сколько как теоретико-эстетический. Например, творчество Карстенса связывается с теоретическими работами Винкельмана и Лессинга, которые обосновали новый способ видения античного искусства, который уже потом находит практическое воплощение в творчестве художника. Здесь стоит отметить, что подобная связь выявляется исследователем не столько как историческая за-

кономерность, сколько как своеобразный автоматический закон. Дело не в том, что Карстенс знаком с работами Винкельмана и Лессинга, а в том, что эти работы в принципе существуют, формируя определённый теоретический ландшафт, практическим выражением которого становится живопись художника.

Четвёртый важный нарратив связан с взаимодействием между художественной школой и академической средой. Академизм для М.П. Соловьёва – это в первую очередь последовательная традиция обучения художников, передача им определённого набора технических и тематических приёмов, позволяющих создавать живописные произведения. Ведущие художники, чьё творчество становится ядром для развития новой школы, всегда получают академическое образование, но затем отходят от навязанной им традиции, развивая свои собственные эстетические наклонности. Интересно, что этот сюжет находит своё развитие даже в описании собственно немецкого академизма (дюссельдорфская школа), новый виток развития которого связан с приходом в Академию Вильгельма Шадова, который начинает развивать более натуральный и естественный подход к изображению сначала классических героических сюжетов, а позже (и преимущественно благодаря своим ученикам) и видоизменяет тематику своих полотен, делая их более приближенными к бытовому жанру.

Все обозначенные выше сюжеты взаимосвязаны с категорной решёткой, через которую М.П. Соловьёв анализирует историю немецкой живописи в XIX веке. Так, «национальный» сюжет обращается в модель патриотически-народного искусства. Конкретная школа оценивается М.П. Соловьёвым с позиции её ориентированности на немецкий народ, при этом такая ориентация вовнутрь становится не отличительной чертой конкретного направления, а задачей, которую каждая из школ с необходимостью решает, пусть и различными средствами. Так, даже романтическая школа, которая описывается как наиболее мистически-гуманная, а значит, и наиболее

сложная для понимания простым народом, связывается с подъёмом патриотических настроений в связи с борьбой с Наполеоном, что, по мысли исследователя, обеспечивает ей безусловно «народный» характер.

Вторая категория связывается с «локальностью» школы. Географическая привязка того или иного художника приводит к тому, что на определённых этапах своего жизненного пути он работает на определённых заказчиков. Причём сложная решётка взаимодействия этих заказчиков ведёт к прояснению некоторых особенностей и художественных особенностей того или иного живописного направления. Так, уже упоминавшаяся выше разница между «восприятием» Рима в работах Карстенса и Корнелиуса связана с различной природой их заказчиков: если первый работал непосредственно на социальную элиту Рима, то второй был зависим от заказов немецкой диаспоры, проживающей в Италии.

Третьей категорией становится оппозиция «интеллектуальное-эстетическое», определяющая пульсацию между практически-живописными приёмами художников и эстетическими работами различных теоретиков. В частности, прямое влияние теоретиков на немецкую живопись М.П. Соловьёв связывает с рациональной природой самих немцев, их стремлением выражать идею, а не эстетический образ (что рефлексировалось исследователем ещё в работах А. Дюрера). При этом чисто эстетические потребности определяют успешность конкретного художника, который определяет свой стиль исходя из своего конкретного эстетического чутья (здесь очевидно влияние эстетических категорий «вкуса» и «гения» немецкой классической философии).

Наконец, важной является категория «традиции», которая находит своё буквальное воплощение в моделях отношений между художником и Академией. Традиция понимается М.П. Соловьёвым в контексте восприятия художниками классических античных, христианских и героических сюжетов и слабо связывается непосредственно с живописной техникой. Традиция – это

скорее канон изображения, который впоследствии перерабатывается конкретными мастерами для решения своих художественных задач.

В конце нашего обзора модели живописи XIX века в работе М.П. Соловьёва в первой части, опубликованной в журнале «Вестник изящных искусств» 1889 года (Soloviev, 1889), хотелось бы подчеркнуть важность географических локалей в его категорной решётке. По сути, географические точки выступают для него своеобразными центрами консолидации художников, через которые происходит обмен приёмами и тематиками. В частности, благодаря Риму как точке притяжения, М.П. Соловьёв определяет прямые связи между немецкой и российской живописными школами в XIX веке.

Живопись Штернберга и обзор главных основ Эстетики

Одним из ключевых авторов журнала был русский художественный критик, историк искусства, также известный библиограф Владимир Васильевич Стасов. Первая часть выпуска журнала «Вестник изящных искусств», издаваемого при Императорской Академии художеств: выпуски за 1887 год, том 5, выпуск 5, посвящена творчеству русского живописца и графика, представителя романтического академизма Василия Ивановича Штернберга (1881–1845).

В самом начале повествования В.В. Стасов даёт оценку художественным способностям молодого художника-иллюстратора, отмечая, что художественная сторона, техника выполнения были у него прекрасны лишь в рисунках, так как он бойко владел карандашом, и акварелях, в масляных красках Штернберг был слаб (Stasov, 1887: 366). Однако критик отмечает, что Василий Иванович имел дар внешней наблюдательности, способность верно и метко схватывать и передавать правдивую, истинную, а чаще комическую сторону людей (Stasov, 1887: 367). Точно передавать типы и характеры персонажей. Несмотря на то что Стасов отдаёт Штернбергу роль иллюстратора и не более того, он говорит о том, что необходимо обратить внимание

на его фигуру и те заслуги, за которые мы должны быть ему благодарны.

В поле интересов Штернберга лежал интерес к современным тому времени людям, он единственный, кто передал облики двух великих современников-художников: Александра Андреевича Иванова (1806–1858), русского живописца и графика, и русского композитора Глинки Михаила Ивановича (1804–1857). И в России, и в Италии в окружении Штернберга было немало талантливых и неординарных людей, в своих зарисовках он с точностью передавал образы, особенно интересны, по мнению Стасова, образы русских художников за границей в 40-х годах (Stasov, 1887: 368). В этом плане ценными становятся не только рисунки, но и письма Штернберга, которые сохранились у друзей художника. В основу статьи Стасова легли отрывки воспоминаний современников, писем, тем самым автор составляет портрет художника.

В первой части статьи Стасов даёт биографическую справку о Штернберге, который родился в Петербурге 12 февраля 1818 года в семье горного чиновника. После смерти отца Василий остался на попечении матери, которая все свои немногочисленные средства вкладывала в образование сына. Любовь к рисованию проявлялась в рисунках с натуры, деревьев, кустов, пейзажей. Основы техники юный художник постигал самостоятельно. Всё изменила встреча Штернберга с юным живописцем и рисовальщиком Михаилом Ивановичем Лебедевым, который на тот момент был учеником выдающегося мастера романтического пейзажа Максима Никифоровича Воробьева, от которого и стал получать первые профессиональные советы (Stasov, 1887: 369). Вскоре Штернберг поступил в качестве вольноприходящего в Академию. В 1835 году в 17-летнем возрасте Штернберг поступил в ученики Академии, в класс профессора М.Н. Воробьева. В Академии талант Штернберга стал стремительно раскрываться и о юном даровании стали много и охотно говорить. Помимо пейзажной живописи Штернберг стал также рисовать и писать людей, группы, сцены и проявлял себя как

«жанрист», стал известен своими карикатурами и юмористическими набросками всех сколько-нибудь типических личностей, попадавшихся ему на глаза (Stasov, 1887: 371).

Лето юный художник проводил в Малороссии, где в 1838 году в Каченовке встретился с Глинкой и запечатлел его в нескольких своих работах. Из воспоминаний М. И. Глинки «Въ концѣ апрѣля 1838 года – говоритъ Глинка въ своихъ «Запискахъ» – я былъ посланъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Малороссію, для набора пѣвчихъ для придворной пѣвческой капеллы... Во все время пребыванія моего въ Малороссіи, гостилъ въ Каченовкѣ талантливый нашъ художникъ, очень пріятный молодой человекъ, Штернбергъ. Но не всѣ предавались сну; у меня, въ оранжереѣ, собирались Марковичъ, П. Скоропадскій, Забѣлло и Штернбергъ, появлялся Палагинъ со скрипкой, Яковъ съ

контрбасомъ и віолончелистъ; играли русскія и малороссійскія пѣсни, представляли въ лицахъ и и бесѣдовали дружески иногда до трехъ и четырехъ часовъ пополуночи, къ нѣкоторой досадѣ аккуратнаго хозяина. Эти сцены повторялись часто, и Штернбергъ удачно изобразилъ наши сходки.» (Stasov, 1887: 376–377). Ниже представлен рисунок Штернберга «Ночная музыкальная сходка в Каченовке» (рис. 1).

Еще одна картина (рис. 2.), которая, по словам М. И. Глинки, имеет не менее важное значение, написанная в период создания его произведения «Руслан и Людмила», баллада Финна, Стасов В. В. пишет «Глинка сам рассказывает эту сцену в своих «Записках»: «Мне очень памятно время, когда писал я балладу Финна: было тепло, собрались вместе я, Штарнберг и Маркович. Покамест я уписывал приготовленные

Рис. 1. В. И. Штернберг. Ночная музыкальная сходка в Каченовке
(Репродукция в журнале «Вестник изящных искусств», 1887 г., Т 5(5), с. 381.
Источник изображения: Сайт «Национальная электронная библиотека»
https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011090160/)

Fig. 1. V.I. Sternberg. Night musical gathering in Kachenovka
(Reproduction in the magazine "Bulletin of Fine Arts", 1887, T 5(5), p. 381.
Image source: Website "National Electronic Library"
https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011090160/)

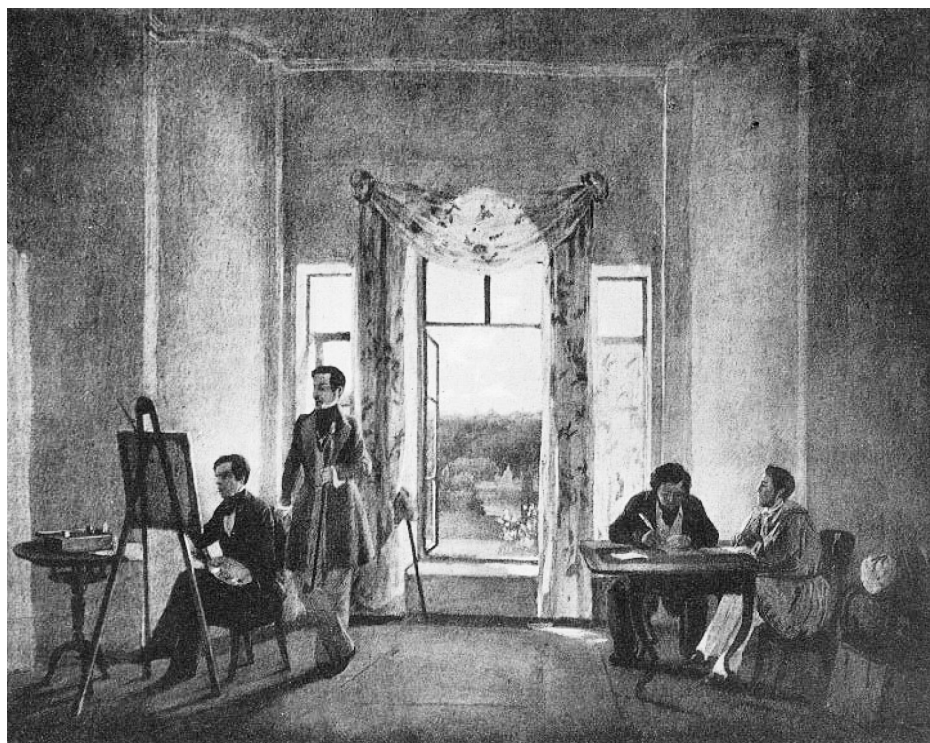

Рис. 2. В. И. Штернберг. М. И. Глинка в Каченовке за сочинением оперы: «Руслан и Людмила» (Репродукция в журнале «Вестник изящных искусств», 1887 г., Т 5(5), с. 397. Источник изображения: Сайт «Национальная электронная библиотека» https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011090160/)

Fig. 2. V. I. Sternberg. M. I. Glinka in Kachenovka composing the opera: "Ruslan and Lyudmila" (Reproduction in the journal "Bulletin of Fine Arts", 1887, T 5(5), p.397. Image source: Website "National Electronic Library" https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011090160/)

уже стихи, Маркович грыз перо (нелегко ему было в добавочных стихах подделываться под стихи Пушкина), а Штарнберг усердно и весело работал своею кистью. Когда баллада была кончена, неоднократно я ее пел с оркестром» (Stasov, 1887: 378).

Давая в статье критическую оценку художественного таланта Штернберга, говоря об отсутствии композиции, умении группировать людей, передавать типажи, В. В. Стасов отмечает и ценность его работы в том, что не один из знаменитых и более талантливых художников так и не подарил миру портрет великого композитора, в этом кроется своего рода ценность работы Штернберга.

Далее автор статьи проводит анализ работ Штернберга, опубликованных в периодических изданиях 1845–1867 года, среди

которых российский журнал «Иллюстрации», издателем и редактором которого был Нестор Васильевич Кукольник. Стасов В. В. отмечает такие работы, как трое малороссов (старуха, молодая девушка, и мужчина с палкой в руке) 1845 года, опубликованные в номере 36; продажа шляп с воза, на ярмарке; ярмарка; два малоросса и жида; два малоросса и лошадь 1846 года в номере 25, в том же году, номер 27—продавец вина у бочки; малороссы отвешивает что-то на весах девушке. В печатном сборнике «Российский художественный листок», издаваемом живописцем В. Ф. Тиммом, 1851 года, номер 19: ярмарка в Малороссии, в местечке Ичне. В еженедельной газете «Иллюстрированная Газета» 1867 года, номер 28, офицеры-ремонтёры покупают ло-

шадь у жидов и малороссов, и другие работы (Stasov, 1887: 383–384).

Период работы в Малороссии принес художнику золотую медаль, работа, написанная в 1838 году «Освящение пасх в Малороссии», считается наивысшим произведением Штернберга, картина была куплена императором Николаем и подарена великой княгине Марии Николаевне. В своей статье В.В. Стасов приводит высказывания русского прозаика и поэта, который также занимался периодическими изданиями искусствоведческого характера, Нестора Васильевича Кукольника: «*Все в этой картине так живо, и вместе важно, мило и патриархально, что не оторвался бы от неё; прибавьте к этому небо, воздух, которые дышат теплотой, и тогда сами убедитесь, отчего можно смотреть и не насмотреться на эту картину*» («Художеств. Газета» 1838, № 14)» (Stasov, 1887: 382). Золотая медаль Штернберга открыла возможность поездки в Италию, которая случилась спустя два года, в 1840 году.

Итак, вторая часть статьи художественного критика В.В. Стасова начинается с итальянской поездки Штернберга. Италия была привлекательная для такого мастера своими останками древности, живописными пейзажами и яркими персонажами. Но для В.В. Стасова итальянский период В.И. Штернберга интересен его письмами, особенный интерес представляют многочисленные подробности и рассказы собственной жизни автора и жизни наших отечественных художников в Италии. Также он часто в письмах высказывал свое мнение относительно окружающих его людей, природы. При этом во многих письмах находят-

ся любопытные наброски пером и акварелью многих из художников, пребывающих в Италии. Для библиографа и историка искусства письма, содержащие портретные характеристики, описание жизни художников за границей, проблемы, с которыми приходилось сталкиваться, стали бесценными источниками жизнеописания, в частности, знаменитого русского художника А.А. Иванова. В четвертой части статьи В.В. Стасов обобщает и приводит выводы представленных писем. С точки зрения становления художника Штернберга Италия не обогатила его, но он смог передать достаточно много бесценных библиографических данных, посвященных отечественным художникам, пребывающим за границей. Умер художник в возрасте 27 лет.

Заключение

Из проведенного в статье исследования можно сделать следующие выводы:

- М. П. Соловьев в своей развернутой статье «Живопись XIX столетия» опирается на четыре основных нарратива – национальный, географический, теоретический и взаимодействия между художественной школой и академической средой.
- Все обозначенные выше сюжеты взаимосвязаны с категорной решёткой, представленной моделью патриотически-народного искусства, локальностью школы живописи, оппозицией «интеллектуальное-эстетическое» и традициями.
- В статье «Живопись Штернберга» В.В. Стасов, говоря о живописи XIX века, использует источниковедческий метод исследования, в том числе анализ периодических изданий и большого количества писем.

Список литературы / References

Darenskaya K. A., SHkandrij N. YA. Iskustvo romantizma vo Francuzskoj zhivopisi i ego vliyanie na obshchestvo [The art of romanticism in French painting and its influence on society]. *Vestnik molodyh uchenyh Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizajna* [Bulletin of young scientists of the St. Petersburg State University of Technology and Design]. 2022. 2. 99–104.

Kalitina N. N. Francuzskaya zhivopis' XIX v. i iskustvo ital'yanskogo Vozrozhdeniya [French painting of the 19th century. and the art of the Italian Renaissance]. *Problemy izobrazitel'nogo iskustva XIX stoletiya: Mezhevuzovskij sbornik* [Problems of fine art of the twentieth century: Interuniversity collection]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1990. 133–143.

Koptseva N. P., Pimenova N. N., Zamaraeva YU. S., Seredkina N. N. Rossijskaya etnografiya konca XIX veka (po materialam zhurnala «ZHivaya starina», vypuski 1890-hgg.) [Russian ethnography of the late 19th century (based on materials from the magazine "Living Antiquity", issues of the 1890s)]. *Bylye gody [Older years]*. 2023. 18(3). 1421–1433.

Koptseva N. P., SHpak A. A., Menzhurenko Yu. N., Degtyarenko K. A. Obraz istorii otechestva v ocherkah pervoj chasti pervogo toma izdaniya «ZHivopisnaya Rossiya» (1881 g.) [The image of the history of the fatherland in the essays of the first part of the first volume of the publication "Picturesque Russia" (1881)]. *Bylye gody [Older years]*. 2024. 19(1). 312–324.

Koptseva N. P., SHpak A. A., Menzhurenko Yu. N., Degtyarenko K. A. Istoriya nauki i tekhniki Rossijskoj imperii nachala XX v. v zhurnale «Vestnik Obshchestva sibirskih inzhenerov» (1916) [History of science and technology of the Russian Empire at the beginning of the 20th century. in the journal "Bulletin of the Society of Siberian Engineers" (1916)]. *Bylye gody [Older years]*. 2023. 18(2). 1034–1045.

Koptseva N. P., SHpak A. A., Menzhurenko Yu. N., Degtyarenko K. A. «ZHurnal dlya vseh» (1901 g.) kak istochnik po politicheskoj istorii Rossijskoj imperii nachala XX veka ["Magazine for everyone" (1901) as a source on the political history of the Russian Empire at the beginning of the 20th century]. *Bylye gody [Older years]*. 2023. 18(4). 2045–2056.

Koptseva N. P., Luzan V. S., Razumovskaya V. A., Kirko V. I. The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy. *International Journal for the Semiotics of Law [International Journal for the Semiotics of Law]*. 2016. 29(2). 1–28. DOI 10.1007/s11196-016-9479-4. EDN VSJQPZ.

Koptseva N. P., Reznikova K. V. Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai. *Bylye Gody*, 2015, 38(4), 1028–1038.

Koptseva N. P. Aktual'nye issledovaniya tradicionnyh vidov hozyajstvennoj deyatel'nosti korennyh narodov Severa [Actual research of traditional economic activities of the indigenous peoples of the North]. *Severnye Arhivy i Ekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*. 2022. 6(4). 22–32. DOI 10.31806/2542-1158-2022-6-4-22-32. EDN ARTHFD.

Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Pchelkina D. S. The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century. *Bylye gody*. 2022. 17(2). 867–875.

Koptseva N. P., Reznikova K. V. Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai. *Bylye gody*. 2015. 38(4). 1028–1038.

Leshchinskaya N. M., Kolesnik M. A., Sitnikova A. A., Sertakova E. A. ZHurnal «Mir iskusstva» (1899–1904 gg.) kak istochnik po istorii ZHenskogo hudozhestvennogo tvorchestva [The magazine "World of Art" (1899–1904) as a source on the history of women's artistic creativity]. *Bylye gody [Older years]*. 2024. 19(1). 353–365.

Polenkova D. N. Evolyuciya russkoj zhivopisi konca XIX – nachala XX vekov na primere tvorchestva S. A. Vinogradova [The evolution of Russian painting of the late 19th – early 20th centuries using the example of the work of S. A. Vinogradov]. *Vestnik GGU [GGU Bulletin]*. 2022. 6. 25–38.

Sakketti L. A. Obzor glavnyh osnov Estetiki [Overview of the main foundations of aesthetics]. *Vestnik izyashchnyh iskusstv [Bulletin of Fine Arts]*, 1887. 5(5). 433–454.

Sergeeva N. A. Ponyatie «vizual'nost'» v sovremennyh teorii i istorii iskusstva [The concept of «visual» in modern theory and history of art]. *Severnye Arhivy i Ekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*, 2023. 7(2). 108–115.

Sergeeva N. A. Metodologicheskie podhody k issledovaniyu vizual'noj kul'tury [Methodological approaches to the study of visual culture]. *Siberian Anthropological Journal*, 2023. 7(3). 37–43.

Sitnikova A. A., Pimenova N. N., Kolesnik M. A., Zamaraeva Y. S., Sertakova E. A. Istoriografiya issledovaniy ketskoy kul'tury [Historiography of Ket culture research]. *Northern Archives and Expeditions*. 2022. 6(3), 20–39. .

Solov'ev M. P. ZHivopis' v XIX stoletii, I–VI [Painting in the 19th century, VII–XII]. *Vestnik izyashchnyh iskusstv [Bulletin of Fine Arts]*. 1889. 7(1). 29–87.

Solov'ev M. P. ZHivopis' v XIX stoletii, VII–XII [Painting in the 19th century, VII–XII]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv [Bulletin of Fine Arts]*. 1890. 8(1). 1–54.

Solov'ev M. P. ZHivopis' v XIX stoletii, VII–XII [Painting in the 19th century, VII–XII]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv [Bulletin of Fine Arts]*. 1890. 8(2). 84–103.

Stasov V. V. Zhivopis' Shternberga [Sternberg's painting]. *Bulletin of Fine Arts [Bulletin of Fine Arts]*, 1887, 5(5). 365–433.

Vlasova, YU. V. Otklik russkoj obshchestvennosti na vystavku francuzskoj zhivopisi v 1896 godu [The response of the Russian public to the exhibition of French painting in 1896]. *Problemy social'nyh i gumanitarnykh nauk [Problems of social and human sciences]*. 2023. 1(34). 20–25.

Zamaraeva Yu. S., Seredkina N. N., Kopceva N. P., Pimenova N. N. ZHurnal «Dlya narodnogo uchite-lya» (1907) kak istochnik po istorii obrazovaniya Rossijskoj imperii nachala XX veka [Magazine "For the People's Teacher" (1907) as a source on the history of the formation of the Russian Empire at the beginning of the 20th century]. *Bylye gody [Older years]*. 2024. 19(1). 416–427. – DOI 10.13187/bg.2024.1.416.

Zamaraeva YU. S., Leshchinskaya N. M., Sertakova E. A. Analiz osobennostej tradicionnykh vidov hozyajstvennoj deyatel'nosti v Krasnoyarskom krae: dosovetskij, sovetskij, sovremennyj periody [Analysis of the features of traditional types of economic activity in the Krasnoyarsk Territory: pre-Soviet, Soviet, modern periods]. *Severnye Arhivy i Ekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*. 2022, 6(3), 78–95. DOI 10.31806/2542–1158–2022–6–3–78–95. EDN LHACMC.

Zhukovskiy V. I. Teorija izobrazitel'nogo iskusstva [Theory of fine arts]. V. I. Zhukovskiy. Spb.: Aletejja, 2011. 496.

EDN: PLSYWO
УДК 72.01

Conceptual Ideas about Architecture in the G.V.F. Hegel 's Aesthetics

Natalya N. Pimenova*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 30.05.2024, received in revised form 31.05.2024, accepted 24.06.2024

Abstract. The study is devoted to the aesthetic views on architecture of the classic philosopher G.V.F. Hegel. The main object was the publication of the philosopher's aesthetic works entitled "Lectures on Aesthetics", the first three parts. The article examines the triadic systems built by the philosopher: the stages of self-knowledge by the spirit (art – religion – philosophy) and the stages of self-knowledge of the spirit in art forms as the relationship between an idea and the form of its embodiment (symbolic – classical – romantic forms of art). Hegel calls architecture "the beginning of art," while at the same time separating construction as such an initial stage of architecture that does not fall into the category of art due to the absence of an idea as a source in it. According to Hegel's aesthetics, architecture is one of the forms of embodiment of an idea as a means of self-knowledge of the spirit. And on the one hand, the philosopher defines architecture as a type of art that is closest to symbolic art, in which form and idea are still quite separate, and form dominates, since the idea is not yet sufficiently defined. On the other hand, architecture is considered by Hegel at all three stages of the development of art, and therefore is defined as capable of reaching the stage of romantic art, in which the idea is fully realized, dominating the form.

Keywords: aesthetics of aesthetics G.V.F. Hegel, "Lectures on Aesthetics", architecture, symbolic art, classical art, romantic art.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

Citation: Pimenova N. N. Conceptual ideas about architecture in the G.V.F. Hegel 's Aesthetics. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 2024, 17(8), 1572–1580. EDN: PLSYWO

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: pimenovapluzhnik@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0622-4465

Концептуальные представления об архитектуре в эстетике Г.В.Ф. Гегеля

Н.Н. Пименова

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Исследование посвящено эстетическим воззрениям на архитектуру классика философии Г.В.Ф. Гегеля. Основным объектом выступило издание эстетических трудов философа под названием «Лекции по эстетике», три первые части. В статье рассмотрены выстроенные философом триадичные системы: ступени познания духом самого себя (искусство – религия – философия) и стадии самопознания духа в формах искусства как соотношения идеи и формы ее воплощения (символическая – классическая – романтическая формы искусства). Гегель называет архитектуру «началом искусства», в то же время отделяя строительство как такую первоначальную ступень архитектуры, которая не попадает в разряд искусства по причине отсутствия в нем идеи как истока. Согласно эстетике Гегеля, архитектура выступает одной из форм воплощения идеи как средства самопознания духа. С одной стороны, философ определяет архитектуру как вид искусства, наиболее близкий символическому искусству, в котором еще форма и идея достаточно разобщены, а форма доминирует, поскольку и идея еще недостаточно определена. А с другой, архитектура рассматривается Гегелем на всех трех стадиях развития искусства, а значит, определяется как способная выйти на ступень искусства романтического, в котором идея полноценно реализуется, доминируя над формой.

Ключевые слова: эстетика Г.В.Ф. Гегеля, «Лекции по эстетике», архитектура, символическое искусство, классическое искусство, романтическое искусство.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Пименова Н. Н. Концептуальные представления об архитектуре в эстетике Г.В.Ф. Гегеля. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1572–1580. EDN: PLSYWO

Введение

Эстетические воззрения Г.В.Ф. Гегеля исследуются уже в течение двух столетий и, безусловно, степень их изученности высока. В настоящее время идеи эстетики великого немецкого философа исследуются в разных аспектах. Так, часто эстетика Гегеля рассматривается учеными с позиции ее оснований (Korotkikh, 2021) и в качестве идейной и методологической основы последующей эстетической мысли (Tarasova, 2009; Balabayeva, 2023), в том числе детали эстетики Гегеля исследуются в качестве основы современной философии (Estetika..., 1984; Koreneva, 2013).

Одно из направлений изучения эстетики Гегеля – рассмотрение ее в контексте истории культуры и истории философии (Naslediye..., 2020). Проводятся исследования эстетики Гегеля относительно определенных категорий (Semenova, 2009; Filatova, 2012; Man, 2002; Tatarenko, 2017; Khiltukhina, 2022; Khachikyan, 2011). В настоящее время изучаются уже ранее проведенные исследования эстетических идей Гегеля (Illesh, 2022; Mareyev, 2016). А также направления исследования определенных видов искусства в гегелевской эстетике (Korotkikh, 2020) и влияния его идей на современные проекты в искусстве

(Biryukova, 2009; Polyakova, 2003). Значимыми исследованиями эстетики Г.В.Ф. Гегеля и его философии в целом выступают новые разработки в теории и философии искусства и религии (Zhukovskiy, 2006), а также обобщающие работы по философии, опирающиеся на труды Гегеля (Koptseva, 2002). Несомненное влияние эстетика Гегеля оказывает также на современные изучения явлений искусства (Reznikova, 2019) и социальных процессов (Koptseva, 2012; Sertakova, 2021; Shpak, 2022).

Методология

Основным методом данного исследования выступает источниковедческий анализ. В первую очередь это анализ «Лекций по эстетике» Г.В.Ф. Гегеля с позиции его представлений об архитектуре. А также анализ научных публикаций, посвященных взглядам Г.В.Ф. Гегеля на архитектуру, и его эстетике в целом.

Результаты

Структура текста

«Лекции по эстетике» Г.В.Ф. Гегеля

Под названием «Лекции по эстетике» учеником Г.В.Ф. Гегеля были собраны и изданы эстетические работы философа. Издание сформировано им из лекционных конспектов, подготовительных материалов и рукописей Гегеля. Логика разворачивания материала – от общего к частному, также она подчинена диалектике и триадичному процессу стадий. Структурно «Лекции по эстетике» также представляют собой триаду. Несмотря на то что издание состоит из четырех частей, логически цельное представление об эстетике изложено именно в трех первых частях. Последняя четвертая часть представляет собой сборник отдельных текстов, содержащих также эстетические размышления Гегеля («Фрагменты из философских произведений. Статьи. Письма»). Первая часть «Идея прекрасного в искусстве, или идеал» представляет собой обсуждение понятия прекрасного также от общего к частному – от представлений о прекрасном вообще через обсуждение прекрасного в природе к идеалу, т.е. прекрасному в искусстве (Gegel', 1968). Вторая

часть эстетических работ «Развитие идеала в особые формы прекрасного в искусстве» представляет подробный и последовательный разбор трех форм искусства – символической, классической и романтической (Gegel', 1969). Часть третья под названием «Система отдельных искусств» разделена на три отдела – «Архитектура», «Скульптура» и «Романтические искусства», куда включены живопись, музыка и поэзия, которой отведено наибольшее количество страниц (Gegel', 1971).

Архитектура в эстетической системе

Г.В.Ф. Гегеля

Архитектура обсуждается Г.В.Ф. Гегелем во всех частях «Лекций по эстетике», но наиболее подробно на ней автор фокусируется в первом отделе третьей части, который состоит из трех глав: «Самостоятельная, символическая архитектура», «Классическая архитектура» и «Романтическая архитектура». Это разделение архитектуры на типы соответствует системе искусств в эстетике философа, которая представляет собой три стадии: искусство символическое, классическое и романтическое. Их философ определяет как «три отношения между идеей и ее формообразованием» (Gegel', 1968: 81). В эстетических взглядах Гегеля искусство существует в диалектическом отношении содержания и формы. Каждая из стадий движения искусства – это особое качество взаимодействия формы и идеи: символическая, классическая и романтическая стадия.

1. Символическая форма искусства – стадия, на которой форма еще предельно оторвана от идеи, и сама идея на этой стадии также лишена определенности: «...идея, будучи еще неопределенной и неясной или обладая лишь дурной, неистинной определенностью, полагается в качестве содержания художественных образов» (Gegel', 1968: 81). Таким образом, посредством такого искусства «...идея входит в сознание лишь в абстрактной определенности или, иначе говоря, неопределенной» (Gegel', 1968: 83). По этой причине Гегель называет произведения традиционных культур – «художественные».

жественные создания китайцев, индусов, египтян, их изображения богов и божков», неудовлетворительными по причине неопределенности идеи: «Эти народы не могли овладеть тайной истиной красоты, потому что их мифологические представления, содержание и мысль их художественных произведений были еще неопределены внутри себя или отличались дурной определенностью, а не были в самих себе абсолютным содержанием» (Gegel', 1968: 80).

2. Классическая форма искусства – та, что преодолевает недостатки символической формы, в ней форма и идея пребывают в равновесии: «...классическая художественная форма представляет собой свободное адекватное воплощение идеи в образе, уже принадлежащем ей в соответствии с ее понятием» (Gegel', 1968: 83). Одной из важнейших характеристик этой формы искусства является ее обращение к человеческому образу, но в этом «очеловечивании» образ тем не менее выступает не чувственной телесностью, а образом духа: «...человеческое тело в его формах уже не признается больше только чувственным бытием, а рассматривается как внешнее бытие и естественный образ духа. Оно должно быть освобождено от всех недостатков чисто чувственной стихии и случайной конечности ее явлений» (Gegel', 1968: 84), «полнейшее взаимное слияние духовного и чувственного бытия как их соответствие друг другу» (Gegel', 1968: 85).

3. Романтическая форма искусства – та, в которой идея полноценно реализуется, доминируя над формой. На этой стадии отношение идеи и формы вновь проявляет их несоответствие, «различие и противоположность этих двух сторон», «романтическая форма искусства снова отказывается от нераздельного единства классического искусства, так как она приобрела содержание, выходящее за пределы классической художественной формы и ее способа выражения» (Gegel', 1968: 85). Романтическая – это предельная форма воплощения духа как идеи, которая приходит к такой своей определенности, что больше не нуждается в созерцании человеком ее через чувствен-

ную форму, а стремится к побуждению работы человеческого духа, «внутренней душевной жизни»: «...на этой ступени предмет искусства составляет свободная конкретная духовность, которая в качестве духовности должна предстать в явлении внутреннему духовному оку. Искусство ... может работать только для внутренней душевной жизни ... Мир души торжествует победу над внешним миром и являет эту победу в самом внешнем мире, вследствие чего чувственное явление обесценивается» (Gegel', 1968: 86).

Эти три стадии представляют собой движение от богатства формы и ее доминанты над содержанием (символическое искусство) через гармонию формы и содержания (классическое) к доминанте идеи над формой (романтическое), где идея настолько богаче, что не способна в искусстве найти адекватную ей форму. Согласно Гегелю, три этих вида отношения между идеей и формой «состоят в стремлении к идеалу как истинной идее прекрасного, в достижении идеала и в выходе за его пределы» (Gegel', 1968: 87).

Итак, искусство в своей истории движется по пути все большей определенности и свободы идеи. Для эстетики Гегеля в целом центральной мыслью является утверждение о том, что искусство и существует затем, чтобы определить, проявить собой предельную идею – Абсолют, Дух: «искусство происходит из самой абсолютной идеи и его целью является чувственное изображение абсолютного» (Gegel', 1968: 75). При этом «содержанием искусства является идея, а его формой – чувственное, образное воплощение» (Gegel', 1968: 75). Гегель считает, что искусность формы не является главным определяющим показателем совершенства произведения искусства, таким показателем способно выступить исключительное качество отношения формы и идеи: «существует несовершенное искусство, которое в техническом и прочем отношении может быть вполне законченным в своей определенной сфере, но которое при сопоставлении с понятием искусства и с идеалом представляется неудовлетво-

рительным. Лишь в высшем искусстве идея и воплощение подлинно соответствуют друг другу в том смысле, что образ идеи внутри себя самого есть истинный в себе и для себя образ, потому что само содержание идеи, которое этот образ выражает, является истинным» (Gegel', 1968: 80).

Искусство понимается Г.В.Ф. Гегелем как одна из ступеней познания духом самого себя. Это первая ступень в системе «искусство – религия – философия». От религии и философии искусство отличается тем, что в нем самопознание духа происходит не в образах веры или чистых концепциях, а в материальности – в произведениях искусства как предметах. Целью искусства, согласно эстетике Гегеля, является создание эстетических объектов, в которых идея и истинный характер ее свободы находят чувственное выражение. Таким образом, искусство – это шаг человечества и человека по пути познания духа как собственной истины, понимания того, кто есть человек на самом деле. Это первая ступень познания духом самого себя посредством человеческого осознания духа, соответствующая познанию путем непосредственно чувственного созерцания абсолютной идеи. И эта ступень по-своему подчинена двум другим, более высоким в этой иерархии этапам – познанию посредством веры в религии и через чистое понятие в философии. Философия выступает высшей ступенью развития абсолютного духа, предельно раскрывающей его истину, которая содержится также и в искусстве, и в религии. Философия является «возвышением до абсолютной формы, самое себя определяющей как содержание, остающейся с ним тождественной» (Gegel', 1977: 394).

Итак, искусство в целом – первая стадия самопознания духа посредством человеческого сознания, оно – особое взаимодействие идеи, которая первична, и формы, призванной воплотить идею чувственным образом. Какое значение и содержание в таком случае отведено Гегелем архитектуре? Согласно некоторым исследованиям, архитектура рассматривается философом как вид искусства, наиболее соответствующий

символической форме искусства (Sorokin, 2009: 71), тогда как классической форме более всего соответствует скульптура, которую автор называет «средоточием классического искусства» (Gegel', 1971: 112–113), а романтическими искусствами названы живопись, музыка и поэзия. Высшая точка символической формы искусства мыслится в архитектуре (Gegel', 1968: 95). Таким образом, триада форм практически рассмотрена философом в соответствии с определенными видами искусства, она описывает движение снаружи – от внешних форм, вглубь – к процессам человеческой души: «внешнее искусство архитектуры, объективное искусство скульптуры и субъективное искусство живописи, музыки и поэзии» (Gegel', 1968: 95). Несмотря на такую соотношенность архитектуры с первой стадией искусства, она обсуждается Гегелем и в связи с классической, и в связи с романтической формой. Об этом свидетельствует как содержание отдела «Архитектура» в третьей части сборника эстетических трудов, так и структурное его деление на главы в соответствии с триадой форм искусства.

К символической архитектуре Г.В.Ф. Гегель относит зодчество древних цивилизаций («древнейшее искусство Вавилона, Индии и Египта»), к классической – архитектуру Античности, греческой и римской, а «средоточием собственно романтического начала» названа средневековая готическая архитектура. В отношении символической архитектуры философ выделяет три вида зодчества в соответствии с тремя его целями. Эти же виды позволяют обнаружить глубинные перемены в архитектуре, которые приводят формы искусства из символического их состояния в классическое. Это стадия, которая непременно предполагает выход на другой этап и стремится к нему, неслучайно также Гегель называет символическое искусство «искусством ищущим» (Gegel', 1971: 115). Виды эти представлены следующим образом:

1. Архитектура, созданная для объединения народа материальным образом вокруг общих религиозных представлений: «...возведение здания, которое служит объ-

единением для нации или наций; это место, вокруг которого они собираются. ...показать, в чем состоит вообще то, что объединяет людей, а именно – религиозные представления народов» (Gegel', 1971: 32).

2. Архитектура, занимающая промежуточное положение между зодчеством и скульптурой: «... зодчество устремляется далее, начинает переходить в скульптуру, принимать органические формы животных и человеческих фигур, однако расширяет их до колоссальных размеров, ... трактует всецело архитектурно...» (Gegel', 1971: 32–33). В соответствующем подразделе философом рассмотрены фаллические столбы, обелиски, мемноны и сфинксы, а также египетские культовые сооружения – как храмы, так и храмовые комплексы.

3. Архитектура как переход к классическому зодчеству: исключая из себя скульптуру и превращающая «себя в обители иного смысла, который сам непосредственно не выражен архитектурно» (Gegel', 1971: 33). В соответствующем подразделе описываются подземные индийские и египетские сооружения, заупокойные сооружения, в том числе пирамиды, а также рассматривается переход от самостоятельного к служебному зодчеству путем взаимного тяготения самостоятельного зодчества от органических форм к целесообразности правильных форм, а целесообразности – к принципам органики: «Когда эти две крайности встречаются и овладевают друг другом, возникает подлинно прекрасная классическая архитектура» (Gegel', 1971: 50). Как примеры, позволяющие обнаружить этот переход в зодчестве, Гегелем обсуждаются колонны как архитектурный элемент. Здесь им приводится в пример развитие колонны от египетской, в своем прообразе содержащей растение, признак чего – капители в виде бутона или цветка лотоса, к классической греческой колонне, исключительно целесообразной и геометрически организованной.

В качестве характеристик классической архитектуры философ определяет следующие: целесообразность («подчиненность определенным целям») и соответ-

ствие здания его цели, назначению, наличие основного типа («дом как основной тип»). Классический храм Г.В.Ф. Гегель описывает с позиции видения его как целого. Это касается и пропорций общего объема, и соотношения конструкции и декорации, и структурного членения внешнего вида и внутреннего пространства храма. В видах классической архитектуры Гегелем рассмотрены греческие ордерные системы («Дорический, ионический и коринфский ордера колонн») и конструкция арочного свода, созданная в Риме.

В качестве видов романтического зодчества Гегелем названы средневековые предготическая и готическая религиозная, а также гражданская архитектура. При этом автором описывается и общий характер такой архитектуры, и специфика ее архитектоники через следующие фокусировки: основная форма в качестве «совершенно замкнутого дома», экстерьер и интерьер здания, а также специфика декорации здания. И стоит отметить, что именно в отношении архитектуры философ предпринимает такую попытку внимательно и последовательно исследовать вид искусства через рассмотрение всех трех стадий развития искусства. Тогда как в отношении других видов искусства такие замечания о существовании их на предыдущих стадиях тоже делаются, но не выступают определяющим направлением логики анализа.

Важно, что первоначальный вид архитектуры, такой как строительство, совсем не попадает в разряд искусства, ведь главным условием признания предмета искусством является диалектическое единство идеи и формы в нем, а строительство представляет своей целью создание только формы. В то же время Гегель называет архитектуру «началом искусства» (Gegel', 1971: 17), то есть первоначальным его видом: «Ее задача состоит в такой обработке внешней неорганической природы, при которой она в качестве художественно преобразованной внешней среды стала бы родственной духу...» (Gegel', 1968: 89–90). Философ выделяет самостоятельный и служебный виды зодчества. Служебный представляет собой

целесообразное, то есть функциональное строительство, тогда как самостоятельная архитектура выходит за пределы осуществляемого ею служебного назначения: «Снаружи здание поднимается вверх и высятся свободно, так что целесообразность, в какой бы мере она ни имелась, снова исчезает, предоставляя целому вид самостоятельного существования» (Gegel', 1971: 77).

Таким образом, архитектура путем художественного преобразования материи, материала, в том числе посредством обустроенного ею порядка, сближается с духом: «Архитектура, таким образом, очистила неорганический внешний мир, сделала его симметрически упорядоченным, родственным духу, и вот перед нами храм божества, дом его общины» (Gegel', 1968: 90). В этом также проявлена и доминанта чувственной формы над идеей в архитектуре – в ее «доступных рассудку количественных отношениях как упорядоченных закономерностей» (Gegel', 1968: 94). И в то же время эта математичность роднит архитектуру – средоточие символической формы с одним из предельных проявлений высшей, согласно Гегелю, романтической ступени развития искусства – музыкой: «... оба искусства покоятся на гармонии отношений, выражаемых количественно и в основных чертах легко улавливаемых умом» (Gegel', 1971: 56). И это снова показывает, как архитектура выступает тем видом искусства, что имеет предпосылки быть сквозным в отношении всех стадий движения искусства по Гегелю.

Заключение

В своей эстетике Г.В.Ф. Гегель обращается к архитектуре в контексте представленной им системы самопознания духа. Эта система фиксирует ступень искусства как первоначальную, следом за которой развиваются такие способы познания духом самого себя, как религия и философия. В то же время стоит отметить, что в фило-

софии духа Гегель также заявляет такую триаду ступеней самопознания духа, как «субъективный дух – объективный дух – абсолютный дух», и триаду «искусство – религия – философия» можно рассматривать как внутреннее устройство стадии объективного духа. Заданная этими системами триадичность также характерна и для системы форм искусства, которые в иерархии философ определяет как символическую, классическую и романтическую формы взаимодействия, отношения идеи и формы ее воплощения. С одной стороны, архитектура Гегелем определена как «начало искусства» и соотносена более всего с таким видом отношения формы и идеи, как символическая форма искусства, то есть та, что предельно связана с материальной чувственностью и не равновесна в отношении с идеей, которая в этом случае также является неопределенной. В то же время Гегель не отказывает архитектуре в том, что она способна выступить формой, адекватной идее, и даже тем искусством, которое соответствует стадии романтического, то есть воплощающего предельную свободу идеи и обращающегося к субъективному познанию духа внутренними силами души. И такой архитектурой Гегель называет готику, которая, по его же словам, долгое время считалась варварской, но реабилитирована в новейшее время. Согласно Гегелю, готическая архитектура демонстрирует выход за пределы служебных ее целей – «в своей грандиозности и возвышенном покое поднимается к бесконечности, за пределы только целесообразно-служебного». Таким образом, архитектура выступает одним из видов познания духом самого себя в формах искусства, способным развиваться по стадиям, и представляет образцы как символического и классического типов отношения формы и идеи, так и романтического – предельно проявляющего дух и ориентирующего душу к его познанию.

Список литературы / References

- Balabayeva A. S. Filosofsko-esteticheskiye vozzreniya G.V.F. Gegelya i V. S. Solov'yeva: k voprosu o vliyaniy [Philosophical and aesthetic views of G.V.F. Hegel and V.S. Solovyova: on the question of influence]. In: *Solov'yovskiye issledovaniya [Solovyov Research]*, 2023. 4(80), 40–55.
- Biryukova M. V. Polozheniya estetiki GVF Gegelya kak bazis dlya kontseptsii kassel'skoy Dokumenta5 Kharal'da Zeyemana [Provisions of aesthetics of GVF Hegel as a basis for the concept of Kassel Documenta5 by Harald Szeemann]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnyye otnosheniya [Bulletin of St. Petersburg University. International relations]*, 2009, 2, 185–190.
- Estetika Gegelya i sovremennost': Sbornik statey [Hegel's aesthetics and modernity: Collection of articles]. Moscow, 1984, 272.
- Filatova N. G. Kategorial'naya matritsa «soderzhaniye-forma» i yeye rol' v filosofii iskusstva Gegelya [The categorical matrix “content-form” and its role in Hegel's philosophy of art]. In: *Sotsiologiya [Sociology]*, 2012, 3, 197–202.
- Gegel' G.V.F. Estetika [Aesthetics], 1968, 1, 312.
- Gegel' G.V.F. Estetika [Aesthetics], 1969, 1, 326.
- Gegel' G.V.F. Estetika [Aesthetics], 1971, 1, 621.
- Gegel' G.V.F. Estetika [Aesthetics], 1973, 1, 676.
- Gegel' G.V.F. Entsiklopediya filosofskikh nauk [Encyclopedia of Philosophical Sciences], 1977, 3, 470.
- Illesh Ye. E., Maydanskiy, A. D. Kommentarii teksta E. V. Il'yenkova «K besede ob estetike Gegelya» [Comments on the text by E. V. Ilyenkov «On a conversation about Hegel's aesthetics»]. In: *Nauka. Iskustvo. Kul'tura [Science. Art. Culture]*, 2022, 2(34), 129–136.
- Khachikyan YA. I. Gegel' ob esteticheskoy kategorii bezobraznogo [Hegel on the aesthetic category of the ugly]. In: *Filosofskiy nauki [Philosophical Sciences]*, 2011, 7, 95–103.
- Khiltukhina Ye. G. Esteticheskoye v ponimaniy Gegelya [Aesthetic in the understanding of Hegel]. In: *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke [Context and reflection: philosophy about the world and man]*, 2022, 11(3A), 27–33.
- Koptseva N. P. Vvedeniye v aletologiyu [Introduction to alethology], Krasnoyarsk, 2002, 341.
- Koptseva N. P., Bakhova N. A., Zamarayeva YU. S., Kirko V. I. Problema sotsiokul'turnykh issledovaniy v sovremennoy gumanitarnoy nauke [The problem of sociocultural research in modern humanities]. In: *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]*, 2012, 3, 323.
- Koreneva N. A. Tezis o «kontse iskusstva» v estetike Gegelya i yego traktovka v sovremennoy filosofii: Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk [The thesis about the «end of art» in Hegel's aesthetics and its interpretation in modern philosophy: Dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences], 2013, 125.
- Korotkikh V. I. Analiz muzyki kak vida iskusstva i prirody muzykal'nogo tvorchestva v «Estetike» Gegelya [Analysis of music as an art form and the nature of musical creativity in Hegel's «Aesthetics»]. In: *Muzykal'noye obrazovaniye: istoriya i sovremennost' [Music education: history and modernity]*, 2020, 28–32.
- Korotkikh V. I. Fenomenologicheskiye osnovaniya estetiki Gegelya [Phenomenological foundations of Hegel's aesthetics]. In: *Filosofiya i kul'tura [Philosophy and Culture]*, 2021, 9, 32–46.
- Man D. E. P., Nikonova S. B. Znak i simvol v «Estetike» Gegelya [Sign and symbol in Hegel's Aesthetics]. In: *Studia culturae*, 2002, 4, 225–246.
- Mareyev S. N. «Estetika» Gegelya i spor E. Il'yenkova i M. Lifshitsa ob ideal'nom [«Aesthetics» of Hegel and the dispute between E. Ilyenkov and M. Lifshitz about the ideal]. In: *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law]*, 2016, 36(10(231)), 184–189.
- Naslediye Gegelya v istorii filosofii i kul'tury. K 250-letiyu so dnya rozhdeniya filozofa: sbornik nauchnykh trudov [Hegel's legacy in the history of philosophy and culture. To the 250th anniversary of the birth of the philosopher: a collection of scientific works]. SPb, 2020, 286.

Polyakova, L. V. Ucheniye Gegelya ob epicheskom i russkaya literatura KHKH veka. Perspektiva otse-nok [Hegel's doctrine of the epic and Russian literature of the twentieth century. Assessments Perspective]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki [Bulletin of Tambov University. Humanities]*, 2003, 4, 37–44.

Reznikova K. V., Sitnikova A. A., Zamarayeva YU. S. Filosofiya iskusstva v tvorchestve Egona Shile [Philosophy of art in the work of Egon Schiele]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2019, 3(4), 38–48.

Semenova A. A., Koptzeva N. P. Truth as a Form of Modelling of Integrity at Social Being Level. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2009, 2(1), 31–55.

Sertakova Ye. A. Sotsial'nyye sistemy, modeli, transformatsii: analiz teoreticheskikh podkhodov [Social systems, models, transformations: analysis of theoretical approaches]. In: *Sotsial'naya antropologiya Sibiri [Social Anthropology of Siberia]*, 2021, 2(2), 18–35.

Shpak A. A. Slozhnyye etnicheskiye identichnosti: izucheniye fenomena v sovremennom gumanitar-nom znanii [Complex ethnic identities: studying the phenomenon in modern humanitarian knowledge]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2022, 6(1), 10–16.

Sorokin V. N. Esteticheskiye printsipy G. V. F. Gegelya [Aesthetic principles of G. W. F. Hegel]. In: *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya [Almanac of modern science and education]*, 2009, 11(30), CH. 2, 71–73.

Tarasova M. R. Estetika Gegelya kak metodologicheskiy istochnik estetiki I. A. Il'ina [Hegel's aesthet-ics as a methodological source of I.A.'s aesthetics. Ilyina]. In: *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East]*, 2009, 1, 46–48.

Tatarenko N. A. Ponyatiya iskusstva i ideala v gegelevskoy estetike v svete novykh istochnikov [The concepts of art and ideal in Hegelian aesthetics in the light of new sources]. In: *Istoriya filosofii [History of Philosophy]*, 2017, 22(1), 27–37.

Zhukovskiy V. I., Pivovarov D. V., Koptseva N. P. Vizual'naya sushchnost' religii: monografiya [The visual essence of religion: monograph The visual essence of religion: monograph]. Krasnoyarsk, 2006, 460.

EDN: VSIRBF
УДК 008; 7.08

Artistic Practices of the Yakut Ethnic Group in the Aspect of the Manifestation of Ethno-cultural Identity in Cyberspace

Natalya N. Seredkina*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 29.05.2024, received in revised form 30.05.2024, accepted 24.06.2024

Abstract. The article presents the results of a cybercultural study devoted to the peculiarities of the manifestation of ethnocultural identity by means of artistic practices of Yakut artists in cyberspace. The empirical basis of the study consisted of works of fine art by Yakut artists of the Soviet and post-Soviet periods, in particular the works by A. N. Osipov, Yu. V. Spiridonov, M. G. Starostin, S. Lukansi and A. V. Chikachev. The article reveals the regularity of the manifestation of ethnocultural identity on the websites of the Russian segment of the Internet, predominantly of a general informative (news) nature, and systematizes artistic practices according to the parameter of the expression of ethnic and all-Russian components and their correlation with each other in the structure of the artistic image.

Keywords: Yakut artists, ethnocultural identity, artistic practices, works of fine art, classification.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

Citation: Seredkina N. N. Artistic practices of the Yakut ethnic group in the aspect of the manifestation of ethno-cultural identity in cyberspace. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(8), 1581–1591. EDN: VSIRBF

Художественные практики якутской этнической группы в аспекте манифестации этнокультурной идентичности в киберпространстве

Н.Н. Середкина

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. В статье представлены результаты киберкультурного исследования, посвященного особенностям манифестации этнокультурной идентичности средствами художественных практик якутских художников в киберпространстве. Эмпирическую базу исследования составили произведения изобразительного искусства якутских художников советского и постсоветского периодов, в частности произведения А.Н. Осипова, Ю.В. Спиридонова, М.Г. Старостина, С. Луканси и А.В. Чикачева. Выявляется закономерность манифестации этнокультурной идентичности на веб-сайтах российского сегмента Интернета преимущественно общинформативной (новостной) направленности, приводится систематизация художественных практик по параметрам выраженности в них этнического и общероссийского компонентов и их соотношения друг с другом в структуре художественного образа.

Ключевые слова: якутские художники, этнокультурная идентичность, художественные практики, произведения изобразительного искусства, классификация.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Середкина Н. Н. Художественные практики якутской этнической группы в аспекте манифестации этнокультурной идентичности в киберпространстве. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1581–1591. EDN: VSIRBF

Введение

Киберпространство сегодня является неотъемлемой частью социокультурной жизни общества, формирующей собой особую новую реальность (Muhlynkina, Kopovalova, Majorov, 2022). Та информация и те практики, которые освещаются в киберпространстве, оказывают большое влияние на формирование мировоззрения отдельного индивида и общества, конструируя таким образом его киберэтничность (Borisova, 2020). Как ментальный конструкт она может быть воплощена и репрезентирована в киберпространстве посредством культурных практик, конструктивистские возможности которых учеными достаточно широко обоснованы (Koptseva, Amosov, Bahova i dr., 2012; Koptseva, Nevol'ko, Reznikova, 2013; Koptseva, Kirko, 2014; Sitnikova, 2015, 2015a; Luzan, 2017, 2023;

Sereckina, 2017; Zamaraeva, 2020; Koptseva, Kolesnik, Leshchinskaya, Samarina, 2023). Применительно же к манифестации этнокультурной идентичности в киберпространстве культурные художественные практики требуют еще своего изучения и осмысления.

Материал и методы

Данное исследование носит междисциплинарный характер при ведущей роли цифровой этнографии (Oreg, Babis, 2023) и культурологического подхода (Libakova, Sertakova, 2014; Bukova, 2017; Sereckina, 2017; Kistova, Pimenova, Bukova 2018; Kistova, Pimenova, Sitnikova i dr., 2019; Leshchinskaya, 2021; Sergeeva, 2023; Zhigaeva, 2023).

Материалом для данного исследования послужили художественные практики,

а именно произведения изобразительного искусства якутских художников, размещенные в киберпространстве.

Теоретико-концептуальную и методологическую основу исследования составили положения теории идеалообразования Д.В. Пивоварова (Zhukovskiy, Pivovarov, 1999) и теории изобразительного искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой (Zhukovskiy, Koptseva, 2004, 2011).

Среди методов на этапе сбора материала для исследования был применен метод онлайн-наблюдения (Poluhina, 2014). С помощью статистического анализа (Shorohova, Kislyak, Mariyev, 2015) были определены наиболее часто визуально упоминаемые в сети произведения из числа выборки. Для выявления определенной закономерности в визуальных образах произведений искусства якутских художников и их систематизации был применен метод классификации (Bahtina, Lobut, Martyushov, 2016).

Результаты исследования

Общая характеристика представленности художественных практик якутских художников в киберпространстве

Выборку исследования составили 49 произведений пяти якутских художников – Афанасия Николаевича Осипова, Юрия Васильевича Спиридонова, Михаила Гаврильевича Старостина, Семена Луканси и Андрея Васильевича Чикачева.

Для фиксации данных была разработана исследовательская таблица, в которой указывалось название картины, вошедшей в выборку, год ее создания, а также частота ее визуального упоминания на том или ином сайте. В результате был вычислен средний показатель частоты визуального упоминания одной картины якутских художников из числа выборки как в целом, так и каждого отдельного художника. Полученные данные представлены в табл. 1.

Согласно данным табл. 1, наибольшая средняя частота визуального упоминания одной картины в сети приходится на произведения якутских художников А.В. Чикачева и Ю.В. Спиридонова. Одна работа данных художников в среднем визуально упоминается в сети более 30 раз. Из всех полученных данных наименьший показатель среднего числа представленности одной картины в сети относится к выборке творчества С. Луканси, несмотря на преобладающее в целом число его картин, вошедших в выборку. Достаточно часто в сети визуально упоминаются также произведения А.Н. Осипова.

Анализ частоты визуального упоминания каждой из картин художников, вошедших в выборку, показал, что наиболее часто визуально упоминаемыми картинами в киберпространстве на момент исследования являются произведения «Одуванчики. Три грации» (2002) А.В. Чикачева (106 визуальных упоминаний) (рис. 1), «Хозяин

Таблица 1. Количественные данные представленности в сети Интернет произведений изобразительного искусства якутских художников

Table 1. Quantitative data on the representation of works of fine art by Yakut artists on the Internet

№	Ф.И.О. художника	Число картин, вошедших в выборку	Частота визуального упоминания картин	Средняя частота визуального упоминания одной картины
1	Чикачев А. В.	15	542	36.1
2	Спиридонов Ю. В.	3	92	30.7
3	Осипов А. Н.	4	83	20.75
4	Старостин М. Г.	11	146	13.3
5	Луканси С.	16	128	8.07
Всего:		49	994	20.2

Момских гор» (2006) Ю. В. Спиридонова (76 визуальных упоминаний) (рис. 2), «Андрюша» (1969) А. Н. Осипова (26 визуальных упоминаний) (рис. 3), «Прыжки через нарты» (1999) М. Г. Старостина (37 упоминаний) (рис. 4), «Бедствие» (2018) С. Луканси (25 упоминаний) (рис. 5). Данные произведения в своей совокупности репрезентируют разные исторические периоды развития якутской художественной школы. В сети манифестируются произведения как советского, так и постсоветского периодов. Преимущественно это живописные произведения жанра сюжетно-тематической картины за исключением работы М. Г. Старостина «Прыжки через нарты» (1999), которая репрезентирует графическое направление якутской художественной школы.

Результаты анализа типологии веб-сайтов с количественными данными частоты визуального упоминания на них произведений якутских художников на момент проведения исследования (период 2021–2022 гг.) представлены в табл. 2.

Из представленных данных следует, что наибольшая частота визуального упоминания картин якутских художников отмечается на сайтах общеинформативной /

новостной направленности. Всего в данной группе сайтов зафиксировано 663 визуальных упоминания всех картин выборки якутских художников. Это 64 % от общего числа всех зафиксированных в ходе сбора данных визуальных упоминаний в сети. Средняя частота визуального упоминания картин якутских художников в данной группе сайтов также имеет самый высокий показатель – 12,9 раза, что свидетельствует о широкой представленности творчества якутских художников на сайтах, имеющих общеинформативную или новостную информацию. Данные сайты представляют картины якутских художников в сопровождении разного тематического контента: от непосредственно касающегося творческой деятельности художника до контента, не относящегося непосредственно к представленной на сайте картине.

Таким образом, анализ представленности художественных практик якутских художников в киберпространстве показал, что в основе манифестации этнокультурной идентичности лежит механизм актуализации достижений якутской художественной школы посредством репрезентантов как советского, так и постсоветского периодов

Таблица 2. Типология веб-сайтов с количественными данными частоты визуального упоминания работ якутских художников

Table 2. Typology of websites with quantitative data on the frequency of visual mention of works by Yakut artists

№	Художник	Частота визуального упоминания картин в сети Интернет (по видам сайтов) / Средняя частота визуального упоминания одной картины				
		Всего	Общеинформ. / новост. сайты	Соц. сети	Образоват. сайты	Сайты галерей / музеев
1	Чикачев А. В.	542 / 36.1 (100 %)	363 / 23.3 (65 %)	159 / 10.6 (29 %)	21 / 1.4 (4 %)	12 / 0.8 (2 %)
2	Спиридонов Ю. В.	92 / 30.7 (100 %)	70 / 23.3 (76 %)	12 / 4 (13 %)	0 / 0 (0 %)	10 / 3.4 (11 %)
3	Осипов А. Н.	83 / 20.75 (100 %)	50 / 12.5 (60 %)	22 / 5.5 (27 %)	0 / 0 (0 %)	11 / 2.75 (7 %)
4	Старостин М. Г.	146 / 13.3 (100 %)	71 / 6.5 (49 %)	52 / 4.7 (36 %)	0 / 0 (0 %)	23 / 2.1 (15 %)
5	Луканси С.	128 / 8.07 (100 %)	92 / 5.8 (73 %)	35 / 2.19 (27 %)	0 / 0 (0 %)	1 / 0.08 (1 %)
Всего:		991 / 20.2 (100 %)	633 / 12.9 (64 %)	280 / 5.7 (28 %)	21 / 0.4 (2 %)	57 / 1.2 (6 %)

на веб-сайтах общероссийского сегмента киберпространства, общеинформативной и новостной направленности.

Классификация произведений искусства якутских художников

Теоретико-концептуальную основу данного этапа исследования составило положение Д.В. Пивоварова и В.И. Жуковского, касающееся вопроса соотношения сущности и явления (Pivovarov, Zhukovskiy, 1999). Согласно ученым, сущность и явление соотносятся друг с другом по типу трех моделей – «ореха», «кентавра» и «раствора». В своей совокупности все три модели отражают их единство. При этом каждая модель призвана продемонстрировать возможное различие в соотношении сущности и явления. Экстраполируя данное положение на проблему соотношения этнического и общероссийского в художественных практиках, все произведения из числа выборки были систематизированы в три группы.

Первую группу составили произведения, концептуально отражающие модель «ореха», в соответствии с которой сущность и явление не различны и составляют суть одно. Они являются атрибутами единого свойства или качества. В рамках изучения трансформации этнокультурной идентичности и механизмов ее воплощения в произведениях искусства таким качеством выступает сама этнокультурная идентичность, которая конструируется через такие свойства произведений искусства, как план изображения и план выражения. Посредством их согласованного соотношения этнокультурная идентичность находит свое выражение в произведениях в полной мере. Соответственно, для произведений данной группы характерна актуализация именно этнической составляющей, которая может проявлять себя, например, в названии произведения, выборе персонажей. Кроме того, сама тема и сюжет, а также художественная идея произведений призваны проявлять этническую картину мира, те ценности, которые значимы для исконной культуры этнической группы в целом.

В соответствии с концепцией данной модели в первую группу произведений были отнесены такие произведения якутских художников, как «В яранге» (1959), «Кино в яранге» (1963), «Народные писатели Якутии» (1974) А.Н. Афанасьева, «Желанная рыбалка» (2002), «Эбээ озото» (2004), «На первую охоту» (2006), «Мунду бухатыыра» (2008), «Орой-меник отчуттар» (2009), «Эбэ бэлэбэ» (2011), «Ковбуойдар» (2011), «Чулуу уол Чолотууска» (2015), «Непойманный олень» А.В. Чикачева, «Хозяин Момских гор» (2006) Ю.В. Спиридонова, «Скорбь» (2015), «Ночной путник» (2016), «Детство» (2018), диптих «Разбитое стекло. Портрет якутской девушки 19-го века» (2018), «Ловля оленя» (2014), «Северная Мадонна» (2015), «Северные женщины» (2015), «Оленьи скачки» (2015), «Портрет Далааны» (2016), «Северная девочка» (2016), «Праздник» (2016) С. Луканси.

Одним из репрезентативных произведений данной группы является произведение «Хозяин Момских гор» Ю.В. Спиридонова, созданное в 2003 году.

В художественном пространстве картины изображен сидящий у подножия заснеженных гор мужчина преклонных лет с подчеркнута национальными чертами лица. Особое композиционное построение произведения, при котором фигура персонажа по своим размерам уравнивается с горными массивами, изображенными на заднем плане, вносит в художественный образ характеристику равнозначности и соподчиненности элементов изображения друг другу, в данном случае – природы и человека, того, что составляет ценность этнокультурной идентичности якутской этнической группы. Кроме того, изображение персонажа в преклонном возрасте призвано подчеркнуть значимость определенного периода в жизни человека, когда возрастает осознание значимости гармонии себя и окружающей природы, которая ведет и к гармонии внутреннего мира самого человека.

Во вторую группу вошли произведения, отражающие концептуальную программу модели «кентавра», в соответствии

с которой явление рассматривается как синтез двух сущностей, отличных друг от друга. По отношению к трансформации этнокультурной идентичности такими сущностями выступают этнокультурная и общероссийская гражданская идентичности, которые в художественных практиках конструируются посредством художественных знаков, создающих как ценности этнической картины мира, так и ценности, носящие общероссийскую направленность (Seredkina, 2022).

В художественном образе произведений искусства якутских художников данная модель фиксируется через единство плана изображения и плана выражения, которые при этом могут не совпадать, но отражать синтез этнического и общероссийского как «своего» и «иноного» в форме художественной идеи произведения. План выражения может выходить за рамки изображенного в плане проявления не столько этнической картины мира, сколько ценностей, имеющих общероссийскую значимость даже при условии присутствия в художественном пространстве таких знаково-символических форм, которые носят характеристику этнического. Данный синтез может быть проявлен через сопоставление, например, названия и плана изображения или через сопоставление плана изображения и плана выражения, изображенного сюжета, темы и художественной идеи.

Данную группу произведений составили «Андрюша» (1969) А.Н. Афанасьева, «Мечта» (1997), «Мартовский снег» (1998) А. Чикачева, «Охотники» (1994), «Тизтэйбит (Спешащий)» (1997), «Рыбак» (1996), «Прыжки через нарты» (1999), «Переборка сетей» (2002–2005), «Ветер у подножия Сэттэ Дабаан» (2008) М.Г. Старостина, «Одуванчики. Три грации» (2002), «Долгожданный день» (2007), «Полет» (2010), «Три богатыря» (2011) А. Чикачева, «Борец» (2016), «Отец» (2017–2018), «Бедствие» (2018), диптих «Разбитое стекло. Портрет якутской девушки 19-го века» (2018) С. Луканси.

Репрезентативным произведением данной группы выступает картина «Одуванчи-

ки. Три грации» А. Чикачева, написанная в 2002 году.

Художественный образ данного произведения в своей основе выстраивается на сопоставлении этнического компонента, проявляющегося в изображении персонажей с подчеркнуто национальными чертами лица, и внеэтнического, проявляющегося в художественной идее данного произведения, а именно в идее закономерного развития природы и проявления его в природе человека, в ее наиболее совершенной форме, отражением которой являются дети.

Еще одним произведением, часто визуально упоминаемым в киберпространстве и относящимся к данной группе, является произведение «Андрюша» А.Н. Осипова, созданное в 1969 году.

В художественном пространстве произведения представлен одетый в теплую национальную для северных народов одежду мальчик с подчеркнуто национальными чертами лица, сидящий в нартах. Наряду с окружающим его зимним художественным пространством художественный образ в целом призван подчеркнуть аспект этнической картины мира с присущей ей приверженностью к традиционной материальной культуре и связи с природой. Наряду с этим такой признак атрибуции произведения, как название в виде русской уменьшительной формы – «Андрюша», напротив, вносит в художественный образ аспект российской культуры, того, что может быть отнесено к маркерам общероссийской гражданской идентичности.

Следующим произведением, включенным в данную группу, является произведение С. Луканси «Бедствие», созданное в 2018 году и являющееся достаточно часто манифестируемым произведением в сети по сравнению с другими картинами художника из числа выборки.

В художественном пространстве картины изображена лодка с людьми и животными среди затопленного населенного пункта. Лодка является для персонажей единственным пристанищем, спасающим их от наводнения. Персонажи при этом представлены в статичном состоянии, без

каких-либо резких движений. Подобное их состояние соответствует спокойствию глади окружающей их воды.

Композиция в целом отличается уравновешенностью. В ее основе лежит умозрительный треугольник, своим основанием проходящий по линии лодки, в то же время вершину составляет фигура ребенка, возвышающегося над всеми остальными персонажами. Фигура ребенка тем самым образует вертикальную композиционную ось, по отношению к которой композиция уравнивается. Визуальный композиционный треугольник поддерживается такими вспомогательными художественными знаками, как палка в руках мужчины, выполняющая функцию весла, а также линии треугольных фронтонов затонувших жилых домов. Животные при этом занимают значительное место в лодке, что позволяет охарактеризовать их как равнозначных с человеком персонажей. Они предстают неотъемлемыми спутниками человека, его опорой и основой на плоту жизни. В этом проявляется этнический компонент, а именно в идее значимости животного для человека. Кроме того, этническое проявляет себя в выраженной идее бесконфликтности между природой с ее катаклизмами и человеком, который принимает их и согласует свою жизнь в соответствии с заданными условиями природы. Наряду с этим окружающее персонажей художественное пространство лишено точной этнической атрибуции, за исключением используемых здесь художником красочных форм синих оттенков, которые соотносятся с концептом Севера. Сама тема бедствия, заявленная в названии картины, несет в себе общечеловеческий аспект художественной идеи.

Наконец, картина «Прыжки через нарты» М. Г. Старостина также репрезентирует вторую группу произведений и относится к группе наиболее часто манифестируемых в киберпространстве произведений среди якутских художников, вошедших в выборку исследования. Идея синтеза этнического и общероссийского компонентов в структуре художественного образа данного произведения выражена посредством сосуще-

ствования в художественном пространстве художественных знаков как этнической, так и внеэтнической направленности. К художественному знаку этнической направленности относятся изображенные здесь нарты, вокруг которых разворачивается действие персонажей. В самом художественном пространстве произведения и внешнем облике персонажей, условности черт их лица нивелируется этническая определенность. Важным признается скорее действие, производимое ими, а именно прыжок. При этом фиксируется именно тот миг, который в реальной жизни сложно зафиксировать, а именно миг парения в воздухе, того состояния, которое разделяет начало и конец совершаемого действия. Прыжок каждого из персонажей при этом отличается по своей высоте. Общее их визуальное подобие позволяет говорить о том, что они изображают разные стадии прыжка одного человека. При этом прыжок понимается как некое преодоление, в том числе того бремени, которое лежит на человеке подобно тем веревкам, которые окутывают тело изображенных персонажей.

Третью группу составили произведения, концептуально отражающие модель «раствора», согласно которой «сущность и явление могут постоянно меняться своими местами» (Zhukovskiy, Pivovarov, 1998: 218). Согласно В. И. Жуковскому и Д. В. Пивоварову, данная модель объясняет как сходство, так и различие сущности и явления, их принципиальную взаимооборачиваемость. Этому в большей степени отвечают такие художественные знаки, которые выходят за рамки конкретики изображенного. Доминирующим качеством данных знаков является их условность и символизм. В снятом виде они призваны нивелировать границу между этническим и внеэтническим, актуализируя, таким образом, взаимооборачивание ценностей как этнокультурной, так и общероссийской гражданской идентичностей. Кроме того, данные художественные знаки являются принципиально новыми для якутской художественной школы, которые репрезентируют собой особый этап в ее развитии.

К данной группе были отнесены произведения «Мой путь» (1979), «Лики Сибири» (1980-е) Ю. В. Спиридонова, «Старушка Тебенэкээн» (1997), «Прыжок» (1995), «Восточный танец. Из серии «Танцы народов мира»» (2008), «Танец неверных вассалов. Из серии «Танцы народов мира»» (2008), «Сентябрь» (2009) М. Г. Старостина, «Розовая чайка» (2018) С. Луканси.

Наряду с трансформацией художественных знаков в творчестве отдельных якутских художников характерной чертой является обращение художников к принципиально новым темам в своем творчестве. Одной из таких тем стала, например, тема Востока, представленная в творчестве М. Г. Старостина. Одной из репрезентативных работ данного направления его творчества является картина «Восточный танец. Из серии «Танцы народов мира»» (2008) (рис. 6).

В данной работе тема Востока воплощается в таких художественных знаках, которые снимают в себе противоречие между традиционными, этническими образами и образами универсальными, внеэтническими. Выход за границы этнически обусловленного изображения демонстрирует поиск художником возможных основ, которые бы позволили выразить единство ценностей разных культур, их интеграцию и взаимообусловленность.

Заключение

Анализ представленности художественных практик якутской этнической группы в киберпространстве позволяет сделать следующие выводы:

– этнокультурная идентичность якутской этнической группы активно манифестируется в киберпространстве с помощью художественных культурных практик. Наиболее широко в Сети представлено творчество Афанасия Николаевича Осипова, Юрия Васильевича Спиридонова, Михаила Гаврильевича Старостина, Семена Луканси и Андрея Васильевича Чикачева;

– манифестация этнокультурной идентичности проявляется в киберпространстве через актуализацию как памяти о художественном наследии якутских художников

советского периода, так и представление произведений искусства художников постсоветского периода;

– осуществляется данный процесс главным образом в пределах российского сегмента киберпространства, в частности на веб-сайтах общеинформативной / новостной направленности, а также на страницах пользователей социальных сетей;

– художественные культурные практики якутских художников выражают присущую этнокультурной идентичности трансформацию в виде трех моделей. Это модель, актуализирующая ценности этнической картины мира якутской группы. Ее репрезентантом определена картина Ю. В. Спиридонова «Хозяин Момских гор» (2006); модель, актуализирующая синтез этнических и внеэтнических общероссийских ценностей. Данная модель определена в качестве наиболее часто манифестируемой в киберпространстве. Репрезентантами данной модели определены произведения А. В. Чикачева «Одуванчики. Три грации» (2002), А. Н. Осипова «Андрюша» (1969), М. Г. Старостина «Прыжки через нарты» (1999), С. Луканси «Бедствие» (2018); модель, нивелирующая этническую и общероссийскую определенность, которые в снятом виде себя обнаруживают в виде новых художественных знаков, тем и сюжетов. Данная форма этнокультурной идентичности манифестируется в киберпространстве в меньшей степени по сравнению с произведениями, в которых проявляется либо доминанта этнокультурного компонента, либо синтез этнокультурного и общероссийского. Одним из репрезентантов данной группы произведений является работа М. Г. Старостина «Восточный танец. Из серии «Танцы народов мира»» (2008).

Приложения / Applications

Список литературы / References

Afanas'evskaya N. V. *Issledovaniya etnokul'turnoj identichnosti vo Francii v usloviyah vizual'nogo povorota v kul'ture* [Research on ethnocultural identity in France in the context of a visual turn in culture]. Moskva. Diplomaticeskaya akademiya Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii, 2023. 502–508. EDN KCNGLQ.

Avdeeva Yu.N., Degtyarenko, K. A. Kompensatornye praktiki formirovaniya etnokul'turnoj identichnosti [Compensatory practices of the formation of ethnocultural identity]. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal* [Siberian Anthropological Journal], 2020, 4(2), 34–48. DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-2-32-46. EDN JAFAHU.

Bahtina I. L., Lobut A. A., Martyushov L. N. *Metodologiya i metody nauchnogo poznaniya* [Methodology and methods of scientific knowledge], *uchebnoe posobie*. Ural. gos. ped. un – t. Ekaterinburg, 2016. 119.

Borisova I. Z. Rol' kiberprostranstva v formirovanii etnicheskoy identichnosti [The role of cyberspace in the formation of ethnic identity. Culture and civilization]. In: *Kul'tura i civilizaciya* [Culture and civilization], 2020, 10, 3–1, 26–30. DOI 10.34670/AR.2020.61.53.003. EDN LSYNHV.

Bukova M. I. Severoved i antropolog Vladimir Germanovich Tan-Bogoraz: “vserossijskij hudozhestvennyj reporter” [Severologist and anthropologist Vladimir Germanovich Tan-Bogoraz: “All-Russian art reporter”]. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal* [Siberian Anthropological Journal], 2017, 1(1), 35–42. EDN ZCUFYN.

Danilova N. K. Ekologicheskie tradicii v kul'ture yakutov: priroda i chelovek [Ecological traditions in the culture of the Yakuts: nature and people]. In: *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij* [International Journal of Applied and Basic Research], 2015, 8–1, 163–166. EDN TZBIVF.

Golovnev A. V., Kisser T. S. Proekcii etnichnosti korennyh malochislennyh narodov Rossii (po danym veb-oprosa) [Projections of the ethnicity of the indigenous peoples of Russia (according to a web survey)]. In: *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2021, 2(71), 80–89. DOI 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-80-89. EDN OUSHHD.

Kistova A. V., Pimenova N. N., Bukova M. I. Sovremennoe sostoyanie dekorativno-prikladnogo iskusstva evenkov – korennyh narodov Sibirskoj Arktiki [The current state of decorative and applied art of the Evenks – the indigenous peoples of the Siberian Arctic]. In: *Severnye Arhivy i Ekspedicii* [Northern Archives and Expeditions], 2018, 2(1), 49–56. EDN YVGAOE.

Kistova A. V., Pimenova N. N., Sitnikova A. A. i dr. Religioznye vozzreniya korennyh narodov Tajmyra [Religious views of the indigenous peoples of Taimyr]. In: *Severnye Arhivy i Ekspedicii* [Northern Archives and Expeditions], 2019, 3(3), 48–62. DOI 10.31806/2542-1158-2019-3-3-48-62. EDN KZKRZI.

Koptseva N. P., Amosov A. E., Bahova N. A. [i dr.]. *Korennye malochislennye narody Severa i Sibiri v usloviyah global'nyh transformacij: Na materiale Krasnoyarskogo kraja* [Indigenous peoples of the North and Siberia in the context of global transformations: Based on the material of the Krasnoyarsk Territory]. Tom 1. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 2012. 639. ISBN 978-5-7638-2403-2. EDN RWBFZ.

Koptseva N. P., Nevol'ko N. N., Reznikova K. V. Formirovanie etnicheskoy kul'turnoj identichnosti v sovremennoj Rossii s pomoshch'yu proizvedenij nacional'nogo iskusstva (na primere evenkijskogo eposa i dekorativno-prikladnogo iskusstva) [Formation of ethnic cultural identity in modern Russia with the help of works of national art (on the example of the Evenki epic and decorative and applied art)]. In: *Pedagogika iskusstva* [Pedagogy of art], 2013, 1, 1–15. EDN RDYJPV.

Koptseva N. P., Kirko V. I. Etnicheskie harakteristiki i ih analitika v sovremennyh kul'turnykh issledovaniyah [Ethnic characteristics and their analysis in modern cultural studies]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2014, 3, 792. EDN RBSBIE.

Koptseva N. P., Kolesnik M. A., Leshchinskaya N. M., Samarina D. N. *Russkaya kul'turnaya identichnost' v izobrazitel'nom iskusstve XIX – nachala XX veka* [Russian cultural identity in the fine arts of the 20th – early 20th centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskaya regional'naya obshchestvennaya organizaciya “Sodruzhestvo prosvetitelej Krasnoyars'ya”, 2023. 124. (Russkaya kul'tura; Chast' 1). ISBN 978-5-6043407-4-5. EDN CBYTXX.

Kuznetsova L. A. Izuchenie saamskogo segmenta rossijskogo Interneta v kontekste problematiki kiberetnografii [Studying the Sami segment of the Russian Internet in the context of cyberethnography issues]. In: *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Seriya: Estestvennye i gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Natural Sciences and Humanities], 2022, 1(1), 90. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.008.

Leshchinskaya N. M. Kul'turologicheskie podhody k analizu proizvedenij dekorativno-prikladnogo iskusstva [Culturological approaches to the analysis of works of decorative and applied art]. In: *Severnye Arhivy i Ekspedicii* [Northern Archives and Expeditions], 2021, 5(2), 9–15. DOI 10.31806/2542-1158-2021-5-2-9-15. EDN IAPWIN.

Libakova N. M., Sertakova, E. A. Kul'turologicheskoe issledovanie korennyh malochislennyh narodov Severa Krasnoyarskogo kraja: rezul'taty ekspertnogo interv'yuu [Cultural research of the indigenous small-numbered peoples of the North of the Krasnoyarsk Territory: the results of an expert interview]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2014, 4, 598. EDN STRTPB.

Luzan V. S., Avdeeva, Yu. N. Normativno-pravovaya baza dlya regulirovaniya sostoyaniya dekorativno-prikladnogo iskusstva korennyh malochislennyh narodov [Regulatory and legal framework for regulating the state of decorative and applied arts of indigenous peoples]. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal* [Siberian Anthropological Journal], 2017, 1(3), 60–71. EDN ZULYKT.

Luzan V. S. Specifika koncepta "social'noe vremya" v kontekste realizacii kul'turnoj politiki Rossijskoj Federacii [The specifics of the concept of "social time" in the context of the implementation of the cultural policy of the Russian Federation]. In: *Severnye Arhivy i Ekspedicii* [Northern Archives and Expeditions], 2023, 7(4), 75–84. EDN DKUEAP.

Muhlynkina Yu. V. Kiberprostranstvo kak novyj sloj real'nosti [Cyberspace as a new layer of reality]. In: *Poziciya. Filosofskie problemy nauki i tekhniki* [Position. Philosophical problems of science and technology], 2022, 18, 177–187. EDN CEMGJP.

Oreg A., Babis D. Digital Ethnography in Third Sector Research. In: *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2023, 34, 12–19.

Pelevina N. E., Kuhta M. S., Homushku O. M. Simvoly i smysly kalligraficheskogo ornamenta [Symbols and meanings of calligraphic ornament]. In: *Severnye Arhivy i Ekspedicii* [Northern Archives and Expeditions], 2024, 8(1), 57–63. EDN AIVSBE.

Pimenova N. N. Problemy obrazovaniya detej korennyh malochislennyh narodov Sibiri i Severa v Krasnoyarskom krae [Problems of education of children of indigenous small-numbered peoples of Siberia and the North in the Krasnoyarsk Territory]. In: *Innovacii v nepreryvnom obrazovanii* [Innovations in continuing education], 2012, 5(5), 012–018. EDN PXWMIT.

Poluhina E. Onlajn-nablyudenie kak metod sbora dannyh [Online observation as a data collection method]. In: *Interakciya. Interv'yuu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation], 2014, 6(7), 95–106. EDN SGPCKN.

Serechkina N. N., Smolina M. G., Kistova A. V. Vliyanie eposa na skazki korennyh narodov Severa i Sibiri [The influence of the epic on the tales of the indigenous peoples of the North and Siberia]. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal* [Siberian Anthropological Journal], 2017, 1(1), 62–73. EDN ZCUFZR.

Serechkina N. N. Antropologicheskie i etnologicheskie podhody k izucheniyu obshcherossijskoj grazhdanskoj identichnosti [Anthropological and ethnological approaches to the study of the All-Russian civic identity]. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal* [Siberian Anthropological Journal], 2022, 6(1), 111–121. DOI 10.31804/2542-1816-2022-6-1-111-121. EDN AHNUED.

Sergeeva N. A. Metodologicheskie podhody k issledovaniyu vizual'noj kul'tury [Methodological approaches to the study of visual culture]. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal* [Siberian Anthropological Journal], 2023, 7(3), 37–43. EDN NCLRXL.

Shorohova I. S., Kislyak N. V., Mariev O. S. *Statisticheskie metody analiza: ucheb. posobie* [Statistical methods of analysis: textbook. allowance]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2015. 300.

Sitnikova A. A. Demografiya i migraciya v poselkakh korennyh malochislennyh narodov Krasnoyarskogo kraja (poselki Pasechnoe, Essej, Surinda, Farkovo, Nosok, Karaul) [Demography and migration in

the settlements of indigenous peoples of the Krasnoyarsk Territory (Pasechnoye, Essey, Surinda, Farkovo, Nosok, Karaul settlements)]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]*, 2015, 1–1, 1881. EDN VIFGDV.

Sitnikova A. A. Korennoe obrazovanie: aktual'noe sostoyanie i problem [Indigenous education: current state and problems]. In: *Pedagogika i prosveshchenie [Pedagogy and education]*, 2015a, 3, 300–311. DOI 10.7256/2306-434X.2015.3.17048. EDN VDGAOF.

Zamaraeva Yu. S. Formirovanie ponyatiya “slozhnaya identichnost” v sovremennykh gumanitarnykh naukah [Formation of the concept of “complex identity” in modern humanities]. In: *Sibirskiy antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2020, 4(2), 89–102. DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-2-87-100. EDN YBRGNW.

Zhigaeva A. A. Kul'turnye povoroty kak aktual'nyj podhod k izucheniyu sovremennogo vizual'nogo iskusstva [Cultural turns as an actual approach to the study of modern visual art]. In: *Sibirskiy antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2023, 7(2), 11–19. EDN STXYVP.

Zhukovskiy V. I., Pivovarov D. V. *Intellektual'naya vizualizaciya sushchnosti [Intelligent Entity Visualization]*. Krasnoyarsk: Krasnoyar. gos. un-t, 1999. 223.

Zhukovskiy V. I., Kopceva, N. P. *Propozicii teorii izobrazitel'nogo iskusstva: uchebnoe posobie [Propositions of the theory of fine arts: a textbook]*. Krasnoyarsk: KGU, 2004. 266.

Zhukovskiy V. I. *Teoriya izobrazitel'nogo iskusstva: teksty lekcij [Theory of fine arts: texts of lectures]*. Ch. 1–2. Krasnoyarsk. KGU, 2004.

Zhukovskiy V. I. *Teoriya izobrazitel'nogo iskusstva [Theory of fine arts]*. SPb.: Aletejya, 2011. 496.

EDN: VWXEKV
УДК 316.73

Transformation of the Krasnoyarsk Artistic Culture of the “Zeros” under the Influence of Cultural Innovations of the “Nineties”

Aleksandra A. Sitnikova*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 26.05.2024, received in revised form 26.05.2024, accepted 24.06.2024

Abstract. The relevance of the study is related to the identification of the main cultural values of the past decades of the 21st century. The study is focused on studying the features of the development of art in Krasnoyarsk in the 2000s. The article provides a brief description of this period in the development of Russian art, which is given in scientific texts. Archival documents of the Peace Square museum center, which has been the main institution for supporting cultural innovation in the region since the 1990s, were used as research material. Based on the studied material, the features of the development of new types and genres of art in Krasnoyarsk artistic culture were identified – such as: video art, public art, participatory artistic practices, installations, etc. The evolution of the Krasnoyarsk Museum Biennale as a central innovative cultural event is also described.

Keywords: Krasnoyarsk artistic culture, contemporary art, art of the 2000s.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

Citation: Sitnikova A. A. Transformation of the Krasnoyarsk artistic culture of the “zeros” under the influence of cultural innovations of the “nineties”. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(8), 1592–1601. EDN: VWXEKV

Преобразование красноярской художественной культуры «нулевых» под воздействием культурных инноваций «девяностых»

А.А. Ситникова

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Актуальность исследования связана с выявлением основных культурных ценностей минувших десятилетий XXI в. Исследование сфокусировано на изучении особенностей развития искусства в Красноярске в 2000-е гг. В статье приведена краткая характеристика данного периода в развитии российского искусства, которая дается в научных текстах. В качестве исследовательского материала использованы архивные документы музейного центра «Площадь Мира», который является главной институцией для поддержки культурных инноваций в регионе начиная с 1990-х гг. На основе исследованного материала выявлены особенности освоения новых видов и жанров искусства в красноярской художественной культуре, таких как видео-арт, паблик-арт, партиципаторные художественные практики, инсталляции и т.п. Также описана эволюция Красноярской музейной биеннале как центрального инновационного культурного события.

Ключевые слова: красноярская художественная культура, современное искусство, искусство 2000–х гг.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Ситникова А. А. Преобразование красноярской художественной культуры «нулевых» под воздействием культурных инноваций «девяностых». *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1592–1601. EDN: VWXEKV

Введение

В 2010 г. была опубликована программная статья голландских ученых Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера «Заметки о метамодернизме», в которой зафиксированы перемены, произошедшие в искусстве в первое десятилетие XXI в., был предложен термин, обозначивший долгожданную смену постмодернистской парадигмы в культуре и искусстве. Ученые и арт-практики оказались солидарны по отношению к тому, что 1990–2000-е гг. – поворотные десятилетия, когда искусство меняет направление своего развития с постмодернистской плюралистичности на метамодернистскую новую искренность. В фокусе внимания настоящего исследования находятся особенности развития художественного процесса

в городе Красноярске – крупном деловом и индустриальном центре Сибирского федерального округа – в эти поворотные десятилетия. Цель исследования заключается в том, чтобы описать, проанализировать и выявить логику развития художественного процесса в городе, чтобы обозначить наиболее значимые культурные явления и ценности, которые появились в эти десятилетия. Поскольку красноярская художественная культура 1990-х уже была изучена автором ранее (Sitnikova, 2024), а знакомство и начало художественного освоения инородных культурных «диковинок» (сюрреализм, поп-арт, концептуализм и другие направления; новые жанры – инсталляция, видео-арт, перформанс) было понято как главная особенность первого «поворот-

ного» десятилетия, то в настоящей статье мы сосредоточимся на исследовании красноярской художественной культуры «нулевых», когда культурные интервенции в Красноярск со всего мира продолжились, но приобрели большую концептуальную осмысленность в локальном контексте.

Степень изученности

В качестве наиболее значимых в контексте настоящего исследования источников представляются публикации и тексты, фиксирующие особенности российского и красноярского искусства 2000-х гг. Поскольку искусство этого периода пока что остается практически «современным» и не находится от современных критиков на солидной временной дистанции, достаточной для полноценной рефлексии, то сегодня существует небольшое количество источников об искусстве этого времени.

Среди научных публикаций об искусстве «нулевых» стоит выделить следующие. В статье «Проблемное становление изобразительного искусства и столичной выставочной деятельности в России начала XXI века» Ю. В. Фёдорова, М. Ю. Сапрыкина и О. Б. Элькана (Fiodorov, Saprikin, El'kan, 2022) сделан акцент на рассмотрении такой тенденции в искусстве «нулевых», как повышенное внимание к категории «безобразное», патологическое, болезненное в искусстве этого времени. Несмотря на то что авторы предлагают оценочное – негативное – отношение к этому феномену, они рекомендуют фрагментарный, но достаточный исторический экскурс в историю работы с категорией «безобразное» у художников, показывая, что ранее внимание к «безобразному» в искусстве было скорее редкостью, а в «нулевых» становится нормой. В качестве еще одной негативной тенденции в искусстве десятилетия авторы отмечают коммерциализированность искусства, доминирование рыночной стоимости для оценки значения произведений искусства в культуре.

А. В. Прохорова в статье «Новое социальное искусство в России 2000-х гг.» (Prohorova, 2011) отмечает высокую степень

интереса к социальным проблемам и противоречиям в политической, экономической, социальной сферах у поэтов и художников «нулевых», автор рассматривает этот феномен в контексте русских художественных традиций со времен «передвижников».

А. Н. Балаш (Balash, 2012) высказывает обеспокоенность ситуацией вытеснения живописи на периферию художественной жизни в «нулевых», а также обращает внимание на проблему того, что коммерческий успех стал главным критерием хорошего искусства.

В курсе «От авангарда до современности» искусствовед К. Светляков (Svetlyakov, 2020) рассматривает искусство 2000-х гг. в отдельной лекции и определяет этот период как время институционализации современного искусства в России. Важно отметить, что в 2000-е гг., пожалуй, впервые внимание столичных исследователей обращается в сторону изучения региональных феноменов российского искусства – в частности, одна из частей лекции посвящена рассмотрению творчества арт-группы «Синие носы» – первой сибирской арт-группе, получившей признание на федеральном уровне.

Особенности развития красноярской художественной культуры и изобразительного искусства в «нулевых» являются недостаточно исследованными: некоторые – наиболее крупные – художественные события задокументированы в небольших каталогах и изданиях; творчество большинства красноярских художников начала XXI в. до сих пор не освещено в научно-исследовательских текстах, не представлено в каталогах и специализированных изданиях. Разнонаправленность развития красноярской художественной культуры 2000-х гг. привела к тому, что изучением академического направления занимались и занимаются одни исследователи – например, М. В. Москалюк (Moskalyuk, 2010) и Т. М. Ломанова (Lomanova, 2020); а изучением концептуального искусства другие – например, С. Л. Ковалевский (Design of Siberia, 2012; Displacement of values: values of displacement). Философско-

искусствоведческими и культурологическими исследованиями явлений в художественной культуре Красноярска рубежа XX–XXI в. занимаются на кафедре культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Novaya art-kritika na beregah Yeniseya, 2015; Sitnikova, 2024; Pimenova, Kistova, Bukova, 2024; Sertakova, 2024; Kolesnik, 2022 и др.).

Материалы и методы исследования

Материалами для исследования выступили документы из архива Красноярского музейного центра «Площадь Мира» за 2000–2011-е гг., публикации в прессе и каталогах о красноярском искусстве 2000-х гг. Методологические подходы – метод философско-искусствоведческого анализа и методология исследования развития системы изобразительного искусства согласно теории изобразительного искусства Н.П. Копцевой и В.И. Жуковского (Koptseva, Zhukovskiy, 2004), а также современные исследования региональной художественной культуры; контент-анализ для изучения особенностей представлений о красноярской художественной жизни на основе публикаций в прессе и каталогах.

Результаты исследования

Пришедшие в Красноярск в 1993 г. вместе с фестивалем «Новые территории искусства» культурные инновации закончились знаковой выставкой «Звезда МГ» (1999 г.), где красноярской публике было представлено творчество арт-группы «Медицинская герменевтика». Эта выставка впервые «в лоб» и масштабно познакомила сибирскую аудиторию с художественным исследованием психоделического, патологического, безобразного и т.п. «Девяностые» в Красноярске – это время культурных интервенций: появился новый формат презентации искусства – биеннале; художники познакомились с новыми жанрами в искусстве – инсталляцией, перформансом, видео-артом; начали расширять спектр художественных традиций в своем творчестве, прежде всего заинтересовавшись сюрреализмом, концепту-

ализмом и поп-артом. Свежесть и новизна визуальных образов определили развитие красноярской художественной культуры в последующее десятилетие: в «нулевые» художники и культурные деятели активно продолжали развивать то, что было начато в последнее десятилетие XX в.

Вероятно, главным событием в художественной культуре Красноярска в «нулевые» годы является Красноярская музейная биеннале. Биеннале проживает эволюцию от сложного поиска главной сути этого события в начале десятилетия до концептуализации в качестве кураторского проекта современного искусства к концу периода.

Четвертая Красноярская музейная биеннале «Искусство памяти» 2001 г. продолжала в духе «девяностых» удивлять красноярских зрителей: знакомить с перформансами, инсталляциями, уличными акциями, новыми материалами для создания искусства и т.д. По сравнению с первыми биеннале здесь уже произошло окончательное разделение на «своих» и «чужих»: если первые на первых биеннале в равной степени организаторы были готовы представить и искусство «академистов» – художников, аффилированных с традиционными художественными институциями, то на четвертой биеннале на выставке можно было встретить произведения тех молодых художников, которые определились с тем, что они собираются двигаться по более неформальному пути развития (по сути, их творчество станет основой для новой волны институционализации инновационных художественных практик в России в 2000–2020-е гг.). Возникнув как выставка лучших музейных экспозиций, биеннале уже начала крениться совершенно в другую сторону – в сторону презентации собрания авторских художественных проектов, но музейная составляющая биеннале всегда обязательно учитывается.

Самые знаковые произведения, представленные на биеннале следующие.

«Письма из Стокгольма» Е. Добровинского (рис. 1.1, 1.2) представляют собой 20 авторских шелкографий-фроттажей могильных плит Стокгольмского собора.

Шелкографии были размещены в одном из залов-переходов ККИМК в лайт-боксах. Таким образом был совершен перенос мемориальных досок из Швеции в Сибирь: произведение в буквальном смысле отражало тему биеннале – «искусство памяти» как поиск визуальной формы сохранения в памяти культурной информации, сюрреалистический метод фроттажа-перетирки придает надписи художественные качества.

Для биеннале Е. Добровинский не только подготовил арт-объекты, но и провел один из первых в Красноярске перформансов, который назывался «Усиленная жестикуляция» (рис. 2).

Молодой художник из Иркутска Игорь Смирнов, получивший образование в КГХИ, еще в 1999 г. заявил о себе как о художнике, заинтересованном в освоении новых традиций и жанров в искусстве – вместе с М. Шареевым они подготовили выставку «Марс атакует» в 1999 г., где при создании собственных ассамбляжей и коллажей опирались на традицию поп-арта, а также дискутировали о возможности развития эстетики американского поп-арта в Красноярске. В 2001 г. И. Смирнов продолжил выходить за рамки тех траекторий художественного движения, которые предлагала система красноярского художественного образования – на биеннале «Искусство памяти» он представил перформанс и инсталляцию «Хлеба и зрелищ» (рис. 3) – произведение, которое пользовалось наиболее высоким зрительским интересом. Инсталляция представляла собой диван в реальный размер из буханок белого хлеба, напротив которого был установлен телевизор. Вход в выставочное пространство осуществлялся по стеклянному полу, открывавшему вид на «подполье», где на постели все время действия выставки лежал художник в обнимку с девушкой и смотрел телевизор. Первичный смысл произведения считается моментально – зритель сталкивается с изображением концепции общества потребления: потребления телевизионного контента, сопоставимого с потреблением еды. Перформативный жест художника И. Смирнова – становление тела художника частью произведения искусства – сопоставим с ми-

ровыми практиками работы в этом жанре. Подобным образом работает и М. Абрамович, но в отличие от М. Абрамович, которая в дальнейшем пошла по пути развития и совершенствования данного жанра в своем творчестве, для И. Смирнова данный перформанс становится всего лишь эпизодом в его жизни. Подобная тенденция – одномоментное прикосновение художника к инновационной художественной практике, стремление «попробовать-понять» эту культурную диковинку, впоследствии не превращая этот опыт в деятельность на всю жизнь, – характерна для красноярской художественной культуры «нулевых». В эстетике «нулевых» особое место занимают произведения, использующие продукты в качестве художественного материала (здесь же «Кухонный супрематизм» арт-группы «Синие носы» 2006 г.), такие произведения моментально вызывали симпатию и признание у зрителей: может быть в позднем советском пространстве с очередями и раздачами еды по карточке невозможно было вообразить подобные визуальные «пиры», сама возможность таковых уже обеспечивала симпатию к такого рода искусству со стороны зрителей.

Использует продукты для создания перформативно-инсталляционного пространства и Екатерина Кандыба в произведении «Русская нирвана» (рис. 4), которое представляет собой обустроенное место для щёлканья семечек.

Для биеннале «Искусство памяти» был сделан и легендарный арт-проект молодого художника Василия Слонова «Друзья детства» в технике «рентгенограммы». Используя собственные рентгеновские снимки, рискуя здоровьем и подвергая себя опасности как художник-герой, автор изобразил персонажей литературных произведений, знакомых с детства или с юношества, – Карлсона, Ахиллеса, Гамлета, Данко, Раскольникова и других.

Во время проведения VI Красноярской музейной биеннале «Вымысел истории» интенсивность воздействия на красноярскую публику инновационных художественных образов продолжилась, но несколько сни-

зились. С одной стороны, в рамках формата биеннале кураторы продолжили знакомить Красноярск с современными столичными художниками – например, творчеством К. Батынкова, Т. Новикова, В. Мамышева-Монро и др. С другой стороны, проявилась тенденция возвращения к экспериментальным музейно-экспозиционным практикам, о чем свидетельствует и Гран-при этой биеннале, который получил проект «Клад 1169» (рис. 5) С. Баранова из Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, представляющий собой замысловатый эксперимент по экспонированию современных инструментов – гаечный ключ и др. – как ценных археологических находок, видимо, в воображаемом музее будущего, для которого наша цивилизация станет еще одним пластом для изучения.

Основной отличительной особенностью проведения VI Красноярской музейной биеннале «Перемещение ценностей: ценность перемещения» (2005) стало возвращение обширной городской программы, художественные проекты вышли за пределы музейного пространства. Таким образом, был совершен «призыв» новой аудитории, которую может заинтересовать новая эстетика искусства. Самым грандиозным шагом по выходу за пределы музейного пространства стала аренда баржи с транспортными контейнерами для экспонирования произведений прямо на Енисее. Самыми эффективными методами с точки зрения «возвращения к людям» выходом искусства в город стали проекты – «Счастливый троллейбус»: в дни биеннале по Красноярску перемещались необычно оформленные тематические троллейбусы – например «Музыкальный»; и «Алые паруса»: на городских билбордах напечатали произведения красноярских художников А. Левченко и В. Слонова – «Воздухоплаватель», «Осень», «Яичница луговая», «Любовь», «Вечерняя соната» (рис. 6).

Серьезный перелом в проектировании биеннале случился в 2007 г. VII Красноярская музейная биеннале получила название «Чертёж Сибири». Куратором выступил

С. Ковалевский. Он радикально изменил характер участия музеев и художников в биеннале, предложил отправлять художников в экспедиции в музеи Красноярского края для создания художественных проектов, которые станут основой для организации биеннальской экспозиции. Помимо этого, главным его нововведением стало предложение исследовательской оптики для столкновения художников с территорией Сибири, а именно исследование своеобразной поэтики сибирского ландшафта, художественная интерпретация локального своеобразия региона. «Чертёж Сибири» стал первой биеннале из трилогии – «Даль» и «Во глубине», где феноменология, и прежде всего художественная феноменология пространства и его воздействия на человека, была поставлена во главу угла. Куратор же, продолжая идею концептуалиста Дж. Кошута о том, что в XX в. искусство пришло на смену философии, выступал философом, работающим в духе феноменологической традиции.

В качестве еще одного значимого нововведения в художественной жизни Красноярска следует назвать такое событие, как Музейная ночь. Первая Музейная ночь состоялась в 2002 г. Суть формата – музей открыт для посетителей всю ночь: наравне с произведениями искусства, которые демонстрируются там в штатном порядке, на время Музейной ночи получают возможность выставить свои проекты, реализовать свои перформансы и инсталляционные задумки посетители, не имеющие специального художественного образования и квалификации. Музейная ночь начала проводиться регулярно, она стала проектом, расширяющим «воронку» для втягивания как можно большего числа людей в художественную жизнь Красноярска. Во многом Музейная ночь стала красноярским вариантом комьюнити-арта, то есть пространства, дружелюбного к искусству любителей, организующего все условия для вовлечения как можно большего количества потенциально способных людей в творческие практики. Появление подобных пространств в мире фиксирует в своей книге про партиципаторное искусство К. Бишоп

с 1980-х гг. – в «нулевые» проект «Музейная ночь» способствует развитию партиципаторных арт-практик и в Красноярске.

Как уже было отмечено, представленные в 1990-е гг. новые жанры и виды изобразительного искусства в «нулевые» получают более серьезное развитие в красноярской художественной культуре – прежде всего это инсталляции, видео-арт, перформанс, паблик-арт и партиципаторное направление в искусстве.

Жанр «инсталляция», появившийся на сибирских выставках в 1980–90-е гг., в «нулевые» практически исчезает, так как произведения этого жанра оказались слишком сложны для хранения в коллекциях и, как следствие, коммерчески неудобными. В красноярской художественной культуре в «нулевые» годы инсталляции редуцируются скорее либо к арт-объектам, либо в большей степени становятся созвучны классическому пластическому искусству (скульптуре).

Особенное значение для развития сибирского искусства получил видео-арт. Доступность любительских видеокамер в «девяностые» и «нулевые» привела к тому, что именно этот вид современного искусства охотно начали осваивать местные художники. В 1990–2000-е гг. в Красноярске происходит становление нового поколения художников, некоторые из них также обращаются к видео-арту. Как и для многих других художников, для красноярских художников видеокамера становится скорее возможностью зафиксировать перформативные действия, нежели средством для художественных экспериментов, и творческой работой с самой «тканью» видео. В художественной культуре Красноярска «нулевых» особенное значение приобретает творчество О. Пономарева. На VII Красноярской биеннале он представил свой концептуальный видео-арт «Сделано в Мотыгино» (рис. 7), где обнаженный художник читает стихи на фоне поленницы в п. Мотыгино Красноярского края, который является его родиной: «где мать родила, в чем мать родила», как сообщает сам художник. Художник фиксирует на видео атмосфе-

ру жизни в Мотыгино – зима, снег, пьяное застолье, пьяные беседы, то нисходящие до разговоров о культуре «человеческого низа» с включением нецензурной брани, то возносящиеся до самых глубоких философских прозрений о сути человеческого бытия. Художник высвечивает бытие, в котором странным образом рождается художник-концептуалист.

Несмотря на то что в Красноярске начали появляться местные художники, развивавшие синтез локальной народной культуры и инновационных форм искусства, в «нулевые» в городе продолжали представлять образцы столичного и иностранного зарубежного искусства. Так, среди «импортных» произведений стоит выделить иммерсивный фильм-спектакль немецкой группы «Gob squad» «Super night shot» (2008) (рис. 8). На самом деле жанр этого произведения определить довольно сложно. С одной стороны, это видео-арт – структуралистский анализ голливудского боевика-романтического фильма, где в качестве структурных элементов выделены наличие героя-спасителя, эффектные локации, возлюбленная, танцы и драки. С другой стороны, это арт-хаусный экспериментальный фильм в духе «Таймкода» М. Фиггиса: четыре главных героя одновременно включают четыре камеры; четыре видео сводятся воедино на одном экране; четыре камеры непрерывно и синхронно снимают в течение 40 минут; звук блуждает от видео к видео в зависимости от важности момента. Наконец, видеопроизведение включает в себя элементы партиципаторного искусства: англоговорящие актеры фильма вступают в диалог с красноярцами, спрашивая их о городских проблемах, с которыми мог бы побороться главный герой; они ищут и находят девушку, готовую поцеловать главного героя; они шокирующим образом заканчивают фильм, обнажаясь до нижнего белья на глазах у зрителей. Произведение «Gob squad» продолжило открывать красноярской публике инновационные формы в искусстве.

Центральное развитие в «нулевые» в Красноярске получил паблик-арт. В это

десятилетие для каждого крупного события в музее старались разработать паблик-арт-проект, который «выворачивал бы наизнанку» музейное пространство, позволял бы увидеть в общественном пространстве произведение современного искусства. В «нулевые» паблик-арт-объекты создавались преимущественно иностранными художниками – голландская арт-группа «Observatorium», голландская художница М. Тиувен (рис. 9), словенский художник Матей Вогринчич, были реализованы проекты и российских художников – А. Константинова, А. Пономарева, В. Селезнева и др.

Произведения паблик-арта вновь работали на то, чтобы расширить представления красноярцев об искусстве XX–XXI вв., знакомили красноярцев с новыми феноменами искусства – энвайромент-артом, архитектурными интервенциями, общими представлениями о повышении уровня комфорта общественных пространств для горожан. Внимание иностранных художников часто было приковано к красноярской деревянной архитектуре как необыкновенному сочетанию архаических жилищ и современного модернистского городского пространства. Художница М. Тиувен, продолжая интервенции Г. Матта-Кларка, ободрала деревянную речную облицовку двухэтажного восьмиквартирного дома в центре города, предназначенного под снос, прорубила перспективные проемы в полу, стенах и потолке, чтобы сделать объемный абстрактный рисунок. В одну сторону он завершался изображением черного круга – омражем геометрическим абстракциям К. Малевича; в другую же сторону – хаотичной композицией из цветных линий, напоминающей иную линию развития абстрактного искусства – абстрактный экспрессионизм.

Заключение

1. На основе изучения основных научных представлений о периоде можно сделать следующие выводы. На международном уровне главной особенностью искусства 2000-х гг. можно считать фор-

мирование принципиально нового стиля, приходящего на смену постмодернизму, – метамодернизма. Исследователи российского искусства преимущественно дают крайне негативную оценку общих тенденций развития искусства в это время за счет того, что основной категорией в искусстве становится «безобразное», а коммерческий успех является определяющим фактором при оценке качества произведений искусства. Также исследователи отмечают, что в «нулевые» резко снижается ценность живописных произведений по сравнению с новыми видами искусства – инсталляцией, перформансом, видео-артом и др. Конструктивные исследователи периода фиксируют важный процесс создания новых художественных институций в России в «нулевые», возникновение которых закрепило существование в стране инновационного «современного искусства», а также именно в это время начинает расширяться представление о российском искусстве не только как о московском или питерском, но и как о региональном – например, некоторые художественные явления, возникшие в сибирских городах, начинают изучаться столичными экспертами и исследователями. Помимо этого, исследователи отмечают, что в российском искусстве «нулевых» самым заметным явлением в искусстве является искусство социальное, продолжающее в определенной степени развивать традиции критического реализма «передвижников». Все эти характеристики в равной степени можно отнести и к особенностям развития красноярской художественной культуры в 2000-е гг.

2. При этом в красноярской художественной культуре 2000-х гг. можно выделить следующие особенности. Во-первых, в это десятилетие наблюдается активное стремление привлечь всех возможных зрителей к инновационным формам культуры, так как самыми успешными проектами являются публичные акции, выход на рекламные билборды, паблик-арт-проекты и т.п. Во-вторых, в «нулевые» в Красноярске появляются местные художники, моментально освоившие новые художественные жанры, техники и материалы, объединив

их с локальной народной поэтикой и культурой. Если в «девяностые» Красноярск только знакомился с художественными инновациями, то в «нулевые» мы наблюдаем концептуализацию работы с инновационными культурными формами в сторону художественного переосмысления местной визуальной и атмосферной специфики.

Приложения / Applications

Список литературы / References

- Anufriev S. E. Tochki soprikosnoveniya [Points of contact]. Krasnoyarsk. Snetkov i K. 2010, 95.
- Art of memory: catalogue of V Krasnoyarsk museum biennale. Editor S. L. Kovalevskiy. Krasnoyarsk. Krasnoyarsk museum center. 2003, 54.
- Balash A. N. Stankovaya zhivopis' v kontekste “iskusstva nulevih” [Easel painting in the context of “the art of the 2000s”]. In: *Trudi Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'turi i iskusstv [Vestnik of the St. Petersburg State University of Culture and Arts]*. 2012, 192. 15–18.
- Churilov M. G. Installatsiya na vystavkah sibirskogo andergraunda v 1980–1990e gg. [Installation at exhibitions of the Siberian underground in the 1980–1990s.]. In: *Siberian contemporary art: materiali II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [materials of the II All-Russian scientific and practical conference]*. Krasnoyarsk, 2023. Editors N. P. Koptseva, A. A. Sitnikova. Krasnoyarsk. Sodruzhestvo prosvetitelei Krasnoyaria. 2024, 30–33.
- Design of Siberia: catalogue of VII Krasnoyarsk museum biennale. Editor S. L. Kovalevskiy. Krasnoyarsk. Krasnoyarsk museum center. 2012, 218.
- Displacement of values: values of displacement: catalogue of VI Krasnoyarsk museum biennale. Editor S. L. Kovalevskiy. Krasnoyarsk. Krasnoyarsk museum center. 2007, 76.
- Fiction of history: catalogue of V Krasnoyarsk museum biennale. Editor S. L. Kovalevskiy. Krasnoyarsk. Krasnoyarsk museum center. 2005, 56.
- Fedorov Yu. V., Saprikina M. Yu., El'kan O. B. Problemnoie stanovlenie izobrazitel'nogo iskusstva i stolichnoi vystavochnoi deyatelnosti v Rossii nachala XXI veka [The problematic development of fine art and metropolitan exhibition activities in Russia at the beginning of the 21st century]. In: *Scholarly Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical University*. 2022, 6(62). 67–74.
- In the depth: catalogue of IX Krasnoyarsk museum biennale. Editor S. L. Kovalevskiy. Krasnoyarsk. Krasnoyarsk museum center. 2012, 216.
- Kistova A. V. Dashi Namdakov. Transformatsiya. Chto hotel skazat' avtor? [Dashi Namdakov. Transformation. What did the author want to say?]. In: *Sibirskii iskusstvedcheskii zhurnal [Siberian art journal]*. 2022, 1(1), 53–72. DOI 10.31804/2782-4926-2022-1-1-53-72. – EDN ULBGRS.
- Kolesnik M. A. Krasnoyarskaya kistevaya rospis' po metallu: istoriya i osobennosti [Krasnoyarsk brush painting on metal: history and features]. In: *Sibirskii iskusstvedcheskii zhurnal [Siberian art journal]*. 2022, 1(3), 1–22.
- Kolesnik M. A. “Surovii stil” v sovetskoi zhivopisi v 1950–1960h gg. [“Severe style” in Soviet painting in the 1950s–1960s]. In: *Sibirskii iskusstvedcheskii zhurnal [Siberian art journal]*. 1(2), 8–22.
- Kolesnik M. A., Leschinskaya N. M., Sertakova E. A. Obraz poeta-tvortca v simbolizme Gyustava Moro [The image of the poet-creator in the symbolism of Gustave Moreau]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian journal of anthropology]*. 2019, 3(4), 25–37.
- Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Menzhurenko Yu. N., Pchelkina D. S. Periodicheskie izdaniya Rossiiskoi imperii nachala XIX v. kak istochnik po istorii sibirskogo iskusstva. In: *Bylye godi*. 17(4). 1693–1703. DOI 10.13187/bg.2022.4.1693. – EDN OSWHXE.
- Koptseva N. P., Kolesnik M. A., Leschinskaya N. M., Samarina D. N. Russkaya kul'turnaya identichnost' v izobrazitel'nom iskusstve XIX – nachala XX veka [Russian cultural identity in the fine arts of the 19th – early 20th centuries]. Krasnoyarsk. Sodruzhestvo prosvetitelei Krasnoyaria. 2023, 123. ISBN 978-5-6043407-4-5. – EDN CBYTXX.

Koptseva N.P., Sertakova E.A., Krupkina K.A. and others. Transformatsii gorodskoi sredi Krasnoyarska v 1991–2017 godi [Transformation of the urban environment of Krasnoyarsk in 1991–2017]. Krasnoyarsk, Siberian federal university, 2019, 76.

Kozlov E.S. Obraz “kosmosa” v proizvedeniah sovremennoi audiovizual’noi kul’turi [The image of “Space” in works of modern audiovisual culture]. In: *Digitalization*. 2021, 2(2). 44–50. DOI 10.37993/2712-8733-2021-2-2-44-50. – EDN UXJPPV.

Leschinskaya N.M. Kul’turologicheskie podhodi k analizu proizvedenii dekorativno-prikladnogo iskusstva [Cultural approaches to the analysis of works of decorative and applied art]. In: *Severnii archive i ekspeditsii [Northern archives and expeditions]*. 5(2), 9–15. DOI 10.31806/2542-1158-2021-5-2-9-15. – EDN IAPWIN.

Leschinskaya N.M., Sitnikova A.A., Sertakova E.A., Koptseva N.P. Zhurnal “Zodchiy” kak istochnik po istorii russkogo moderna kontca XIX-nachala XX vekov [The magazine “Zodchiy” as a source on the history of Russian Art Nouveau at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries]. In: *Bylye godi*. 2022, 17(3). 1237–1249. DOI 10.13187/bg.2022.3.1237. – EDN BNRZCL.

Lomanova T.M. Otrazhenie sibirskoi identichnosti v iskusstve kontca XX – nachala XXI vekov [Reflection of Siberian identity in the art of the late 20th – early 21st centuries]. In: *Kul’tura i iskusstvo [Culture and art]*. 2020, 4. 1–14. DOI: 10.7256/2454-0625.2020.4.32188 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32188

Moskalyuk M.V. Vse, cho v serdtse: hudochniki Krasnoyarska vchera, segodnya, zavtra [Everything that is in the heart: artists of Krasnoyarsk yesterday, today, tomorrow]. Krasnoyarsk. Polikor. 2010, 286.

Novaya art-kritika na beregah Eniseya [New art criticism on the banks of the Yenisei]. Ed. by N.P. Koptseva. Krasnoyarsk. Siberian federal university. 2015, 340.

Pimenova N.N., Kistova A.V., Bukova M.I. Rol’ krasnoyarskogo iskusstvovedcheskogo obrazovaniya v kul’turnoi zhizni i obrazovatel’noi sphere goroda Krasnoyarska v kontce XX – nachale XXI vv. In: *Journal of Siberian federal university. Humanities and social sciences*. 2024, 17(4), 708–718.

Pimenova N.N., Zamaraeva Yu.S. «Kulturnaya politika»: kontseptsiya Davida Bella i Kate Oakley [“Cultural politics”: the concept of David Bell and Kate Oakley]. In: *Severnii archive i ekspeditsii [Northern archives and expeditions]*. 2023, 7(1), 37–49.

Posle bedi [After the disaster]: catalogue of the exhibition. Ed. S.L. Kovalevskiy. Krasnoyarsk. Krasnoyarsk museum center. 2012, 192.

Prokhorova A.V. Novoe sotcial’noe iskusstvo v Rossii 2000h gg. [New social art in Russia in the 2000s]. In: *Vestnik Kamskogo instituta gumanitarnih i inzhenernih technology [Bulletin of the Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies]*. 2011, 1–2(15). 9–15.

Sertakova E.A. Representatsiya kul’turnoi pamyati v proektah VII Krasnoyarskoi museinoi biennale “Cher-tezh Sibiri” [Representation of cultural memory in the projects of the VII Krasnoyarsk Museum Biennale “Design of Siberia”]. In: *Journal of Siberian federal university. Humanities and social sciences*. 2024, 17(4), 766–777.

Sitnikova A.A. Krasnoyarskaya hudozhestvennaya kul’tura kontca XX – nachala XXI veka. Krasnoyarsk. Sodruzhestvo prosvetitelei Krasnoyarska. 2024, 215.

Sitnikova A.A. Osobennosti razvitiya krasnoyarskoi hudozhestvennoi kul’turi v 1990e godi [Features of the development of Krasnoyarsk artistic culture in the 1990s]. In: *Journal of Siberian federal university. Humanities and social sciences*. 2024, 17(4), 694–707.

Suvorova, A.A. Institucionalizatsiya iskusstva autsajderov na sovremennom etape [Institutionalization of outsider art at the present stage]. In: *Bulletin of South Ural State University. Series “Social and humanity science”*. 2019, 19(4). 113–117.

Svetlyakov K. Napravleniya v iskusstve 2000h. Poiski, transformatsii i novie praktiki sovremennogo iskusstva pervogo desyatiletia 2000h. [Art directions in the 2000s. Searches, transformations and new practices of contemporary art of the first decade of the 2000s]. In *Magisteria. Kurs lekcii “Ot avangarda do sovremen-nosti” [Course of lectures “From avant-garde to modernity”]*. 2020. URL: <https://magisteria.ru/avant-garde/art-of-2000s>

Vermeulen T., Akker R. Notes on metamodern. In: *Journal of aesthetics and culture*. 2010, 2(1). 1–14.

Zhukovskiy V.I., Koptseva N.P. Propositsii teorii izobrazitel’nogo iskusstva: uchebnoe posobie [Propositions of the theory of fine arts: a textbook]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk state university, 2004. 265.

EDN: UNUQEI
УДК 070:001

The Impact of Open Access on Citation Counts and Alternative Metrics of Articles in Leading International Scientific Journals on Media and Communication

Nataliia D. Trishchenko and Mikhail I. Makeenko*

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Received 25.03.2024, received in revised form 16.06.2024, accepted 24.06.2024

Abstract. A total of 1173 articles published between 2018 and 2022 in 9 scientific journals indexed in the international bibliometric databases Web of Science and Scopus were analyzed. The analysis results showed a steady increase in the number of articles published with the open access option. Such articles have an advantage in visibility and citation, however, if the audience for openly published articles is nearly four times larger, their citation metrics are approximately 30 % higher. The question of the impact of open access on altmetrics requires additional study, as the advantage we identified for open access articles is not as noticeable and significant as previous studies by other authors have shown. The widespread adoption of the open access option in individual countries can contribute to strengthening the Matthew effect, which already prominently manifests itself in the international scientific journals.

Keywords: scientific communication, open access, open science, media studies, altmetrics, scholarly journals, citation metrics.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Media communications and journalism.

Citation: Trishchenko N.D., Makeenko M.I. The impact of open access on citation counts and alternative metrics of articles in leading international scientific journals on media and communication. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 2024, 17(8), 1602–1611. EDN: UNUQEI

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: natahatri@yandex.ru; makeenko.mikhail@smi.msu.ru
ORCID: 0000-0002-6834-6206 (Trishchenko); 0009-0002-6457-7063 (Makeenko)

Влияние открытого доступа на показатели цитируемости и альтернативных метрик статей в ведущих международных научных журналах по медиа и коммуникации

Н.Д. Трищенко, М.И. Макеенко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Российская Федерация, Москва

Аннотация. В статье представлены результаты исследования влияния публикации в открытом доступе на показатели просмотров, цитируемости и альтернативных метрик в международных научных изданиях, посвященных медиа и массовой коммуникации. Для анализа использовались научные статьи, опубликованные в период с 2018 по 2022 гг. в 9 зарубежных научных журналах, которые индексируются в международных наукометрических базах Web of Science и Scopus. Всего были проанализированы данные для 1173 статей. Результаты анализа показали стабильный рост числа статей, публикуемых с использованием опции открытого доступа. Такие статьи имеют преимущество в видимости и цитируемости, однако если аудитория открыто опубликованных статей почти в четыре раза больше, их показатели цитирований выше примерно на 30 %. Вопрос влияния открытого доступа на показатели альтернативных метрик требует отдельного изучения, поскольку выявленное нами преимущество для открыто опубликованных статей не столь заметно и значимо, как показывали предшествующие исследования других авторов.

Ключевые слова: научная коммуникация, открытый доступ, открытая наука, исследования медиа и коммуникации, альтернативные метрики, научные журналы, цитируемость.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

Цитирование: Трищенко Н. Д., Макеенко М. И. Влияние открытого доступа на показатели цитируемости и альтернативных метрик статей в ведущих международных научных журналах по медиа и коммуникации. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(8), 1602–1611. EDN: UNUQEI

Практики, которые относятся к открытой науке, в последние десять лет стали основным трендом научной коммуникации. Помимо очевидной возможности взаимодействия с результатами исследований для всех желающих открытая наука принесла множество изменений в жизнь ученых и научных издателей. Вопросы о том, как открытый доступ влияет на цитируемость научных статей и есть ли практическая польза в открытой публикации для самих ученых, находятся в фокусе внимания исследователей с того

момента, как началось движение за открытый доступ (Lawrence, 2001) – еще до подписания Будапештской декларации¹. С тех пор было проведено множество исследований для различных научных дисциплин, большинство из которых подтверждают гипотезу о позитивном влиянии открытого доступа

¹ С Будапештской декларации начинается официальная история движения за открытый доступ к науке. См.: Будапештская Инициатива «Открытый Доступ» URL: <https://www.budapestopenaccessinitiative.org/read/russian-translation/>

на цитируемость, однако результаты в значительной степени зависят от дисциплины, масштабов выборки и других дополнительных условий (Antelman, 2004; Kousha and Abdoli, 2010; Norris, Oppenheim, Rowland, 2008; Xu, Liu, Fang, 2011; Wohlrabe, 2014; McCabe and Snyder, 2015; Donovan, Watson, Osborne, 2015; Wassef et al., 2022).

Выводы одного из обширных исследований, основанного на анализе миллионов документов, показывают, что статьи в открытом доступе в среднем получают на 30 % больше цитирований (Piwowar, Priem, Larivière, Alperin et al., 2017). Эффект может быть различным в зависимости от типа открытого доступа: статьи в подписных журналах получают на 10 % меньше цитирований, чем все научные статьи, статьи в зеленом доступе – на 33 % больше, в гибридных журналах – больше на 31 %. Однако статьи из «золотых» журналов² в среднем получают на 17 % меньше цитирований, что, вероятно, объясняется разнообразием новых открытых изданий, публикующихся на разных языках и не всегда ориентированных на международное научное сообщество.

Некоторые исследования влияния открытого доступа на распространение и популяризацию результатов научных исследований демонстрируют гораздо более однозначные результаты. Например, анализ данных журнала *Nature Communications* (Wang, Liu, Mao, Fang, 2015) показал, что количество просмотров статей в открытом доступе в среднем превышает показатели подписных статей в 3,26 раза, а показатели цитирования в социальных медиа у открытых статей выше в 1,37 раза. Подобные результаты были получены при изучении журналов *American Psychological Society* (Davis, 2010): в течение первого года после публи-

кации статьи, доступные бесплатно, загружались в полном объеме в 2,19 раза чаще, чем доступные по подписке, и на 61 % чаще в формате PDF. В то же время другие исследования влияния открытого доступа на показатели альтернативных метрик³ дали смешанные результаты, поэтому можно предположить, что многое зависит от дисциплины и конкретной платформы (Tsou et al., 2015; Mohammadi et al., 2018; Vainio and Holmberg, 2017; Holmberg, Hedman, Bowman et al., 2020). До сих пор данная проблематика остается крайне актуальной, однако акценты смещаются на отдельные дисциплины (С., Н., 2023), вопросы о том, как меняется состав цитирований, а не только их количество (Huang et al., 2024), как отличается эффект для цитирований и альтернативных метрик (Sharma, 2023) и так далее.

Более раннее исследование влияния открытого доступа на цитирование в журналах по коммуникации (Zhang, 2006) не выявило различий в цитировании (по данным *Web of Science*), но подтвердило гипотезу о более широком распространении материалов, опубликованных в режиме открытого доступа, за пределами научного сообщества. Однако стоит учесть, что данное исследование основано на показателях журналов различной тематики, хотя и в рамках одной тематической категории и довольно ограниченной выборке.

В соответствии с выводами другой работы (Schultz, 2017) статьи по медиа и коммуникации, опубликованные в открытом доступе, цитируются в среднем в два раза чаще, чем доступные только по подписке. Несмотря на то что публикации не во всех журналах демонстрируют подобные результаты, в 8 из 10 рассмотренных изданий цитируемость статей в открытом доступе оказалась выше.

Ранее проведенное исследование влияния открытого доступа на видимость и цитируемость статей по медиа и коммуникации (Makeenko, Trishchenko, 2018) по-

² Зеленый открытый доступ – открытая публикация в репозитории открытого доступа (в случае с научной статьей это может быть пре- или постпринт, с эмбарго или без задержки – в зависимости от политики журнала в отношении депонирования статей). Гибридный открытый доступ – открытая публикация в подписном журнале с применением опции открытого доступа в момент публикации. Золотой открытый доступ – публикация в журнале открытого доступа, обеспечивающая моментальную доступность статьи.

³ Альтернативные метрики – новые методы наукометрических исследований, которые могут учитывать распространение в социальных сетях, СМИ, блогах, цитируемость в «Википедии», значимых документах и т.п.

казало, что, несмотря на предоставление большинством изданий опции открытого доступа для авторов, доля статей, опубликованных в таком режиме, в 2015–2017 гг. была еще невелика. Хотя открытый доступ, как правило, положительно влиял на цитирование, его роль не была определяющей. В то же время открытое опубликование увеличивало показатели альтернативных метрик и в еще большей степени количество просмотров и скачиваний статей. Согласно средним значениям, количество цитирований статей с открытым доступом оказалось больше для публикаций в 4 из 9 исследованных журналов, меньше – в 3 случаях, а в 2 случаях из-за ограничений выборки соотношение не удалось определить. В среднем показатели альтернативных метрик были примерно в два раза выше для статей в открытом доступе. Показатели просмотров и скачиваний также указывали на преимущества для открытых статей: в среднем открытые полные тексты просматривали в 3,8 раза чаще, чем те, которые доступны по подписке.

После описанного исследования прошло уже 5 лет, и все это время многие страны стимулировали распространение практик открытой науки и открытую публикацию результатов исследований среди своих научных организаций. На данный момент опция открытого доступа в журналах по медиа и коммуникации должна была уже получить достаточное распространение, чтобы результаты исследования получились убедительными, поэтому представляется целесообразным повторить его на основе более широкой выборки.

Как и пять лет назад, выбор журналов по коммуникации обусловлен тем, что так мы можем рассмотреть пример ряда дисциплин, которые находятся на стыке социальных и гуманитарных наук, то есть в некоторой степени отражают ситуацию в обеих научных областях и позволяют строить в их отношении соответствующие гипотезы.

Методика исследования

На данный момент проведено уже немало исследований, посвященных вопро-

сам влияния открытой публикации на цитируемость и мотивацию ученых к выбору открытого доступа в качестве режима для размещения в интернете научных статей. Однако наше исследование отличается рядом особенностей:

1) до настоящего момента было невозможно провести соответствующее исследование в связи с тем, что, как мы выяснили в рамках предыдущего исследования, до 2018 года статьи в открытом доступе практически отсутствовали в ведущих международных подписных журналах по медиа и коммуникации;

2) в основном предшествовавшие исследования связаны с естественными науками, а про социогуманитарный сектор нам известно значительно меньше, хотя практики научной коммуникации в разных областях заметно отличаются; исследований в отношении медиа и коммуникации на данный момент крайне мало;

3) неактивность Sci-Hub⁴ позволяет рассчитывать на гораздо меньшие искажения со стороны пиратских ресурсов для статей за 2021–2022 гг., чем это было ранее.

Для сравнения показателей открытых и подписных статей были собраны данные по следующим журналам:

1. New Media & Society;
2. Media Psychology;
3. Information Communication and Society;
4. Journalism;
5. Media, Culture & Society;
6. Journalism Studies;
7. European Journal of Communication;
8. Javnost – The Public;
9. Discourse Studies.

Их выбор обусловлен тем, что на основе данных именно этих журналов было проведено наше пилотное исследование в 2018 г., и сейчас обращение к этим же изданиям позволяет дополнительно проследить динамику количества открыто опубликованных статей. Кроме того, в случае с этими журналами, так как ранее они наиболее активно

⁴ Sci-Hub – сервис, позволяющий бесплатно получать доступ к подписным статьям. В США является нелегальным, считается пиратским ресурсом.

среди изданий по коммуникации внедрили опцию открытого доступа, мы могли рассчитывать, что теперь количество публикаций будет более значимым, а результаты исследования – более достоверными.

В каждом из номеров журнала за период с 2018 по 2022 гг., в который входит хотя бы одна статья открытого доступа / бесплатная статья, были собраны показатели просмотров или скачиваний (в зависимости от сайта издательства) и альтернативных метрик (по показателям Altmetrics / PlumX), цитируемости по WoS для открытых статей, статей в бесплатном доступе, а также 1 и 6 статей в номере, доступ к которым возможен только при наличии подписки. В случае если такие статьи были опубликованы в открытом доступе, бесплатном доступе или относились к жанру рецензии на книгу или колонки редактора, были использованы показатели 2 и/или 5 статей, если и они открытые, 3 и/или 4, если нет, случайных подписных из номера. Мы не брали сплошную выборку подписных статей, так как посчитали, что данные по двум статьям из номера будут достаточно репрезентативными, чтобы ограничиться ими. Специальные выпуски не рассматривались.

Данные были собраны в декабре 2023 – январе 2024 г. Для журналов Journalism

и Discourse Studies издательство отключило сервисы альтметрики, поэтому эти данные собрать не удалось. Всего было рассмотрено 1173 статьи – 577 открыто опубликованных и 596 доступных по подписке.

Результаты исследования

В первую очередь нам было важно понять, насколько за пять лет изменилось количество открыто опубликованных статей в рассматриваемых журналах (табл. 1).

Отметим, что в период с 2015 по 2017 гг. открытых статей в этих 9 журналах было опубликовано всего 43, однако уже начиная с 2018 г. даже за один год этот показатель был значительно выше, а в 2022 г. уже большая часть выпусков содержит открыто опубликованные статьи.

Если обращаться к средним показателям по журналам, мы наблюдаем неоспоримое преимущество в показателях просмотров / скачиваний открытых статей перед доступными по подписке (табл. 2), что соответствует полученным ранее результатам (Makeenko, Trishchenko, 2018). В то же время в рамках нашей выборки открытые статьи явно имеют преимущество и в цитируемости. Исключением стал только один журнал.

Интересно, что с показателями альтернативных метрик ситуация оказалась

Таблица 1. Количество открыто опубликованных статей в журналах из выборки по годам
Table 1. The number of openly published articles in journals from the sample by year

Название журнала	2018	2019	2020	2021	2022	Всего	Доля от всех статей,%
New Media & Society	21	13	7	29	33	103	8
Media Psychology	6	3	10	5	12	36	18
Information Communication and Society	14	13	16	22	36	101	11
Journalism	4	10	7	18	38	77	9
Media, Culture & Society	5	3	19	24	21	72	14
Journalism Studies	9	12	19	21	28	89	14
European Journal of Communication	2	7	9	19	9	46	9
Javnost – The Public	2	3	4	5	16	30	17
Discourse Studies	1	2	4	5	11	23	9
Всего	64	66	95	148	204	577	10

Таблица 2. Данные альтметрики, показатели использования и цитируемости статей с различными типами доступа (средние значения)*, опубликованных в 2018–2022 гг.

Table 2. Altmetrics data, usage and citation indicators of articles with different types of access (average values) published in 2018–2022

Название журнала	Просмотры/ скачивания		Цитируемость		Альтметрика	
	ОД	подписка	ОД	подписка	ОД	подписка
New Media & Society	11 547	3348	32	23	31	31
Media Psychology	17 008	1552	22	11	44	19
Information Communication and Society	8601	2691	21	15	23	27
Journalism	5768	1742	15	19	N/A	N/A
Media, Culture & Society	6913	3394	13	10	18	22
Journalism Studies	5687	1146	13	11	30	17
European Journal of Communication	5302	1240	11	8	12	8
Javnost – The Public	4306	653	10	5	11	4
Discourse Studies	2157	548	7	3	N/A	N/A
Все статьи из выборки	7870	1999	18	14	25	21

* Желтым выделены пары ячеек, в которых показатели подписных статей выше открытых.

несколько иной: у нас есть данные только по семи журналам, и если в случае с четырьмя преимущественно открыто опубликованных статей неоспоримо, то еще в трех случаях их показатели или равны, или ниже, чем для подписных статей. Однако если мы посмотрим на медианные

показатели, они во всех случаях изменятся в пользу открытого доступа (табл. 3). Вероятно, такая разница в средних значениях обусловлена лишь несколькими статьями с очень высокими показателями, которые несколько искажают общие результаты.

Таблица 3. Данные альтметрики, показатели использования и цитируемости статей с различными типами доступа (медианные значения)

Table 3. Altmetrics data, usage and citation indicators of articles with different types of access (median values)

Название журнала	Просмотры/ скачивания		Цитируемость		Альтметрика	
	ОД	подписка	ОД	подписка	ОД	подписка
New Media & Society	6440	2036	18	15	13	9
Media Psychology	5412	1092	12	8	9	4
Information Communication and Society	5802	1656	11	9	10	8
Journalism	3599	1200	8	8	N/A	N/A
Media, Culture & Society	4552	1465	8	8	10	6
Journalism Studies	4042	781	6	5	14	11
European Journal of Communication	2798	844	6	5	6	5
Javnost – The Public	2485	350	2	2	4	2
Discourse Studies	1258	391	2	1	N/A	N/A
Все статьи из выборки	4404	1166	9	7	11	8

В то же время по медианным показателям уже не столь очевидно преимущество в цитируемости для статей, опубликованных в открытом доступе – хотя его нельзя исключать, оно все-таки менее значимо, чем можно предположить с опорой только на средние показатели.

Опираясь на собранные данные, мы можем заключить, что в целом открытый доступ примерно в 4 раза увеличивает показатели просмотров и примерно на 30 % – показатели альтметрик и цитирований (табл. 4).

По сравнению с данными за 2014–2017 гг. результаты более однородны, а преимущества открытой публикации для видимости и цитируемости статей более очевидны (табл. 5). В то же время мы больше не наблюдаем такого выраженного преимущества статей открытого доступа по показателям альтметрик, что требует отдельного и более глубокого изучения, так как теоретически они должны быть довольно тесно связаны с показателями просмотров.

В рамках нашего исследования мы также решили отдельно сравнить показатели открытых и подписных статей за 2021–2022 гг., когда Sci-Hub, который предположительно мог смазывать результаты исследования, уже прекратил обновляться (табл. 6).

По данным за 2021–2022 гг. мы видим несколько более выраженное преимущество по показателям у открытых статей в целом, в том числе по показателям альтметрик, однако его все же нельзя назвать значительным. По-видимому, возможности пиратского доступа к статьям мало влияют на показатели цитируемости в Web of Science и на тех ресурсах, которые учитываются сервисами альтметрики при расчете показателей.

Выводы и дискуссия

Результаты нашего исследования показали, что количество статей, опубликованных с опцией открытого доступа в ведущих международных журналах по медиа

Таблица 4. Соотношение показателей альтметрик, использования и цитируемости статей: открытый доступ/ доступ по подписке*

Table 4. The ratio of indicators of altmetrics, usage and citation of articles: open access/ subscription access

Название журнала	Просмотры/ скачивания		Цитируемость		Альтметрика	
	по сред- нему значению	по медиане	по сред- нему значению	по медиане	по сред- нему значению	по медиане
New Media & Society	3,4	3,2	1,4	1,2	1	1,4
Media Psychology	11	5	2	1,5	2,3	2,3
Information Communication and Society	3,2	3,5	1,4	1,2	0,9	1,3
Journalism	3,3	3	0,8	1	N/A	N/A
Media, Culture & Society	2	3,1	1,3	1	0,8	1,7
Journalism Studies	5	5,2	1,2	1,2	1,8	1,3
European Journal of Communication	4,3	3,3	1,4	1,2	1,5	1,2
Javnost – The Public	6,6	7,1	2	1	2,8	2
Discourse Studies	3,9	3,2	2,3	2	N/A	N/A
Все статьи из выборки	3,9	3,8	1,3	1,3	1,2	1,4

* Желтым выделены пары, в которых показатели подписных статей выше открытых или равны им, зеленым – в которых показатели статей в открытом доступе превышают показатели подписных в 2 раза и более.

Таблица 5. Соотношение показателей использования и цитируемости статей:
открытый доступ / доступ по подписке (2014–2017 гг.)*

Table 5. Ratio of usage and citation indicators of articles: open access / subscription access (2014–2017)

Название журнала	Просмотры/ скачивания		Цитируемость		Альтметрика	
	по сред- нему значению	по медиане	по сред- нему значению	по медиане	по сред- нему значению	по медиане
New Media & Society	3,5	1,2	1,9	2,5	6,3	2,8
Media Psychology	2,7	3,6	1,3	n/a	0,1	1,4
Information Communi- cation and Society	0,9	0,9	0,3	0,1	1	0,4
Journalism	6,7	9,1	n/a	n/a	2,5	6,5
Media, Culture & Society	1	1	0,7	2	1,5	1,5
Journalism Studies	15,7	6,6	1,7	1	3,6	3
European Journal of Communication	4,4	4,8	n/a	n/a	23	26
Javnost – The Public	11,6	9,9	22,1	n/a	9,1	n/a
Discourse Studies	3	1,4	0,2	n/a	n/a	n/a
Все статьи из выборки	3,8	3,8	1,2	1	2	2,3

* Макеенко М.И., Трищенко Н.Д. Влияние открытого доступа на цитируемость и на альтернативные метрики научных статей по медиа и коммуникации // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2018. № 5. Режим доступа: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2018/5/vliyanie-otkrytogo-dostupa-na-tsitiруемость-i-na-alternativnye-metriki-nauchnykh-statey-po-media-i-ko/>

Таблица 6. Соотношение показателей использования и цитируемости статей:
открытый доступ/ доступ по подписке

Table 6. Ratio of usage and citation indicators of articles: open access/ subscription access

Название журнала	Просмотры/ скачивания		Цитируемость		Альтметрика	
	по сред- нему значению	по медиане	по сред- нему значению	по медиане	по сред- нему значению	по медиане
New Media & Society	3,5	2,5	1,1	1,1	1,9	2,6
Media Psychology	4,9	3	1,3	1	1,5	1,8
Information Communi- cation and Society	3,7	3,6	1,4	1,3	1	2
Journalism	3,8	2,3	0,8	1	N/A	N/A
Media, Culture & Society	2,5	4,1	1,7	2	0,7	1,2
Journalism Studies	4,9	4,3	1,7	1	1,2	1
European Journal of Communication	5,1	4	1,5	1,5	2	2
Javnost – The Public	5,7	6,5	1,3	N/A	2	3
Discourse Studies	3,8	4,4	2,3	2	N/A	N/A
Все статьи из выборки	3,8	3,4	1,3	1,5	1,2	1,7

и коммуникации, неуклонно растет. По-видимому, открытая публикация из экзотической формы размещения статьи становится обыденным инструментом, чему, безусловно, способствует политика ряда зарубежных стран и «трансформационные» соглашения с издательствами, в соответствии с которыми университеты вместе с подпиской получают возможность открыто публиковать свои статьи.

Открытый доступ определенно дает статьям преимущество в видимости и цитировании как в рамках научного сообщества, так и за его пределами. Но если читает или просматривает почти в четыре раза большая аудитория открытые статьи, чем подписные, то цитирований у открытых больше только примерно на 30 %. Хотя такую разницу нельзя назвать значительной, она все же может быть аргументом для многих исследователей при выборе журнала для публикации.

При этом полученные нами результаты расходятся с изложенными в более ранних работах, посвященных публикациям в иных научных дисциплинах, в части влияния открытого доступа на показатели альтернативных метрик. Хотя мы тоже зарегистрировали некоторое преимущество для открытых статей, оно все же не столь заметно и значимо, как показывали исследования других авторов, обращавшихся к этой теме. Более детальный разбор данной проблемы заслуживает отдельного исследования, в рамках которого будут учтены контекст и сегменты медиасистемы, в котором упоминаются статьи (СМИ, блоги или другие интернет-ресурсы).

Разница в цитируемости может быть также связана с тем, что программы поддержки публикации в открытом доступе

в основном реализуются в европейских странах, представители которых, помимо всего прочего, чаще публикуются в изданиях, индексируемых WoS, и цитируют коллег. Анализ списка стран, с которыми аффилированы авторы статей (мы смотрели только *corresponding author*), показывает, что разница в географическом распределении авторов действительно заметна (рис. 1 и 2).

Среди авторов статей, доступных по подписке, есть представители стран Восточной Европы, присутствуют исследователи из Азии, Африки, Южной Америки и Ближнего Востока. Такая разница в географическом распределении авторов тоже может влиять на показатели, хотя отследить эти связи уже гораздо сложнее.

Хотя вопрос влияния географического распределения авторов на результаты исследования остается дискуссионным, важно отметить, что распространение использования опции открытого доступа в отдельных странах может служить усилению эффекта Матфея (Merton, 1968), который и так ярко проявляется на глобальном уровне: например, исследователи из стран БРИКС и сейчас предпочитают цитировать европейских и американских коллег, а при отсутствии подписки на издания такой подход к отбору литературы становится единственной доступной опцией.

Приложения / Applications

Список литературы / References

Makeenko M. I., Trishchenko N. D. The Impact of Open Access on Citations and Alternative Metrics of Scientific Articles in Media and Communication Studies [Vliianie otkrytogo dostupa na tsitiruemost' i na al'ternativnye metriki nauchnykh statei po media i kommunikatsii]. In: *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2018, 5, 3–26.

Antelman K. Do open-access articles have a greater research impact? In: *College & Research Libraries*, 2004, 65, 372–382.

- C, V., H, R. Evaluating the Citations and Social Attention Difference Between Open Access and Pay-walled LIS Literature. In: *DESIDOC Journal of Library & Information Technology*, 2023, 43(06), 426–431. DOI: 10.14429/djlit.43.06.18984
- Davis P. Does Open Access Lead to Increased Readership and Citations? A Randomized Controlled Trial of Articles Published in APS Journals. In: *The Physiologist*, 2010, 53, 197–201.
- Donovan J., Watson C., Osborne C. The open access advantage for American law reviews. In: *Edison: Law + Technology*, 2015, 1–22.
- Holmberg K., Hedman J., Bowman T.D., Didegah F., Laakso M. Do articles in open access journals have more frequent altmetric activity than articles in subscription-based journals? An investigation of the research output of Finnish universities. In: *Scientometrics*, 2020, 122, 645–659. DOI: 10.1007/s11192-019-03301-x
- Huang Ch.-K., Neylon C., Montgomery L., Hosking R., Diprose J.P., Handcock R.N., Wilson K. Open access research outputs receive more diverse citations. In: *Scientometrics*, 2024, 129, 825–845. DOI: 10.1007/s11192-023-04894-0
- Kousha K., Abdoli, M. The citation impact of open access agricultural research. In: *Online Information Review*, 2010, 34: 772–785
- Lawrence, S. Free online availability substantially increases a paper's impact. In: *Nature*, 2001, 411, 521. DOI: 10.1038/35079151
- McCabe M., Snyder C. Does online availability increase citations? Theory and evidence from a panel of economics and business journals. In: *Review of Economics and Statistics*, 2015, 97, 144–165.
- Merton R.K. The Matthew Effect in Science. In: *Science*, 1968, 159(3810), 56–63.
- Mohammadi E., Thelwall M., Kwasny M., Holmes K. Academic information on Twitter: A user survey. In: *PLoS ONE*, 2018, 13(5), e0197265. DOI: 10.1371/journal.pone.0197265
- Norris M., Oppenheim, C., Rowland, F. The citation advantage of open access articles. In: *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 2008, 59, 1963–1972.
- Piwowar, H., Priem, J., Larivière, V., Alperin, J., Matthias, L., Norlander, B., Farley, A., West, J., Haustein, S. The state of OA: a large-scale analysis of the prevalence and impact of Open Access articles. In: *PeerJ*, 2017, 6: e4375.
- Sharma J. A Correlation Study Between Altmetrics and Citations Using the Parameters of Title Rendering, Open Access, and Funding Status. In: *DESIDOC Journal of Library & Information Technology*, 2023, 43(06), 406–413. DOI: 10.14429/djlit.43.06.18726
- Schultz T. Opening Up Communication: Assessing Open Access Practices in the Communication Studies Discipline. In: *Journal of Librarianship and Scholarly Communication*, 2017, 5(1): eP2131.
- Tsou A., Bowman T.D., Ghazinejad A., Sugimoto C.R. Who tweets about science? In: *Proceedings of the 2015 international society for scientometrics and informetrics*, 2015, 95–100, available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/81fe/8b63188cf25648a7c592bc6b5457fee3c101.pdf>
- Vainio J., Holmberg K. Highly tweeted science articles – Who tweets them? An analysis of Twitter user profile descriptions. In: *Scientometrics*, 2017, 112(1), 345–366. DOI: 10.1007/s11192-017-2368-0
- Wang X., Liu C., Mao W., Fang Z. The open access advantage considering citation, article usage and social media attention. In: *Scientometrics*, 2015, 103(2), 555–564.
- Wassef D.W., Barinsky G.L., Behbahani S., Peddireddy S., Gube J.G., Fang C.H., Beredes S., Eloy J.A. The Relationship Between Open Access Article Publishing and Short-Term Citations in Otolaryngology. In: *Annals of Otolaryngology, Rhinology & Laryngology*, 2022, 131(7). 704–708. DOI: 10.1177/00034894211039627
- Wohlrabe K., Birkmeier D. Do open access articles in economics have a citation advantage? In: *Munich Personal RePEc Archive*, 2014, 56842.
- Xu L., Liu J., Fang Q. Analysis on open access citation advantage: an empirical study based on oxford open journals. In: *iConference '11, Proceedings of the 2011 iConference, Seattle, 11th February. 2011*, 426–432.
- Zhang Y. The effect of open access on citation impact: A comparison study based on web citation analysis. In: *Libri*, 2006, 56, 145–156.